УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года **№2 (18) 2000 год**

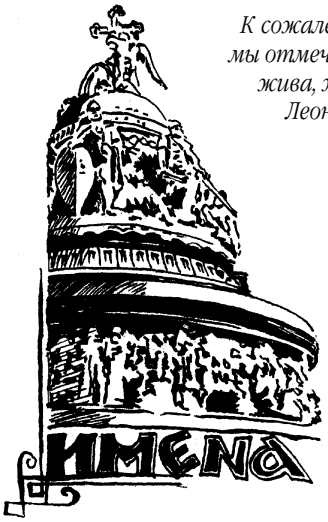
СОДЕРЖАНИЕ:

ИМЕНА
Людмила СОРОКА - «Любовь моя земная и опора...» 2
Лидия ГЛЫЗИНА - Добрый след 9
Иван ИВАНОВ - Неотосланное письмо 11
НОВГОРОД
Владимир ЯДРЫШНИКОВ - Храм прусских бояр 19
Людмила СЕКРЕТАРЬ - Послужной список Тимофея Софийского 24
Татьяна ДАНЬКО - Новгородская «Богемия» 26
ЭХО
Геннадий КОВАЛЕНКО - Стокгольмский невозвращенец 32
Сергей ДМИТРИЕВСКИЙ - Дьяк Иван Тимофеев и его исторический труд 34
Александр ТОЛСТИКОВ - «Холоп государю не брат» 36
Надежда ЯКОВЛЕВА - Иверские захоронения 41
Юрий МАРКИТАНОВ - Беспосадочный перелет Москва–Кречевицы 45
КАФЕДРА
Вениамин ШЕЙНКЕР - Проблематика и поэтика новеллы Н. Готорна «Итен Брэнд» 49
ДЕНЬ ПОБЕДЫ
Василий БОГДАНОВ - Два Парада Победы 52
Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ - Стихи 60
Тамара СИГАЛОВА - Ложбинка у виска 63
Владимир ВАРНАЕВ - Слово о генерале 64
Владимир ТЮРИН - Музы в строю 67
Олег ДМИТРИЕВ - Цена предательства 71
Иван БРАТЫШЕНКО - Испанцы, немцы, балалайка 81
Алексей ПШАНСКИЙ - Война в миниатюре 86
Настя ЗАЙЦЕВА, Юля МИНИЧЕВА - Школьные годы в пожаре войны 96
Настя СМИРНОВА - Спасибо тебе, Динка! 99
ПЕРО
Наталья КУДРЯВЦЕВА - Стихи 101
Ирина НАЗАРОВА - Стихи 104
Геннадий ИГНАТЬЕВ - Федорковские кудесники 105
МАСТЕРА
Наталия ПУНЖИНА - Дар Божий 109
Владимир ЯРЫШ - Сказ берёстовых строк 116
EX LISRIS
Инна ГРИГОРЬЕВА, Николай САЛОНИКОВ - В.В. Майков – хранитель библиотеки Новгородской духовной семинарии 122
Владимир МАЙКОВ - Заметка о трех изданиях голландского археолога Якова де Вильде 123
Геннадий КОВАЛЕНКО - Открывая Данию 127
СТЁЖКИ-ДОРОЖКИ
Марина ОКОЛОВИЧ - Бесплатные рассветы 130
Алевтина ЯКОВЛЕВА - Колодчики-здоровчики и валуны-исцелители 133

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Научный консультант
академик
Российской академии наук
Валентин ЯНИН

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Анатолий ДОНЧЕНКО
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Иван ИВАНОВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Николай КУРМЫШЕВ
Наталья МОРЫЛЕВА
Александр НИКАНОРОВ
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Юрий ПОЛЯКОВ
Алексей ПШАНСКИЙ
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Владимир ТЮРИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ



К сожалению, день 60-летия первого ректора НовГУ им. Ярослава Мудрого Владимира Васильевича Сороки мы отмечаем, как день памяти. Владимира Васильевича нет с нами вот уже более двух лет, но память о нем жива, живы и дела его, которые получают логическое развитие в деятельности его преемника Анатолия Леонидовича Гаврикова.

Яркой и полной значимости для отечественной науки была жизнь Сороки. Доктор физико-математических наук, профессор кафедры полупроводниковых и микроэлектронных приборов, почетный член Академии Гуманитарных Наук (академик), магистр Портлендского университета в США, академик международной Академии и Российской Академии инженерных наук, Владимир Васильевич оставил огромное количество научных статей, монографий, изобретений. Благодаря его стараниям самый молодой классический университет России, НовГУ, за короткое время стал значительным и весомым центром подготовки специалистов разных профилей. Досадно, что жизнь отпустила ему совсем мало времени, он ушел в полном расцвете сил...

Наверное, лучше всех друзей и сподвижников Владимира Васильевича знала верная его спутница жизни, друг, коллега – жена – Людмила Максимовна. Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики ЛИАПа, она работала в Новгороде доцентом и заведующей кафедрой высшей математики и физики сельскохозяйственного института. Сейчас Людмила Максимовна руководит Центром творческой интеллигенции НовГУ имени своего мужа, Владимира Васильевича Сороки.

В ее воспоминаниях Владимир Васильевич не только большой ученый, талантливый руководитель огромного университетского коллектива, но и любящий сын, муж, отец и дедушка. Свои лучшие душевные качества Владимир Васильевич обнаружил именно в семье, где он был всегда понят и всегда счастлив.

Людмила СОРОКА

«ЛЮБОВЬ МОЯ ЗЕМНАЯ И ОПОРА...»

В этом году Владимиру Васильевичу исполнилось бы 60. Более двух лет его нет с нами. Нет со мной, но боль не проходит; она ушла куда-то вглубь, спряталась за ежедневными делами и заботами... Удивительная вещь – жизнь: казалось, все рухнуло, остановилось, замерло, исчез жизненный стержень, вместе с ним ушла сила, дававшая мне чувство уверенности, радость, интерес и сопричастность к его делам. Казалось, не проживу и дня, умру, задохнусь, как без воздуха, без общения с ним, прикосновения, без его внимания и любви.

Людмила Максимовна и Владимир Васильевич

Но нет... живу. И даже пытаюсь что-то сделать для сохранения памяти о нем, написать о той части его жизни, которая проходила рядом со мной почти ежедневно в течение более двадцати лет. Сейчас безумно жаль, что не вела никаких записей, да и свои семейные ежегодники все выбрасывала. Поэтому пишу лишь по своим воспоминаниям о некоторых днях моей жизни с любимым мною человеком. Конечно, вокруг и рядом с В.В. всегда были люди, его ближайшее окружение, сотрудники, соратники, как он сам их называл. И, может быть, я буду в чем-то неточна, но, думаю, мне это простят. Я лишь хочу написать о том, что видела или знала со слов В.В., как бы изнутри наших с ним отношений, тем более что семейная жизнь мужа всегда тесно переплеталась с его работой и всегда, увы, была не на первом месте. Хотя, конечно, место – это не геометрическое понятие, это смысл, суть его позиции и жизненных действий.

Осенью 1997 года исполнилось 15 лет работы В.В. в должности ректора сначала Политехнического института, а потом Новгородского университета. Подходящей кандидатуры ректора не нашли ни в Политехническом, ни в других институтах Новгорода, а их было два: Педагогический институт и филиал Ленинградского сельскохозяйственного института.

Обратились в Ленинград, предлагали многим должность ректора в Новгороде, но желающих не было, пока наконец не вышли на В.В.

В Ленинград муж попал волей случая. Родился он в небольшом городке Шацке Рязанской области. Там нет ни института, ни театра, а есть одна школа, кинотеатр в бывшей церкви, постройки семидесятых годов, стеклянно-бетонный Дом культуры с обязательными танцами по субботам и воскресеньям и, конечно, почта и рынок. Самым красивым и ухоженным было здание, где располагались Обком и Горком КПСС. Перед ним – небольшая площадь, отгороженная от улицы бетонными столбиками с цепями. Заасфальтированы были только центральные улицы, а на ос-

тальных – непролазная грязь, по которой пройти практически невозможно: сапоги застревали.

В гербе города Шацка – колосья пшеницы, это черноземный район России. Подъезжаешь к Шацку – справа и слева колосятся поля, средняя картошка – с кулак, а помидоры, которые выращивала мама Владимира Васильевича, «бычье сердце», – по 500-700 г каждый.

Когда мы приехали с ним в Шацк в первый раз, он повел меня к дому, где родился. Дом старый, деревянный, с большим двором, в котором играли дети. Мы посидели на скамеечке, но в дом не вошли: там жили чужие люди. Когда-то у родителей В.В. там была комната. Видно было, что муж волнуется, вспоминая прошлое. Потом мы ходили по Шацку, и он показывал мне дом, где жила его учительница, свою школу. Вскоре после рождения Володи родители построили свой дом, в котором они прожили до конца дней, из которого он ушел в другую, большую жизнь.

Отец – Василий Федорович Сорока, украинец из села Малая Виска Кировоградской области. Дед был старостой этого села. В 1923 году его раскулачили и с семьей отправили за Урал. В ссылке дед умер, а отец с бабушкой вернулись и какими-то судьбами попали в Рязанскую область, где Василий Федорович встретил Раису Сергеевну Назарову. Она родилась в селе Путятино Рязанской области. Каждый раз по пути к родителям в Шацк мы проезжали через Путятино. Дом, где родилась его мама, не сохранился, но до сих пор стоит больница, где она работала медсестрой. В семейном архиве родителей В.В. мало фотографий: редко снимали, качество любительских снимков невысокое. Привлекает внимание снимок на плотном картоне с надписью «В. Срывкинъ. Рязань», на котором – отец и мать Раисы Сергеевны, т.е. дедушка и бабушка В.В. по материнской линии. Простые русские люди, красивые и уверенные в себе. Это снимок конца прошлого века.

Бабушка и дедушка Владимира Васильевича по материнской линии

В Шацке у Раисы Сергеевны и Василия Федоровича родились три сына: старший Валентин, средний Владимир и младший Алексей.

Когда я познакомилась с родителями, Василий Федорович был уже на пенсии, а Раиса Сергеевна работала медсестрой в Шацкой больнице. Бабушка к тому времени умерла. Отец В.В. был красивым мужчиной с густыми седыми бровями, мало разговорчивый, всегда при деле. Мама маленького роста, с приветливым, добрым лицом, полноватая, ходила, переваливаясь уточкой. Вставала мама всегда раньше всех, напоить и выгнать в стадо любимицу всей семьи корову Зорьку. Вообще семья была неторопливая и неговорливая. Собирались вместе на обед и ужин, во время которых отец мог не сказать ни слова, бывало, только посмотрит, и все знали, в чем дело. Кстати, такой же неразговорчивый и старший брат, младший же – самый говорливый и непосредственный. В.В., пожалуй, отличался спокойствием и отцовской рассудительностью. Родители очень любили своих сыновей и гордились ими: старший жил с семьей в Рязани, работал главным инженером пригородного совхоза, младший – в Москве, военный, дослужился до майора (сейчас он полковник в отставке). Но больше всех семья гордилась своим Володенькой, как его называла мама, – ведь он был профессором и ректором института. Семью знали и уважали в городе. Мама рассказывала мне о своей жизни, сыновьях, о том, как бабушка из трех внуков всегда выделяла Володю и говорила, что «это будет гарный хлопец». Говорила, что Василий Федорович работал директором электростанции, поэтому его не взяли на фронт. В свою очередь В.В. всегда рассказывал родителям о своей работе, о своих планах: ему очень важна была их поддержка и оценка. Он мог говорить часами, и мама всегда очень внимательно слушала, – я думаю, иногда даже не понимая тонкостей всех дел, а позже спрашивала меня: «Когда же это он успел все сделать?» Мама была необыкновенной женщиной с истинной внутренней интеллигентностью, удивительной терпимостью ко всем членам большой семьи, заботливая, необыкновенно добрая, а руки у нее были золотые. Каждую неделю она пекла пирожки в старой электропечке. Все делала сама, всегда отказывалась от моей помощи, даже лепить их мне не позволяла. Необыкновенно спокойная в любых жизненных и семейных ситуациях, она в то же время умела настоять на своем. Помню, как с улыбкой рассказывала мне, что перестроила все-таки прихожую в доме так, как ей хотелось, что на работе лишь в одном у нее была проблема: больные после ее инъекций не подпускали к себе других медсестер. Для своих соседей она оставалась помощницей до последних дней жизни, в любое время.

И если правда, что основные черты характера у великих людей от матери, то необыкновенная доброта, бескорыстность и терпение у В.В. от его матери Раисы Сергеевны.

Когда мама осталась одна, мы ездили в Шацк осенью, в августе, сентябре и, в основном, занимались заготовкой сена: сначала косили, затем сушили и перевозили домой в сарай на старом отцовском тяжелом мотоцикле «ИЖ». Когда мы первый раз поехали на покос, я удивилась тому, что В.В. не умеет косить. Казалось бы, деревенский житель – а косить не умеет; но мама сказала, что, пока жив был отец, заготовкой сена занимался он. Когда отца не стало, то маме помогали все ее сыновья и, конечно, Владимир. Он быстро научился косить, и получалось у него это ловко и быстро.

Мамы не стало в 1990 году. Родительский дом продали, но новый хозяин в нем не живет. Каждый раз, когда мы приезжали в Шацк, заходили во двор своего дома, сидели на скамеечке под яблоней, там, где В.В. любил лежать на раскладушке в прежние годы, когда были живы его родители. Мне помнится, что мы молчали, говорить не хотелось, было грустно.

Сейчас, когда пишу эти строки, на память приходит один случай. Когда продавали дом, среди немногочисленных вещей, которые мы взяли как память о родителях, был мамин цветок – кливия. Цвел он у меня ежегодно, но в 1996 году не зацвел,

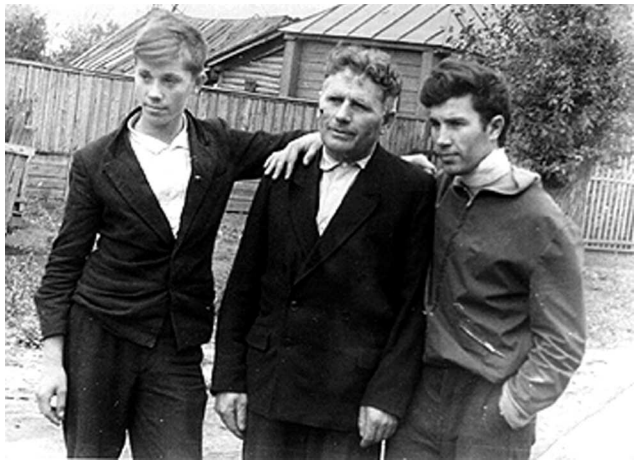
стал болеть, постепенно желтели и засыхали листья. В 1997 году летом уже осталось от него всего четыре листа. А в феврале 1998 года Владимира Владимировича не стало. Цветок тоже не дожил до весны, листья засохли и отвалились...

В 1957 году Владимир закончил Шацкую среднюю школу с серебряной медалью. У него была четверка по русскому языку, хотя, на мой взгляд, он писал абсолютно грамотно, красивым слогом.

В школе больше всех предметов любил физику и математику, хотел учиться в Московском университете. Но после окончания школы ехать в Москву побоялся и поехал в Ленинград, да и то потому, что туда поехал его знакомый парень. Поступил в Ленинградский университет на геологический факультет. И лишь потом, позже, перевелся на физико-математический, который и закончил в 1963 году по специальности «физика», специализация «радиофизика». Физике и радиофизике, математике он оставался верен всю свою жизнь. А я говорила ему, что мне нужно бы ревновать тебя к двум понятиям женского рода, которым ты отдаешь если не лучшую, то большую часть своей жизни, это – работа и физика. Но я не ревновала, так как сама попадала под обаяние этих «дам», в ущерб и себе, и близким.

Первым местом работы В.В. был научно-исследовательский институт Министерства радиотехнической промышленности, – закрытая, строго секретная организация, работающая на военную промышленность тогдашнего СССР. Находился п/я в большом сером здании с символикой Советского Союза на въезде в Ленинград из Москвы справа, за памятником В.И. Ленину. Однако проработал там недолго: исполнительская работа инженера не прельщала его, он хотел продолжить учебу в аспирантуре. И в декабре 1965 года он по конкурсу попадает ассистентом на кафедру физики Ленинградского института авиационного приборостроения (ЛИАП). Сейчас это Академия

С мамой. Дома в Шацке, 1965 г.



С братом и отцом. Шацк, 1957 г.

аэрокосмического приборостроения. Работал в здании ЛИАПа, расположенном на улице Гастелло, в бывшем Путевом дворце императрицы Екатерины. Он молод и энергичен, преподает студентам, создает научную лабораторию, собирает вокруг себя молодых преподавателей и инженеров.

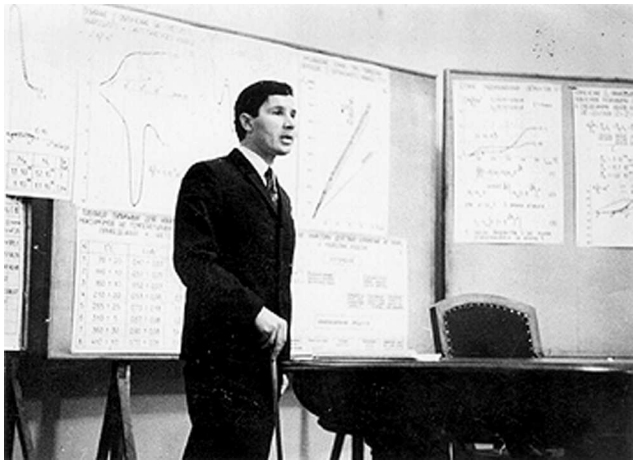
В 1968 году он – старший преподаватель, а в 1971 – защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук «Влияние радиационных и примесных дефектов структуры на механические и диэлектрические свойства кристаллического кварца».

У меня сохранились редкие фотографии, где В.В. защищает диссертацию (1971 год) и мы вместе с ним в лаборатории (1974 год)...

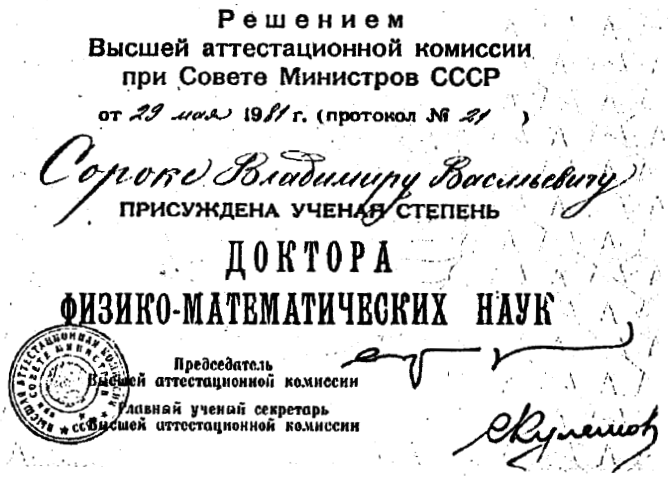
Вскоре В.В. становится научным руководителем лаборатории и многих аспирантов, среди них В.П. Пикарников, Н.А. Правдин, Н.Н. Хромова, Е.И. Лазорина, А.Г. Кузин, в эту группу попала и я, тогда – Суворова. Лаборатория работает на самом передовом в то время направлении науки – исследовании свойств полупроводниковых и диэлектрических материалов и создании микроэлектронной техники. О лаборатории и ее научном руководителе уже известно не только в своем институте, но и в Электротехническом, Политехническом, ВНИИ «Электронстандарт», Оптико-механическом объединении (ЛОМО) и других. Научные труды В.В. печатают в советских журналах и за рубежом. Он ежедневно в лаборатории, приходит первым и уходит последним. Это то, чему будут удивляться многие, когда он станет ректором института, а затем и первым президентом Новгородского университета, ведь, казалось, имеет право и может позволить себе прийти попозже и уйти пораньше. Но это не просто стиль работы, это неуемная внутренняя потребность скорее продолжить начатое накануне дело, закончить его, чтобы тут же найти себе другое.

В отношении сотрудников был требователен, во внешних проявлениях корректен и внимателен. Уже тогда в нем сочетались совершенно несовместимые качества: мягкость и жесткость. Всех выслушает, но сделает по-своему.

Помню, однажды научный семинар он назначил после работы, в 18 часов. Все сотрудники молодые, говорят: «Неудобно». Но он настоял именно на этом времени. Конечно, его требовательность помогала, может быть, поэтому вскоре многие из тех, кто работал под руководством В.В., защитили кандидатские диссертации.

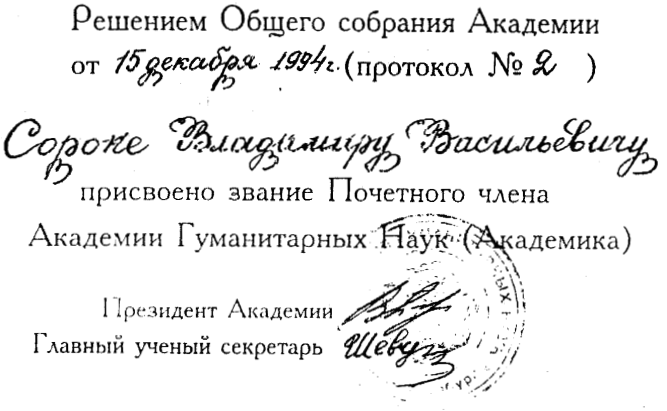


Ленинград, 1971 г., защита кандидатской диссертации



Решением
Высшей аттестационной комиссии
при Совете Министров СССР
от 29 мая 1981 г. (протокол № 21)
Сороке Владимиру Васильевичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ
ДОКТОРА
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК
Председатель
Высшей аттестационной комиссии
Главный ученый секретарь
Высшей аттестационной комиссии

Решением
Высшей аттестационной комиссии
при Совете Министров СССР
от 25 мая 1984 г. (протокол № 20 к/з)
Сороке Владимиру Васильевичу
ПРИСВОЕНО УЧЕНОЕ ЗВАНИЕ
ПРОФЕССОРА
ПО КАФЕДРЕ
полупроводниковых и микроэлектронных приборов
Председатель
Высшей аттестационной комиссии
Главный ученый секретарь
Высшей аттестационной комиссии



Решением Общего собрания Академии
от 15 декабря 1994 г. (протокол № 2)
Сороке Владимиру Васильевичу
присвоено звание Почетного члена
Академии Гуманитарных Наук (Академика)
Президент Академии
Главный ученый секретарь

В 1973 году он – доцент кафедры физики, а в 1980 году защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук. После защиты докторской диссертации ректор ЛИАПа обещал В.В. заведование кафедрой физики, на которой он проработал 17 лет, однако в последний момент внесли другую кандидатуру. В.В. был обижен, оскорблен. Он знал всю кафедру, со многими уже обговаривал планы (и, конечно, грандиозные!) будущей работы, его уже поздравляли с новой должностью заведующего большой кафедры с двумя научными лабораториями (около 40 человек преподавателей и сотрудников), и вдруг в последний момент ему говорят, что на конкурс он может заявление не подавать. Было от чего расстроиться!

Потом, много лет спустя, будут еще и обиды, и оскорбления, и даже предательство, но все это будет позже, когда у него появится многолетний опыт руководства и он научится достойно переносить трудности, но тогда...

Дольше оставаться в ЛИАПе он не мог, и по объявлению в газете «Вечерний Ленинград» подал заявление на конкурс на заведование кафедрой физики и оптики в Ленинградском институте киноинженеров. Конкурс прошел и стал заведующим кафедрой с июня 1982 года...

В декабре 1998 года после службы в церкви Покрова Богородицы Варлаамо-Хутынского монастыря я пошла на могилу к мужу. На погосте у его могилы заметила фигуру женщины. Я осталась в стороне, жду, когда она уйдет. Но время идет, а она стоит. И тогда я поняла, что это не случайный человек, зашедший посмотреть, кто здесь похоронен. Я подошла, она обернулась. Женщина средних лет, моложе меня. Я спросила: «Вы знали Владимира Васильевича? Я его жена». И тогда она рассказала мне, что из Ленинграда приехала в монастырь, случайно зашла на кладбище и увидела могилу Сороки. Она не ожидала увидеть здесь его могилу, потрясена его смертью, так как помнит его с 1982 года, когда он пришел к ним на кафедру в Институт киноинженеров, что он промелькнул, как метеор, как вихрь, перевернувший всех и всё: перепланировал все помещения кафедры, изменил всю программу по физике и оптике, ввел новые разделы в лекционные курсы и новые лабораторные работы в физический практикум, написал новые методические разработки, и это всего за один неполный год работы. Бурдина Александра Юрьевна до сих пор удивляется, как удалось ему всколыхнуть их застойную жизнь, изменить ее. Как все сожалели, когда В.В. уехал в Новгород! Она сама ушла с кафедры вслед за ним, но до сих пор вспоминает его с большой теплотой, и ей очень трудно поверить в реальность этого скорбного известия даже у его могилы.

Меня часто спрашивают: как мы попали в Новгород? Думаю, судьба вела В.В., потому что именно здесь он нашел основное дело своей жизни – создание Новгородского государственного университета. А до этого были долгих 10 лет работы ректором Политехнического института. Но... обо всем по порядку.

Это еще был Ленинград. Однажды Владимир Васильевич пришел домой и сказал, что его вызывает к себе ректор ЛИАПа А.П. Лукошкин. Мы долго думали и гадали: к чему бы это? Оказалось, что к Лукошкину, бывшему тогда председателем Совета ректоров ВУЗов Ленинграда, обратились из Министерства образования с просьбой подобрать кандидатуры ректоров в Рязанский политехнический институт, Кубанский госуниверситет (в Краснодаре) и в Новгородский политехнический институт. Лукошкин вспомнил о В.В., пригласил его, предложил ему на выбор один из трех вариантов. При этом говорилось о том, что необходимо укрепить работу института, что это не постоянное место, а временное, на пять лет... Бронировалась жилплощадь в Ленинграде, а на новом месте предоставлялась квартира. В.В., конечно, сам не мог решить этот вопрос, хотя склонялся, как он мне говорил, к Рязани, – как-никак это его родина, близко, всего три часа езды на машине, родной дом, родители. Весь вопрос был во мне, ведь это большие изменения в жизни, связанные с переездом, сменой работы, жилья и многое другое, хорошо известное всем, кто когда-либо переезжал. В.В. было это знакомо: он уехал из родного дома, жил в общежитии Университета, привыкал к жизни в новом городе, поэтому для него еще в одном переезде ничего необычного не было. Я же прожила всю жизнь в Ленинграде, в семье с хорошими семейными традициями, с обязательными воскресными семейными обедами, когда приглашались гости, и мы, дети (я и мой брат), в это время, несмотря ни на что, должны были быть дома.

Но ситуация возникла, и нужно было решать. От Рязани я отказалась сразу. Город мне не нравился, типичный советско-промышленный город с единственным светлым пятном – Рязанским кремлем.

Так уж получилось, что второй предложенный мужу город – Краснодар, – как ни покажется это странным, был почти моей второй родиной. Дело в том, что моя мама родилась в Краснодаре, то есть я отчасти по рождению кубанская казачка. Но все это хорошо, да больно далек Краснодар от Ленинграда, и это решило его судьбу, значит – отклонить! Остался один Новгород, в котором, к своему стыду и сожалению, мы с мужем раньше не были. Но сразу вспомнили памятник «Тысячелетие России», известные кинокадры бегства гитлеровцев из Новгорода во время его освобождения, Новгородскую вечевую республику. О политехническом институте ничего не знали, поэтому В.В. решил сам поехать и посмотреть. Возвратился воодушевленный, полный надежды, что мы все-таки поедем. Мне же было трудно покидать Ленинград, где я родилась и выросла, где оставались мои родные, друзья, подруги, любимая работа. Но В.В. убедил меня, что это ненадолго, что через пять лет мы вернемся в Ленинград. Пожалуй, это было решающим аргументом, и я согласилась. Но прошло пять лет, В.В. единогласно переизбрали на следующий срок ректором НПИ, а там началась «перестройка», изменения в системе российского образования, у В.В. появилась идея создания в Новгороде университета. О возвращении в Ленинград в нашей семье уже не говорили. Но это было потом, а тогда, в 1982 году, когда ленинградские друзья и коллеги узнали о новых планах В.В., его все поздравляли, радовались за него, даже предсказывали ему будущую работу в Москве. И лишь один человек просил не уезжать из Ленинграда, это ректор Института киноинженеров, который видел в В.В. единственного достойного себе преемника на посту ректора института. Это было приятно, но ждать уже нельзя. Как показало будущее, разговор состоялся неспроста: через год ректора не стало, – он, оказывается, уже раньше был

Здесь начиналась их совместная работа. ЛИАП. 1974 г.

серьезно болен. В.В. сообщили об этом, пригласили в Ленинград, но пути назад не было. Не поехал он и в Москву, куда его приглашали в министерство. Он бы поехал, если бы думал только о личной карьере, но карьеристом никогда не был.

Новгород стал для него родным и любимым; он считал себя новгородцем. Кандидатуру на должность ректора рассматривали долго: и в министерстве, и в Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза, и в Обкоме партии. Сейчас уже нет СССР, КПСС, МИНВУЗа РСФСР. От тех времен осталось в бумагах мужа лишь командировочное удостоверение в МИНВУЗ России, по которому он ездил за приказом о своем утверждении ректором Политехнического института. Остался в памяти рассказ В.В. о его визите к первому секретарю Обкома КПСС Николаю Афанасьевичу Антонову, которого тоже уже нет, но которого мне хотелось бы вспомнить, так как муж очень хорошо и тепло о нем отзывался. Н.А. долго беседовал с В.В. о состоянии дел в институте, о планах, а в конце спросил, есть ли личные просьбы у ректора. Муж ответил, что у него никаких личных просьб нет, но есть у жены, которая просит, если возможно, предоставить квартиру не в новом районе, а в старом – в центре Новгорода. В.В. приехал в Новгород один, так как меня год не отпускали с работы, жил в одноместном номере, в гостинице «Волхов». И сейчас, каждый раз, когда прохожу мимо этого прекрасно отреставрированного здания, смотрю на первое окно слева от балкона на третьем этаже – это окно номера, где муж прожил больше года, до августа 1983. В это время я переехала в Новгород, мы снимали квартиру и ждали обещанную. Было понятно, что в Обкоме КПСС ждут, как он себя проявит, а уж потом решат, давать ли квартиру и какую. Работать В.В. начал энергично, впечатление о нем сложилось прекрасное, так что квартиру все-таки дали. Жили мы в этой квартире до 1996 года, муж очень любил ее. У него был свой кабинет, где он работал, гостиная, где он принимал гостей. Очень любил он кресло-качалку и цветы, которые я завела после переезда. В квартире было много окон, и я развела настоящий сад: цветы были на подоконниках и на специальных подставках перед окнами. Муж ходил между ними и говорил, что гуляет, как в парке. Времени для прогулок в настоящем парке у него действительно не было, да и просто гулять ради гуляния он не умел. Первое время жизни в Новгороде мы действительно ходили в парк к зданию Дворянского собрания, которое занимал тогда Новгородский политехнический институт. Когда В.В. принял ректорство и разобрался с институтскими фондами, выяснилось, что именно это здание требует огромного капиталь-

ного ремонта. Он решил от него избавиться, отдал городу, а вместо него получил другое, – насколько я помню, это было студенческое общежитие. Институтские службы из здания Дворянского собрания выехали, но город его на баланс еще не взял, корпус числился за политехническим институтом. Вот для наблюдения за этим бесхозным зданием мы и «гуляли» с В.В. по вечерам, как правило, после 22 часов, ежедневно обходили со всех сторон, даже заглядывали в окна: нет ли кого чужих, не горит ли свет. Потом здание все-таки город забрал, и наши вечерние прогулки закончились. Позже это здание переходило из рук в руки. Когда же, наконец, решалась уже окончательно его судьба, где-то в 1996 году, В.В. просил отдать назад этот корпус тогда уже Новгородскому университету. Он мечтал сделать там мощный современный библиотечный центр совместно с Новгородской областной библиотекой, создать в Новгороде Публичную библиотеку с современным библиотечным оборудованием и компьютерным обеспечением. Но здание это передали Новгородскому музею-заповеднику. Владимир Васильевич огорчился, но не настолько, чтобы остановиться. И решил задействовать неиспользуемые корпуса бывшего завода им. Ленинского Комсомола. Реализовать свою идею не успел, но, насколько мне известно, ремонтные работы там начались, и хотелось бы верить, что замысел В.В. реализуется, и в Новгороде Великом будет Публичная библиотека – современный библиотечный комплекс.

Время работы В.В. в Новгороде совпало со временем расцвета его физических и творческих сил. Молодой профессор, он был полон замыслов и планов. Но работать ему пришлось в трудное время, которое недаром называли «смутным». Вокруг все рушилось: исчезли СССР и КПСС, под руководством которой В.В. проработал достаточно долго, рухнула плановая экономика и, как следствие, резко изменилась наша жизнь, изменились и мы сами.

Неизменным оставалась его преданность делу, в ущерб всему: своему здоровью, семье, дружбе, отдыху, развлечениям.

В одном из своих первых интервью газете «Новгородский комсомолец» накануне нового 1986 года он говорил: «Без работы себя не мыслю: она для меня даже не долг, а первая потребность... и ни с чем нельзя сравнить чувство удовлетворения, полученное от любимого дела...»

В этом, я думаю, ответ на все вопросы о том, как возможно было за столь короткое и столь трудное время создать в Новгороде университет. Ведь многие не понимали В.В., видели в его действиях какую-то личную заинтересованность, но большинство, даже некоторые руководители в высоких кабинетах, удивлялись, как возможно, а главное – зачем, когда в России все рушится, создавать высокий Храм науки. Но, несмотря ни на что, муж продолжал задуманное. Была в нем необыкновенная способность притягивать к себе людей, он заряжал их верой в свои начинания. Отдавая им часть своей неуемной энергии, он увлекал их за собой на созидание.

В.В. любил людей, понимал их, был удивительно доверчив. Некоторые пользовались этим, обманывали, не оправдывали его надежд. Но была в нем чисто христианская черта – он умел прощать, причем искренне и до конца. Каждый знает, как трудно простить – не на словах, а на деле, раз и навсегда. Я говорила ему: «Тебе бы надо быть священником в церкви, а не ректором». Когда В.В. приходил домой, он всегда смотрел последние известия, интересовался политикой, рассматривая ситуацию в стране с точки зрения полезности задуманного дела. Видя ухудшение общей обстановки в стране, очень огорчался, конечно, но всегда надеялся, что скоро, уже очень скоро политика изменится в лучшую сторону, повернется лицом к делу его жизни, – высшему образованию. К сожалению, он этого не дождался...

Вечерами рассказывал, как прошел день, что еще нужно сделать, просматривал бумаги, которые иногда не успевал просмотреть на работе. Полная доверительность сложилась еще с первых лет нашей совместной жизни, когда мы дома обсуждали все, что нас волновало, в том числе и научные проблемы. В.В. нужно было в разговоре со мной довести до логического решения какую-либо свою мысль, рассмотреть различные варианты. Тем более, что слушателем я всегда была понимающим и благодарным. Мне было интересно говорить с ним, я многому училась у него, многое использовала в своей работе.

Я часто задавала себе вопрос: откуда у него такая широкая душа, глубокая вера в людей, любовь к ним, такое необычайное трудолюбие и целеустремленность в достижении цели – качества, достаточно редкие для современного человека? Конечно же, сыграли роль и семья, и окружение, но уверена, что В.В. был отмечен Божьим даром созидания и любви к людям. Да он и сам часто говорил о том, что ему помогает Бог, но я относилась к этим его словам достаточно скептически. Когда же постановление о создании Новгородского государственного университета (НовГУ) и приказ о назначении В.В. первым ректором были подписаны, в день его рождения, 30 июня, я тоже поверила в Божий промысел. Университет и его первый президент родились в один день.

Говорят, в своей жизни мужчина должен построить дом, посадить дерево и родить сына. В.В. построил большой дом – Новгородский государственный университет, посадил даже не одно, а много деревьев. Правда сына он не родил, но были дочери, которых он очень любил и которые свято берегут его память.

У В.В. была хорошая привычка, которую я переняла у него. Каждый день вечером перед сном, или утром за завтраком, он составлял план работы на день. Столбиком под цифрами 1. 2. 3... и т.д. он записывал все, что нужно было сделать в этот день ему самому или кому-то другому, чья фамилия записывалась рядом с указанием дела. Таких пунктов могло быть 20-30, и это только за один день, не считая текущих и неожиданно возникающих дел, да еще личного приема посетителей. Каждый рабочий день был крайне напряженным, но система эта очень помогала ему в работе. Писать о всех результатах работы мужа не представляется возможным, да и не является моей целью.

Мне же хочется вспомнить в честь его 60-летия только о некоторых его делах, о тех, которые связаны со словом – впервые. В науке В.В. развил новое направление, лежащее на стыке физики твердого тела, материаловедения и микроэлектроники. Им установлены новые, ранее неизвестные, закономерности пространственной симметрии кристаллических решеток системы кремнезёма. Показано возможное существование в природе до сих пор неизвестных плотных и сверхплотных модификаций кремнезёма. Под руководством В.В. Сороки, директора особого конструкторского бюро «Омега», были созданы высокочувствительная система «Карат», установленная на самом большом в мире телескопе Бюраканской обсерватории, и комплекс аппаратуры «Вега» для исследования полярных сияний.

В.В. был руководителем необычной для рядового ВУЗа лаборатории энерго-функционального обмена, занимающейся вопросами аномальных физических явлений и уфологии.

Сейчас мало кто помнит, что в Политехническом институте впервые в стране были созданы опытные образцы спортивно-реабилитационных транспортных средств (инвалидных колясок), веломобилей, первый в Новгороде электромобиль. На базе института был создан первый в России санаторий-профилакторий, профессиональный клуб мотогонщиков «Паллада». Баскетбольная команда девушек «Политехник» стала победителем в первенстве России. Впервые в России при институте был открыт ресторан «Пармская обитель» и введены талоны на питание преподавателям и студентам, а профессорам – представительские талоны.

С приходом В.В. появилась многотиражная вузовская газета, журнал «Вестник НовГУ», а также известный не только в России, но и за рубежом альманах «Чело». В университете впервые было введены звания «Почетного профессора» и «Почетного доктора» НовГУ, награждение медалью имени Ярослава Мудрого за особый вклад в развитие университета. В 1997 году Владимир Васильевич был награжден медалью № 1 имени Ярослава Мудрого первой степени.

Кстати, это вторая награда В.В. за 15 лет его работы ректором. Первым орденом «Знак Почета» в 1986 году его наградил Обком КПСС за успехи в народном образовании. Конечно, все достижения политехнического института, образование и становление университета были возможны только при участии и благодаря творческой работе всего ректората, руководителей всех подразделений, всех сотрудников и преподавателей, а также неоценимой помощи руководства Новгородской области и Новгорода. Только совместные усилия большого работоспособного коллектива Новгородского государственного университета позволили ему в 1997 году войти в десятку ведущих университетов России. *И это ли не лучший памятник Владимиру Васильевичу?*

Приехав в Новгород, В.В. не привез никого из своих ленинградских коллег и знакомых, над ним не довлел груз прошлых, старых отношений, он создавал систему своих, близких по духу связей. Он никогда не подбирал ни в свое окружение, ни на руководящие должности людей по принципу личной преданности и дружбы. Более того, считал, что в его окружении должны быть и оппоненты. Критерий один – нацеленность на решение общих задач. Мало обращал внимания на личные качества человека, но знал и сильные, и слабые стороны всех.

Рожденный под созвездием рака, при всей своей внешней открытости муж был достаточно скрытным человеком. Он как и все переживал неудачи, был раним, болезненно переживал несправедливость, не любил грубость и ложь, очень боялся обидеть человека не только делом, но и словом.

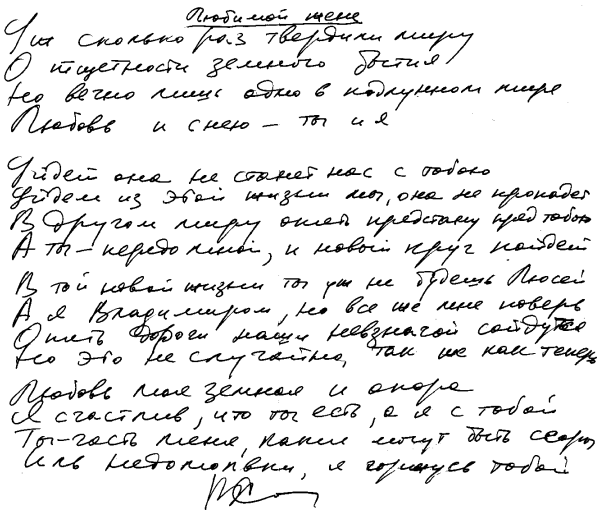
И сейчас, по прошествии более двух лет со дня его смерти, я, встречаясь с различными людьми, слышу с отрадой о том хорошем, что он сделал для них. Вспоминают его необыкновенную способность мгновенно понять и решить возникшую проблему. Он никогда не откладывал дел, все брал на себя, под свою ответственность. Он действительно был первым. Первым в трудностях, но зато и первым в радостях. Я видела его нечеловеческую загруженность, пренебрежение своим отдыхом и здоровьем, и не могу сказать, что мне это нравилось. Но я знала, что по-другому он просто не может.

Вспоминается один эпизод из нашей далекой уже жизни, еще когда он только ухаживал за мной. Ухаживал достаточно своеобразно. Приносил цветы в портфеле, а при встречах рассказывал о своих экспериментах и теоретических расчетах, благо я физик и мне было все понятно...

Встреча, которая запомнилась особо, была назначена на шесть часов вечера в начале проспекта Ленина (теперь это проспект Героев в Санкт-Петербурге) после работы. Было прохладно, еще светло.

В назначенное время он не пришел, не пришел и через полчаса. Подумала, что задерживается. Хотела уйти, было обидно, а потом стало просто интересно, все же придет или нет. Пришел в девять часов, уже было темно, зажглись фонари, я замерзла, конечно. Очень обрадовалась, что пришел, но сказала: «Прошло уже три часа, почему ты все же пришел?» Он ответил: «Я знал, что ты будешь ждать». И тогда я поняла, что ему нужен именно такой человек, который будет его ждать... Мы верили друг другу, любили друг друга и понимали, что работать и жить можем только вместе. Так мы и прожили с ним столько, сколько было отпущено Богом, надолго не расставались, переживали вместе все успехи и огорчения, неудачи и радости. Он был основным советчиком и помощником мне в семейных делах, опорой в моей жизни.

И теперь, когда его нет со мною, в самые трудные минуты отчаяния, я вспоминаю, что он написал мне и верю, что он где-то здесь, рядом.



Владимир Васильевич был сильным человеком с душой ребенка.

Он был лидером, способным увлекать за собой всех.

Он был любящим и любимым мужем.

Он был мечтателем.

В своем последнем интервью газете «Новгородские ведомости» 22 марта 1997 года он говорил: «Я мечтаю, чтобы к 2000 году мы увидели настоящий сильный университет». 2000 год уже наступил.

Лидия ГЛЫЗИНА

ДОБРЫЙ СЛЕД

В конце XIX – начале XX веков многие жители Кирилловского уезда Новгородской губернии имели счастье лично встречаться со знаменитым и глубокочтимым пастырем – настоятелем Кронштадтского Андреевского собора протоиереем отцом Иоанном Ильичем Сергиевым.

Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский (1829 – 1908) обычно каждый год совершал путешествие на родину, в село Сура Архангельской губернии, и около сотни километров его водного пути проходило в пределах Кирилловского уезда. Недалеко от Кириллова пересекались две водные дороги – Мариинская система и канал герцога Александра Вюртембергского, называемые сегодня соответственно Волго-Балтом и Северо-Двинской водной системой. Во время поездок о. Иоанн часто совершал службы в монастырях и приходских храмах, расположенных по берегам рек, озер и каналов, благословлял верующих, исцелял больных.

Иоанн Кронштадтский

В Кирилло-Белозерском музее-заповеднике хранятся книги, документы и фотографии, свидетельствующие о глубоком почитании кронштадтского пастыря на кирилловской земле. Особого внимания заслуживает небольшая книжка «Мысли о церкви и православном богослужении. Из дневника кронштадтского протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Ч. 3. Изд. 1-е, 1896 г.» На форзаце имеется надпись, сообщающая, что книга «...подарена протоиереем Иоанном Ильичем Кронштадтским архимандриту отцу Иакову...» Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря о. Иаков, в миру Василий Иванович Поспелов (1818 – 1896), управлял древней обителью тридцать лет. Он был известен как приверженец строгой монашеской жизни, хранитель Устава и традиций преподобного Кирилла, церковный писатель и историк. Тому, что два подвижника православной церкви – настоятель кронштадтского собора и архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря – были хорошо знакомы и относились друг к другу с глубоким почтением, находим подтверждение на страницах «Новгородских епархиальных ведомостей». В материалах, посвященных памяти скончавшегося 16 января 1896 года архимандрита Иакова, послушник Алексей Александров со слов келейника сообщал, что «о. Иоанн Кронштадтский навещал наш монастырь и о. Иакова четыре раза»[1]. Келейник был очевидцем двух последних посещений в 1893 и 1895 годах. 7 июля 1893 года о. Иоанн прибыл в монастырь в шесть часов вечера во время всенощной и более часа очень тихо беседовал с о. Иаковом у жертвенника. 13 июля 1895 года состоялась их последняя встреча. Сойдя в Горицах с парохода, о. Иоанн Кронштадтский поспешил в Кирилло-Белозерский монастырь. Архимандрит Иаков, будучи слабым из-за болезни, ожидал его в архиерейских покоях. После приветствия был подан чай и состоялась беседа. Архимандрит сообщил, что он был нездоров, но при помощи Божией поправляется. Отец Иоанн посоветовал ему вновь приступать к священнодействию. После этого о. Иаков до самой кончины мог служить, читать акафисты, в праздники выходить на литии и величания. После беседы с о. Иаковом кронштадтский священник отслужил молебен преподобному Кириллу Белозерскому в придельном храме угодника и в одиннадцать часов вечера покинул монастырь.

Во время летних поездок знаменитый священник неоднократно посещал женский монастырь в Горицах. Для монахинь Горицкого монастыря о. Иоанн всегда был желанным гостем. Как свидетельствует А.Ф. Нарцизова, несколько раз сопровождавшая о. Иоанна Кронштадтского в его путешествиях, в келиях горицких монахинь «везде чисто и просто, истинно по-иночески, и в каждой каморке висит карточка дорогого для всех батюшки о. Иоанна»[2].

Великий молитвенник не только духовно, но и материально поддерживал многочисленную общину женской обители. В приходно-расходных книгах Горицкого монастыря за 1893 – 1907 годы содержится не менее десяти записей о вкладах (от 100 до 500 рублей) протоиерея Иоанна Ильича Сергиева на общую сумму более двух тысяч рублей[3].

Кронштадтский священник щедро одаривал не только монастыри, но и приходские храмы. Ранним воскресным утром 29 мая 1905 года пароход «батюшки Иоанна» остановился у пристани села Ниловицы Кирилловского уезда. Глубокочтимый пастырь посетил ниловицкую церковь и выразил желание совершить божественную литургию. «По окончании утрени о. Иоанн сам освятил принесенные с его парохода муаровые, красиво расшитые синелью воздухи и поздравил местного священника с обновкой, положил их на жертвенник как дар храму»[4]. Перед причащением мирян о. Иоанн обратился к народу с проповедью. Предостерегая от увлечения современными лжеучениями, он говорил и о тяжелой войне с Японией как следствии наказания Господня за грехи России и призывал к покаянию. После литургии прославленный священник благословил всех и продолжил свой путь по Шексне.

По воспоминаниям старожилов, многие жители уездного города Кириллова и окрестных селений старались принять участие во встречах и проводах глубокочтимого пастыря и получить его благословение. Эти события оставляли глубокий добрый след в душах верующих. По словам Тамары Ивановны Обленовой (год рождения 1914), живущей в Кириллове, ее мать, Анну Владимировну Шумилову (урожденную Маркелову), св. Иоанн Кронштадтский благословил, когда приезжал в здеш-

ние места. В память этого события А.В. Шумилова всю жизнь бережно хранила фотографию святого праведника.

Три фотографии св. Иоанна Кронштадтского (причем две из них с дарственной надписью) сохранились в старом фотоальбоме, который находится в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. На обороте фотоснимка (13,5 х 9,5 см), выполненного П. Шауманом в Кронштадте, сделана надпись простым карандашом: «† Александре Александровне Ковырзиной – протоиерей Иоанн Серг[иев]. Авг[уст] 1886». На другой фотографии (14 х 9 см) того же мастера тоже имеется надпись: «† Александре Рабе Божией Прот[оиерей] Иоанн Серг[иев]». На снимке (10 х 6,5 см) кронштадтского фотографа И.Я. Яковлева знаменитый священник запечатлен с двумя орденами.

А.А. Ковырзина, которой принадлежал фотоальбом, преподавала в Кирилловской женской гимназии рукоделие. Среди кирилловских домовладельцев 1901 года она значилась как «Санкт-Петербургская ремесленница»[5]. Вероятно, она была близко знакома с о. Иоанном Кронштадтским на протяжении многих лет, еще по Петербургу.

Иоанн Кронштадтский на палубе катера “Шестовец”

В личном архиве Марии Дмитриевны Буйняковой, праправнучки кирилловского купца А.С. Валькова (1816 – 1893), также есть фотография с изображением св. Иоанна Кронштадтского и его личной дарственной надписью: «† Николаю Николаевичу и Марии Александровне с дочерью Екатериной – в благословение. Протоиерей Иоанн Кронштадтский. 4 июня 1896. Удаж.»

Николай Николаевич Неворотин и его жена Мария Александровна (урожденная Валькова) – дедушка и бабушка М.Д. Буйняковой. Бабушка рассказывала Марии Дмитриевне, что в молодости она очень сильно болела. У нее, как говорили, была «базедова болезнь» (болезнь щитовидной железы). Она уже не вставала с постели, а было ей тогда 21 – 23 года. В то время Неворотины жили в поселке Удаж Покровской волости Кирилловского уезда, расположенном в 108 верстах от города Кириллова, на реке Ковже. Н.Н. Неворотин, владелец лесопильного завода, видимо, попросил о. Иоанна Кронштадтского приехать и помолиться за больную. И милосердный пастырь откликнулся на эту просьбу. Мария Александровна уже не могла вставать. Отец Иоанн зашел в комнату, где был киот с иконами, направился к больной, поговорил с ней очень сердечно, сказал, что попросит Бога о ее исцелении. Потом обратился лицом к иконам и стал молиться. Молился долго и страстно. Когда кончил молитву, снова подошел к Марии Александровне и пообещал исцеление. Вскоре после этого больная поправилась, и прожила она до 1953 года. Ее внучка М.Д. Буйнякова передала в Кирилло-Белозерский музей много старых фотографий, связанных с семьей Неворотиных. Среди них есть очень редкий снимок: в группе стоящих на палубе катера «Шестовец» запечатлен о. Иоанн Кронштадтский и Н.Н. Неворотин, потомственный почетный гражданин, бывший в начале XX века блюстителем по хозяйственной части Кирилловского духовного училища[6]. Возможно, он был одним из инициаторов сбора пожертвований на стипендию имени протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского) при Кирилловском духовном училище. Решение об этом было принято на съезде духовенства и церковных старост Кирилловского училищного округа в 1910 году и опубликовано в «Новгородских епархиальных ведомостях»[7]. В 1911-1912 годах по подписным листам собрали 98 рублей 56 копеек. Сбор средств продолжался и в последующие годы. Из капиталов на стипендию имени Иоанна Кронштадского, хранящихся в сберегательной кассе города Кириллова, 575 рублей 68 копеек были использованы на покупку билетов военного займа 1916 года[8]. Жертвователями по подписным листам были в основном священнослужители Кирилловского и Череповецкого уездов, составлявших училищный округ Кирилловского духовного училища.

О многих других фактах благотворительного влияния святого праведника на здешних жителей сообщается в статье Е.Р. Стрельниковой «Кронштадтский пастырь на Кирилловской земле»[9]. Продолжение изучения документов, периодической печати и личных архивов уроженцев Кирилловского уезда наверняка выявит еще много свидетельств о чудотворном молитвенном даре прославленного священника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новгородские епархиальные ведомости. 1896. №19. С.1480.
[2] Поездка в Горицкие киновии и встреча с о. Иоанном Кронштадтским А.Ф. Нарцизовой. Извлечено из журнала «Русский паломник». СПб., 1892. С. 6.
[3] Отдел письменных источников Кирилло-Белозерского музея (далее ОПИ КБИАХМЗ). Ф.1. Оп.1. Д.53. Л.6 об. Л.42 об.; Д. 94. Л.15 об.; Д. 98. Л. 44 об.; Д. 99. Л. 45; Д. 100. Л. 57 об.; Д. 102. Л. 46; Д. 54. Л. 1 об.; Д. 63. Л. 48 об.; Д. 104. Л. 62 об.
[4] Новгородские епархиальные ведомости. 1905. №12. С.746.
[5] Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Т. 5. Г. Кириллов. Раздел «Алфавит владельцев недвижимых имуществ г. Кириллова». Новгород, 1902. С. 3.
[6] Новгородские епархиальные ведомости. 1905. №17. С.1059.
[7] Там же. 1910. № 11. С. 307-308.
[8] ОПИ КБИАХМЗ. Приходно-расходная ведомость Кирилловского духовного училища за 1916 год.
[9] Альманах «К свету». 1997. №15. С. 112-120.

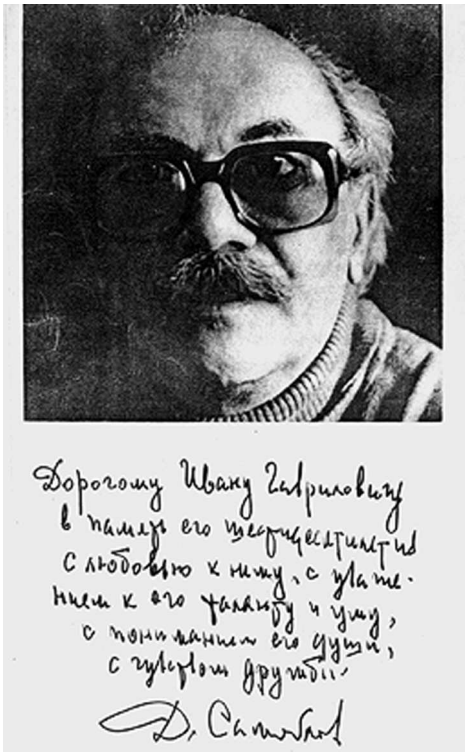
Иван ИВАНОВ

НЕОТОСЛАННОЕ ПИСЬМО

ЧАШЕЧКА КОФЕ «НА́ДВОЕ»

За полтора десятилетия постоянного его проживания в благословенном городе вековых лип у моря мне, уже укоренившемуся «русскоязычнику», будто самим Господом было ниспослано часто общаться с мэтром изящной словесности – и в будни, и на праздных семейных пирушках. А вот познакомились мы... ну, по чистой случайности.

Как-то, на второй день моего прихода из долгого атлантического рейса, шел я к «целебному» источнику со старинной качалкой в Приморском парке по воду (а по-новгородски: «за водой») для изысканно-крепчайшего флотского чая. А он, исполняя свою ритуально-послеобеденную променацию, не спеша шествовал, важно помахивая вересковой палкой, прихотливо обожженной огнем, по Кедровой тихой улице, весело обжитой белками и воробьями. В центр города, на почту. В благих помыслах вроде б навострились в разные стороны. А на поверку вышло: лицом к лицу – на стыке кривых парковых дорожек; возле бара с прелестной белокурой барменшей, именем которой называлось и ее уютное заведение – «Мери-Лайд». При одноэтажной гостинице с отдельным входом со стороны моря.



Автограф Давида Самойлова

Не реже одного раза в десять-пятнадцать лет в Пярну случаются наводнения. Через это и бар так назывался: «лайд»* – притопляемый при приливах и обсыхающий при отливах моря островок. В такую несносную непогоду в гости к Мери можно было пуститься только в рыбацких сапогах-заколенниках или на легкой резиновой лодке...

В тот же памятный для нас день, напротив, с неба светило ласковое солнце, кругом царила благодать, а в густой листве парка на все голоса славили Создателя невидимые птахи. В этакой-то Божьей милости, не подозревая друг о друге, мы и завернули к «Мери-Лайд». В гордом одиночестве и в единомыслии – от души «остаканиться» отменным коньячком, который подавался там, хоть на дне, но в широченных, расписанных узорами алмазной нарезки тонких стаканах необычайно сверкающей чистоты.

Подобно гоголевским персонажам уступая друг другу право первому шагнуть на низкое крыльцо из шлифованного саарема-аского доломита, мы, галантно раскланиваясь, «поздоровкались», а затем, словно давнишние знакомцы, еще и «поручкались». Я – как с постоянным приезжим дачником нашего города. Он же, по его признанию потом, разглядел во мне – «по ухватистым рукам» – мастерового аборигена и с озабоченностью полюбопытствовал:

– Уважаемый, не могли бы Вы навести меня на мастака, кумекающего что-то в водопроводных кранах? Капает, капает бестия, ну, все мозги вызвонил!

– Так вот перед вами и стоит тот нужный Мастак – на тысячу мелочей, Иван-в-Квадрате.

И, переводя дух, добавил:

– Иван Иванов – новгородско-пярнуский!

От такой нежданной «находки» у моего встречного на радостях аж запотели его толстенные – двадцатидвухкратные – окуляры в массивной крокодиловой оправе, которые он принялся старательно протирать платком. А воздев их снова на бугристое переносье, тоже – и не без удовольствия – представился по полной форме:

– Московский поэт, Давид Самойлов!

– ...!? – я, видно, широко разинул рот, но не нашелся, что сказать о себе на этот счет. Ведь не станешь же глаголить столичному литератору: «Здрасьте, я – начинающий писака!»

Потом мы, каждый со своей заинтересованностью, стали торговаться: «Кто есть чей гость?» Он, ради знакомства, хотел пропустить по стопочке с «Мастаком», так необходимым ему сегодня. А еще лучше было б завести с ним дружбу – на завтра и послезавтра... Я же, ради такого нежданно-негаданного знакомства, с жаром стал убеждать своего собеседника, что сегодня тратиться – «от души»! – надлежит мне, мореману дальнего заплыва:

– Вчера пришли с полугодовой морской пахоты!

– О-о! – удивился поэт, заново оглядывая меня с ног до головы, и даже потрогал мне руку выше локтя. – Ничего не скажешь, длань – породная, к тому ж еще и отменно загорелая!

И, пытаясь перехватить мой почин на угощение, он прочел завораживающим голосом:

– Как сказал один уважаемый мною большой поэт: «Нам каждый гость – дарован Богом!»

Я чуть было не задохнулся от неожиданности... Бог ты мой, я узнал – «в лицо» – знакомый голос, который не спутал бы ни с чьим даже во сне:

– Так это Вы и есть – Тот Самый, Кто по праздникам читает стихи с Красной площади – на всю державу!? – патетически вскричал я и с превеликим удовольствием прочел запавшее в меня навсегда четверостишье:

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

– Выходит... тот самый, – сказал он как-то усмешливо и как

*Laid, эст. – маленький остров, островок.

бы виновато продолжил: – Да, вот жил-был в стольном Граде, а теперь – временно – обитаю в Пярну. Мир, он велик и тесен...

Тут-то я и пожалел, что однажды (а задним умом мы всегда крепки) купил попавшийся мне небольшой сборник стихов и не донес до дома – оставил в одной компашке «друзьяков» на вечернем берегу моря. На другой день заглянул в книжную лавку, а там сказали, что был продан последний экземпляр. В сборнике я успел зацепиться глазом за тронувшие меня строки из стихотворения «Старик Державин». Это, скорее, по причине того, что «Старик» покоится под бронзовой плитой на моей изначальной родине.

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Так вот, «земля холодная и болотная» – это моя, отчая земля, которая для меня всегда остается «теплой». И этим, никогда не стынущим во мне «теплом», нестерпимо захотелось поделиться со своим новознакомцем. Хотя бы только за то, что он, коренной москвич, когда-то лежал на ней, и за нее! – холодную и болотную, в обнимку с пулеметом... А теперь, выходит, что мы еще и нужны друг другу по жизни. И мы, еще не подозревая об этом, уже стали близкими. И кому было знать – на всю оставшуюся жизнь...

В этом новом своем качестве мы и предстали – именинниками – перед улыбающейся белокурой Мери в кружевной «королевской» наколке на челе. По ее щедрой приветливости я понял сразу, что столичный новопоселенец на балтийских берегах был здесь – свой человек!

– С при-хо-дом! – в портовых городах это распевное приветствие звучит для моряка, как «Христос воскресе!»

– Мери, угадали! И по этому событию – соответственно с обстоятельствами! – сделал я «заяву», показывая большой палец.

– Прошу, мне – никакой закуси, я только от стола, – поспешил внести коррективы мой гость и при этом как-то компанейски посмеялся. – Для экономии обойдемся одной чашечкой кофе «на́двое»!

«Гляди-ка, какие бывают блюдкие поэты!» – подивился я про себя, отчаливая от стойки.

Разобрав с подноса полнившиеся солнечной влагой алмазные сосуды, мы, прежде чем чокнуться, не сговариваясь, со смаком схлебнули дрожащие «бугры». И подобревший поэт, видно, на разминку, озвучил передо мной, пришельцем моря, накатившуюся мысль провидца:

– Сейчас, наблюдая за вами со стороны, разглядел: у вас удивительно правильный – антично-римский – посад головы. К тому же у вас и по-императорски короткая стрижка, высокий лоб, прямой нос и подбородок классический!

– Дак! – изумился я проницательности моего знакомца. – Меня и на судне братва называет Цезарем!

И вкратце пересказал, с чего все началось. В один из долгих атлантических рейсов наш пароходный философ, «дед» Юрий Владимирович Рукавишников, раскопал в журналах цветную репродукцию с римским императором и намертво присобачил ее каким-то зверским клеем над камбузной раздаточной «амбразурой». Но прежде имя государя Гай переправил на укороченное отчество кока...

– Так и получился из меня, сына мстинского плотника, пароходный кок Гавр Цезарь! – сделал я чистосердечное признание.

– Браво, лучше не придумать! – весело рассмеялся поэт. – Вот за это мы сейчас и «остаканимся», великий кок Гавр Цезарь!

Мы с вожделением чокнулись и с какой-то отрешенностью основательно пригубились к тонким краям широких сосудов. Пил поэт разборчиво, словно чистоплотный конь, который процеживал сквозь зубы быстринную воду на перекате реки. Я следовал его примеру, ловя мгновения, на какой отметке «тормознуть», но увидев через засветившееся донышко глянувшие из глубины толстенных окуляров близорукие зрачки, догадался, что «остановки» не будет. И тут же «пошел на обгон»: жахнул до конца. Чтоб не подумал поэт, будто бы мореманы – слабаки!

Потом мы, воодушевляя друг друга, с пристуком ставя на стол добрую посуду, со смаком крякнули, по глотку отхлебнули обжигающего кофе из аккуратной чашечки «на́двое», отбили поклоны прелестной белокурой Мери и, довольнехонькие собою, вся и всем, выкатились на освежающий травно-морской воздух Пярнуского побережья, настраиваясь на неторопливый приятный разговор.

И только было вновь вывернули на Кедровую улицу, как встречь нам топает давний мой приятель Калью-трубочист в своем сажном облачении – при черном котелке, огромной медной бляхе на животе и весь увешанный знакомым с новогодних открыток снаряжением: на плече свиток троса, на шее перекинутая в два кольца на грудь цепь с круглой гирей и металлическим ершом на концах, на согнутой в локте руке – черное ведерко:

– Какая встреча!

– Какие люди! – вскричали мы разом.

Поэт, видя как я – в белой рубахе – бесстрашно обнял чумазого друга, тронул его... за соблазнительную бляху, словно отщипнув от «каравая с солью» краюшку на счастье. И пришел в восторг:

– Трубочист – навстречу, а тем более – в начале пути (а имел он в виду – наше знакомство) стоит многого! Поэтому, други, предлагаю вернуться к Мери... И немедленно! (Что мы, разумеется, охотно сделали).

И на этом мы с ним – «на́двое» – напрочь запамятовали и про колодезную качалку, и про почту, и про водопроводный кран: ради первого нашего, как он потом скажет, «свиданьица»...

Зато рано утром я уже был на Тооминга, 4, при водопроводном «струменте» – по кондовой заповеди моего покойного деда: «Ежель ты мужик путный, сколь бы накануне ни выпил, как бы поздно с вечера ни лег, утром, будь ласка, встань вовремя. И – за дело!»

И что меня сразило с порога. Поэт уже сидел у себя в кабинете за своим писательским «верстаком», печатая на машинке. И я, зараженный бациллой сочинительства, еще тогда помечтал с белой завистью:

«Вот бы мне так... С вечера – пей-гуляй, а на зорьке, чуть свет – стучи себе на машинке, как неуемный трудяга-дятел. Красота!»

УЛИЦА ТООМИНГА

те памятные – первые – дни нашей встречи я обрел не только близких мне людей, но еще и, как подарок судьбы, этот донельзя запущенный сад, который достался поэту вместе с купленным двухэтажным островерхим особняком. И этот зеленый уголок потом стал для меня, бывшего садовода, во время отгулов – «реабилитационным центром» по адаптации с землей после окаянного моря. Для поэта – благим отдохновением от творческих «мук созидания», где он любил посидеть. Особенно по вечерам средь яблонь у открытого камина, овеянного шашлычным духом и сдобренного пряностью ночных фиалок и цветного табака, которые удачно нашли себе место в полутенистых уголках сада. Да и сама тихая улица – вдали от шума городского – вторая, после Кедровой, от залива, своей ухоженностью альпинария (из камня и цветов, благоухающих с ранней весны до поздней осени) под окнами поэта стала по-домашнему изысканно уютной. И он, живя на ней, вскоре увековечит ее стихотвор-

ной книгой под одноименным названием с улицей, в посвящении которой напишет:

«Улица Тооминга» отличается от других моих поэтических книг. В ней есть единство места и единство темы. Стихи написаны в разное время, но все они навеяны Эстонией – ее природой, ее морем, ее историей, ее людьми».

С поселением Давида Самойлова в городе вековых лип у моря в его творчестве появилась «эстонская нота», зазвучавшая сперва отрывочно, а потом выросшая в целую поэтическую тему:

Я сделал свой выбор, я выбрал залив,
тревоги и беды от нас отдалив,
а воды и небо приблизив.
Я сделал свой выбор и ВЫЗОВ...

Незнакомый город, освещенный двойным светом – неба и моря, с древесным названием Пярну (по-русски он мог бы звучать Липовец или Липецк, в котором и несколько улиц были названы по породам деревьев: Березовая, Еловая, Кедровая, Тополиная, Яблоневая... Черемуховая, то есть Тооминга) прямо-таки околдовал маститого столичного поэта – своими парками с вековыми деревьями, стрижеными газонами и ухоженностью улиц. И особенно его очаровала пярнуская природа, найдя ответный отзвук в его чуткой душе:

Сперва сирень, потом жасмин,
потом – благоуханье лип
и, перемешиваясь с ним,
наваливается залив.
.....

Он на могучем сквозняке
лежит пологим витражом.
И отражает все в себе
и сам повсюду отражен.

Для русского поэта Пярну, несомненно, показался благословенным прибежищем... Ну. хотя бы – какой уездный город может похвастаться храмами сразу двух российских Великих Государынь: Елизаветы Петровны и Екатерины Второй?

Ему повезло и на встречу у самого синего моря с памятью прямого предка своего кумира Александра Сергеевича – памятью об арапе Петра Великого – Абраме Петровиче, который командовал военным гарнизоном в бывшем Пернове. Это и подвигло поэта – нашего современника – «родить» историческую поэму.

СОН О ГАННИБАЛЕ
Однажды на балтийском берегу,
когда волна негромко набегала,
привиделся мне образ Ганнибала.
Я от него забыться не могу.
Все это правда и подобье сна
и мой возврат в иные времена.

– Чего Россия нам не посылала –
живой арап! – так, встретив Ганнибала,
ему дивился городок Пернов.
Для этих мест он был больших чинов.
Сей африканец и поэта прадед
напрасно, говорили, слов не тратит,
а чуть чего – пускает в дело трость.
За это в нем предполагали злость...

В сборник «Улица Тооминга» поэт при жизни успел собрать воедино и «Пярнуские элегии», до этого разбросанные по журналам:

* * *
В Пярну легкие снега.
Так свободно и счастливо!
Ни одна еще нога
не ступала вдоль залива.

Быстрый лыжник пробежит
синей вспышкою мгновенной.
А у моря снег лежит
свежим берегом вселенной.

* * *
Когда тайком колдует плоть,
поэзия – служанка праха.
Не может стих перебороть
тщеславья, зависти и страха.

Но чистой высоты ума
достичь нам тоже невозможно.
И все тревожит. Все тревожно.
Дождь. Ветер. Запах моря. Тьма.

Этими вселенскими «тревогами» навеяно и стихотворение «Познать свой век» («Голоса за холмами», «Ээсти раамат», 1985). И оно стало освежающим «бризом» на безбрежной «зыби» изживающей свой век Великой державы. А в высших коридорах власти даже и холодком обдало кой-кого из «топтунов» дорогих казенных ковров. Неуютно поеживаясь в плечах, они хватали за пуговицы друг друга и по секрету спрашивали: «Читал последнюю книжку Д.С.? Нет?.. Так вот прочитай в междустрочье – на СОТОЙ странице! Вот где собака зарыта, почему он, диссидент, покинул Первопрестольную и прижился – тихо – у синего моря... Ему (поэту!) премию Народную отваливают, а он этот же народ поливает грязью... Все перемешал в одну кучу – и "палачей", и "заключенных"».

Познать свой век не в силах мы!
Мы в нем, как жители тюрьмы,
Заброшены и одиноки,
Печально отбываем сроки.

Потом историк и певец
Преобразят тюрьму в дворец
И, всю эпоху перестроив,
Отыщут в ней своих героев.

И на единый пьедестал
Тогда их возведет ученый,
Чтобы палач иль заключенный
Перед потомками предстал.
И, славы предков сберегатель,
На них какой-нибудь ваятель
Употребит один металл.

Ему не чуждо было все земное. Он был донельзя компанейским. Не случалось такого, чтобы мы хотя б один мой отход в море или приход из долгого атлантического рейса не отметили за семейным столом – то ли у меня на Академии, 1, то ли на Тооминга, 4. Например, уходили мы из пярнуского порта в Анголу – сразу же после их народной революции, – и Самойловы, в полном сборе, пришли на многолюдный причал. Пришли, словно провожать на войну (оно почти так и было; в Луанде, в городе, по ночам мы все еще слышали автоматную пальбу). И всем хватило места в тесной каюте рыбаря. Помнится, с каким завидным аппетитом уплетали простой рыбацкий харч поэтовы дети – привередливые «худоеды» дома, вольно расположившись на верхних

подвесных койках. И взрослым внизу нашлись занятия по вкусу и в радость среди веселых и добродушных бородачей, круто просоленных морской водицей и задубевших на всех ветрах вселенной...

А как-то, улетая, снова в африкано-атлантический рейс Москва – Дакар, на подмену команды, я был его личным поверенным по зарубежным сношениям: вез при себе дружеское послание сенегальскому президенту-поэту П.С. Сенгору. Жаль, что письмо оказалось Его Величеством невостребованным. Мы подлетали уже к столице, когда в стране произошел очередной военный переворот. С аэродрома в рыбный порт – вместо автобуса – нас везли уже на открытом грузовике сквозь строй по обе стороны улицы вооруженных автоматами чернокожих солдат в защитной униформе и с закатанными, по американскому образцу, рукавами. Они гроздьями висели и на временно возведенных деревянных уличных арках, и на придорожных пальмах, уже как-то по-обезьяньи ловко цепляясь Бог знает за что под раскидистыми листьями-опахалами. Признаюсь, не из веселых была та прогулка по городу от сознания, что сверху могут упасть на голову не только кокосовые орехи, но что-то и посущественнее для вразумления...

«В КРУГУ СЕБЯ»

Нами, вдвоем, было езжено – во время моих долгих отгулов – и в нашу первопрестольную столицу, где, случалось, жили неделями «по мужикам – без бабс», когда делай, что возжелает твоя грешная душа: пей-гуляй, говори без оглядки о чем вздумается. Хоть хули генсека, если охота. А вот её-то на это у нас и не было: стоило ли тратиться на такое пустячное времяпрепровождение. Для него друзья были превыше, чем генсеки, президенты и прочая... Поэтому он много рассказывал мне о своих московских товарищах-фронтовиках, и не только о них, которые так же, ответно, любили его, навещая по приезде. А все оттого, что рядом с ним – легко дышалось, располагая взаимно на душевные откровения.

В непринужденных застольях – в кругу «своих» – он нередко пересказывал в иронично-игривом сложении свою автобиографию, которая потом увидит свет в посмертном его издании «В кругу себя»:

«Я родился в год Льва под созвездием Близнецов и даже под известным влиянием Юпитера. В моем гороскопе не хватало лишь Козерога, чтобы я стал общественным деятелем или реформатором пожарного дела в России. Тут сыграло, впрочем, роль и еще одно обстоятельство. С младенчества я был прозван Дезиком, а поскольку с таким именем не бывает генералов, президентов и великих путешественников, а бывают только скрипачи, вундеркинды и поэты, я избрал последнее, как не требующее труда и больших знаний <...>

В школе я узнал, что в биографиях поэтов часто роковую роль играют женщины, и сам стал на этот путь.

Первой моей любовью были Наташа, Роза и Анечка.

Второй – другая Наташа, Наташа-Третья и Рита.

Третьей – Ира, Муся, Наташа-Четвертая и еще, кажется, Таня Циколовская, отличавшаяся особым очарованием.

Так, продвигаясь от любви к любви, я окончил школу <...>

Впрочем, несмотря ни на что, я поступил в институт, где уже серьезно влюбился в двух подруг, Зину и Веру. Неизвестно, к чему бы привела эта удвоенная страсть, если бы не началась война».

На одной такой пирушке, но уже «на двоих», поэт обмолвился еще и о Светлане, добавив к этому с многозначительной паузой: «Аллилуевой!» Я как-то не сразу «врубился», что речь шла о близкой родственнице грозного Вождя Вождей великой державы. Он, видя мое недоумение, по-мальчишьи беззаботно посмеялся, сводя на шутку:

– Для меня тогда вождь был: Сталин И.В. (1879-1953) – отец одной знакомой поэта.

Усомниться же в услышанном – я не мог себе позволить, а взять это себе на веру во мне что-то упорствовало.

Но, когда поэта уже не было с нами, как-то читаю в «Огоньке» автобиографическую повесть Светланы Аллилуевой и глазам своим не верю. Из ее поклонников юности ПЕРВЫМ назван ею – печатно! – «...поэт Дезик Самойлов». «Вопросы?» – как спросил бы в таких случаях мой штурман – уроженец кавказских гор, Георгий Победоносец С Копьем. И тут же ответил бы сам: «Вопросов нэт. Такие вот пыроги!»

НАСТАВИТЕЛЬ

Летом середины семидесятых, во время моих рыбацких отгулов, я был призван на «военную переподготовку» в качестве шофера-«партизана» эстонского батальона, которому надлежало принять участие в мирных боях на пшеничных полях казахстанской целины. И поэт на моих проводах – «в дальние края» – накануне настоятельно посоветовал мне, начинающему писаке, «заиметь моду» писать письма-исповеди: «к Другу», пред которым бы – ни соврать, ни покривить душой:

– Кстати, это не мое изобретение. Такой методой пользовался еще в I веке римский писатель-философ Луций Анней Сенека. Но у него, видно, не нашлось такого «верного друга», и он писал их к самому себе: «Мой Луцилий», – к кому он обращался с обнаженной прямотой, – «Я» автора.

И, развернув принесенную книгу-подарок, зачитал предисловие:

«Это программа нравственного самоусовершенствования, предназначенная для адресата и отправителя...

...Из мозаики писем слагается система стоической этики Сенеки... Вместе с тем система эта разомкнута, открыта в жизнь. Любая житейская мелочь становится отправной точкой для рассуждения... любой факт... может служить примером для воспитания гражданина».

– Подпишу же сей трактат в письмах «к Другу» – по возвращении твоем с целины. И при одном условии, если воспримешь его, как писательское Евангелие...

В тот вечер, по уходу гостей, я, как открыл книгу, так до утра и не мог оторваться от нее – «со слезами на глазах» – от горькой обиды за себя, что эти «Нравственные письма к Луцилию» не стали моей настольной книгой с детства. А еще лучше, если б она была таковой «путеводной звездой» моего деда и пра-пра-пра... из глубины нашего древа. А почему бы и нет, ведь все это написано – подумать только! – современником Иисуса Христа...

«Сенека приветствует Луцилия!

Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно...»

...Только и всего-то переставить изначальные слова письма – на: «Иванов приветствует Ивана!»

Бог ты мой, почему же мы так поздно спохватываемся, когда из нажито-прожитого «остается на донышке», к тому же еще и самое скверное; тогда, когда над нами уже говорят вместо «Будь здоров» – «Аминь»?

Долго я скорбел в то предрассветное утро от озарения, которому, шутка сказать, без малого две тысячи лет... И с этими «скорбями» наутро отбыл на целинные просторы...

...Наставитель, которому я отовсюду писал (и поныне «пишу»!)

свои «Неотосланные письма», не давил на меня, начинающего писаку, своей маститостью, а терпеливо, незаметно, все время пестовал советами...

...Как-то на излете затянувшейся осени мы пришли из долгого атлантического рейса, принеся за кормой сейнера бискайскую штормовую непогоду; следом за нами, изрядно покуролесив в морской «трубе» – Ла-Манше, она ворвалась и в Пярнуский залив и наломала дров в нашем городе. В парках немало повалила вековых деревьев, на улицах оборвала электро-телефонные провода.

Я сразу же – в ранних сумерках – подался на улицу Тооминга, 4, в пяти минутах ходьбы от моего дома через Таллинские морские ворота. Первым встретил меня на крыльце радостным лаем Томик – потомок великого подворотнего племени мелкорослых дворняг неопределенной масти. В доме было непривычно сумрачно и промозгло. Из кухни – через две открытые настежь двери – я увидел в глубине кабинета горящую свечу на столе, у которой, жмурясь от довольства, «балдел» огромный черный «кот ученый» – Макс. Давид Самойлович – в знакомой мне меховой душегрейке – поодаль от стола, утонув в мягком кресле и как бы подремывая, слушал стихи молодого бородатого поэта. А на них, с углового простенка, смотрели любимые кумиры хозяина стихотворной мастерской: мудро щурясь, Анна Ахматова и невозмутимый, с благородным длинным лошадиным обличием, Борис Пастернак.

После горячих объятий с лобызаниями я узнаю, что обесточенный и отключенный – от всего Света Белого – выстуженный дом посетила незваной гостьей очередная хвороба, уложив все семейство в постель. А тут еще не ко времени и домработница уехала куда-то навестить своих родичей. И на этом мрачном фоне просто были неуместны домогательства настырного пришельца со своими виршами, вниманию которых строгий мэтр – по своей деликатности к молодым талантам – не мог отказать. И мне ничего не оставалось, как с ходу засучить рукава, решив, что поэзией тут беду из дома не изгонишь. Нужна была воинствующая, животворная проза!

И начал с того, что сугревный гостинец «со свиданьицем!» временно сунул в холодильник, на плиту поставил чайник, а сам ринулся в сарай за дровами. Потом затопил все печи, начиная с бельэтажа, где отлеживалось все занемогшее семейство – дочь и двое сыновей во главе с «железной» Галиной Ивановной. И вот уже под задорное потрескивание поленьев в кабинетной печи я услышал повеселевший голос хозяина дома, обращенный ко мне:

– Архангел Гавриил (поэт иногда и так, в шутку, называл меня вместо отчества – Гаврилыч), а ну, ответь. Бывает такое в жизни, чтобы «крест» елки был выше креста храма?

Я ворохнул память детства, которая все никак не хотела расставаться со своей прародительницей – землей Новгородской. И не припомнил, чтобы где-то над обезглавленными в лихолетья куполами возвышались «кресты» елей.

И, как бывший садовод, козырнул познанием флоры:

– Думаю, что нет... Ельники же любят низинно-увлажненную среду произрастания, а храмы строились обычно на высоких веселых буграх, чтобы их было видно окрест.

– Вот слышишь, и «архангелы» говорят тебе обратное, – подхватил строгий мэтр в полемике со своим неурочным гостем. – Не может быть такого, чтобы елки росли выше креста Господнего!

Поэтическая строка в построении пейзажа по сравнению с прозой – кратка. У Давида же Самойлова она еще и – точна. И неповторима, как лекало, с которого можно снять только копию.

Из сказки, как мальчик однажды построил себе лодку:

Мальчик въехал в облако,
В белое, густое,
А за первым облаком –
Облако второе,
Облако пуховое,
Облако из снега.
А за третьим облаком
Начиналось небо...

Согласитесь, это – сон наяву, можно только заплакать от светлой зависти. Поэтому и не удивительно, что тот случай с «крестами» навсегда запал в мою память.

Не буду прибедняться, я тоже читал ему свои опусы. И не единожды, но только по его побуждению. Самому напроситься на такое вольное деяние у меня не хватало духа: отнимать у профессионала то, что у нас самое дорогое – время. О чем и заповедовал нам, всем живущим, еще на заре христианства великий философ Луций Сенека... Но поэт знал, что я по ночам корплю за столом, поэтому иногда спрашивал:

– Ну, чего там у себя поднял «на гора», может, почитаешь?

Такие «чтения» были для меня большими праздниками души, которых я ждал каждый раз, как Христова дня. На них нередко присутствовала и взыскательная на печатное слово «железная» Галина Ивановна – при неизменной сигарете и в своих любимых свободных одеждах, как отдыхающая орлица, полураспустившая крыла.

И вот при таких-то требовательных слушателях я, как только раскрывал рот, сразу же слышал все свои промашки и фальши. А чего стоили постукивания пальцами по столу строгого мэтра, что означало – «ни то ни сё». Зато как радостно было услышать его внезапно-одобрительный смешок. Это была уже победа, ура!

На тех памятных «читках» скидки на начинающего и в помине не было. Перепрыгнешь «планку»: «Молодец, Гаврилыч, так держать!» Не одолеешь, опять же подбодрит: «Работай, Гаврила, работай!» И тут же в завершение:

– А теперь, милости просим – к столу.

И уже за хлебосольно-еврейским столом начинался неторопливо-обстоятельный «разбор» прочитанного, перемежаясь опрокидыванием стопочек. Это была – Особая Самойловская школа словесности «в семейном кругу». Как-то на одном таком «разборе» я посетовал: пишу, мол, о ком-то, а получается, как бы все – про себя да о себе. И услышал такой завет мастера слова:

– А ты пиши о себе, как о других, а о других, как о себе, и тогда у тебя получится – все в аккурат!

Наедине мы все больше толковали просто «за жисть», из которой я временами являлся, будто гость, с благими и худыми вестями. Ну, хотя бы про то, как мы пришли с промысла в Северном море. И я с горечью поведал о нашем бессмысленном варварстве в международных водах, где мы промышляли селедку. А нам, как назло, нет-нет да и вломится косяк трески. Хоть облови все море, мы за нее получили б жалкие копейки, как за сырье для кормовой муки, и не моги помышлять о премиальных. И мы были вынуждены ценнейший, но уже загубленный продукт снова вываливать в море. На тебе, Боже, что нам негоже! На радость крикливым чайкам и на молчаливое осуждение британских рыбаков-любителей, ловивших треску с моторных и парусных ботов на спиннинг.

– Воистину, мы неисправимы... хотя и вразумляли нас порохом четыре года, – посетовал тогда в сердцах опечаленный поэт-фронтовик.

ПЕРЕСТРОЙКА-ПЕРЕКРОЙКА

Давид Самойлов в жизни был еще и – до мальчишества – заводным. На этом веселом настрое мы с ним как-то летом в правление президента «Меченого» завели на пляже свой потешный «огородец» на манер ушлого кота Базилио. А толчком к такому хозяйственному порыву послужила для нас начавшаяся в великой стране Перестройка-Перекройка с ее антиалкоголь-

ным беспределом, когда людей отлавливали на улицах только за то, что они выходили из бара или ресторана.

К этому времени я уже с морем, как говорится, «завязал», работал на державной «железке», раскатываясь на рефрижераторных поездах (сперва механиком, а затем и начальником поезда) от берегов Балтики до берегов Тихого океана; Мурманск – Средняя Азия; Средняя Азия – Восточная Сибирь; Молдавия – Урал... Езживал и в сопредельные страны по маршруту: Чоп – Венгрия; Венгрия – Москва, Ленинград. Развозил по городам и весям необъятной державы рыбу, мясо, фрукты, овощи, и пиво с шампанским тоже!

Без хвастовства скажу – это стоящая работа стоящих мужиков, одновременно пребывающих в нескольких ипостасях железнодорожника широкого профиля: механика-дизелиста, механика-холодильщика, механика-электрика, товароведа-экспедитора. А также, что небезопасно для жизни, и охранника – без оружия – дорогостоящих грузов, имеющих «магнитное» притяжение охочего на дармовую поживу воровского люда на всем протяжении пути. И чем он был дальше, тем становился – от станции к станции – криминальнее. И во всем надо было еще и кумекать только – на ять! Чтобы ни в чем не опростоволоситься, как перед собой – в сбое техники, так и перед ушлыми сдатчиками и приемщиками скоропортящихся грузов. Они только с виду – простоваты, ходят на базах в «куфайках», а сами – хитрюги из хитрюг, окольцованные золотом высшей пробы...

И вот, бывало, покатаешься два-три месяца по одной шестой части суши, и тебе уже не надо ждать устаревших к этому времени данных ЦСУ из газет. Ты уже и без того знаешь – наглядно из окна вагона: и какой урожай зреет на полях, и какие виды на «закрома Родины любимой». А во время погрузки и разгрузки еще узнаешь, что творится-деется – там и всюду...

В тот раз я привез – из Молдавии и Прикарпатья – ух, какие скорбные вести!.. О том, как Его Величество Топор в руках ретивых стражей порядка беспощадно вырубал виноградники на колхозно-совхозных плантациях и дырявил дубовые бочки с вином в частных погребах. На этой разрушительной волне в магазинах необъятной страны неразумных правителей будто бешеная корова слизала своим шершавым языком с винных полок все спиртное.

По возвращении из двухмесячной поездки по «железке» – государство в государстве – в нашем пярнуском фирменном винном «Ливико» по мою душу дожидались (и то случайно!) сувенирные «мерзавчики». И, как сказала знакомая продавщица, вытаскивая из-под прилавка картонный ящик:

– Последние... Как распродадим их – и отдел закроем на бессрочный переучет.

Раз такое дело, я раскрыл свой новенький вместительный «кейс», только что привезенный из Венгрии, и мне на обнову сыпанули в него мелкотарного зелья – под самую завязку. Всегда так, если тебя в чем-то ограничивают, тут уж не зевай: бери, что дают! И чем больше, тем лучше! И с этим бесценным «гостинцем» я двинул на Тоомингa, 4. Но хозяев островерхого, с мезонинами на две стороны, особняка цвета размытых небес – не оказалось дома. Записка в дверном деревянном кармашке извещала приблудившихся гостей: «Все ушли на пляж». Стояли последние красные деньки уходящего лета, когда в праздном городе у моря все дороги вели только на пляж.

Будто неприкаянный, я тоже поплелся в сторону моря со своим, бесценным по тем «трезвым» временам, «гостинцем» в руках в благой надежде на встречу. Но на давно облюбованном и обжитом самойловском «лежбище» лениво возлежали на горячем песке какие-то незнакомые чернявые мужланы, вырядившись по-павлиньи в цветастые плавки. А в двух-трех шагах от них, за подразумеваемой непереступной чертой, делившей пляж на «мужской» и «женский», вольно паслись в ласкающей неге осязаемого на ощупь морского воздуха, будто длинноногие лани, совершенно нагие дивы, призрачно прикрываясь от осуда солнечными очками и невозмутимо делая вид, что их – ай, ай! – не узнают.

На необозримом пляже было так людно, что яблоку негде упасть. Легче было найти иголку в стоге сена, чем отыскать в людском море знакомое лицо, хоронившееся за черными очками. Загорать же в таком солнечном великолепии с ослепительной подсветкой морских бликов и растревоженной человеческой плоти, жаждущей острых приключений, мне, бледнолицему изгою, вернувшемуся из долгой изнурительной командировки на колесах, враз расхотелось. Я счел за благо ретироваться в сторону каменного мола, нашей пярнуской достопримечательности по соседству с «собачьим пляжем». И там, на горячих валунах-«печках», почти у самых входных створ, средь вод – речных и морских – отдался блаженной Божьей благодати. Но прежде сходил, наискось – по самую «бородку» в воде – в зеленые заросли (местный камыш), где на бугорке прикопал в песке от перегрева свое мелкотарное зелье, а с ним и предусмотрительно прихваченную в гастрономе связку деликатесных тонких охотничьих колбасок в бумажном пакете.

Уже ближе к вечеру, хорошо отдохнув и вволю – до одури – накупавшись в морских и речных водах, а также в меру подрумяненный на мягком полуденном солнце, я снова объявился на Тоомингa, 4, где калитка, двери, окна, как всегда для летней поры, были настежь. Но прежнего гостевого гомона – на всю улицу – недоставало как-то присмиревшему «воздушному» особняку, который, мне всегда казалось, сейчас взмахнет своими остро сложенными крыльями прихотливо угловатой крыши и – поплывет вольной чайкой, паря по-над высокими шпилями храмов двух русских великих государынь, все далее удаляясь в миражные дали залива в отражении голубых небес...

Во время лобзаний и здравствующих – со встречей – возгласов я, улучив момент, шепнул хозяину дома: надо нанемного отлучиться по неотложному интересному делу – недалече, мол, тут. Не расспрашивая ни о чем, он охотно согласился.

Шли молча – это бывает после долгой разлуки, – как бы собираясь с мыслями. И лишь на Кедровой улице поэт поскорбел «за жисть»:

– Перестройка-Перекройка прямо-таки задолбала. У нашей Мери на «острове-лайд» объявлен траур по случаю сухого закона, поэтому отрезвел я до неприличия. И, видно, это вселенское «гонение» наступило теперь надолго.

И, помолчав немного, как-то нехорошо добавил:

– А для меня, возможно, уже и навсегда.

Я тоже попечаловался своими скитальческими впечатлениями:

– В нашем царстве-государстве то ли правители, то ли сам народ, присягнувший им на свою безысходность, – спятили. На «железке» во время «разборок» поездов на товарных станциях теперь уже не услышишь от «помазков» (служилая черная челядь) ничего, кроме мата и бесконечного трепа – о браговарении и самогоне. Блюдя Ваши заветы – писать «письма к другу», я, из интереса, запечатлел на бумаге тридцать три рецепта творения браги и одну выгонку самогона без огня и медных труб. Методом естественного взращивания из зерна в течение месяца нужных компонентов – составных хмельного сусла, а затем «вымораживания» из него винного спирта, что для расторопных умельцев-«рефов» не составляло большого труда.

– Воистину, неистребим разум и дух нашего народа! – развеселился мой провожатый и тут же вновь поскорбел: – А вот с правителями, верно, у нас полная невезуха. Вместо мудрых, толковых мужей у кормила подвизаются все какие-то забияки-говнюки.

Так, под сокровенно-государственные тары-бары – не прошло и десяти минут – мы были уже на месте. У каменной гряды

мола, на песчаном пятачке размером с одеяло, обрамленном бахромой из остролистой шепчущей куги.

– Теперь это место будет нашим перестроечным огородом имени президента Меченого! – сказал я на полном серьезе, на что поэт в недоумении пожал плечами, взбугривая переносье.

Тогда я упал на колени и, ворожа пришептыванием – «калды-малды», принялся ворошить песок растопыренными пальцами, как ищут на ощупь, с подкопом, молодую картошку. А когда в моих пригоршнях озорно заблеснились «глупыши-мерзавчики» со знакомой – до слез – золотистой наклейкой «Белый аист», мой провожатый пришел в неописуемый восторг (только ради этого можно было решиться на такую веселую «хохмочку»):

– Ничего не скажешь, хорош огородец! Хороша и бульбочка-скороспелка – непременно надо отведать солнечного овоща нового урожая. И это – в такое-то – черное заговенье!

От души разговевшись по паре развеселыми «мерзавчиками» и со смаком закусив деликатесной тоненькой колбаской, которая в те «перекроечные» времена тоже чуть было не приказала долго жить, я хотел было выгрести из «огорода» на потребу весь урожай, но услышал категорическое табу блюдкого хозяина:

– А вот этого делать ни в коем разе нельзя. Пусть приумножается наша «золотая бульбочка»... Правда, мелковата, но зато, зараза, забориста! – И посмеялся. – Вот теперь и не верь: долотом травы кашивали, решетом воду нашивали.

Тут же мы охотно договорились: завтра пойдем на пляж через наш «огородец»! Для нас, после «великого поста», распахнулась на несколько дней заманчивая – ни от кого и ни от чего не зависящая – вольготная жизнь: – Ура, мы свободны! – невольно вырвалось у меня. На другой день, когда поэт выработал у себя за столом свою полуденную «барщину» на стихотворной ниве, мы так и поступили. Созвонились и, не мешкая, собрались – «культурно»! – отдыхать на лоне природы, на песчаном пятачке «собачьего» пляжа. Шли и, ёрничая, балагурили:

– Всегда бы так, как сказал бы наш боцман Али Баба: поработал – отдохни, голубчик! – восклицал я.

Поэт же, конечно, фонтанировал стихами, которые жили в нем, как боги в трех измерениях времени – в Прошлом, Настоящем и Будущем:

Не мешай мне пить вино.
В нем таится вдохновенье.
Вдохновенье. А продленья
Нам добиться не дано.

Без вина судьба темна.
Угасает мой светильник.
Смерть – она не собутыльник,
К трезвости зовет она.

Такими вот гоголями мы и заявились на наш отрадный оазис.

– Да не будь этой разнесчастной «перекройки», разве мы додумались бы! – И на этом ликующем возгласе я поперхнулся, как на заклятье, от увиденного наваждения.

Наш «огородец» был вдрызг перерыт и истоптан человечьими и собачьими следами. Оказывается, чья-то унюхчивая дворняга навела на привлекший ее дух «охотничьих» колбасок в бумажном пакете, прикопанных в песок вместе с коньячными «мерзавчиками», своего счастливого хозяина...

От такой догадки нас чуть было не хватил кондрашка. А когда мы пришли в себя от увиденной реальности, я рухнул на колени и с остервенением принялся перепахивать руками родимое «полюшко-поле». В надежде: не может быть такого, чтобы похититель не оставил – по недогляду – хотя бы одну-две «золотые бульбочки». Но тщета! На что поэт желчно съязвил:

– Тут, по всему видно, трудился кондовый копатель – «для себя», а не для «дяди» на колхозном поле.

Я же не унимался, и мое гомозение в сыроватом песке свидетелю крушения человеческих небольших радостей, верно, напомнило ребячью игру в песочнице, и он откликнулся усмешливо поэтической строкой:

– Два распиздяя – пекут расстегаи! – И под эту озорную шутку мы, несолоно хлебавши, двинули к морю – напролом, через плотные заросли куги.

А выйдя к дюнам, где в серебристой осоке вечные девы вили свои гнездышки и принимали нагишом – для храбрости – первые солнечные ванны, мы продолжили путь в сторону «общего лежбища» по обломному краю – земли, моря, неба и женской наготы. А чтобы нас не заподозрили в недозволенности, мы, нарочито весело похохатывая (над своей незадачей с утратой «клада»), напустили на себя вид невинных козлов, нечаянно заблудившихся в овечьей отаре. А для придания деловитости нашим «чистым» помыслам, поэт вдруг стал читать, как бы про себя, накатившуюся исповедь:

О, как я поздно понял,
зачем я существую,
зачем гоняет сердце
по жилам кровь живую,

и что порой напрасно
давал страстям улечься!
И что нельзя беречься,
и что нельзя беречься...

Это было последнее наше затянувшееся молодечество...

ОСЕНЬ

Накануне изжития последнего десятилетия, чтобы шагнуть в незнакомое нам – ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ со дня рождения Иисуса Христа, на великую страну – на одной шестой части суши – накатывались смутные времена разора, президентских распрей и непредсказуемости для ее жителей: «Быть или не быть?» И в самой природе где-то что-то сошло со своих кругов. Казалось, что затяжной слякоти теперь и конца не будет. Пора бы уже давно объявиться и матушке-зиме в белых одеждах, а кругом все еще лежала неуютно раздетая донага чернота...

Но вот на 14 декабря разразился невиданной силы ураган с мокрым липким снегом (оказывается, такую непогоду однажды пережил поэт, но уже творчески):

Всю ночь сегодня буря выла
И море зимнее бесилось.
И оттого так смутно было,
И думал я про нашу сирость.

Неужто есть конец, начало,
Но в мире – нам подобных нету?
И оттого так страшно стало
За одинокую планету.

Ранним утром, по потемкам, я решил пробежаться на улицу Тооминга, узнать – все ли там ладно: цела ли крыша на островерхом «воздушном» особняке поэта? И очень встревожился, когда на подходе к дому передо мной открылся во всех окнах свет. Не увидь его, я так бы и пробежал «трусцой» мимо со спокойной душой.

На мой звонок дверь открыл сам хозяин дома в меховой душегрейке. Угрюмый и взъерошенный, он, пропуская меня к себе в кабинет, скорбно сказал:

– Скончался Андрей Дмитриевич Сахаров.

Мы присели в кресла, и я, чтобы только не молчать, тоже сообщил не очень-то радостную весть:

– В ночи под окнами мокрый снег сломал ваш любимый пирамидальный большой вереск.

Хозяин дома как-то оторопело посмотрел на меня, затем снял очки и, не торопясь, стал старательно протирать замшей – поочередно – толстенные двадцатидвухкратные окуляры, беззащитно вглядываясь перед собой в пустоту близоруким, невидящим взглядом:

– Видно, дан какой-то вещий знак, – сделал он заключение случившемуся. – Мы здесь живем ведь гораздо ближе к Богу, чем в Москве...

Такое откровение удержало меня озвучить мелькнувшую каких-то десять минут назад мысль при виде повергнутого наземь вечнозеленого красавца: «приедут летом в гости внуки, и мы из сгубленного дерева смастерим для поэта роскошную палку, обожженную огнем, и назовем ее – «Посох Патриарха»...

ЗИМА

Наконец-то канул в Лету обесснеженный, потому и не очень радужный 1989-й Новый год. А затем минул такой же «гнилой» – то снег, то дождь – и январь с неуютно полой рекой Пярну.

Но жизнь в городе вековых лип у моря шла своим заведенным чередом. В феврале, одиннадцатого дня, Давид Самойлович в память столетия рождения своего почитаемого старшего коллеги – Бориса Пастернака – отстоял заказанную им литургию в пярнуской Екатерининской церкви.

Потом два дня прошли у поэта в хлопотах подготовки к поездке в Таллин для выступления в Русском драмтеатре на Пастернаковском вечере.

Накануне чествования, в ранних сумерках, я побывал у Самойлова накоротке, просто так забежал справиться о здоровье перед дорогой и есть ли в доме тепло. Поэт, хандря в недомогании, сидел в кресле, просматривая «Литературку», и сокрушался раздраем:

– Вот говнюки-то... им только бы дай порулить.

А отложив газету на журнальный столик, откинулся на спинку кресла и, устало прикрыв глаза, как бы про себя прозаически-буднично прочел первую строку «Свободного стиха» все из той же книги-исповеди «Голоса за холмами»:

Тяжел уже стал. Никуда не хочу...
Разжечь бы камин, засветить бы свечу
И слушать, и слушать, как ветер ночной
Гудит и гудит над огромной страной.
Люблю я страну. Ее мощной судьбой
Когда-то захваченный, стал я собой.
И с нею я есть. Без нее меня нет,
Я бурей развеян и ветром отпет.
И дерева нет, под которым засну.
И памяти нет, что с собою возьму.

Эту книгу с автографом я получил от него на моих проводах в предпоследний атлантический рейс. И она побывала со мной в Анголе на водолазном боте «Ассалайд», на котором я – под занавес – «пахал» в маленькой команде в трех ипостасях: матроса, боцмана и кока...

Туманно-промозглым днем 23 февраля поэт, не очень-то здоровый, проехав в автобусе по мосту по-над полой рекой Пярну (так и не ставшей в том году льдом), отбыл со всем семейством в Таллин...

А наутро другого дня республиканская газета «Эстония» вышла со скорбным некрологом: «Сказано слово, дописана сага».

...Из Таллина он продолжил свой – уже неземной – путь дальше. На последний поклон его большой и малой родине – Москве. Чтобы потом снова вернуться – навсегда – в город вековых лип у моря...

ШТОРМ

А на Пярнуском побережье в эти дни только еще разыгрывалась стихия. Пронзительный норд-вестовый ветер, разгулявшийся на просторах северной Атлантики и не встречая ледяной преграды по-весеннему полого залива, гнал и гнал на берег крутые балтийские волны, поворачивая вспять реку Пярну, которая к утру 25 февраля вышла из берегов. Взбаламученная на мелководье затопленного пляжа вода, перемешавшись с прибрежным мусором, хлынула на приморские улицы города.

К полудню на улице Тооминга какой-то молодец в оранжевой зюйдвестке уже лихо раскатывался на легкой моторной лодке. С высокого поэтова крыльца было уже не сойти во двор даже в рыбацких сапогах-заколенниках. У стены дровяника рухнули высокие поленницы, и порывистый ветер разметал березовые поленья, высохшие за лето до колокольного звона, по всему затопленному водой саду.

Я как утром, двумя днями назад, в спешке ушел из дома, так и жил один – Робинзоном – в опустевшем особняке-лайде, отрезанном стихией от суши. Хвала Всевышнему за несказанную милость: каким-то чудом работал телефон, который после случившегося несчастья не умолкал – ни днем, ни ночью. Звонили москвичи и питерцы, из Минска и Киева, прибалты из трех республик... И все спрашивали об одном:

– Правда ли все то, что мы услышали по радио и узнали из газет?

И я всем отвечал горькое:

– Да, правда.

В кромешной суматохе я как-то вовсе забыл о своих «друзьяках меньших». На третий день потопа первым объявился – уличная шленда – светло-желтый пес Томик. Отчаянно скуля, он изо всех сил откуда-то греб по середине знаменитой улицы. А затем через открытую калитку прибился к притопленному по верхнюю ступеньку высокому крыльцу. Выбраться же из воды самому у него уже не было сил. Я, как дед Мазай, выхватил его за шкирку из беды и, прижимая к груди и целуя в мокрый нос, занес в дом сушиться.

На другой день дал знать о себе и черный кот «ученый» Макс. Каким-то чудом оставаясь сухим, он крался по верху штакетника, осторожно перебираясь с планки на планку, по противоположной стороне улицы. И истошно – во всю кошачью голосину – вопил, что заставило меня, без колебаний, бесстрашно войти в ледяную стынь по самые некуда и выше во спасение пострадавшего на водах.

Потом мы, втроем, куковали в доме-лайде до спада воды. А затем и далее, уже ожидаючи из Первопрестольной осиротевшее семейство во главе с опечалованной «железной» Галиной Ивановной, которая и привезет прах мужа – снова на балтийские берега, – но уже в узорной керамической зеленой кубышке...

Похоронен московский поэт на пярнуском городском кладбище Метсакальмисту, где для него нашлось и дерево с упокоительной тенью. И свеча памяти по праздникам горит, потрескивая, у серого гранитного надгробия.

Владимир ЯДРЫШНИКОВ

ХРАМ ПРУССКИХ БОЯР

Церковь Михаила Архангела на Прусской улице

Несколько севернее улицы Желябова (Прусской), рядом с пожарной частью, напротив Десятинного монастыря, стоит не совсем обычный двухэтажный каменный дом. Первый этаж его явно относится к дореволюционному времени, второй является не очень удачной стилизацией советского периода под XIX век. В послевоенные годы здание использовалось для жилья и для размещения некоторых учреждений. Вплоть до 1989 года постройка не была официально атрибутирована, не стояла на государственной охране, не числилась памятником истории, археологии или архитектуры. Некоторые специалисты и краеведы знали, что это бывшая церковь Михаила Архангела на Прусской улице с очень интересной историей, но полагали, что она полностью перестроена в XIX веке и после Великой Отечественной войны и вряд ли сохранила древние части.

Когда встал вопрос о капитальном ремонте здания, органы охраны памятников в 1988 году поручили Новгородскому филиалу института «Спецпроектреставрация» провести предварительные научно-изыскательские работы с целью выяснить сохранность и историко-архитектурную ценность бывшего храма. Эти работы включали в себя акты осмотра технического состояния и визуального архитектурного обследования, краткую историческую справку, археологические раскопки. Научным руководителем работ являлся главный специалист филиала кандидат архитектуры Г.М. Штендер, раскопками руководили ленинградский исследователь кандидат искусствоведения В.А. Булкин, Г.М. Штендер и автор предварительных историко-библиографических изысканий – искусствовед С.И. Сивак. Результаты работ превзошли все ожидания. Выяснилось, что под землей уцелели значительные остатки каменного храма XIII века (и даже двух более древних деревянных), а в составе стен существующего дома – следы перестроек памятника в XV, XVII и XIX веках. В архиве обнаружены довоенные фотографии церкви. Булкиным и Штендером опубликовано несколько научных и популярных статей на эту тему, в том числе и в местной прессе[1]. Многие ученые определяли результаты исследований как крупное открытие, научную сенсацию. В чем же она заключается? В нескольких аспектах.

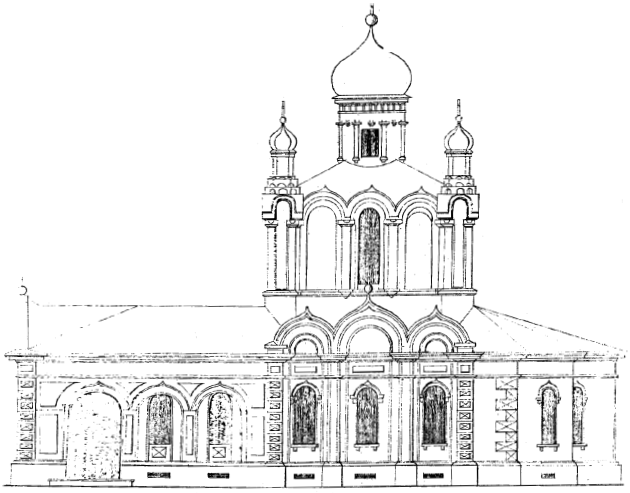
Во-первых, храм является одним из самых древних в Новгороде. Некоторые авторы считают временем его основания конец XI века, 1088 или 1092 годы[2]. Действительно, в Новгородской Первой летописи под 1088 годом есть краткая запись: «священа бысть церкы святого Михаила»[3]. Однако здесь отсутствует локализация – непонятно, о каком именно храме говорит источник, ведь в Новгороде были и другие одноименные церкви; возможно, речь здесь идет и не о Новгороде, поскольку летопись нередко упоминает о строительстве в других городах. После раскопок сомнения, кажется, развеялись: под полом каменного храма XIII века обнаружены два слоя пожарища и каменные архаичные саркофаги, которые соответствуют более ранним деревянным постройкам XII и XI веков[4]. В 1175 году церковь Михаила сгорела и на следующий год поставлена заново[5], причем существуют аргументы, которые позволяют считать ее каменной. При раскопках ниже пола XIII века выявлен более ранний пол из огромных плит песчаника, принадлежавший церкви 1176 года[6]. Кроме того, летопись рассказывает, как в 1187 году в храм попала молния и он загорелся, но «не бысть беды церкви а 2 человека быста мьрътва»; С.И. Сивак логично предположила, что деревянная церковь вряд ли уцелела бы, если пожар уже начался[7]. Тем не менее, ведущие исследователи (Г.М. Штендер и В.А. Булкин) склоняются к выводу о том, что каменный пол принадлежит деревянной церкви, поскольку отсутствуют какие-либо остатки каменных стен и фундаментов XII века[8]. Признаться, нам не известны примеры наличия мощного каменного пола в деревянном храме. Думается, вопрос о том, было здание 1176 года каменным или деревянным, остается пока открытым.

Церковь Михаила Архангела на Прусской улице. Фото начала 1920-30-х гг. Архив ГНИМА, V-46238

Во-вторых, памятник являлся не рядовой культовой постройкой, каких в Новгороде было немало, а главным храмом Прусской улицы и, вероятно, всего Людина конца. Об этом говорит хотя бы то, что строительные работы в XII-XV веках неизменно велись по заказу высших должностных лиц республики, ярких политических фигур, с которыми связаны важнейшие

события новгородской истории. Строитель церкви 1088 года неизвестен. После пожара 1175 года новый храм ставит знатный боярин Прусской улицы Михаил (Михалко) Степанович, через четыре года избранный посадником и занимавший этот пост с перерывами до 1206 года (четыре раза). Перед смертью он принял постриг в кончанском Аркажском монастыре (сейчас на этом месте аэродром), где, видимо, и погребен. Личность эта весьма примечательная, к ней возводят свою родословную многие известные российские фамилии[9]. Сам же Михаил Степанович, по сведениям одного из документов, происходит из Пруссии: «Пришел из Пруские земли князь Михайла Степанович Пруской... и в Новегороде крестилься...»[10] Было бы весьма заманчиво связать загадочное наименование Прусской улицы с выходцами из славянобалтской Пруссии и лично с Михаилом «Прусским». Собственно говоря, связь Прусской улицы с миграцией пруссов подмечена еще дореволюционными авторами, однако они считали, что этот процесс происходил в XIII веке в связи с агрессией крестоносцев в Прибалтике[11]. Сейчас появилась возможность несколько иначе взглянуть на эту проблему и датировать переселение пруссов более ранним периодом. По последним данным археологии, на рубеже XI – XII веков в среде прусской племенной верхушки случился какой-то серьезный конфликт, в результате которого значительная часть профессиональных воинов вынуждена была покинуть исконные земли и искать прибежище на соседних территориях[12]. Судя по всему, какие-то группы прусских дружинников и военной знати в XII веке осели и в Новгороде, и предводителем одной из них был Михаил Степанович «Прусский».

Анализ древней топографии и имеющихся источников позволяет высказать некоторые предположения о времени появления Прусской улицы в Новгороде. Она возникла несколько позднее основных улиц Людина или Неревского концов. Об этом свидетельствуют и ее расположение (за пределами древнейших концов-поселков), и ее трасса (довольно прямая, не пересекающаяся с другими улицами, начиналась, видимо, от Великого моста), и ее некоторая политическая изолированность, обособленность (Прусская улица долгое время являлась самостоятельной, не входила в состав ближайшего Людина конца), наконец, менее мощный культурный слой в этом районе. Если древнейшие улицы Новгорода образовались в середине X – начале XI веков[13], то, следовательно, Прусская возникла, вероятно, в первой половине XI столетия. Вызывает удивление необычайно быстрое ее освоение, развитие. По наблюдениям М.Х. Алешковского, церкви обычно ставились на пустом месте, в конце улицы, и отмечали таким образом границу обжитой территории[14]. Первый храм Михаила Архангела 1088 года стоит почти в конце Прусской улицы, т.е. получается, что максимум за 80 лет она заселена и застроена почти на всем протяжении. Примерно в середине XII века построена церковь Вознесения на Прусской улице (впервые упоминается сгоревшей в 1175 году, стояла у самого вала окольного города), которая зафиксировала дальнейшее удлинение магистрали. Нам более не известны примеры столь быстрого освоения улицы по всей длине в древний период. Обычно этот процесс длился веками. Возможно, Прусская улица специально была выделена для мигрантов из Прибалтики, отсюда ее ускоренное, как бы искусственное, заселение. Заметим, кстати, что севернее, параллельно Прусской, проходила Чудинцева улица, название которой связывается с угрофинским племенем чудь и намекает на сосредоточение здесь представителей другого этноса (поистине, Новгород в древности – город «дружбы народов»; на Торговой стороне была еще Варяжская улица). Сам же топоним «Прусская улица» впервые появляется в летописях в 1185 году[15] и, может быть, связан с поселением здесь родовитого прусского князя, именно – Михаила Степановича.



Фасад вновь отстроенной церкви Михаила Архангела в Прусской улице. Из книги М.А. Селезнева «Описание церкви св. Михаила Архангела в Прусской улице»

ДРЕВНАЯ ЦЕРКОВЪ СВ. АРХАНГЕЛА МИХАИЛА ВЪ ПРУССКОЙ УЛИЦѢ.

Загадочный феномен Прусской улицы заключается не только в ее наименовании, этническом составе жителей и быстром расширении, но и в необычайной, удивительной политической активности бояр. Именно с того же Михаила Степановича начинается бурный рост влияния «пруссов» (жителей этой улицы, как их называют летописи). К концу XII века Прусская улица становится политическим центром Людина конца, а с образованием в конце XIII века Загородского конца – центром обоих этих концов Софийской стороны[16].

Впрочем, мы не ставим задачей в данной статье прояснить происхождение Прусской улицы и ее роль в истории Новгорода, сознавая сложность и многогранность проблемы; мы лишь указываем на некоторые факты, приглашая более компетентных исследователей заняться этой интересной темой.

Летопись сообщает, что в 1219 году «заложиста Твьрдислав с Федором церковь камяну святого Михаила, а другую святы 3 отрок посторонь малу, съвершиша ю в 4 дни...», а в 1223 (или 1224) году «святиша церковь святого Михаила на праздьникъ»[17]. Значительные остатки именно этого храма обнаружены при раскопках и вызвали живейший интерес у историков архитектуры. Из летописной цитаты видно, что первоначально был возведен придел Трех отроков (за четыре дня!), а строительство основного

объема растянулось больше чем на четыре года. Твердислав Михайлович, сын Михаила Степановича, ничуть не менее замечательная личность, чем его отец. В 1206 году Твердислав построил церковь Симеона столпника в кончанском Аркажском монастыре. Он, как и отец, четырежды избирался посадником; в 1217 году был одним из руководителей успешного похода в Прибалтику против немецких рыцарей – именно с этого времени начинается открытая борьба с Орденом. Твердислав Михайлович был в самой гуще событий во время «внутрифеодальных» восстаний в Новгороде 1207 и 1218 годов. В 1220 году он отказался от посадничества, тайно от родственников постригся в Аркажском монастыре, где вскоре скончался и, видимо, погребен[18]. Был посадником и сын Твердислава Степан, причем он удостоился великой чести быть погребенным в Софийском соборе (где среди почти пятидесяти выдающихся деятелей покоятся лишь два посадника). Интересно, что с Прусской улицей и, возможно, с данным храмом связаны имена трех героев Невской битвы 1240 года, о которых повествует «Житие Александра Невского». Это Гаврило Олексич, Збыслав Якунович и «Михайло, а прозвище Миша, из Прусския земли, а лежит в Новегороде у Михаила святого, на Прусской улице»[19]. В.Л. Янин называет их «столпами боярства Прусской улицы», однако захоронение «Миши» локализует не в церкви Михаила, а в другом храме Прусской улицы – Вознесенском[20].

В 1402 году церковь Михаила Архангела возобновлена посадником Плотницкого конца Кириллом Ондреяновичем. Этот странный факт – ведение больших строительных работ на Прусской улице по заказу должностного лица совсем другой территории – В.Л. Янин объясняет тесной родственной и политической связью Прусской улицы и Плотницкого конца, тем, что именно «прусские» бояре играли ведущую роль в освоении и административном оформлении северной части Торговой стороны в XIV веке, а затем нередко и возглавляли новый конец[21]. По «Семисоборной росписи» Новгорода (последняя треть XV века) церковь Михаила Архангела числится одним из семи соборов, т.е. главным кончанским храмом. К ней приписаны 13 церквей, в том числе пять в южной половине Детинца и среди них огромный, древний и почитаемый Борисоглебский собор. В храме существовало четыре придела (Трех отроков, Ильи Пророка, Зачатия Анны, «на полатех» – Успения Богоматери), что также свидетельствует о его значимости и величине[22]. По всему видно, что вплоть до падения Новгородской республики церковь Михаила процветала и была одной их главных святынь города.

Церковь Рождества Богородицы на Перыни. 1220-30-е гг.

В-третьих, и, видимо, это главное, рассматриваемый памятник является крайне важным, этапным в истории новгородского зодчества, занимает в нем одно из ключевых мест. Г.М. Штендером давно установлено, что полное доминирование в местной архитектуре основного типа каменного храма XII века (назовем его «тип Нередицы») – кубического, статичного по своей композиции – было поколеблено в 1207 году строительством церкви Параскевы Пятницы, здания иной (полоцко-смоленской) традиции. Этот новый тип именуется часто «башнеобразным храмом» и отличается сложной, динамичной, устремленной ввысь композицией, выразительным, запоминающимся силуэтом, развитым декором. Самим своим существованием в центре города (на Торгу) церковь Параскевы Пятницы «бросала вызов» местному каноническому храму, будоражила творческую мысль, стимулировала поиски новых форм, нового образа. Естественно, в столь мощном строительном и религиозном центре как Новгород новые идеи, новый стиль не были приняты сразу и безоговорочно, слепо заимствованы. Новгородские мастера талантливо переосмыслили и переработали полоцко-смоленское новшество, отказавшись от многих сложных решений, по-новгородски упростив архитектуру, но сохранив суть – пирамидальную, устремленную вверх композицию. Результат этого творческого прорыва – церковь Рождества Богородицы на Перыни (1220 – 1230-е годы), которая резко отличается по своему образу от «типа Нередицы» и которая, в свою очередь, послужила толчком для дальнейших архитектурных поисков. Чрезвычайно интересный и плодотворный период творческих исканий привел через сто с лишним лет к формированию «классического» новгородского храма XIV – XV веков.

Церковь Параскевы Пятницы, 1207 г. Реконструкция Г.М. Штендера

Однако ученые отмечали все-таки слишком резкий контраст между архитектурой церквей Параскевы Пятницы и Рождества Богородицы на Перыни и предполагали существование неких промежуточных звеньев между ними, т.е. каких-то не дошедших до нас построек. Таким недостающим связующим звеном и явился храм Михаила Архангела 1219-1223 годов. Его плановое решение значительно упрощено по сравнению с церковью Пятницы, но еще лишено предельной лаконичности Рождественской постройки. То же самое можно сказать о характере декора, хотя данных для сопоставления здесь меньше (стены уцелели на высоту до одного метра). Еще меньше информации о характере завершения Михайловской церкви – здесь мы вступаем в область догадок и предположений. Однако предположения крупного ученого многого стоят, поскольку основаны на огромном опыте, широком кругозоре и интуиции. Г.М. Штендер сформулировал свои мысли об объемно-пространственном образе нашего памятника в следующих словах: «Можно думать, что трехлопастной динамичной композиции сводов храм не имел. Покрытие здесь легче представить позакомарным, статичным, но, возможно, с динамичным основанием кокошников под главой, как в полоцком соборе Евфросиньева монастыря, с которым у нашего храма много общих точек соприкосновения...»[23]. Кроме того, ис-

Церковь Михаила Архангела, восточный фасад. Фото В.П. Морсова, 1988 г.

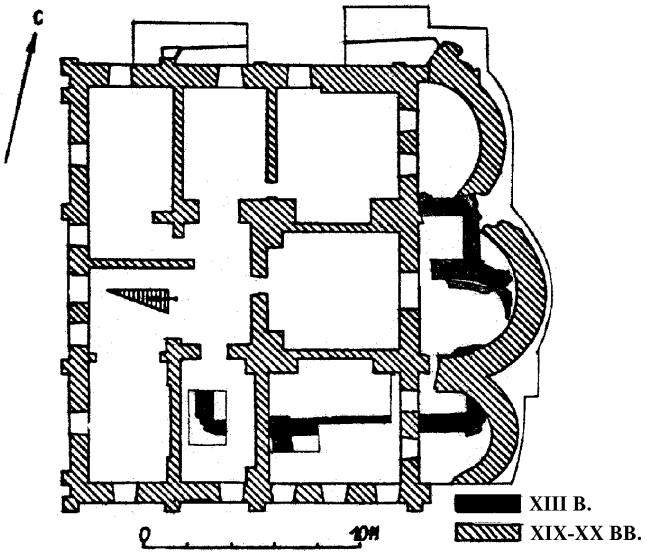
следователь предполагал трехглавие (две дополнительные главы, по его мнению, размещались над восточными углами здания – диаконником и жертвенником). Однако реальных данных для графической реконструкции памятника все же недостаточно, Г.М. Штендер не решился ее сделать. Нам остается самим, каждому самостоятельно, в силу своей подготовленности выполнить мысленную реконструкцию церкви Михаила Архангела, помня о ее связи с указанными храмами (Пятницы, Рождества на Перыни, Евфросиньева монастыря).

Проведенные натурные исследования Г.М. Штендера и В.А. Булкина дали немало информации и о дальнейшей строительной истории памятника. Выяснилось, что он претерпел не менее четырех крупных, радикальных перестроек, и каждый раз менял свой облик.

В начале XV века были возведены боковые галереи, полностью возобновлен южный придел Трех отроков, переделаны опорные столбы и верхние части.

В период «шведского разорения» пострадали все храмы Софийской стороны, в том числе и церковь Михаила Архангела (она даже не упоминается в описях Новгорода 1615 и 1617 годов, т.е. не функционировала в это время). К 1620 году храм частично отремонтирован, в нем освящены два престола из прежних четырех, но в документе 1632 года он вновь значится пустым[24]. Окончательно церковь возобновлена только в 1685 году. Практически отстроено новое здание: изменена пространственная структура, вместо крестовокупольного храма с одной апсидой на остатках старых стен возведен новый трехапсидный, напоминающий своей композицией, по мнению Г.М. Штендера, церковь Покрова в Детинце[25]. Получить некоторое представление об облике памятника после «модернизации» XVII века можно по рисунку, опубликованному М.А. Селезневым[26].

Третья перестройка осуществлена в XIX веке, в несколько этапов. Остановимся на ней несколько подробнее. В первой половине XIX столетия церковь Михаила Архангела переживала период упадка, приход был небольшой, не хватало денег на ремонт. В 1850 году священником назначен Тимофей Софийский, который развернул активную деятельность по изысканию средств и возобновлению храма. В 1852-1853 годах с западной стороны пристроены каменные паперть и ризница, переделан пришедший в ветхость северный придел; тогда же разобрана стенообразная звонница, примыкавшая к юго-восточному углу, вероятно, XVII века[27]. Дальнейшие события связаны в основном с великим князем Михаилом Николаевичем. В 1854 году он посетил Новгород и пожелал осмотреть древнейшую церковь в городе, посвященную его ангелу (к тому же князь был хорошо знаком со священником Тимофеем). После этого Михаил Николаевич счел своим долгом помочь с ремонтом. К церковному приходу был причислен личный состав трех батарей лейб-гвардейской конно-артиллерийской бригады, дислоцированной под Новгородом, пожертвовано на нужды храма 300 пудов меди (четыре орудия), серебряные сосуды, напрестольный крест. Поскольку при церкви не было звонницы, решено построить новую колокольню, ее проект был готов в 1856 году. Однако денег все же не хватало, и ремонт затягивался. Толчком к оживлению работ послужили торжества по поводу покорения Кавказа, где главнокомандующим был великий князь Михаил Николаевич (они состоялись в церкви Михаила Архангела 13 сентября 1864 года). Видимо, виновник торжества пожертвовал храму значительную сумму, поскольку работы резко активизировались, и 2 октября 1866 года здание освящено в новом виде. К этому времени была готова и колокольня с восемью колоколами, отлитыми из пушек, и двумя орудиями, фланкировавшими проходную арку[28] (колокольню можно видеть на дореволюционной открытке). С.И. Сивак выявлены в Музее архитектуры имени А.В. Щусева несколько довоенных фотографий, которые позволяют судить об облике церкви после перестройки. Кроме того, в книге М.А. Селезнева имеется чертеж (вероятно, проектный) южного фасада, который не был известен авторам исследований. Материалы архитектурного обследования показывают, что храм в XIX веке был почти полностью разобран и возведен заново «по старой основе» – с повторением структуры и общей композиции предшествующей постройки XVII века, но в совершенно иных формах (можно сожалеть об утрате памятника допетровского времени, но для XIX столетия подобный метод «возобновления» был не редкость; впрочем, так же зачастую поступали строители и раньше). Стены центральной части несколько повышены и завершены рядами килевидных кокошников («закомар»), четверик покрыт куполообразной кров-



План ц. Михаила Архангела на Прусской улице. XIII – XIX вв.

лей и увенчан световым барабаном; на углах поставлены четыре дополнительных декоративных барабана-башенки. Фасады выдержаны в «псевдорусском стиле» и в общем отличались удачными пропорциями, цельностью, вкусом. Г.М. Штендер довольно высоко оценивает архитектуру здания XIX века, и мы, в принципе, с ним солидарны: «Древнерусские формы, тщательно разработанные и весьма пластичные в верхней части храма, сгруппированные с килевидными кокошниками, нишами, окнами и четырьмя угловыми миниатюрными башенками, весьма изящны по пропорциям и ненавязчивы по стилизации старой архитектуры. Во всем чувствуется умелая рука талантливого мастера середины XIX века, имя которого остается пока неизвестным»[29].

В таком виде памятник стоял до 1941 года, именно в таком облике его видел и посещал живший неподалеку Мстислав Добужинский (не исключено, однако, что колокольня и главы были разобраны еще в 30-х годах, мы этим вопросом специально не занимались). Во время Великой Отечественной войны храм серьезно пострадал (хотя характер разрушений точно не установлен), и в послевоенные годы претерпел последнюю, четвертую кардинальную перестройку: все верхние части (выше карниза галерей) и апсиды разобраны, надстроен второй этаж, и здание, уже не имевшее никаких признаков культовой постройки, приспособлено для жилья. Однако все основные архитектурные конструкции и формы XIX века сохранились в составе первого и отчасти верхнего этажей.

Церковь Михаила Архангела. Раскопки 1988 г. (В.А. Булкин, Г.М. Штендер). Общий вид раскопанной восточной части храма XVII-XIX вв. Фото В.П. Морсова, 1988 г.

Научный руководитель проекта (Г.М. Штендер) предложил два варианта решения дальнейшей судьбы и облика памятника: 1) сохранение и приспособление под современные нужды существующего двухэтажного дома с достройкой павильона с восточной стороны с целью демонстрации остатков храма XIII, XV, XVII, XIX веков; 2) воссоздание по фотографиям и чертежам храма XIX века и экспозиция памятника XIII-XVII веков в интерьере и частично снаружи. Подготовлен полный комплект документации, но в начале 1990-х годов прекратилось финансирование реставрационных работ. В результате изуродованная церковь Михаила Архангела, когда-то одна из главных святынь Великого Новгорода, уже более десяти лет стоит заброшенная, не используется и постепенно разрушается.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Булкин В.А. Исследование памятников новгородского зодчества в 1987-1990 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1993; он же. Церковь Михаила Архангела в Прусской улице // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века. Тезисы докладов конференции. СПб., 1994; он же. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и Новгородское зодчество начала XIII века // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. СПб., 1997; Булкин В., Штендер Г. Здесь собиралось вече Прусской улицы//Новгородская правда. 31 августа 1988 г.

[2] Селезнев М.А. Описание церкви св. Михаила Архангела в Прусской улице. Новгород, 1866. С.11; Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. С. 183.

[3] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л., 1950. С.18.

[4] Штендер Г.М. Научный отчет об археологических исследованиях 1989 г. (2-я очередь)/Научно-исследовательские и проектно-изыскательские работы по памятнику архитектуры XIII-XVII-XIX вв. церкви Михаила Архангела на Прусской улице. Т.2. Кн. 4. Ч.1. // Архив ОГКОИПИК, Р-2944. Л.76.

[5] НПЛ. С.35.

[6] Штендер Г.М. Научный отчет. Р-2944. Л. 24, 42.

[7] НПЛ. С. 38; Сивак С.И. Краткая историческая справка//Архив ОГКОИПИК, Р-2939. Л. 33.

[8] Штендер Г.М. Научный отчет. Р-2944. Л. 24, 28, 42.

[9] Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 137-145.

[10] Там же. С.148.

[11] См., например: Аничков И.В. Историческое значение названия Прусской улицы для Великого Новгорода. Новгород, 1916. С. 6, 14.

[12] Кулаков В.И. Пруссы (V-XIII вв.). М., 1994. С. 154, 164, 166; он же. Пруссы и восточные славяне // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. Секц. V. М., 1987. С. 120, 122.

[13] Янин В.Л. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 18.

[14] Алешковский М.Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 1. М., 1975. С. 24.

[15] ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 167.

[16] Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 128.

[17] НПЛ. С. 59, 63.

[18] Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 124-134; он же. Новгородская феодальная вотчина. С. 137; Подвигина Н.Л. Новгородский посадник Твердислав Михалкович // Вестник Московского университета. Сер. История. 1966. № 5. С. 65-75.

[19] Цит. по: Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 134.

[20] Там же. С. 135, 211; Бочков В.Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 79.

[21] Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 143-144.

[22] Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 111.

[23] Штендер Г.М. Научный отчет. Р-2944. Л. 79.

[24] Памятники отечественной истории. Вып. 3. Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 294; Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М., 1986. С. 58.

[25] Штендер Г.М. Научный отчет. Р-2942. Л. 24, 26; Р-2944. Л. 87.

[26] Селезнев М.А. Описание церкви св. Михаила... (вклейка).

[27] Там же. С. 59; Макарий. Археологическое описание... С. 188.

[28] Селезнев М.А. Описание церкви св. Михаила... С. 68-74.

[29] Штендер Г.М. Научный отчет. Р-2942. Л. 25.

СОКРАЩЕНИЯ

ОГКОИПИК – Отдел Госуд. контроля охраны и использования памятников истории и культуры.

ПСРЛ – полное собр. русских летописей.

Людмила СЕКРЕТАРЬ

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ТИМОФЕЯ СОФИЙСКОГО

книге воспоминаний Мстислав Валерианович Добужинский оставил словесный портрет своего деда по материнской линии – священника церкви Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде Тимофея Егоровича Софийского. О нем Мстислав Валерианович вспоминал с особой любовью и уважением: «Дедушку моего, Тимофея Егоровича, я очень любил – он был добрый и ласковый со мной, но на вид был строгий, был очень большого роста, с длинной седой бородой, ходил в широкополой фетровой шляпе и с высокой тростью с серебряным набалдашником, как это приличествовало духовной особе его ранга. На груди носил в торжественных случаях золотой наперсный крест с аметистами – предмет моего восхищения. Служил он необыкновенно просто, и голос его был удивительной красоты»[1].

По словам Добужинского, дедушку уважали в Новгороде за независимость взглядов и решительный характер. Он не убоялся освятить новое здание театра, что для того времени было смелым поступком.

Воспоминания Мстислава Валериановича о Новгороде, где он родился, куда приезжал погостить в детские и юношеские годы, о семье его матери отличаются фактологической точностью. А ведь писал он их спустя многие годы в эмиграции.

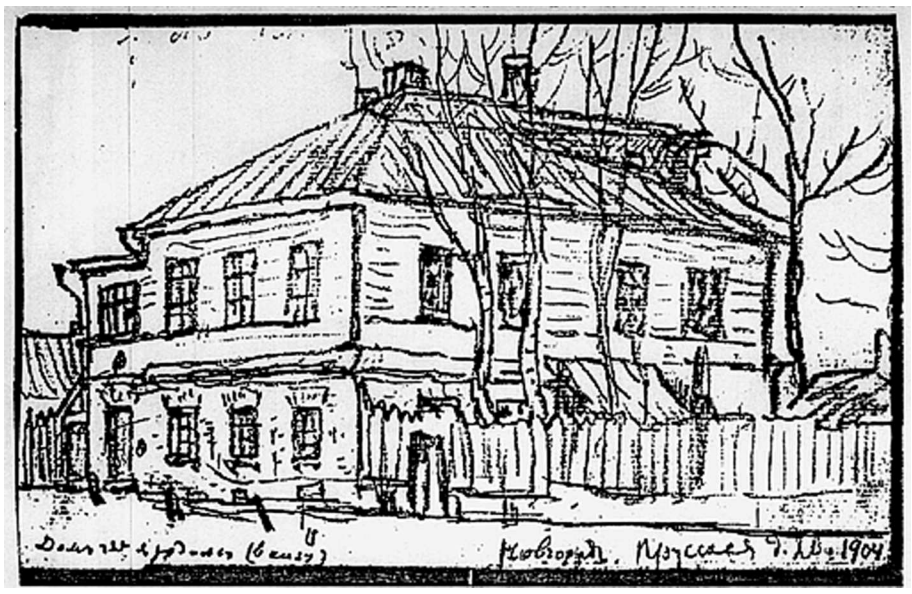
Факты из биографий его новгородских предков, в частности, деда Тимофея, находят подтверждение в документальных источниках. В ГАНО нам удалось обнаружить церковные ведомости с двумя послужными списками Тимофея Георгиевича (так он назван в официальных документах, в отличие от принятого разговорного – Егорович). Один из документов особенно ценен, так как написан рукою самого Тимофея Софийского в 1887 году, то есть является его подлинной автобиографией. Он отличается подробностью изложения и содержит такие детали, какие обычно в подобного рода официальных бумагах не встречаются. Послужной список, написанный в 1880 году, характерен сухостью и беспристрастностью.

Тимофей Софийский обращает внимание на кажущиеся ему важными обстоятельства.

К примеру, он указывает даты посещения храма Михаила Архангела великим князем Михаилом Николаевичем, с которым у Тимофея Георгиевича сложились дружеские отношения, а также митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Исидором. После первого посещения храма в 1845 году великий князь причислил к его приходу Гвардейскую батарею конной артиллерии, которая до этого была приписана к Тихвинской церкви. Тимофей Софийский в 1850-е годы занимался перестройкой древней Михайло-Архангельской церкви XIII века, на что требовались немалые средства. В 1860 году Михаил Николаевич пожаловал в церковь Михаила Архангела 300 пудов пушек и пушечной меди для отливки колоколов. Второй раз великий князь побывал в церкви в 1862 году во время своего приезда на торжество открытия памятника «Тысячелетие России». А в 1882 году по указу Михаила Николаевича было пожаловано 19 орудий – два стальных на железных лафетах и 17 чугунных большого калибра. Их установили у отдельно стоящей колокольни, возведенной в 1879 году в память о покорении Кавказа, чему в немалой степени способствовал великий князь. Тимофей Софийский пишет, что «колокольня освящалась торжественно, при церковном параде войск артиллерии»[2].

Свой послужной список Тимофей Георгиевич начинает с 1843 года – с момента окончания им Новгородской духовной семинарии. Как сообщает Мстислав Добужинский со слов деда, в годы учебы бедный семинарист пешком ходил в Юрьев монастырь к своему дяде – архимандриту Фотию – и «неизменно получал от него серебряный рубль»[3]. Важным в его автобиографии является и сообщение о том, что происходил он из семьи священника.

В 1846 году Тимофей Георгиевич был рукоположен в священники новгородского женского Свято-Духова монастыря и одновременно определен законоучителем в школу Гренадерского саперного батальона. В 1851 году Тимофея Софийского перевели священником в церковь Михаила Архангела на Прусской улице, и с того времени он уже более не менял места службы. Проживал Тимофей Георгиевич в собственном двухэтажном доме рядом с церковью со своей многочисленной семьей. Сохранился рисунок этого дома, сделанный Мстиславом Добужинским в 1904 году. На рисунке есть приписка художника: «Домъ где я родился (в низу)». Рисунок находится в собрании Русского музея в Санкт-Петербурге* .



Дом Тимофея Софийского. Рисунок М. Добужинского, 1904 г.

Помимо основных обязанностей, Тимофей Георгиевич в своей жизни занимался многими другими делами. С1850 года он был назначен следователем по особо важным делам, проходившим по Духовному ведомству; постоянно работал в комиссиях по проверке расходования казенных средств и при строительстве казенных зданий Духовного ведомства. С 1850 по 1856 год преподавал Закон Божий в школах 1-й и 3-й Гвардейских батарей конной артиллерии, а с 1864 по 1885 год по приглашению совета лютеранской церкви св. Николая являлся законоучителем в немецком училище – «приготовительном к реальному училищу», – в котором обучались и дети православного вероисповедания[4]. Один из его сыновей, Михаил, в 1880 году учился в этом заведении[5]. В 1880-е годы Закону Божьему Тимофей Софийский обучал военных в бригадной школе и шести батарейных 22-й артиллерийской бригады.

Тимофей Георгиевич активно занимался миссионерской деятельностью. По его словам, с 1849 по 1887 год он обратил в православие четырех евреев военных, 35 человек римско-католического и протестантского вероисповеданий и четырех раскольников.

За свою усердную многолетнюю службу Тимофей Софийский получил большое количество поощрений и наград. Первую благодарность ему объявили в 1849 году. Следующей наградой был набедренник, пожалованный в 1851 году. Личную благодарность великого князя Михаила Николаевича он заслужил в 1854 году, «за усердное преподавание Закона Божия в гвардейских батальонных школах». Затем последовали: бархатная фиолетовая скуфья (1857), благословение Священного Синода (1859), фиолетовая бархатная камилавка (1861), наперсный крест (о котором, вероятно, вспоминал Мстислав Добужинский, – 1865), ордена св. Анны III и II степеней (1871 и 1879), бронзовый крест на Владимирской ленте в память войны на Кавказе в 1853-1854 и 1859 годах. В 1884 году Тимофей Георгиевич был произведен в сан протоиерея[6].

Был в жизни этого человека и единственный выговор, который он получил в 1875 году за незаконное венчание. Если бы знать, кого и по какой причине венчал священник! Выговор записан в послужном списке 1880 года. Кстати, этот факт также свидетельствует о независимости и смелости взглядов Тимофея Георгиевича, не характерной для достаточно консервативного духовенства.

Тимофей Софийский упоминает следующих членов своей семьи: жену, Наталью Федоровну, детей: капитана артиллерии Георгия; Николая, который к 1887 году ушел с военной службы «по слабости здоровья» и находился дома (о нем Мстислав Добужинский пишет как о неудачнике); Тимофея, студента III курса Императорского Технологического института; Михаила, учащегося 4 класса реального училища; Елизавету, которая была к тому времени замужем за полковником артиллерии, командиром батареи. В списке членов семьи – две сестры протоиерея: девица Евдокия («баба Дуня», как ее называет Добужинский, – домоправительница в большой семье брата), вдова священника Атлантова Феодосия[7].

Колокольня церкви Михаила Архангела.
Фото начала XX века

В послужном списке 1880 года среди членов семейства священника Тимофея Софийского значатся дети: Георгий – капитан артиллерии. Федор – кандидат права, Николай (занятие не указано), Тимофей – ученик реального училища, Михаил – ученик немецкого училища, Елизавета, «в супружестве за капитаном гвардейской Артиллерии, старшим адъютантом Петербургского Окружного Управления». К 1887 году Федор, по-видимому, жил самостоятельно в Петербурге, поэтому и не был упомянут отцом. В списке 1880 года названы две сестры священника: Евдокия и Анна – вдова священника Кедрова, а также брат – заштатный священник «окологородней Воскресенской церкви что на Красном поле» Иоанн Георгиев Мизиретский[8].

Священническая среда была для Тимофея Софийского родной и близкой. Прибавление к имени незамужней сестры Евдокии «Менюшская» может означать, что их отец, вероятно, служил в церкви села Менюши Новгородского уезда. А вот фамилия брата Мизиретский, возможно, является подлинной в их семье, и она явно польского происхождения.

Дальнейшее изучение генеалогических связей предков Тимофея Софийского может прояснить происхождение этого рода, подарившего миру замечательного художника Мстислава Добужинского.

* Ксерокопию рисунка мне любезно предоставила Валентина Борисовна Грекова, за что я приношу ей искреннюю благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С.42.
[2] ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.3478. Л.45.
[3] Добужинский М.В. Воспоминания. С.45.
[4] ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.3478. Л.47об, 48об, 49об.
[5] Там же. Д.3400.Л.5об.
[6] ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.3478. Л.48 – 50об.
[7] Там же. Л.50об.
[8] ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.3400. Л.5об. – 6.

Татьяна ДАНЬКО

НОВГОРОДСКАЯ «БОГЕМИЯ»

3 октября 1878 года в Новгородскую городскую управу поступило прошение новгородского первой гильдии купца Григория Максимовича Сметанина: «Желаем я с компаниею с купцами Садовским и Стальновым построить в Новгороде, 1-й части, 3 участка по Набережной Волхова на углу Дмитриевской и Николо-Качановской улиц, пивоваренный завод, без употребления в нем каких-либо паровых машин...» К прошению прилагался план местности и расположения построек.

Управа поручила своему сотруднику Бардашевичу и городскому архитектору Ламакину осмотреть место и здание, предлагаемые к устройству пивоваренного завода. «Не имея препятствий к разрешению просимых переделок и постройки пивного подвала», разрешение архитектора на строительство было получено.

С ведома Управы производились различные капитальные перестройки: в одном доме оборудовалась солодовня, в другом – пивоварня, в третьем – ледник. Предполагалось строительство нового здания для пивного подвала «с устройством подъемной машины посредством деревянных колес». Об этом было сообщено для сведения в полицейское управление, а городовому архитектору предписывалось «наблюдать» – контролировать правильность застройки. На заводе не предусматривалась установка паровых машин, поэтому разрешение на строительство давала Городская управа. В дальнейшем устройство каких-либо приспособлений, действующих посредством пара и огня на этом пивзаводе, впрочем, так же как и на других промышленных предприятиях, возможно было только при разрешении губернской администрации (в соответствии со ст. 115 Городового положения и сообщения хозяйственного департамента МВД от 14 августа 1875 года № 9572).

Под № 905 за 1878 год в книгу актов, заверенных нотариусом К.К. Раковским, была внесена запись о договоре между купцами Акимом Миничем Стальновым, Григорием Максимовичем Сметаниным и Константином Станиславовичем Садовским о создании товарищества пивомедоваренного завода под маркой «БОГЕМИЯ». Все проблемы по устройству завода и ведению дел решались компанией коллегиально, в случае возникновения спорных вопросов – большинством голосов. Общий капитал пивоваренного завода определялся в 30 тысяч рублей и состоял из равной суммы от каждого компаньона. С общего согласия товарищества капитал предприятия мог пополняться, и тогда единовременно или частями вносилась равная сумма. Каждый из компаньонов имел возможность передать права владения своей частью капитала. В случае смерти совладельца завода в права вступали наследники. Если же они отказывались вступить в права наследования, то, по истечении года, получали одну треть суммы общего капитала. Поступающие в товарищество суммы, не требующие безотлагательного употребления, вносились заведующим пивомедоваренным заводом в Городской или Земский банки на текущий счет. Возможна была покупка процентных бумаг, которые хранились в кассе «Богемии». Официальные документы – доверенности, векселя, договоры – подписывались всеми компаньонами. Получение денег из банков с текущих счетов производились по чекам за подписью уполномоченного или двух товарищей. Отчет за год утверждался всеми тремя компаньонами; если имелась прибыль от дела, то она выдавалась на руки или, для усиления средств товарищества, оставалась в деле и причислялась к вкладочному капиталу.

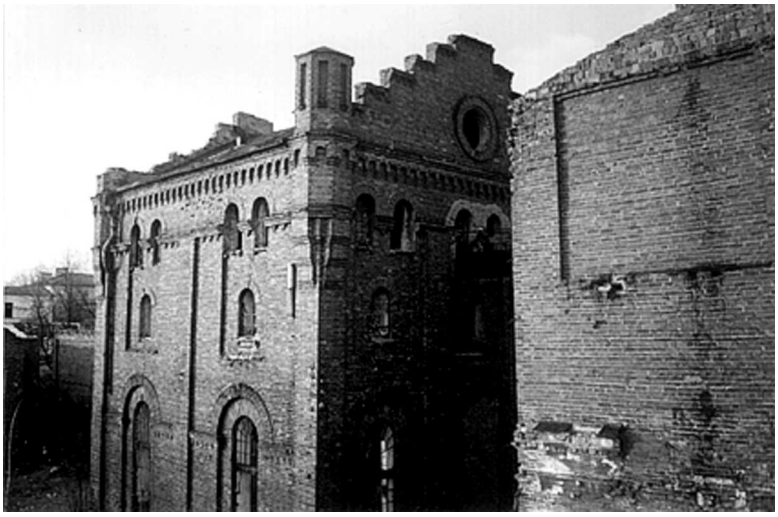
Бывший пивомедоваренный завод “Богемия”. Административный и жилой корпус XIX в. Общий вид с северо-запада. Архив НСНРПМ. Фото 1979 г.

В декабре 1878 года сообщение об открытии в Новгороде пивомедоваренного товарищества под маркой «Богемия» было направлено для сведения в департамент торговли и мануфактур, и «печатными листами» уведомлялось об этом событии новгородское купечество.

Уже на следующий год, в мае, товарищество пивомедоваренного завода «Богемия» получило разрешение городских властей на постройку кладовой под каменным пивным подвалом, двух деревянных жилых помещений, флигеля и конюшни; в 1889 году был построен каменный ледник, в 1906-м – получено разрешение произвести полукаменную пристройку к флигелю.

На 1900 год «пивомедоваренный завод «Богемия» с машинами» был застрахован в Русском страховом обществе, и общая стоимость его определялась в 62.552 рубля. По

оценочному листу недвижимого имущества, принадлежащего «Богемии» на 1910 год, в перечень построек товарищества входили: солодовня с оборудованием, заторное отделение и оборудование, ледник, подвал, контора, старая медоварня, бондарка, упаковочное отделение, конюшня, сарай, казарма для рабочих. Согласно расценкам, составленным статистическим отделением Новгородского губернского земства, стоимость строений и машин «Богемии» составляла 79.033 рубля.



Варочный цех. Рубеж XIX-XX вв. Фото 1998 г.

Главными видами сырья для производства пива были хмель, ячмень, солод. С момента основания товарищества вплоть до 1913 года сырье закупалось за границей: на юге Польши – ячмень и солод, в Чехии – хмель. Доставка сырья шла равномерно круглый год по железной дороге Варшава – Псков – Старая Русса. Производство пива новгородской «Богемии» в 70-80-е годы XIX века составляло 11.000 ведер. Все пиво реализовывалось в Новгороде в частных лавках, особенно большим спрос был в летнее время. На 1913 год выработка пива составляла 200.000 ведер и 40.000 ведер фруктового меда.

Пивом обслуживался теперь весь рынок Новгородской губернии. Основными конкурентами «Богемии» были завод Калинкина в Санкт-Петербурге и Старорусский завод Вундерлиха. «Но пиво, как Калинкина, так и Вундерлиха, было гораздо плоше по качеству... так что спрос на пиво «Богемия» был больше выработки». В летнее время отправка товара производилась по воде пароходами и лодками.

Накануне Первой мировой войны товарищество приступило к строительству и оборудованию нового варочного отделения, рассчитанного на производство 600 000 ведер пива. Но помешали война и события революций 1917 года, и переоборудование завода было приостановлено. Сократилась и численность рабочих с 78 человек в 1914 до 47 в 1916 году. В 1917 году производство пива было вообще приостановлено, завод выпускал только фруктовые напитки (фруктовый мед).

На 1918 год товарищами завода «Богемия» были Л.И. Стальнов и М.И. Садовская. Именно они подписывали финансовый отчет за первое полугодие. Но уже в конце 1918 года помещения завода были переданы комитету по продовольствию Новгородской губернии (Губпродкому) под склады различным учреждениям, а в 1919 году часть помещений была переоборудована под так называемый «квашпункт» – для засолки огурцов и квашения капусты.

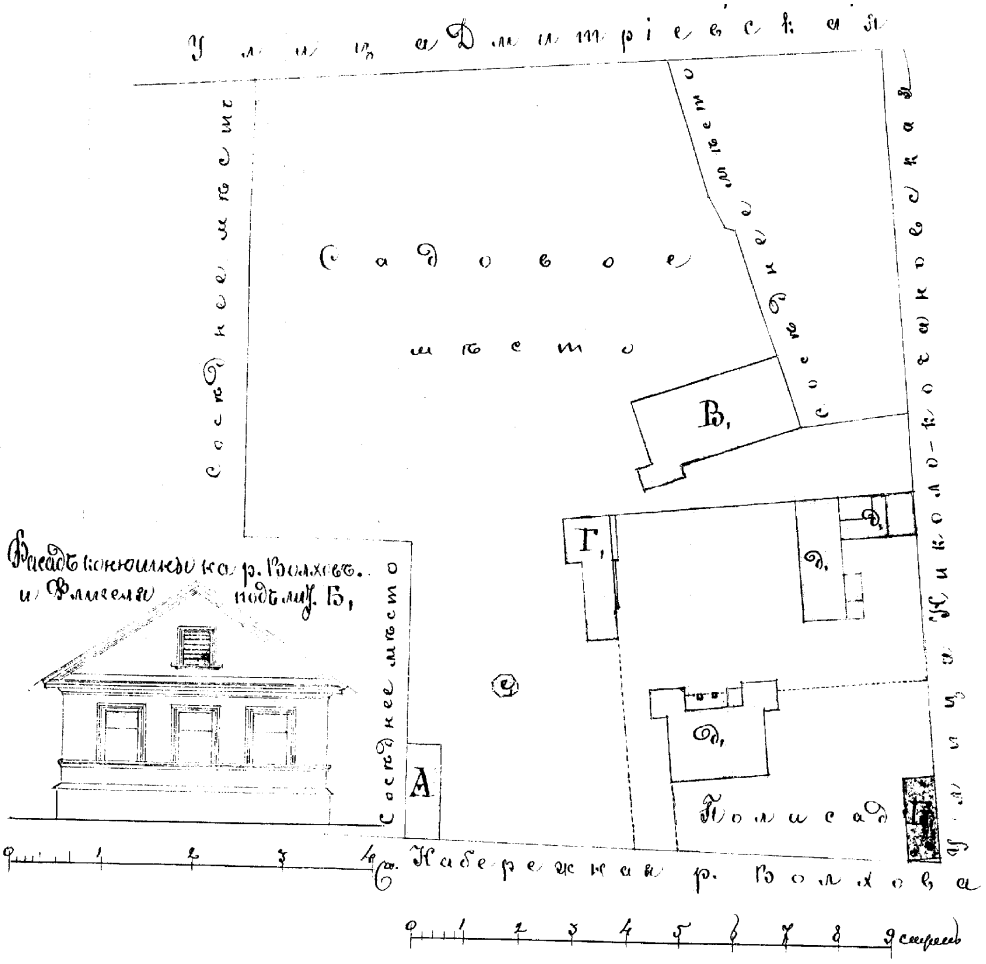
Слабая надежда на возрождение «Богемии» возникла у бывших хозяев товарищества в годы НЭПа, когда повсеместно восстанавливались частные предприятия, закрытые после революции. В ноябре 1921 года М. Стальнов и К. Садовский обращались с таким заявлением в горсовет: «Мы нижеподписавшиеся как бывшие владельцы пивоваренного завода “Богемия” просим президиум передать на правах собственности вышеупомянутый завод “Богемия”». Резолюция Отдела коммунального хозяйства исполкома гласила: «Отказать».

В августе 1923 года решено было заключить договор между Новгубсовнархозом и Новгубсоюзом потребительских обществ о сдаче в аренду последнему пивоваренного завода «Богемия». Арендатор обязался пустить завод в ход не позже января 1924 года, но на деле это невозможно было осуществить, поскольку здания и подвалы завода были заняты учреждениями военного ведомства, переоборудованы под склады и жилые дома. Поэтому окончательно составленный договор об аренде был заверен у нотариуса только в апреле 1924 года. Сдатчиком выступал уполномоченный Новгубсовнархоза П.А.Копылов, арендаторами – заместитель председателя правления Новгубсоюза потребительских обществ Василий Евграфович Юденко и член правления Георгий Сергеевич Засечкин. Аренда заключалась на шесть лет, и уже не позднее 1 января 1924 года союз потребительских обществ должен был начать выпуск продукции. Арендатор брал обязательства в течение трех лет произвести текущий ремонт. Капитальный ремонт, перестройка и дополнительное оборудование возможны были только с разрешения сдатчика.

В связи с ликвидацией аппарата союза потребительских обществ и выходом из его состава в мае 1924 года одного из компаньонов, «Богемия» перешла к новым владельцам – Новгородскому, Старорусскому, Демянскому и Большевишерскому райсоюзам, после чего стала «кооперативной организацией под фирмой “Пивомедоваренное товарищество “Богемия”».

Помимо самого завода, в 1923 году товариществу принадлежали два ресторана в Новгороде. «Богемия» через периодическую печать извещала «широкие круги населения города и уезда, что... идя навстречу желанию рабочих, крестьян и трудового населения иметь общедоступный, дешевый, питательный обед («Богемия») в своих ресторанах №1 (б. Соловьева) и №2 (б. Софийская)... ежедневно отпускает обед из двух блюд или одно дежурное блюдо по 25 копеек с персоны. Для желающих имеются обеды и кушанья по карте по особой цене. Кухня находится под наблюдением опытного повара...»

На заседаниях правления товарищества «Богемия» определялись перспективы роста предприятия, рассматривались производственные текущие вопросы. Например, в протоколе от 11 января 1925 года заслушивались вопросы «о прекращении заказов у частных лиц, об учреждении общей кассы завода и предприятий, о назначении заведующего хозяйственной частью по заводу и ресторанам, о заключении коллективного договора, о выдаче служащим пива на паек...» По последнему вопросу собрание постановило: «Выдать служащим и рабочим пива по цене 12 копеек за бутылку». Но уже в ноябре 1924 года инспектор РКИ составил рапорт по итогам проверки незаконного расходования пива в товариществе «Богемия»: «Практику-



План расположения производственных и жилых помещений пивоваренного товарищества «Богемия» в Новгороде. 1879 г. ГАНО. Ф.104. Оп. 2. Д.423.

Объяснение плана места:
А – предполагаемая к постройке деревянная конюшня с жилым помещением.
Б – предполагаемая постройка теплого помещения или флигеля.
В – каменно-пивной ледник, над которым предполагается устройство деревянных кладовых.
Г – каменные подвалы, крытые сводами, над которыми предполагается к устройству теплое помещение.
д – существующие каменные постройки.
е – деревянная беседка.

Сырье для «Богемии» в 1920-е годы закупалось на юге России через Московское общество хмелеводов, а Харьковское сельскохозяйственное товарищество поставляло солод и ячмень. Заготовка сырья проходила сезонно – в сентябре, октябре и ноябре, и оно доставлялось по железной дороге Москва – Чудово. Были и перебои с поставкой сырья для «Богемии». «За полным отсутствием сырья – ячменя – завод прекратил работу, – указывал в своем донесении директор завода. – Грозят заводу убытки. Завод является доходной статьей местного бюджета». Для урегулирования этого вопроса в Москву, в Наркомат торговли, был откомандирован председатель Новгорсовета.

Конкуренцию пиву «Богемия» на Северо-Западе страны составляла лишь продукция Ленинградских заводов «Пищетрест» и «Вена», «но поскольку у них сбыт пива производился на дальние расстояния, добавляют больше хмеля, отчего получается жесткое пиво, так что «Богемия» считается лучшим. И привозимое пиво дороже «Богемии» копеек на 50 за ведро». Так оценивалась конкурентоспособность продукции новгородской «Богемии».

ющиеся в товариществе «Богемия» бесплатные выдачи рабочим пива считаю необходимым немедленно прекратить и сумму стоимости этого пива – 1233 рубля 50 копеек, выданного в период с 17 марта по 15 ноября текущего года, обратить в счет на бывшую дирекцию в лице Семенова и Засечкина и нынешнего директора Юденко». В списке рабочих и служащих «Богемии» в 1924 году значилось 50 человек, среди них были солодовники, бондари, медовары, слесари, мойщики и другие специалисты. Директором-распорядителем был Федор Александрович Кураев, заведующим торговым и хозяйственным отделениями – Александр Петрович Исаков, помощником пивовара – Венедикт Карлович Кладин (или Кладни). Должность старшего пивовара исполнял Антон Вацлович Смажик, который в 1914 году специально для работы на заводе «Богемия» прибыл в Новгород из чешского города Лимуз. Можно предположить, что и секреты производства знаменитого чешского пива Антон Вацлович использовал на новгородской «Богемии». И старший пивовар, и его помощник проживали на территории завода в доме на Набережной реки Волхов, 21.

В полугодовом отчете товарищества «Богемия» за 1925 год сохранилась рецептура – состав и количество исходного сырья для производства пива: на одно ведро пива с среднем расходовалось солоду – 2,6 кг, хмеля – 0,066 кг (топлива – 0,0006 куб. саж. дров). Кстати, до 1914 года расход сырья был меньше, потому что оно было лучшего качества: и хмель, и солод, и ячмень были заграничные, высшего сорта, а все виды отечественного сырья по качеству значительно уступали импортному.

Себестоимость одного ведра пива на 1925-26 операционный год составляла 3 рубля 64 копейки, при этом стоимость сырья – 1 рубль 18 копеек, топлива – 1,5 копеек, электроэнергии и пара – 5,8 копеек, рабочей силы – 27,8 копеек, остальная сумма – расходы социальные, на страхование, амортизацию, налоги и сборы.

В уставе Новгородского государственного пивомедоваренного завода «Богемия», утвержденном 10 августа 1926 года, указывалось, что предприятие это образовано для производства и сбыта пива и меда и должно действовать на началах коммерческого расчета на основании декрета СНК СССР от 17

июля 1923 года «О местных трестах». Завод обладал правами юридического лица и находился в ведении Новгородского городского отдела коммунального хозяйства Новгорсовета. Уставной капитал предприятия составлял 197745 рублей, стоимость земельного участка – 7486 рубля.

Для управления предприятием Новгорсовет назначал управляющего на один год, а также утверждал в должности главного бухгалтера и пивовара. В ведении управляющего предприятием находились такие вопросы, как организация производства, установление отпускных цен на продукцию, устройство касс и делопроизводства, ведение отчетности, составление баланса, производственного плана и «плана действий», прием и увольнение рабочих и служащих, заключение коллективных договоров и отдельных трудовых соглашений, покупка и продажа имущества за наличные деньги и в кредит, наем складов и помещений и т.д. В пункте 18 устава было записано: «Управляющий должен проявлять предусмотрительность заботливого хозяина и несет ответственность за свои действия не только по суду в гражданском и уголовном порядке, но и в дисциплинарном перед Новгорсоветом».

Финансирование предприятия осуществлялось как за счет общегосударственных и местных средств, так и путем привлечения кооперативного и частного капитала. Предприятие имело право свободно реализовывать свою продукцию на внутреннем рынке с соблюдением всех правил и законов о внутренней торговле по ценам, утвержденным Новгорсоветом.

7 июня 1926 года была произведена переоценка «Богемии»: земельный участок завода составлял 1.200 кв. саж.; главное здание завода «кирпичное, частью четырех- и частью двухэтажное, в нижнем этаже завода располагалось варочное отделение, одну комнату занимало моечное отделение, рядом с ним в нижнем этаже находились медоваренное и бродильное помещения во всю ширину здания и в два этажа в высоту. Кроме этого были отделения тарелочное, водогрейно-напорное, кладовая для хранение материалов. Отдельно шла постройка новой солодовни и сушильни. Еще одно двухэтажное кирпичное здание, с надстройкой по фасаду третьего этажа, предназначено было для розлива пива и хранения материалов. В отдельном здании конторы размещались склад и квартиры. На территории завода стояли три жилые дома, бондарка, конюшня, каретник и навес, складское помещение для посуды, кладовая, сторожка».

Выработка пива в это время составляла 50 889 ведер, меда – 625 ведер; было продано за первое полугодие 1925-26 операционного года 42163 ведра пива и 654 – меда.

Вопрос реализации товара был не менее сложным, чем его производство. В Новгородской губернии насчитывалось 60 торговых точек по продаже изделий «Богемии» и 25% продукции направлялись в Ленинград. Здесь находился уполномоченный по продаже пива «Богемия» Борис Соломонович Кривицкий, который ратовал за марку «Богемии», не допускал снижения качества новгородского пива. В уведомлении директору завода он писал: «Считаю своим долгом снова напомнить, что подобное качество пива вообще плохое (темное, с осадком)... Такое пиво вообще не надо ни под каким видом посылать, т.к. это продавать невозможно и кроме того портить свое имя и марку»

Известно, что новгородская «Богемия» в 1920-е годы заказывала этикетки для своей продукции в литографии государственного художественно-промышленного техникума в Ленинграде: «1 млн. штук форматом 5,5х8 см в 3 краски с вырубкой по 1.20 коп. за тысячу штук, всего на сумму 1.200 рублей».

«Богемия» заключала договоры с мелкими торговцами «о производстве сбыта пива». При этом последние обязывались торговать исключительно пивом товарищества «Богемия», аккуратно «счет против счета» высылать товариществу причитающиеся за реализованное пиво суммы денег, принимать на свой счет стоимость порчи пива и боя посуды при перевозке и в принадлежащем ему заведении, возвращать порожнюю тару в полном, отправленном с завода количестве, причем «пустые бутылки должны возвращаться только из-под пива, бутылки же винные, из-под самогона, керосина и вообще загрязненные до степени невозможности удаления грязи, товарищество «Богемия» не принимает и стоимость их относит на счет владельца лавки». Один раз в месяц отчет о торговле направлялся в товарищество. Владелец торговой точки отвечал за нарушение договора своим имуществом. Согласно договору, «Богемия» обязывалась оплачивать по 100 рублей из выбранных торговцем патентов и исчисляемый финотделом уравнительный сбор с суммы оборота по торговле пивом, а также провоз пива и тары по железной дороге, и самому владельцу пивной – сумму до полутора рублей с каждого проданного им ведра пива.

Письмами-уведомлениями, а чаще телеграфом, в адрес «Богемии» поступали заявки на товар из Тихвина, Боровенки, Бурги и других населенных пунктов. Шесть пивных точек располагались в Старой Руссе, еще шесть в уезде, на станциях Волот, Лычково, Пола; в Маловишерском уезде насчитывалось семь торговых точек – на станциях Мстинский мост, Бурга, Веребье, Окуловка. В документах завода на 1925 год значились 39 таких торговых точек, в числе которых буфеты при театре Октябрьской революции в Новгороде, на пароходах «Коммунар», «Бойкий».

Солодовый цех и помещение главного механика XIX-XX вв. Общий вид с северо-востока. Архив НСНРПМ. Фото 1977 г.

На заводе был введен режим строгого пропускного контроля за поступлением сырья, вывозом продукции с территории «Богемии». В распоряжении директора указывалось: «На каждый направляемый на завод груз выписывать пропуск с указанием рода груза, от кого следует, количество его мест, после чего означенный пропуск выдавать на руки возчику, не пропуская возчика дальше на завод без пропуска».

Иногда при транспортировке и реализации пива происходили анекдотического рода происшествия, которые свидетельствовали, очевидно, об исключительных вкусовых качествах новгородского пива. Так, «Богемия» обращалась в Кречевицкий 23-й кавполк: «По нашим книгам состоит долгом за клубом Царкавполка, дислоцировавшегося в Кречевицах, 42 рубля 88 копеек за полученное ими в кредит пиво. По имеющимся сведениям Царкавполк хотя и расформирован, но дела его приняты 23-м или 24-м полком, а потому просим указанную задолженность погасить в самом непродолжительном времени». В свою очередь заместитель командира полка подписал такой ответ: «Сообщаем, что такой случай полку не известен, лиц, бравших пиво, в полку не находится, а посему прошу сообщить: кто брал пиво и когда».

Курьезный случай произошел при транспортировке пива в Новгородском уезде. По итогам «расследования боя тары» был составлен акт, подписанный членами правления общества потребителей уезда и провозчика пива Екимова: «...Из отправленных пивомедоваренным товариществом «Богемия» 100 ведер пива фактически было принято 1 957 бутылок. Недостает против отправки 43 бутылки, бою из них – 23 бутылки. Одну корзину, по заявлению провозчика Екимова, в бурю-падару (новгородское слово, означающее непогоду, дождь, ветер) выкинуло из лодки...» В итоге комиссия сделала заключение: «Фактически полученное пиво в количестве 1957 бутылок и порожних 74 корзины принять и оприходовать. Бой в размере 43 бутылок отнести за счет товарищества “Богемия”».

На 1926 год «Богемия» была единственным государственным пивоваренным заводом в Новгородской губернии, число рабочих выросло с 70 человек в 1925-26 операционном году до 92 человек в 1927 году, кроме этого было еще девять рабочих поденных и одиннадцать служащих.

Управление завода, составляя промплан на 1926-27 год, ставило задачу довести выработку продукции до 200 000 ведер (довоенный уровень) и, при имеющемся оборудовании, готовилось перейти с одной варки пива в сутки на двухразовую. Завод готовился к переоборудованию варочного цеха, к увеличению численности рабочих до 100 человек во всех цехах и отделениях: разливочном, сушильном, бродильном, медоваренном, варочном, по очистке зерна, солодоваренном, бондарном и других. На двухсменную работу переводились варочное и бродильное отделения и на трехсменную – солодовенное. Даже «транспорт, состоящий из 10 лошадей, переходит на 2 смены, в связи с вечерней отправкой продукта к вечернему поезду и пароходу». Реализация продукта планировалась таким образом: через торговые лавки – 70000 ведер, частным получателям с завода – 5000 ведер, частным оптовикам с завода – 40000 ведер, через Ленинградские склады в бочках – 55000 ведер.

Работа завода была подчинена определенным правилам внутреннего распорядка: «...продолжительность рабочего времени не может превышать 8 часов... начало и окончание работы применительно к гудкам водного транспорта. Для уборки машин, станков и инструментов рабочим предоставляется 15 минут до окончания работы. Всякая работа, как индивидуальная, так и сдельная и повременная, производится рабочими согласно вручаемым им нарядам. Рабочие получают наряд от пивовара... Ответственность за своевременное снабжение рабочих материалом для работы лежит на пивоваре... Рабочий обязан выполнять работу по установленным в объявлении расценкам. Отказ от работы не допускается даже в том случае, если рабочий не согласен с расценкой. В этом случае ему предоставляется право обжаловать действия администрации в РКИ... Всякая работа принимается пивоваром, который делает отметку в наряде... За превышение рабочим допустимого процента брака на него может быть наложено взыскание... Уплата заработка производится в сроки согласно колдоговора. Количество отработанных дней и часов отмечается в табельных листках, вывешиваемых для проверки рабочими в мастерских. О всяких обнаруженных ошибках в табели рабочие должны немедленно сообщать табельщику на другой день после выдачи зарплаты». Специально составленный табель взысканий – выговоров, выговоров с предупреждениями и увольнений – действовал при нарушении правил внутреннего распорядка: за невыход на работу без уважительной причины, за прекращение работы, за самовольную отлучку или хождение по другим отделениям, за появление на территории завода в нетрезвом виде, за распитие спиртных напитков, за устройство игр в рабочее время, за брань и шум.

«Богемия» не один раз ходатайствовала перед губернскими властями о предоставлении ей льгот при сбыте продукции в пределах Новгородской губернии, «как продукции местной промышленности и как временной меры к поднятию финансового положения завода». Новгородский губсовнархоз в 1926 году признал необходимым и возможным кредит «Богемии» в 50.000 рублей на производственные расходы. Сумму предполагалось использовать на устройство нового оборудования – бетонных бродильных чанов, новой варницы и другие строительные работы.

«Богемией» производились отчисления в местный бюджет в размере 75 процентов, «...имея в виду, что из этих средств некоторая часть ежегодно будет выделяться на усиление оборотных средств предприятия, в зависимости от финансового положения предприятия и состояния местного бюджета». Но на деле отсутствие оборотных средств создавало «большое финансовое напряжение и ставило завод в тяжелое положение». Об этом сообщал управляющий заводом в информационном докладе 1 октября 1927 года.

В период подготовки и ликвидации самостоятельной Новгородской губернии и присоединении ее к Ленинградской области на всех промышленных предприятиях, в том числе и на новгородской «Богемии», проводилась инвентаризация и переоценка имущества, зданий, оборудования, инструментов, транспорта и хозяйственного инвентаря. Общая стоимость «Богемии» с учетом амортизации составила 196000 рублей. Завод вырабатывал около 164000 ведер пива и 7000 ведер меда. Перевозка пива «Богемии» была передана транспортному подотделу исполкома. Запасы пива на 1 октября 1927 год составляли 9000 ведер, столько же в среднем «Богемия» продавала пива за месяц и дополнительно 2500 ведер меда. Торговая сеть завода состояла из трех пивных складов – в Боровичах, Валдае и Старой Руссе, и около 70 пивных лавок, работающих на контрагентных началах.

В ноябре 1927 года на заседании Президиума Новгорсове-

та рассматривался вопрос о вступлении «Богемии» в члены Пивной конвенции. Очевидно, членство в этой организации давало некоторые преимущества по снабжению сырьем предприятий – производителей пива, поскольку заведующий заводом Белов так аргументировал этот шаг: «Принимая во внимание перебойность в заготовках сырья в данное время, а также учитывая возможно большие затруднения в будущей заготовке сырьевой продукции», заводу «Богемия» необходимо вступить в Пивную конвенцию.

Весь следующий год на разных уровнях решался принципиальный вопрос – «быть или не быть» в Новгороде «Богемии», поскольку завод не окупал себя, предприятие было нерентабельным.

Комиссия Новокрисполкома признала существование завода «за отсутствием необходимых условий и средств невозможным», объясняя это изменением финансирования промышленных предприятий, которое произошло после ликвидации Новгородской области и образованием на ее территории округов. Бюджет Новгородского окрисполкома перестраивался, при этом сокращено было финансирование промышленных предприятий, в том числе и «Богемии». Кроме того, на территории округа отсутствовали организации, «могущие принять завод как действующее предприятие». И еще одна причина невозможности существования «Богемии» состояла в том, что поставщики сырья в одностороннем порядке аннулировали договор и отказались от дальнейшего планового снабжения «Богемии». Для сохранения завода Новокрисполком предлагал передать его в аренду или же провести консервацию завода.

В июле 1928 года Новгорсовет решил вопрос о ликвидации пивомедоваренного завода «Богемия» как самостоятельного юридического лица, признав нецелесообразной его деятельность, и из представителей Новгорсовета, Окружного финотдела и профсоюзной организации была назначена ликвидационная комиссия.

Делались некоторые попытки сохранить производство и передать «Богемию» в аренду Ленинградскому союзу потребительских обществ (ЛСПО). В августе был составлен проект договора об аренде сроком на десять лет. ЛСПО брал на себя обязательство провести за три года реконструкцию предприятия и при этом сохранить выпуск продукции, а к 1931 году предполагаемый выпуск продукции должен был составить 210000 ведер. На весь срок аренды в десять лет Новгорсовет обязывался «оказывать всякое содействие, чтобы в Новгороде и округе не допускалось бы кем бы то ни было однородных пивных предприятий без ведома и согласия ЛСПО». Таким образом, ЛСПО мог стать монопольным производителем пива, причем одновременно с передачей помещений и оборудования завода. Горсовет собирался ликвидировать все свои торговорозничные пивные предприятия, торгующие под именем «Богемия», где бы они не находились.

Но этот проект так и остался проектом. И уже с октября 1928 года ликвидкомиссия проводила инвентаризацию и оценку имущества «Богемии», предназначенного к списанию или к реализации – продаже с торгов.

24 июля 1929 года ликвидация «Богемии» была завершена, о чем ликвидационная комиссия составила отчет.

Помещения «Богемии» числились на балансе Лензаготторга и использовались союзом «Плодоовощ» в течение последующих девяти лет. А в октябре 1938 года Новгорсовет постановил, «учитывая, что в г. Новгороде ежегодно ощущается недостаток, особенно в летнее время, в безалкогольных напитках и пиве, считать необходимым восстановление пивомедоваренного завода бывш. "Богемии"». Управляющему Новгородского отделения завода «Вена» поручалось поставить перед «Главпивом» вопрос об ассигновании средств на реставрацию завода, снабжении его «сырьем и предоставить в Новгородскую плановую комиссию план реставрации завода «Богемия».

При оккупации Новгорода в годы Великой Отечественной войны «Богемия», как и большинство зданий города, была частично разрушена. Восстановлению подлежали такие корпуса предприятия, как бродильно-варочный, солодовено-сушильный, бытовой, розлива, подвал. Необходимо было укреплять стены и фундамент, заменять перекрытия, ремонтировать лестничные клетки и прочее. Одним из требований архитектурно-планировочного задания было восстановление завода с учетом технологических требований и сохранением, по возможности, прежних габаритов. Предполагалось устройство центрального отопления, водоснабжение допускалось «самостоятельным забором из р. Волхов». Предусматривалось и благоустройство территории завода – асфальтирование внутризаводской магистрали и тротуаров.

План восстановления завода составлялся специализированной проектной организацией, и все подготовительные материалы по восстановлению подлежали согласованию с автором проекта планировки Новгорода академиком А.В. Щусевым.

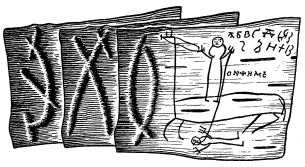
Флюгер на трубе завода «Богемия». Фото 1998 г.

Новгородский облисполком, рассматривая вопрос о восстановлении пивоваренного завода в Новгороде, устанавливал сроки выпуска продукции – III квартал 1946 года, и мощность предприятия должна была составлять 30000 гектолитров пива в год.

Восстанавливался завод в городе просто как пивоваренный, звучное историческое название, зарекомендовавшее себя за многие годы существования – пивомедоваренный завод «Богемия» – к сожалению, восстановлено не было.

ОСНОВАНИЕ

ГАНО. Ф.104. Оп.2. Д.123. Оп.3.966.
Ф.418. Оп.1. Д.300.
Ф.493.Оп.1. Д.794,96.
Ф.Р-524. Оп.1. Д.6,7. Оп.2. Д.1,2,5,7.
Ф.Р-270. Оп.1. Д.254. Оп.4.261.
Ф.Р-261. Оп.4. Д.13.
Ф.Р-822. Оп.1. Д.1109,353.
Ф.Р-248. Оп.1. Д.233.358, 321, 400, 593, 594.
Оп.2. Д.43.
Ф.Р-1244. Оп.1. Д.37.215.
Ф.Р-3686. Оп.1. Д.218.
Ф.Р-3383. Оп.1. Д.3.



Геннадий КОВАЛЕНКО

СТОКГОЛЬМСКИЙ НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Эмиграция из России в Швецию начинается в XVI веке. Разные пути вели русских людей в эту страну. Одни бежали от опричного террора, другие, попав в плен, переходили на шведскую службу. Были и такие, кто доставался шведам вместе с завоеванными землями. В XX веке появляется новый тип эмигрантов: дипломаты-невозвращенцы. Одним из них был сотрудник советского представительства в Стокгольме Сергей Васильевич Дмитриевский.

Сергей Васильевич Дмитриевский

Он родился 25 августа 1893 года в семье директора гимназии в польском городе Холме. Закончив гимназию, он в 1914 году поступает на юридический факультет Петербургского университета, вступает в партию народных социалистов и работает в партийной газете «Народное слово». После Октябрьского переворота был арестован за антибольшевистскую деятельность. Избежав расстрела, он уезжает в Ростов-на-Дону.

Вскоре Ростов был взят большевиками, и Дмитриевский перебирается в Москву, где входит в созданный в марте 1918 года «Союз возрождения России», ставивший целью свержение власти большевиков, и сотрудничает в эсеровской газете «Возрождение». После начала иностранной военной интервенции он порывает с «Союзом возрождения» и переходит на сторону большевиков. Сам он объясняет свой выбор следующим образом: «Я оставил моих товарищей, когда на границах страны заблестели иностранные штыки, зазвенело иностранное золото, когда из-за кулис законодательного собрания показались знакомые всем лики старого режима, когда в захваченных белыми селах начали пороть крестьян».

Дмитриевский переезжает в Петроград, где работает в издательстве, возглавляет отдел высшей школы в Петросовете. После окончания университета преподает историю в высших учебных заведениях.

Осенью 1919 года, когда армия Юденича приближалась к Петрограду, он вступил в РКП(б) и был мобилизован на политическую работу в армию. В 1920 году его направили на работу в Народный комиссариат путей сообщения, а в 1921-м послали в Германию в качестве полномочного представителя НКПС для изучения опыта работы железнодорожного транспорта.

С 1922 года начинается дипломатическая карьера Дмитриевского. Он переходит на работу в торговое представительство, а затем в советское посольство в Берлине. В 1924 году его переводят на работу в советское посольство в Афинах, а через несколько месяцев отзывают в Москву и назначают на ответственный пост в Наркомате иностранных дел. Однако активная политическая деятельность, по всей вероятности, не привлекала Дмитриевского, к тому же у него возникли проблемы со здоровьем, и он решил подыскать себе более спокойную работу на дипломатическом поприще. В июне 1927 года он вместе с женой Лидией и девятилетней дочерью Марией приехал в Стокгольм, где занял пост советника в представительстве СССР.

Дипломатическую работу он успешно совмещал с научной. Побывав в шведских архивах, он открыл в них источники по русской истории, которые не использовал еще никто из русских историков. В 1929 году в ежегоднике Общества «Швеция—СССР» он опубликовал небольшую статью «Изучение нашего прошлого», в которой подчеркнул, что прошлое России и Швеции имеет много точек соприкосновения, и для культурного сближения совместное изучение их прошлого имело бы очень большую ценность.

В апреле 1930 года он был смещен со своего поста и отозван в Москву «для объяснений» по поводу каких-то дисциплинарных проступков. Понимая, что вернуться — значит добровольно подставить свою шею под топор, Дмитриевский решил остаться в Швеции, став одним из первых советских невозвращенцев, за что с трибуны XVI съезда ВКП (б) был предан анафеме лично Сталиным.

Следует отметить, что такое решение он принял не в силу сиюминутных обстоятельств. У него были давние идеологические разногласия с режимом. В своей книге «Судьба России», вышедшей из печати в том же году, он пишет, что, связанный с коммунистической партией не только долгом, но и цепями убеждений, он постепенно пришел к выводу, что «советский режим был не только властью, которая на некоторое время защитила русские национальные интересы и сохранила большую часть единства России, но и вообще была преобразованной по народному образцу национальной властью, которая отвечала тогдашним требованиям народа». Свое решение он объясняет тем, что многое переосмыслил, осознал свои заблуждения и понял, что Сталин завел страну и тупик. «Если мы приходим к твердому убеждению, что дело не в маленьких недостатках механизма, не в отдельных уклонах и ошибках, но во всей политике власти, в системе, в идеологии, — если мы вдруг после мучительных наблюдений открываем, что вместо новой постройки нам преподносят выкрашенный крикливой краской дряхлый и гнилой азиатский балаган, — что мы должны делать тогда? Мы должны твердо сказать: пусть негодные строители убираются и уступят место другим, которые лучше знают и понимают подлинные нужды народные. А если нам замыкают рот, если за малейшую попытку протеста мы должны делать прогулки во внутренние и иные тюрьмы, в Нарым, в Туруханск, то мы должны найти возможности и пути для организации борьбы с режимом».

А еще Дмитриевский вспомнил, как бежавший в Швецию в XVII веке подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин на вопрос о том, почему он бежал, показал следы от кнута на своей спине. «Если бы душа была телом, и я мог обнажить и показать ее, — пишет Дмитриевский, — то вы бы увидели на ней следы духовного кнута, и я мог бы ответить так же».

Второй книгой, изданной им в Швеции, была политическая биография Сталина. Дмитриевский считал, что победа Сталина над оппозицией неизбежна. По его мнению, революционная эпоха непременно должна смениться эпохой цезаризма, который он

считал переходным периодом к демократии. «Я пришел к твердому убеждению, что непосредственный переход от деспотизма к истинному народовластию в нашей стране неосуществим. Народовластие необходимо. И оно придет. Но не скоро».

Дмитриевский сознательно пользуется термином «народовластие», а не «демократия», ибо ни буржуазная демократия, ни советская власть для него не приемлемы. Он считает, что народовластие осуществится в таких формах, «которые сегодня нельзя предвидеть. Во всяком случае, они не будут простым подражанием современному парламентаризму, который уже оказался в тупике, и вряд ли они будут русскими советами, которые также не являются новой формой».

Эти новые формы народовластия призваны обеспечить «спокойную жизнь внутри страны — твердые гарантии прав индивида и общественных классов. Спокойствие за пределами страны — мирная, но твердая политика, направленная на сохранение и укрепление международных связей России. Освобождение своего народа, мир народам земли — вот программа России будущего». Осуществить такую программу, по мнению Дмитриевского, может сильная власть, которая стоит над партиями и фракциями. Такая власть должна защищать не собственные интересы и не интересы одного класса или социальной группы, а всех классов и слоев, всей нации. Такая власть необходима и неизбежна в переходный период. Только она в состоянии выработать и осуществить новые формы демократии.

Его книги и статьи заметили, и вскоре в социал-демократических кругах о нем заговорили как о представителе «новой школы» писателей о Советской России. Но уже вскоре отношение к нему в этих кругах изменилось. Дело в том, что, разочаровавшись во всех политических альтернативах, Дмитриевский ищет ответ на вопрос о сути общественного прогресса с позиций неприятия буржуазной демократии и либерализма. Он считал, что к эволюционному преобразованию общества в направлении демократии может привести взаимодействие национальных и социальных устремлений.

В этом корни его интереса к национал-социализму, прежде всего немецкому. В поисках новых форм народовластия он обращает свои взоры на Германию, без возрождения которой, по его мнению, не может быть мира и процветания в Европе. В ней он видит также оплот борьбы с большевизмом. В 1930-х годах он несколько раз ездил в Берлин, где встречался с высокопоставленными политиками, членами нацистской партии. В 1934 году написал книгу о Гитлере, в которой рассказал о «рождении, борьбе и победах немецкого национал-социализма».

Конечно, увлечение национал-социализмом являет собой печальную страницу в биографии Дмитриевского. Но не будем забывать, что эта книга была написана по горячим следам событий, сразу после того, как Гитлер, сказав немцам то, что они давно хотели услышать, пришел к власти демократическим путем в разочарованной демократическим правлением периода Веймарской республики Германии и не успел еще создать тоталитарной «Третьей империи». Дмитриевский считал приход Гитлера к власти «национальной революцией, самой бескорыстной, благородной, бескровной и дисциплинированной». Отметим, что он был не одинок в своих заблуждениях. Не один он ошибся, приняв желаемое за действительное. Даже такой великий писатель как Кнут Гамсун в то время не смог понять сущности национал-социализма и считал Германию хранительницей порядка и дисциплины, противостоящих распаду, который вносит в жизнь буржуазная демократия.

Такие взгляды Дмитриевского вызывали неприятие в демократических кругах Швеции. Не сложились у него отношения и со шведскими националистическими кругами. Не считали его своим и в кругах белой эмиграции. Поэтому он оказался в своего рода политической изоляции.

Вообще его жизнь в изгнании не была раем, и хлеб чужбины часто был горек для него. Получив статус беженца, он каждый год должен был повторять малоприятную и унизительную процедуру продления разрешения на пребывание в стране. Несколько раз он ходатайствовал о получении шведского гражданства, но всякий раз получал отказ. Почти тридцать лет он был вынужден перебиваться с визы на визу и только в 1957 году получил шведский паспорт.

Военные годы были для него довольно благополучными в материальном плане. Ему удалось получить работу в японском посольстве в Стокгольме, где в 1941-1945 годах он исполнял обязанности советника по Советскому Союзу. Учитывая его прогерманские настроения и подозревая в нелегальной деятельности, шведская полиция безопасности установила за ним наблюдение. Но ее подозрения не подтвердились. Сам Дмитриевский говорил, что он сохранял нейтралитет и потому отказался играть роль Квислинга, которую ему предлагали его бывшие соотечественники. После войны он вообще отошел от политики и занимался только научной работой.

В целом, послевоенный период был для него довольно трудным: почти шесть лет он был безработным и вынужден был продавать свое имущество и картины жены. Порою впадал в отчаяние. Так, в 1948 году он писал: «Я умру от голода, если не произойдет чуда. Я не инвалид, я могу и хочу работать, и если я не получу работу, то я вынужден буду назвать вещи своими именами: медленное политическое убийство, вызванное, с одной стороны, злопамятностью и недоброжелательностью, а с другой стороны, известной пассивностью. Иначе я не могу характеризовать ситуацию».

Только в 1951 году он получил работу в Государственном архиве Швеции, где продолжил начатую в 1945 году эстонским эмигрантом Георгием Волконским работу по описанию и переводу на шведский язык документов Новгородского оккупационного архива, которой занимался до самой смерти в 1964 году. За это время он проделал большую работу, итогом которой стала трехтомная машинописная опись Новгородского оккупационного архива[1] с указателями. С нее и сегодня начинает свое знакомство с этим собранием документов любой исследователь[2].

В государственном архиве Швеции сохранилась его небольшая машинописная статья о «Временнике» — замечательном памятнике русской публицистики, созданном в Новгороде в начале XVII века, в которой он подверг сомнению традиционный взгляд на его авторство. Сознавая, что его точка зрения на проблему не может считаться достаточно аргументированной, редакция все-таки сочла целесообразным опубликовать эту статью, поскольку, как говорил В.И. Вернадский, иногда следует «подвергать свое и чужое суждение критике и соображать, что здесь действительно основывается на знании, а что на привычке».

---

[1] Новгородский оккупационный архив — материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за время шведской оккупации Новгорода 1611-1617 годов, которые шведский военачальник Якоб Делагарди взял с собой при отступлении из Новгорода после заключения Столбовского мира. Архив является крупнейшим собранием документов (свыше 35000 листов) по русской дореволюционной истории в зарубежных архивах.

[2] В 1995 году в Швеции стартовал исследовательский проект Novgorodiana Stockholmensia, целью которого является составление более подробного систематизированного описания Новгородского оккупационного архива.

Сергей ДМИТРИЕВСКИЙ

ДЬЯК ИВАН ТИМОФЕЕВ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

В первой половине XIX века русская Археографическая комиссия под руководством известного исследователя П.М. Строева обнаружила в библиотеке, принадлежавшей Флорищевой пустыни[1], замечательную рукопись. Это была хроника событий первой русской революции – Смутного времени – конца XVI – начала XVII веков. Она называлась «Временник по седьмой тысящи от сотворения света во осмой в першие лета». Автор его в основном тексте указан не был. Но в заметке на полях рукописи есть указание на то, что она была написана дьяком Иваном Тимофеевым по «понуждению» новгородского митрополита Исидора. В основном тексте есть пояснение, что автор, то есть Тимофеев, вначале очень колебался и пытался отказаться от предложения митрополита. Хотя он сам часто размышлял о том, что все, что он видел и слышал о тех событиях, очень ценно, и намеревался описать страдания не только Новгорода, но всего Русского государства в это мрачное время. Но он считал себя плохим писателем, не созревшим для такого дела. Однако Исидор настаивал, и Тимофеев не смог сказать «нет».

В тексте имеется ясное указание на то, когда состоялся этот решающий разговор между Исидором и Тимофеевым, когда было решено начать работу над хроникой: когда правительство Михаила Романова направило своих представителей к шведам с предложением о мирных переговорах. Известно, что эти представители – князь Д.И. Мещерскиий и А. Зюзин – были посланы в начале мая 1616 года. Поэтому можно предположить, что Тимофеев начал свой труд летом 1616 года. Сам он рассказывает в хронике, что писал уже под шведским владычеством – писал втайне столько, сколько смел и мог, постоянно опасаясь врагов и своих людей, которые могли предать его, надеясь позже дополнить и исправить написанное. Труд Тимофеева состоит из двух частей: самого «Временника», состоящего из пяти глав (время царя Ивана Васильевича, время Федора Иоанновича, время Бориса Годунова, время Лжедмитрия, время Василия Шуйского). В пятой главе рассказывается о Новгороде при князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Эта глава заканчивается рассказом об оккупации Москвы поляками и борьбе и судьбе патриарха Гермогена. Вторая часть под общим заголовком «Летописец вкратце» представляет собой попытку дать краткое, но с некоторыми дополнениями, предыдущее описание. Здесь говорится об избрании Владислава, об интервенции в Москве, о Великом Новгороде. Эту вторую часть, по мнению С.Ф. Платонова, следует рассматривать в известной мере как самостоятельную работу. Первая часть, то есть «Временник» в пяти главах, составлена Тимофеевым во время шведского владычества: это явствует из многих дат и указаний в тексте; но первоначальный текст был дополнен им позднее, в том числе автобиографическими заметками. Вторая часть, «Летописец вкратце», написанная после освобождения Новгорода от шведского владычества (март 1617 года), завершается началом 1619 года. Но также и после этого Тимофеев продолжает исправлять и дополнять. Здесь он упоминает возвращение Филарета Романова в Москву и возведение его в сан патриарха (22 июня 1619 года). Одно место в «Летописце вкратце», свидетельствующее о том, что автор знал о беспокойных временах на Западе, но не был еще уведомлен о начале Тридцатилетней войны, позволяет предположить, что Тимофеев закончил набело свой труд вскоре после окончания 1619 года. Таким образом, этим временем следует датировать рукопись.

Советская Археографическая комиссия, которая несколько лет назад знакомилась с русскими материалами в Государственном архиве Швеции и уделила большое внимание тем источникам в «новгородских актах», которые касались дьяка Ивана Тимофеева, в своем отчете выразила надежду, что на основании обнаруженных собственноручных документов Ивана Тимофеева можно определить, вся ли его хроника начисто написана им собственноручно, или только заметки на полях сделаны рукой дьяка. Это могло бы иметь большее значение, чем окончательное исследование этой редкой рукописи. Если окажется, что не вся правка и пометки сделаны рукой Тимофеева, то было бы важно попробовать на рукописи стиль митрополита Исидора, который был вдохновителем Тимофеева, его движущей силой.

Хроника Тимофеева существует в единственном экземпляре, обнаруженном во Флорищевой пустыни. На последнем из 313 листов имеется заметка на русском языке: «куплена сия книга у Еутифея Сидорова Попова, дана 9 алтын. Порукою по нем Иван Васильев сын Безносов. 1699 августа в 1 день». Таким образом, перед тем, как попасть в монастырскую библиотеку, эта книга была в частном собрании. Но почему эта хроника не встречается в других списках? Образованные русские люди в XVII веке высоко ценили списки с различных исторических сочинений о старых временах. Другие произведения о Смуте встречаются во многих списках или цитируются в извлечениях. Хроника Тимофеева не цитировалась никогда. Это означает, что она не получила распространения в XVII веке, оставаясь неизвестной. Первые исследователи, которые занимались этим произведением, были склонны объяснять это ее необычным языком. Он труден, во многих местах почти или совсем непонятен по причине того, что автор употребляет многие искусственные самосконструированные слова. Этот высокопарный многословный труднодоступный язык послужил причиной того, что П.М. Строев недооценивал хронику Тимофеева, поскольку вынужден был признать, что она содержит «неизвестные обстоятельства», свидетельства, которые не встречаются в других источниках.

После П.М. Строева хроника Тимофеева долгое время не была предметом научного исследования, хотя иногда упоминалась в общих обзорах древнерусских сочинений. Первое серьезное исследование этого труда предпринял известный русский исследо-

[1] Флорищева пустынь основана в 1650-х годах в Гороховецком уезде Владимирской земли митрополитом Суздальским и Юрьевским Иларионом (примеч. переводчика).

ватель Смутного времени С.Ф. Платонов в 1888 году в своей работе «Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторической источник». Эта книга вышла вторым изданием с некоторыми исправлениями и дополнениями в 1913 году в Санкт-Петербурге. Раздел о хронике Тимофеева в этом издании занимает страницы 162-213. На основании анализа хроники Платонов пишет: «Мы не можем согласиться с тем строгим приговором, какой произнес над его Временником П.М. Строев, и не можем не жалеть, что этот Временник так долго оставался в полном забвении». С.Ф. Платонов считает хронику совершенно оригинальным произведением, написанным свидетелем «большой смуты» на основании личных наблюдений или свежих слухов. Последовательные взгляды на переживаемую эпоху, своеобразный язык, который не меняется от начала до конца повествования, исключает всякую мысль, что Тимофеев взял что-либо от своих литературных предшественников. Подобно своему современнику Аврамию Палицыну, чья хроника стала столь знаменита и получила широкое распространение в московских кругах в XVII веке и вызвала большое внимание у позднего научного исследования, он, по мнению С.Ф. Платонова, является в известной мере публицистом, который рассматривает события своего времени с моральной точки зрения. Он видит в великой смуте Божью кару и наказание за упадок, в который пришло все русское общество со времени Ивана Грозного. Он раскрывает слабость и преступления правительства, нехватку единства во всех слоях общества, мужества и внутренней силы, всеобщую коррупцию, подозрительность и т.д. Он ненавидит врагов, польских и шведских захватчиков, но не одни они виновны в разорении русского государства, а в значительной мере и «мы сами». В этой моральной точке зрения, в сочетании с разоблачительными фактами упадка тогдашнего русского общества, Тимофеев, согласно Платонову, поразительно приближается к Аврамию Палицыну. Но Палицын был известен и знаменит уже в XVII веке, Тимофеев же и его сочинение были в полном забытьи. Это нельзя объяснить литературными особенностями «Временника», трудночитаемым и порой вовсе непонятным языком. За этим должны лежать более глубокие причины – политические.

Лист рукописи «Временника»

Мы уже отмечали, что за спиной Тимофеева как вдохновитель и движущая сила стоял новгородский митрополит Исидор. Не исключено, что он непосредственно влиял на произведение Тимофеева. Следует отметить два момента. Во-первых, собственноручные письма Тимофеева, встречающиеся в новгородских актах, обнаруживают чистый, ясный канцелярский язык, который никоим образом не напоминает возвышенный многословный и иногда совершенно непонятный язык «Временника» Можно, конечно, предположить, что Тимофеев счел неподобающим использовать для своего исторического труда обычный ясный канцелярский язык. Но во всяком случае трудно понять, как ему удалось в более чем 300-страничной работе постоянно и последовательно сохранять совершенно чуждый ему в обычной жизни торжественный язык с искусственными словообразованиями. Этот высокопарный стиль больше подходит высокообразованному церковному иерарху. Следует вспомнить, что Тимофеев долгое время колебался и отказывался от предложений Исидора взяться за эту работу, ссылаясь при этом на свою слабость как писателя. Нельзя ли предположить, что Исидор хотел создать это произведение на свой манер, и именно в этом смысле Тимофеев считал свои литературные таланты недостаточными? Во-вторых, во «Временнике» присутствует много извлечений из Священного Писания и теологической литературы, где встречается также много слов, переведенных с латыни и греческого.

Тогдашнее образование в Московской Руси было исключительно церковно-религиозным. Поэтому дьяку Ивану Тимофееву не были чужды пространные знания Священного Писания и теологической литературы. Но привычка при всяком подходящем случае ссылаться на Священное Писание и теологическую литературу была свойственна прежде всего образованным представителям духовного сословия. Равным образом можно предположить, что Тимофеев обладал некоторыми познаниями в латыни и греческом, но привычкой разбавлять греческими и латинскими словами свои выкладки были отмечены прежде всего образованные духовные лица. Все это наводит нас на мысль, что действительным автором «Временника» был митрополит Исидор, а Иван Тимофеев являлся в известной мере лишь орудием, писцом, который записывал и приводил в порядок различные высказывания митрополита. Но, судя по всему, он не был слепым орудием, он и сам был образован, сведущ во многих фактах, к тому же одухотворен той же моральной исходной точкой и, возможно, теми же политическими симпатиями и антипатиями, что Исидор. С этой точки зрения можно рассматривать «Временник» как коллективное произведение двух единомышленников. И уже этим можно объяснить некоторые замечательные особенности «Временника», судьбу этого произведения и его забвение.

Riksarkivet. Ämbestearkiv. Huvudarkiv. Byråarkiv.
FVa Historiska utredningar och anteckningar.
Vol. 45. 1950. S. Dmitrievskys arbetspapper.

Перевод со шведского Г. Коваленко

Александр ТОЛСТИКОВ

«ХОЛОП ГОСУДАРЮ НЕ БРАТ»

Шведско-русский дипломатический спор XVI века

Одной из важнейших проблем шведско-русских отношений во второй половине XVI века был спор о порядке осуществления дипломатических контактов между двумя государствами. Русская сторона настаивала на необходимости для шведов ссылаться с Москвой не напрямую, а исключительно через посредство новгородских наместников* . При этом шведскому королю отказывали в праве официально именоваться «братом» русского царя, не признавая его, таким образом, равным царю государем. Этот обычай сложился после включения Новгорода в состав Московского государства. Швеция тогда входила в общескандинавскую Кальмарскую унию, главенствующее положение в которой занимала Дания. Однако в 1523 году уния была окончательно разорвана, и на шведском троне утвердилась новая династия Васа. Первый после разрыва унии шведский король Густав Васа попытался добиться отмены унижавшего его обычая и даже начал военные действия против войск Ивана Грозного, однако его постигла неудача. Сорокалетнее шведско-русское перемирие 1557 года было заключено по-прежнему от имени Новгорода. После смерти Густава послы его сына Эрика XIV, прибывшие в 1561 году для подтверждения прежнего договора, также настаивали на необходимости признания за шведским королем права ссылаться с московским царем без чьего бы то ни было посредничества[1] . Но русские власти были непреклонны. Изменения внешнеполитической ситуации во второй половине 1560-х годов, связанные с ходом Ливонской войны, привели к сближению между Швецией и Россией. В этих условиях Иван Грозный согласился отменить старый обычай и официально признать шведского короля своим «братом». Одним из важнейших условий соглашения была передача русской стороне Екатерины Ягеллонки – жены герцога Юхана (Иоганна), родного брата и политического соперника Эрика XIV, и сестры польского короля Сигизмунда II Августа. Как позднее писал сам царь, он намеревался использовать Екатерину для давления на Польшу. О том, что Юхан жив, Иван, якобы, не знал. На этих условиях в 1567 году был заключен договор, и царь лично (не новгородские наместники его «повелением»!) целовал на нем крест. Но, когда русское посольство во главе с Михаилом Ивановичем Воронцовым прибыло в Стокгольм для ратификации договора шведской стороной, в Швеции произошел государственный переворот и герцог Юхан – муж Екатерины – стал королем Юханом III. Русское посольство пострадало во время переворота. Естественно, ни о каком договоре на прежних условиях теперь не могло быть и речи. Но Юхан все же отпустил русских послов и вступил в переписку с Иваном Грозным по поводу подтверждения старого перемирия. Он также настаивал на отмене унизительного для шведов обычая и признании его «братом» русского царя. Дипломатический спор в этой переписке достиг своей кульминации**. Противостояние также нашло свое выражение и в «битве геральдических символов» (по определению датского историка Дж. Линда)[2] . Важным событием стал арест в России шведского посольства во главе с туркуским епископом Павлом Юстеном в 1570-1572 годах. Как объясняла русская сторона – в ответ на «бесчестье» русских послов в Швеции[3] .

Однако неудачи в Ливонской войне заставили Россию идти на уступки. Уже в конце 1574 года царь был готов в обмен на отвоеванные шведами земли в Лифляндии признать Юхана «братом» и позволить ему «ссылатися с его царским величеством». А в 1576 году шведского гонца, отказавшегося изложить свое дело новгородским властям (то есть подчиниться старому обычаю), по распоряжению Ивана Грозного пропустили в Москву. В 1585 году, при Федоре Ивановиче, когда шли переговоры о продлении Плюсского перемирия, шведы вообще не считали уступкой со стороны России, стремившейся любой ценой добиться передачи Лифляндских земель, позволить им ссылаться с Москвой напрямую. Они совершенно обоснованно заявляли, что это и так уже является свершившимся фактом. Но при всем том отдельные рудименты старого обычая сохранялись и в начале XVII века. Не случайно в 1608 году М.В. Скопин-Шуйский поехал для переговоров со шведами в Новгород.

Вне зависимости от того, какими внешнеполитическими или военными расчетами была продиктована позиция каждой из сторон этого спора – риторика и стратегии аргументации в этом вопросе заслуживают внимания сами по себе. Любые аргументы по определению должны выглядеть убедительно, то есть иметь смысл в пределах некой системы представлений. Поэтому способы обоснования обеими сторонами своей позиции отражают различные системы представлений о главном предмете спора. В данном случае спор шел прежде всего о принципах, в соответствии с которыми следует определять внешнеполитический статус государства и его правителя. Причем сам факт приведения определенного тезиса в качестве аргумента (каковы бы ни были субъективные мотивы этого) свидетельствует о том, что представления, к которым отсылает этот тезис, считаются значимыми для противной стороны. Таким образом, анализ особенностей обоснования своей позиции в указанном дипломатическом споре шведской и русской сторонами позволяет установить некоторые элементы двух отличных друг от друга систем представлений о государстве и государственности.

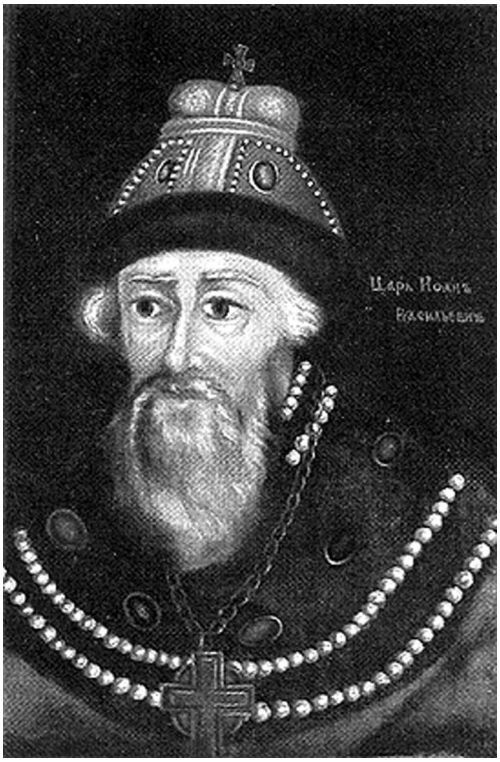
---

* Кстати, такой же порядок действовал и в отношении Ганзы и Ливонии: Казакова Н.А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI вв. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 156-159.

** Все сохранившиеся в русских посольских книгах за этот период письма опубликованы в указанном «Сборнике РИО» в 1910 году. Два письма были затем переизданы в советское время. Часть сохранившейся в шведских архивах переписки опубликовал еще в 1880 году известный шведский исследователь Харальд Ерне. См.: Сб. РИО. С. 178-359; Послания Ивана Грозного. С. 144-161; Hjdrne H. Ur brefvexlingen emellan konung Johan III och tsar Ivan Vasilievitj // Historiskt bibliotek. Stockholm, 1880. D. 7. S. 531-554.

В первую очередь, обращают на себя внимание ссылки русских представителей на «старину», невозможность изменить то, что установилось «при прародителях». Обычно при этом сначала вспоминали Ореховецкий мирный договор 1323 года, заключенный между Магнусом Эрикссоном и новгородским князем Юрием, а затем относительно недавние прецеденты.

Так, в августе 1556 года Иван Грозный писал Густаву: «Извечно те наши бояре и намесники великого Новагорода утверждают мир и крепят перемирья со всеми пограничными государи с своими ближними суседы по старине, как с которыми землями истари поведение ведетца, а Свейской земле з государством великого Новагорода не новое дело почалося, за много лет меж их миры и перемирья бывали, почен от нашего намесника Ноугородцкого ото князя Юрья с Магнушем королем и по ся места грамоты доканчалные и перемирные и книги в нашей казне тому есть, и укоризны и безчестья от тех миров Свейской земле не бывало». Далее царь ссылался на договор того же Густава Васы с Василием III. Позднее повторяющимся мотивом стали напоминания русской стороны о неудачной попытке Густава силой добиться отмены обычая и о перемирии 1557 года. В 1561 году боярин Алексей Данилович Плещеев и дьяк Иван Михайлович Висковатый объясняли послам нового шведского короля Эрика XIV: «...Как изначала от прародителей наших повелося и по се время со всеми пограничными суседы ближними и далними миры и перемирья утверждаем и намесником своим по всем городам те миры держати велим крепко и неподвижно по тому ж, как при отце нашем и прадеде и при всех наших прародителех велося, а неправд никаких не всчинаем, и новых дел не прибавливаем и старинных обычаев по се время нигде не убавливали есмя ничего, и вперед их убавливати не хотим по тому ж как отец наш и дед наш и все наши прародители делали, так и мы делаем»[4].



Портрет царя Ивана Васильевича. Неизвестный художник. Холст, масло. Музей г. Череповца

Приведенное высказывание особенно интересно тем, что в нем нарушение старинного обычая и изменение установившегося порядка приравнивается к «неправде». Похоже, что мы здесь имеем дело с подтверждением наблюдений И. Н. Данилевского и А. Л. Юрганова о том, какой смысл в средневековой Руси вкладывался в понятия «вера» («подлинное знание, освященное традицией... истина, данная в догматах, преданиях и правилах») и «правда» («Слово Божие, то, что мы сейчас соотносим с верой; причем «правда», облеченная в истину... Слово Божие во плоти» – это «вера» той эпохи)[5].

Пример стратегии аргументации, противостоящей постоянным ссылкам русских на «старину», мы можем обнаружить у Юхана III. Как явствует из письма Ивана Грозного (оно датировано октябрем 1571 года), шведский король пытался доказать, что Ореховецкий мир нельзя рассматривать как прецедент, поскольку в то время Новгород не был подчинен Москве и, следовательно, Магнус заключил договор с равным ему самостоятельным правителем.

Таким образом, Юхан указывал как раз на изменения, произошедшие с того времени. Иван Грозный на это отвечал, что Новгород никогда не был отдельным от Москвы государством, так как там правил его предок – Александр Невский.

Здесь мы подходим ко второму важнейшему моменту – постоянному подчеркиванию русской стороной наследственного характера власти царя. Уже практически хрестоматийными стали высказывания Ивана Грозного в адрес шведских королей – потомков Густава Васы, которых царь упрекал в неродовитости. «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей род, а не государьской. А пишешь к нам, что отец твой венчанный король, а мати твоя также венчанная королева, ино то отец твой и мати твоя и венчанныя, а дотоле не бывал нихто! Уже так сказываешься государьской род, и ты скажи, отец твой Густав чей сын и как деда твоего звали, и где на государьстве сидел и с которыми государи был в братстве и которого ты роду государьского?» – писал Иван Грозный Юхану III[6].

Характерно, что при этом всегда подчеркивалось знатное происхождение новгородских наместников, с которыми, как считала русская сторона, надлежало вести дела шведским королям. В письме Ивана Грозного к Густаву Васе (август 1556 года) сказано, что бояре и наместники Новгорода «извечных прироженных великих государей дети и внучата», одни – «Ордынских Царей дети», другие – «Полские короны и великого княжства Литовского братья, а иные великих княжств Тферского и Резанского и Суздалского и иных великих государств прироженцы и внучата, а не простые люди». Те же аргументы выдвигались на переговорах о заключении перемирия в марте 1557 года и в 1561 году, когда прибыло посольство от Эрика XIV для подтверждения этого договора.

Очевидно, для русской стороны порядок осуществления дипломатических контактов определялся знатностью происхождения лиц, выступавших на переговорах от имени государства. Бросается в глаза сходство этих принципов с местническими, но их предполагаемое генетическое родство – отдельная большая проблема. По своему происхождению шведские короли «дотягивали» только до царских бояр и наместников. Иван Грозный в одном из писем сравнивал стремление Юхана III добиться установления отношений с Москвой без посредничества новгородских наместников с попыткой достать от земли до неба[7].

Для самого русского царя важнейшим основанием его прав осуществлять власть и требовать соблюдения особых норм при обращении к нему (как видим, в том числе и в сфере международных отношений) являлось его происхождение от древнего царского рода, начало которого, как известно, возводилось к императору Августу. Как отметил А. В. Каравашкин, «своеобразие русской политико-правовой теории состоит в том, что легитимность (богоизбранность) власти рассматривается в связи с принципом «родства»[8].

Интересно, что, когда в ходе борьбы за политическую самостоятельность русских земель вставал вопрос о нарушении старого порядка, при котором русские князья находились в зависимости от ханов Золотой Орды, также использовались «генеалогические» аргументы. Так, выступление против Мамая мотивировалось тем, что он являлся узурпатором и сам не принадлежал к ханскому роду. Архиепископ Вассиан, призывая Ивана III нарушить клятву по отношению к хану Ахмату (законность происхождения которого не вызывала сомнений), пытался отрицать «царские» права всего рода Чингизидов. А сложившееся в начале XVI века «Сказание о князьях Владимирских» решало эту проблему путем обоснования более древнего по сравнению с татарскими ханами царского достоинства русских князей[9].

Конечно, знатное происхождение не было пустым звуком и для шведских королей. Юхан III, например, ответил Ивану Грозному на упреки в неродовитости перечислением своих предков и особо отметил их близость к прежним правителям Швеции. Но, похоже, родовитость, с точки зрения Ивана Грозного, не могла означать в данном случае ничего другого, кроме наследования власти по прямой линии от самого монарха. Видимо, именно поэтому он заметил в одном из писем Юхану: «...Вы мужичей род, да родством вгосударилися, а не по достоинству».

Также очень важно, что, перечислив своих знаменитых предков, шведский король с гордостью заявил, что родственные связи его отца Густава были подтверждены при его избрании на трон «не только всеми знатнейшими господами в государстве, но и всеми другими, как высокого, так и низкого происхождения». Причем родство с «прежними королями и правителями» было лишь вторым условием избрания, а на первом месте были заслуги Густава в борьбе с датчанами. Сам Юхан, занявший трон в результате переворота, писал царю, что стал королем по просьбе подданных, настрадавшихся под властью Эрика.

В марте 1557 года на переговорах в Москве шведские послы объясняли: «...Все великии государи от Бога сперва избрании, а опосле того от их земель и людей все в одной думе приимут его государем, да покрепят, а благодарит Богу о том, что государь нашь король уже болши 36 лет у нас есть мазанной король...»[10]. Таким образом, принцип знатного происхождения дополнялся принципом избрания короля всеми сословиями.

В одном из первых после своего прихода к власти писем к Ивану Грозному Юхан III именовал себя «избранным королем» (utvaldh konungh), а свою жену Екатерину – «избранной королевой» (utvaldh drottningh). Также «избранным» в русских документах называли и Густава Васу. То, что это выражение употреблено при пересказе речей шведских представителей, позволяет предположить, что и здесь инициатива могла исходить от шведов. Однако не очень ясно, было ли словосочетание «избранный король» как-то переосмыслено русской стороной (в негативном ключе).

При этом следует отметить, что, судя по приведенному выше высказыванию шведских послов, для них «избранность» короля не приравнивалась к процедуре утверждения его кандидатуры на риксдаге, она ей предшествовала и связывалась с божьей волей. Можно предположить, что свидетельством такого избранничества шведских королей было не только знатное происхождение, но и какие-то личные заслуги (именно так, видимо, следует понимать замечание Юхана III о роли его отца Густава в борьбе с датчанами). При этом нельзя забывать, что принцип всенародного подтверждения королевских прав «божьего избранника» имел никак не меньшее значение. Очевидно, решение сословий рассматривалось как реализация божественного выбора. Во всяком случае, речь не шла исключительно о прямом наследовании власти, а в ссылке Юхана на «недоброе правление» его брата Эрика и просьбы подданных занять трон (см. выше) можно усмотреть намек на существование принципов, нарушение которых лишает короля права управлять государством и делает возможным выбор нового правителя. Юхан III писал, что в Шведском королевстве существует обычай выбирать нового короля «из достойных», когда у монарха нет сыновей[11].

Однако в России мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Во-первых, русский царь держал ответ за свои действия только перед самим Богом (этого вопроса мы еще коснемся в дальнейшем). Во-вторых, пока сохранялась древняя династия, вопрос о выборе царя просто не возникал. Хорошо известно, что Иван Грозный, противопоставляя себя избранному шляхтой Стефану Баторию, подчеркивал, что он «царь... по божьему изволенью, а не по многомятежному человечества хотенью». В-третьих, вспомним, что пресечение древней династии Рюриковичей и нарушение привычного порядка престолонаследия (когда вдруг пришлось самим выбирать царя) явилось сильнейшим потрясением и стало одним из важнейших обстоятельств, приведших в конце концов к Смуте[12]. Недаром в конце 1660-х годов дьяк Федор Грибоедов в своей «Истории о царях и великих князьях земли Русской» объявил Алексея Михайловича «правнуком» Ивана Грозного – это позволяло сохранить принцип прямого наследования царской власти[13]. Налицо, таким образом, различия в вопросе об источниках власти государя в России и в Швеции.

В связи с этим следует также отметить, что если для русской стороны в рассматриваемом нами дипломатическом споре место шведского короля в выстраивавшейся иерархии определялось в первую очередь его происхождением, то шведы во главу угла ставили суверенитет монарха. Для них было оскорбительно прежде всего то, что новгородские наместники являлись подданными царя. Шведские послы настаивали на том, что «холоп государю не брат»[14]. Вспомним, что для Юхана III аргументом в пользу Магнуса Эрикссона, заключившего договор с новгородским князем, была именно независимость Новгорода в тот период. Постоянно подчеркивалось, что другие правители Европы признали шведского короля равным себе.

В одном из своих писем к Ивану Грозному Юхан заявил, что его королевство никому не подчиняется и способно защититься от любого нападения. Но царь ответил, что, хотя Швеция и политически независима, «все же великие княжества (storfurstendqmer) не равны». А высказывания Юхана относительно обороноспособности подвластных ему земель он вообще воспринял как угрозу, а не как юридический аргумент* .

Стремясь достичь равноправия в отношениях с Россией, шведы пытались со своей стороны изменить уровень осуществления дипломатических контактов. Еще в 1555 году Густав Васа «не похотел с наместники ссылатися да Выборским наместников не велел пропущати к себе посланников Ноугородцких, а велел Выборским наместником отписывати в Новьгород»[15]. В следующем

* Hjärne H. Op. cit. S. 546. Трудно сказать, почему здесь использовано выражение «великие княжества». Возможно, это не совсем точный перевод (Х. Ерне не опубликовал русский текст этого письма). Великое княжество Финляндское было создано только в 1577 или 1581 году (о значении этого события см. чуть ниже), а письмо датировано октябрем 1571 года. Видимо, в данном случае «storfurstendqmer» означает просто «государства». Хотя и не исключено наличие какого-то другого подтекста.

году в разгар войны было создано Финляндское герцогство с Юханом – будущим королем – во главе. Когда шведско-русские отношения вновь обострились, появилось Великое княжество Финляндское (1577 или 1581 год)**. Уже после смерти Ивана Грозного лифляндский наместник Понтус Делагарди писал в Новгород: «...Яз по всякие времена таков, как ты, ажбы и не лутчи тебя, потому что яз болши верен и есть со мною и болши твоего приказу, также и под моею властью и болши земель и людей, над которыми яз властель».

Таким образом, шведская сторона настаивала на приоритете реального статуса лиц, от имени которых должны были вестись переговоры. Но с точки зрения Москвы признание этого статуса – в соответствии с принципом знатности происхождения – было напрямую связано с родословной этих лиц и заслугами их предков, причем в сравнении с родословной и заслугами предков русских представителей. Интересно в связи с этим отметить, что возможным формальным основанием для Ивана Грозного «учинить братом» Эрика XIV могла быть женитьба на Екатерине Ягеллонке – жене (как якобы полагали в Москве – вдове) родного брата короля. Известно, что выгодная женитьба давала возможность в некоторых случаях нарушать принципы местничества. Впрочем, это только предположение, тем более что сам Иван Грозный отрицал намерение жениться на Екатерине. И, кроме того, повторяем: параллель с местническими принципами в данном случае остается гипотетической, и ее необходимо доказывать специально.

Перейдем, наконец, к третьему важному различию в представлениях о государстве и государственности в России и в Швеции, которое выявляется при анализе аргументации, использовавшейся каждой из сторон рассматриваемого дипломатического спора. Заключалось это различие в понимании характера взаимоотношений между государем и его подданными.

Быть достойным именоваться «братом» русского царя и ссылаться с ним напрямую мог только самодержавный правитель. Как уже упоминалось, договоры со Швецией новгородские наместники заключали «повелением великого государя... за отчину великого государя за Новгород и за всю Ноугородскую державу». Со шведской стороны формула была более развернутой. Так, перемирие 1557 года послы Густава Васы заключили «от Свейские земли от Гастаусовы королевы державы и от выборские державы и ото всее земли Свейские за Гастауса короля и за всех советников кралевства Свейского и за всю землю Свейскую». Затем договор скрепляли король и упсальский архиепископ.

Иван Грозный в своем знаменитом письме Юхану III (11 августа 1572 года) очень четко выразил свое отношение к подобной практике. Я позволю себе привести этот фрагмент полностью, поскольку он весьма показателен: «И ты бы себе розсудил, в великих государьствах так ведетца ли, как в вашем? Отец твой целовал за Свейскую державу да и за Выборскую державу, и по тому Выбор

Король Юхан III.
Государственная портретная галерея. Грипсхольм

кабы иное место, а на Выборе отцу твоему кабы товарыщ. Коли бы ваше великое государьство было, и арцыбискуп бы Псалимской в товарыщех отцу твоему писан не был, а то написан арцыбискуп отцу твоему товарыщ, а советники королевства Свейскаго почему отцу твоему товарыщи? А послы не от одного отца твоего, от всего кралевства Свейскаго, а отец твой у них в головах, кабы староста в волости. И коли бы отец твой великой государь был, и арцыбискуп бы у него в товарыщех не был и советники и вся земля Свейская и Выборская держава не приписана была, и послы бы были от отца твоего от одного, а не от кралевства Свейскаго, а то послы от кралевства Свейскаго, а не от одного отца твоего, а арцыбискуп написан. "Правити и им по той грамоте" – ино видиши ли, како отцу твоему правити, таково арцыбискупу! И тебе по тому нельзя ровнятися с великими государи»[16].

Лично государь, по представлению Ивана Грозного, – высшая власть в государстве. В связи с этим особый интерес представляет один эпизод из русско-польских отношений. Русских послов на аудиенции у Стефана Батория пригласили «к его величеству» – «к маистату». Иван Грозный был этим сильно рассержен. Гнев царя был вызван тем, что в России «маистатом» называли тронное возвышение. Это было зримое воплощение государства, но вся власть сосредотачивалась в личности государя, восседавшего на троне. Поэтому послов должен был принять лично король. «И мы то ведаем: маистат – государство, а на маистате – государь на государстве, и государь государства болши: приведут к государю, ино то к его лицу, а приведут к маистату, ино то к повеленью к государскому приведут, а не к самому государю, ино то уж ниже,

** Как отмечает Дж. Линд, герб нового Великого княжества «был полон адресованных Ивану IV намеков: новгородский лев держит в передней правой лапе меч, принадлежавший ранее «Urus Finlandicus», одновременно попирая ногами ту самую «русскую саблю», которую в гербе Карелии можно было видеть в жестокой битве с «финским мечом». Этот герб до сих пор остается национальной эмблемой Финляндии» (Линд Дж. Указ. соч. С. 225). «Urus Finlandicus», о котором здесь идет речь, – это медведь, символ Финляндии, включенный Иваном Грозным в печать новгородского наместника в 1565 году. Сейчас, как известно, медведь – неофициальный символ России.

да и хуже», – писал царь Стефану Баторию. При этом в письмах к Юхану III Иван Грозный использовал выражения «обладатель высочайшаго нашего царского порога» или «нашего порога степени величество».

Различным был также смысл, вкладывавшийся шведами и русскими в понятие «подданный». В посланиях шведских королей этот термин встречается довольно часто. Вспомним, что именно просьбой подданных Юхан объяснял свое восшествие на престол. Когда он предлагал Ивану Грозному организовать на границе съезд послов, он писал, что эти переговоры будут «обоих наших [государств] подданным во благо». В документах всегда подчеркивались высокое положение и достоинство шведских дипломатов. Например, о посольстве Стена Эрикссона (1557 г.) Густав Васа писал, что он отправил для заключения перемирия «сех наших любовных, честных и великороженых, и великодостойных, добрых людей и наших думцов и верных слуг».

В России термин «подданный» был заимствован из польского языка, и, как отмечал Ф. П. Сергеев, «в русской правовой среде это заимствование стало сближаться – и по звуковому облику, и по семантике – с предложно-именным сочетанием «под данью» (быть, находиться), с помощью которого осмысливалась внутренняя форма (смысловая структура) слова «подданный»[17]. Таким образом, «подданный» — это прежде всего «зависимый», «холоп».

Власть государя над холопом была безгранична. Характерно замечание русского гонца Василия Чихачева. Когда шведы заявили ему, что на восемь человек, составлявших его свиту, корму не хватит, он ответил: «Хоти мне и не станете давати, то ведаете вы, а умру я з голоду и люди мои, и яз царскому величеству и люди мои не убыток, ведаете и сами, что царьского величества государя нашего людей много».

Право царя распоряжаться жизнями его подданных основывалось на божественном происхождении его власти. Например, опричнина для Ивана Грозного, как полагает А.Л. Юрганов, означала прежде всего наказание зла в преддверии Страшного Суда. Царь осуществлял Божью кару. Фактически он претендовал на исполнение функций самого Христа до Второго Пришествия[18]. Но оборотной стороной этой власти была ответственность перед Богом за все царство и за всех подданных. В письме к Юхану III Иван Грозный отмечал, что на нем лежит ответственность за договоры, заключенные новгородскими наместниками, поскольку наместники действовали по его приказанию.

Только в конце XVII века в России начинают постепенно распространяться представления о добровольном характере подчинения подданных власти государя (которая по-прежнему ничем не должна ограничиваться) и о личной ответственности каждого перед Богом. Косвенным свидетельством этих изменений является интерес, проявлявшийся верхами Русского государства и православной церкви к сочинениям Ю. Крижанича, который, в частности, предлагал ликвидировать отношения холопства между государем и его подданными и именовать последних «слугами», «дворянами» и «благородными людьми». Как видим, в рассматриваемых нами материалах можно найти свидетельства существования подобных представлений в Швеции во второй половине XVI века.

Таким образом, в ходе дипломатического спора по поводу наличия или отсутствия у шведского короля права считаться «братом» русского царя и ссылаться непосредственно с Москвой, минуя новгородских наместников, достаточно ярко проявились различия между шведской и русской сторонами в представлениях об источниках и принципах организации власти в государстве. В целом позиция России заключалась в отстаивании приоритета знатности происхождения лиц, представлявших государство, при определении порядка осуществления дипломатических контактов. Отсюда и повышенное внимание к генеалогии, и постоянные ссылки на «старину». Другим важным моментом было то, что власть государя понималась прежде всего как Богом дарованная самодержавная власть, а подданный приравнивался к холопу. Для шведской же стороны главным был реальный статус правителя суверенного государства, причем важнейшим основанием легитимности королевской власти являлось решение сословий.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что сущность указанных различий не стоит преувеличивать. Скорее речь должна идти о том, что в данной конкретной ситуации каждая из сторон использовала те аргументы, которые казались наиболее уместными и наиболее убедительными, кое-где намеренно сгущая краски. Тем не менее, выявленные расхождения представляются достаточно показательными.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством//Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1910. Т. 129. С. 40-43, 88.
[2] Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // Архив русской истории. 1994. Вып. 5. С. 201-226. Автор также отмечает, что «к моменту своей смерти в 1584 г. Иван IV был полностью разбит в придуманной им же самим игре» (Там же. С. 226).
[3] Сб. РИО. С. 171-226; The tragic mission of bishop Paul Juusten to tsar Ivan the Terrible: The itinerary of the delegation to Moscow transi., with introd, a. comment, by Kajanto I. Helsinki, 1995. 122 p.1995. 122 p.
[4] Сб. РИО. С. 20-21, 90.
[5] Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 50, 107. См. также: Юрганов А. Л., Данилевский И. Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 144-171.
[6] Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. С. 153.
[7] Hjärne H. Op.cit. S. 544.
[8] Каравашкин А.В. Идея преемственности власти в России XVI – первой трети XVII вв. // Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвуз. сб. статей, посв. 450-летию учреждения царства в России (1547-1997 гг.). Воронеж, 1998. С. 28.
[9] Горский А. А. Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 17-37.
[10] Сб. РИО. С. 34.
[11] Hjdrne H. Op. cit. S. 552.
[12] Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 198, 234,271.
[13] Пушкарев Л.Н. Богоизбранность монарха в менталитете русских придворных деятелей рубежа Нового времени // Царь и царство в русском общественном сознании. С. 63.
[14] Сб. РИО. С. 35.
[15] Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 240.
[16] Послания Ивана Грозного. С. 156.
[17] Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. С. 122.
[18] Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 356-411.

Надежда ЯКОВЛЕВА

ИВЕРСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Надгробие 1863 года на могиле И.В. Копылова-Орлова

Из множества захоронений, существовавших когда-то в Иверском монастыре, ко второй половине XX века уцелели после всех разорений только два: И.В. Копылова-Орлова и семьи Панаевых.

Илья Васильевич Копылов-Орлов (1795–1862)[1] похоронен в юго-восточной части Иверского монастыря, за алтарем Успенского собора, в августе 1862 года. В сентябре 1863 года на его могиле стараниями архимандрита Иверского монастыря Лаврентия (1808 – 1876) был установлен памятник, заказанный его вдовой, Прасковьей Ивановной Орловой. Летом 1863 года она жила по приглашению своего духовного наставника о. Лаврентия на Иверe[2]. Памятник к годовщине смерти Ильи Васильевича, которая приходилась на 20 августа 1863 года, еще не был готов.

В письме к Прасковье Ивановне от 13 сентября 1863 года архимандрит Лаврентий пишет: «Памятник, лежавший у Вас камнем на сердце, великолепно красуется теперь на своем месте, и днем, и ночью виден из моих окон. Поэтическая, христианская Ваша идея выполнена, за Ваше терпение совершенно удовлетворительно по-моему...»[3]

Памятник представлял собой аналой из темного гранита, покрытый белой мраморной пеленой с золоченой бахромой. На аналое лежало открытое Евангелие с текстом: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и я успокою вас». Над аналоем возвышался вызолоченный крест[4]. В советские годы золотая бахрома, крест и Евангелие оказались утраченными. Эскиз памятника был подготовлен актером И.И. Сосницким.

Прасковья Ивановна Орлова

На южной стороне аналоя выбито: «Илья Васильевич Копылов-Орлов. Скончался 1862 года августа 20 дня на 70-м году». На восточной стороне выбита эпитафия:

Господь, в тот час когда труба
Вострубит миропреставленье,
Прими усопшего раба
В свои блаженные селенья[5].

И.В. Копылов-Орлов был актером Александринского (1825 – 1828) и Малого (1828 – 1848) театров, работал в Одессе, Киеве, Калуге, Серпухове и других местах[6]. Он был дворянином, что достаточно редко в актерской среде, воспитывался в Горном корпусе[7].

Илья Васильевич Копылов-Орлов

В 1835 году в возрасте 42 лет он женился на 19-летней актрисе П.И. Куликовой, будущей звезде русской сцены.

Неуравновешенность, вспыльчивость Ильи Васильевича, привычка всех подчинять своим желаниям сделали в конце концов их брак невозможным[8]. Прожив вместе под одной крышей (и домашней, и сценической) 16 лет, они расстались, официально продолжая считаться супругами.

В 1850 – 60-е годы И.В. Копылов-Орлов жил в Боровичах, часто навещая жену, игравшую на петербургской сцене. Мучаясь разрывом с женой, переживая, пытаясь вернуть ее и одновременно понимая, что мешает душевному спокойствию, актерской работе Прасковьи Ивановны, он не принуждал ее, согласно супружескому долгу, к совместному проживанию. Архимандрит Лаврентий, называя Прасковью Ивановну «птицей поднебесной», подвигает ее в 1860 году оставить сцену[9], а после смерти Ильи Васильевича благословляет ее второй брак. При этом он пишет с Ивера: «За первого мужа Вы вышли по-человечески, или по плоти, а за второго по душе, по желанию потрудиться и быть полезною не себе, а ближним. Видели Вы зарю холодную от первого брака, ибо он был в обыкновенных видах, а второй в видах нравственно-самоотверженных, веруйте, принесет Вам обильный плод»[10]. П.И. Орлова-Савина посвящает себя благо-

Настоятель Иверского монастыря архимандрит Лаврентий (1808-1876)

творительности, помощи храмам и монастырям, христианскому служению[11]. Архиепископ тверской Филофей даже однажды ей сказал: «Зачем вы ездили только в Москву или Ивер, вам бы помолиться угоднику Нилу...»[12]

Помимо денег она пожертвовала камни для украшения оклада, сделанного в 1866 году для Иверской иконы[13], ее иждивением устроены иконы для Успенского собора[14]. Своеобразным актом милосердия и христианской любви было и ее отношение к Копылову-Орлову. В 1862 году она определила его на лечение в Максимилиановскую больницу в Санкт-Петербурге, навещала его, покупала лекарства и оплачивала врачей, заботилась об организации его проезда до Боровичей. Получив известие о том, что Илья Васильевич в тяжелом состоянии, она сразу же выезжает к нему. Прасковья Ивановна прибыла за два часа до его смерти, успев попрощаться и помолиться не только за него, но и за то, чтобы Господь простил их обоих, не сумевших устроить свою жизнь, и потому страдающих. После ее молитвы и слов прощения он тихо скончался[15].

Не желая оставлять покойного в чужом городе, где его некому было бы и помянуть, она приказала везти его в Иверский монастырь, где бывала часто сама и где жила с благословения митрополита Исидора родственница Ильи Васильевича – В.А. Теглева, «старица-дворянка», как о ней говорит леушинская игуменья Таисия[16]. Она была духовной дочерью митрополита Лаврентия, «боголюбивой вдовой, много благотворившей старцу» и устраивавшей его могилу, расположенную в западной части галереи Успенского собора[17]. «Вдовица смиренная», как называл ее о. Лаврентий[18], заботилась и о могиле Копылова-Орлова.

Предварительной договоренности о его захоронении в Иверском монастыре не существовало. Поэтому Прасковья Ивановна поспешила к архимандриту, чтобы повиниться и попросить благословения на устройство могилы мужа.

Отец Лаврентий не только одобрил действия своей духовной дочери, но и сам указал место захоронения – возле собора, напротив окон его покоев, пообещав молиться за покойного[19]. При этом необходимо заметить, что и сам И.В. Копылов-Орлов отличался большой религиозностью[20].

В 1870 году с благословения архимандрита Лаврентия в Иверском монастыре была устроена семейная усыпальница Панаевых, расположенная в северо-восточной части монастыря, в саду. Она представляет собой изящную часовню, возвышающуюся на высоком цоколе, внутри которого и находится собственно усыпальница. Там под тремя каменными саркофагами покоится прах членов семьи Панаевых. Вход в усыпальницу – через западную нижнюю небольшую дверь, над которой находится большая филенчатая дверь, ведущая в часовню. С правой и с левой сторон от входа в часовню спускается двухмаршевая легкая металлическая лестница. Все четыре фасада оформлены треугольными фронтонами. Сложная палаточная форма кровли завершается невысоким шатром в центре, увенчанным крестом.

Усыпальница возведена Валерьяном Александровичем Панаевым (1824 – 1899), двоюродным братом знаменитого И.И. Панаева (1812 – 1862), журналиста, писателя, соредактора некрасовского журнала «Современник». В.А. Панаев, как и его брат Ипполит, тоже принимавший участие в сооружении усыпальницы, был «путейским инженером». Братья закончили Корпус инженеров путей сообщения и определились на службу при строящейся Николаевской железной дороге, принимая участие в изыскании, проектировании, эксплуатации Московско-Петербургской железной дороги[21].

В.А. Панаев поселился недалеко от Валдая, в деревне Кузнецове на реке Шегринке, во владениях Квашниных-Самариных. Он часто бывал в имении Квашниных Новотроицком, принадлежавшем тогда семейству Фроловских: Наталье Александровне (урожд. Квашниной-Самариной) и Ивану Петровичу[22]. Там он по-

Усыпальница Панаевых (1870 г.) в Иверском монастыре

знакомился со своей будущей женой – Софьей Михайловной Мельгуновой, мать которой, Анна Александровна (урожд. Квашнина-Самарина) была сестрой хозяйки Новотроицкого и владела соседним имением Байнево.

После свадьбы В.А. Панаева и С.М. Мильгуновой, состоявшейся в 1850 году[23], усадьба Байнево перешла в их собственность[24]. И бывать на Валдае, в Иверском монастыре, они имели частую возможность.

Квашнины-Самарины, Мельгуновы, Панаевы принадлежали к древнейшим русским родам[25]. Как говорит семейное предание, Панаевы происходили от новгородцев Паналимовых, выселенных Иваном Грозным из Новгорода в восточные пределы России. Там их стали писать Панаевыми, как полагают, по причине того, что они породнились с одним из сподвижников Ермака, есаулом Паном[26]. Родословная Панаевых была составлена дочерью В.А. Панаева, Е.В. Дягилевой, и хранится в рукописном отделе Института русской литературы[27]. В 1998 году эти материалы были опубликованы в книге воспоминаний Е.В. Дягилевой[28].

Валерьян Александрович Панаев был не только строителем Николаевской железной дороги (он занимался проектированием, изысканием, эксплуатацией и других железных дорог России), но также автором книг по экономике и железнодорожному строительству, публицистом, создателем музыкального, так называемого «Панаевского», театра в Петербурге. На деньги, заработанные им и братом Ипполитом на строительстве Курско-Киевской железной дороги, они и решили построить усыпальницу с часовенкой для своей матери, похороненной в Иверском монастыре[29].

Елена Матвеевна Панаева (урожд. Лалаева) много потрудилась для воспитания четырех своих сыновей: Илиадора, Аркадия, Ипполита и Валерьяна. Двух младших в 1836 году она вывезла из своего имения под Казанью в Петербург и отдала в самое престижное тогда учебное заведение – Корпус инженеров путей сообщения. Когда сыновья, окончив его, обустраивались на новом месте, под Валдаем, она постоянно приезжала к ним, помогая всем, чем могла[30]. Ее муж, Александр Иванович Панаев, в июле 1854 года сообщает своему бывшему однокурснику С.Т. Аксакову о смерти Елены Матвеевны. В Валдае у нее жила мать. Елена Матвеевна поехала навестить ее и помолиться в Иверском монастыре. Ложный слух о гибели в Крымской кампании сына Аркадия настолько поразил ее, что она не смогла перенести этого известия. Умирая, Елена Матвеевна просила похоронить ее в Иверском монастыре, что и было сделано[31]. А в 1870 году горячо любившие ее сыновья с благословения архимандрита Лаврентия переносят прах матери в семейную усыпальницу, сооруженную ими на Иверe, в монастырском саду.

Вскоре, совершенно неожиданно для В.А. Панаева, здесь же пришлось готовить еще одно место захоронения – для его младшей дочери, Валентины.

Валентина Валерьяновна Шуленбург (1855 – 1875) умерла после родов. Менее полутора лет она состояла в браке с графом Иваном Карловичем Шуленбургом (1850 – 1891), поручиком Кавалергардского полка, другом П.П. Дягилева, женившегося на другой дочери В.А. Панаева – Елене.

Как пишет в своих воспоминаниях Е.В. Дягилева, «Шуленбург никому не нравился...»[32] Особенно отчаянно сопротивлялся браку Валентины с Шуленбургом отец, В.А. Панаев[33]. После смерти жены И.К. Шуленбург уволился из полка и жил в своем имении в Новгород-Северском уезде, где состоял уездным предводителем дворянства[34].

Оставшегося после смерти Валентины мальчика (Сергея Шуленбурга) воспитывала его бабушка – Софья Михайловна Панаева (1830 – 1912).

Валентина Шуленбург (урожд. Панаева) в юные годы производила впечатление серьезного, молчаливого, редко смеющегося человека[35]. Вспоминая последние месяцы ее жизни, Е.В. Дягилева замечает, что привычная ее молчаливость исчезала в те моменты, когда она видела маленького Сережу Дягилева (будущего «великого импресарио» – С.П. Дягилева, 1872 – 1929), к которому питала трогательную нежность. Всякий раз, как только она приезжала к своей сестре Елене, сразу же шла в детскую и все время визита проводила в разговорах с племянником Сережей. В эти моменты она разговаривала без умолку. А мальчик смотрел на нее своими огромными черными глазами, обнимал за шею, задумчиво гладил по щеке и говорил: «Тетя Лина, отчего ты такая бархатная?»[36] И удачнее определения для Валентины Валерьяновны было невозможно найти. Вся ее своеобразная красота, и все, что было надето на ней, и то, как она говорила, смотрела – все казалось именно бархатным.

Своего сына, родившегося 20 мая 1875 года, она назвала в честь Сережи Дягилева – Сергеем, а 11 июля ее уже не стало[37]. В свою очередь, Елена Валерьяновна в память об умершей сестре назвала своего вскоре родившегося сына Валентином. Валентин Павлович Дягилев (1875-1929) – выпускник Академии Генерального штаба, профессор, магистр военной истории – примет мученическую смерть в Соловецких лагерях. В том же 1929 году оборвется и жизнь С.П. Дягилева, который был особым светом в жизни Валентины.

Валерьян Александрович Панаев (1824-1899). Фото 1880-х гг.

Она умерла незадолго до своего двадцатилетия. В день, когда ей должен был исполниться 21 год (18 июля 1876 г.), ее сестра Елена приехала к ней на могилу, в Иверский монастырь, и привезла подарок, о котором давно мечтала Лина (так называли в семье Валентину Валерьяновну). Волею судьбы у случайно встреченной монахини Серафимо-Дивлевского монастыря, основанного А.С. Мильгуновой (напомним, что мать сестер Панаевых тоже из рода Мельгуновых), Елене посчастливилось приобрести образ архангела Серафима. Еще в детстве, когда Лина смотрела на изображение архангела Серафима с кадилом и свечой в руке, то говорила, что непременно хотела бы быть такой же[39]. С июля 1876 года эта икона висела в усыпальнице Панаевых как особая память о Лине.

Смерть Валентины сильно подорвала здоровье отца, В.А. Панаева[40]. Может быть на это намекал в посвящении брату Ипполит Панаев:

...Но думая о всех, ты помни и своих,
Для блага их немало планов строил
И все заботился, чтобы устроить их –
Устроил нас – зато себя расстроил...[41]

Устраивая дела близких, он позаботился и об умершем брате, Илиадоре Александровиче Панаеве (1819 – 1886), похороненном рядом со своей матерью и племянницей в Иверском монастыре[42]. Илиадор Панаев был удивительно музыкальным человеком, мечтал стать великим скрипачом и сделал все возможное для того, чтобы им стал его сын Ахиллес Панаев (1862 – 1919)[43]. Имя сыну он дал по примеру Паганини, которым восхищался всю жизнь и который своего сына назвал Ахиллесом.

Панаевы, их дети и родственники делали большие пожертвования в Иверский монастырь на содержание усыпальницы и поминовение родных. Постоянным монастырским вкладчиком был и свекр Елены Валерьяновны – Павел Дмитриевич Дягилев (1808 – 1883)[44]. Из далекой Перми он совершал частые паломничества на Ивер. В 1858 году он вез в монастырь новую серебряную раку для мощей прп. Иакова Боровицкого. Рака, устроенная «усердием доброхотных жертвователей» и выполненная петербургским мастером А. Верховцевым, весила 3 пуда 29 фунтов 5 золотников. В самый трудный момент пути во время доставки раки в монастырь П.Д. Дягилев имел чудесное видение прп. Иакова Боровицкого и был свидетелем его незримой помощи[45].

Стремясь всем сердцем на Ивер, он не знал еще, что эта земля надолго задержит возле себя его род. Внук П.Д. Дягилева Юрий Павлович Дягилев (1878 – 1954), являясь одновременно и внуком В.А. Панаева, станет последним владельцем валдайского имения Байнево. Выйдя в отставку, оставив военную службу, литературу и основанный им в Петербурге Кустарный музей, он поселится в нескольких верстах от Иверского монастыря, сделается гласным Валдайского земского собрания, будет принимать активное участие в общественной и духовной жизни Валдая[46], часто приходя на Ивер к усыпальнице, где покоились его родные.

Елена Валерьяновна Панаева (Дягилева). Начало 1870-х гг.

130 лет стоит в Иверском монастыре Панаевская усыпальница, 137 лет – памятник И.В. Копылову-Орлову. В связи с их историей вспоминаются судьбы замечательных русских людей, составлявших цвет нашего Отечества и самым сокровенным образом объединенных Иверо м и дивным старцем и молитвенником архимандритом Лаврентием, обретшим в 1876 году вечный покой в том же Иверском монастыре.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По воспоминаниям жены И.В. Копылова-Орлова, ему в июне 1862 г. шел 67-й год, т.е. датой рождения может считаться 1795 или 1796 год (см. Орлова-Савина П.И. Автобиография. М., 1994. С.356, 396).
На могильном памятнике написано (возможно, это сделано ошибочно при выполнении надгробия), что покойный умер на 70-м году жизни, т.е. датой его рождения может быть 1792 или 1793 год.
[2] Орлова-Савина П.И. Автобиография. М., 1994. С.363.
[3] Биография и письма в Бозе почившего отца архимандрита Лаврентия, настоятеля первоклассного Иверского Богородицкого Валдайского монастыря Новгородской губернии. М., 1887. С.104.
[4] Орлова-Савина П.И. Указ. соч. С. 357.
[5] Яковлева Н.П. Могильный памятник в монастыре // Ленинский путь. 1990. 20 октября, №126 (10209). С.3.
[6] Театральная энциклопедия. Т.4. М., 1965, С.207-208; Орлова-Савина П.И. Указ. соч. С.193-220.
[7] Орлова-Савина П.И. Указ. соч. С.17, 396.
[8] Там же. С.17, 18, 135, 138-139, 217.
[9] Биография и письма... С.97-98.
[10] Там же. С.114.
[11] Васильев А.В. Артистка даровитая, умная, добросовестная // Валдай. 1995. 10 окт., №118(10962). С.3.
[12] Орлова-Савина П.И. Указ. соч. С.352.
[13] Биография и письма... С.110.
[14] Главная церковно-ризничная опись Валдайского Иверского монастыря. 1904. С.41-42.
[15] Орлова-Савина П.И. Указ. соч. С.356-357.
[16] Воспоминания игуменьи Таисии, настоятельницы Леушинского монастыря, об архимандрите Лаврентии (Макарове) // Валдайский подвижник. М., 1997. С.151.
[17] Биография и письма... С.51.
[18] Там же. С.108.
[19] Орлова-Савина П.И. Указ. соч. С.357.
[20] Там же. С.135.
[21] Воспоминания Валерьяна Александровича Панаева // Русская старина. 1893. Т.80. С.560-568; 1901. Т.107. С.32, 285-287.
[22] Можанская А.Ф., Андреева М.Ф. Потомки Константина Тона на Новгородской земле // Русская провинция. 1996. №3. С.95.
[23] Воспоминания В.А. Панаева... 1901. Т.107. С.320.
[24] Земельный инвентарь Валдайского уезда Новгородской губернии. Новгород, 1902. С.38.
[25] Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. СПб, 1890. Т.1. С.311, 744; Т.2. С.443.
[26]Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб, 1873. С.235; Руммель В.В., Голубев В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб,1887. Т.2. С. 242-249.
[27] Р.О.ИРЛИ. Ф.102. Ед.хр.7. Л.49-51.
[28] Дягилева Е.В. Семейная запись о Дягилевых. СПб, 1998. С.256-258.
[29] Там же. С.160.
[30] Воспоминания В.А. Панаева... 1893. Т.80. С.64-70; 1901. Т.107. С.287.
[31] Личный архив Панаевых в собрании В.И. Пызина. СПб.
[32] Дягилева Е.В. Семейная запись... С.79.
[33] Там же. С.79.
[34] Сборник биографий кавалергардов, 1826-1908. СПб, 1908. С.276.
[35] Дягилева Е.В. Семейная запись... С.77.
[36] Там же. С.124.
[37] Там же. С.129-131.
[38] Там же. С.253-254.
[39] Там же. С.161.
[40] Там же. С.133.
[41] Там же. С.164.
[42] Там же. С.201.
[43] Там же. С.257.
[44] Главная церковно-ризничная опись... С.45.
[45] Дягилева. Е.В. Семейная запись... С.160.
[46] Памятная книжка Новгородской губернии на 1915 г. Новгород, 1915. С.143.

Юрий МАРКИТАНОВ

БЕСПОСАДОЧНЫЙ ПЕРЕЛЕТ МОСКВА-КРЕЧЕВИЦЫ

Незабываемые 30-е годы... Именно тогда, в результате огромного труда советского народа, наша Родина вошла в число передовых авиационных держав. Благодаря таланту ученых и авиационных конструкторов, в годы первых пятилеток были созданы летательные аппараты различного назначения. Бурные события тех времен не обошли и новгородскую землю, и тем более приятно, что из ситуации, которую внезапно подбросила жизнь, наши земляки вышли с честью.

В 1933-м году конструкторским бюро А.Н. Туполева по заданию партии и правительства был создан специальный самолет для беспосадочного перелета на расстояние свыше 10 000 километров, получивший название «АНТ-25-РД» (АНТ – Андрей Николаевич Туполев, РД – рекорд дальности).

После установления экипажем в составе М.М. Громова, А.И. Филина и И.Т. Спирина в сентябре 1934 года на самолете «АНТ-25» мирового рекорда дальности по замкнутой кривой – 12 411 километров – герой челюскинской эпопеи Сигизмунд Александрович Леваневский на одном из приемов в Кремле в начале 1935 года попросил у Сталина согласия на организацию беспосадочного полета из Москвы в США, в город Сан-Франциско, через Северный полюс.

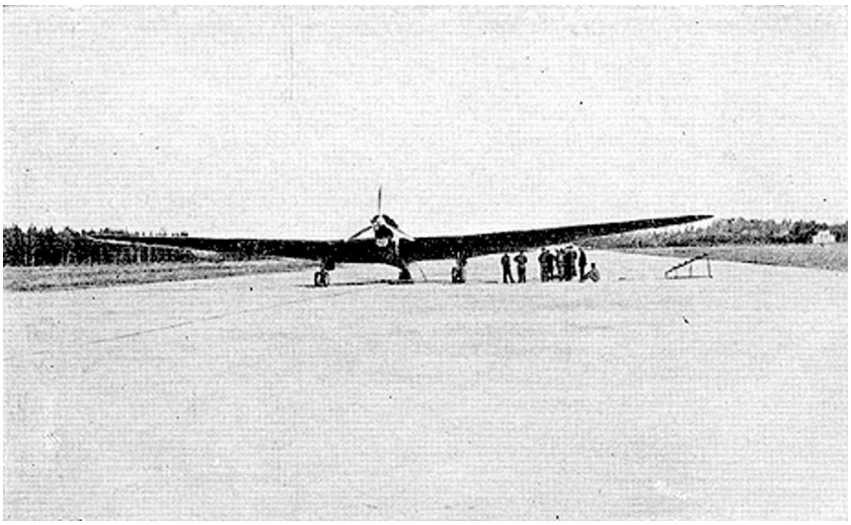
Мировые рекорды дальности полета подразделяются на два вида: полет по кругу (замкнутой кривой) и полет по прямой линии. Упорная борьба в мире шла за установление мирового рекорда дальности полета по прямой. Для этого варианта рекордного полета наиболее важны совершенство конструкции самолета, его экономичность и мастерство экипажа.

В 1933 году французы Росси и Кодос в полете из Нью-Йорка в Сирию за 70 часов полета установили рекорд – 9104 километра. Экипаж Сигизмунда Леваневского собирался пролететь от Москвы до Сан-Франциско через Северный полюс – расчетное расстояние 9605 километров – за 60-70 часов.

Проект перелета был рассмотрен и одобрен на Совете Труда и Обороны. Был определен следующий состав экипажа самолета «АНТ-25»: командир корабля – Герой Советского Союза (номер два) полярный летчик С.А. Леваневский, второй пилот корабля – слушатель инженерного факультета Военно-воздушной академии имени Жуковского летчик Г.Ф. Байдуков, штурман корабля – штурман Черноморского флота В. И. Левченко. Запасной второй пилот – командир штурмовой эскадрильи летчик В. М. Гуревич, запасной штурман и ответственный за штурманскую подготовку экипажа «АНТ-25» – начальник штурманской кафедры Военно-воздушной академии имени Жуковского профессор А.В. Беляков. Комитет по дальнему перелету возглавили нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе и конструктор А.Н. Туполев.

Для выполнения перелета был определен самолет, на котором Громов уже установил рекорд по замкнутой кривой. Кстати, к тому времени заложили целую серию из пятидесяти таких самолетов. Правда, полностью осуществить столь большую программу не удалось, но около двадцати машин было все же построено.

Многое потребовалось переделать и дополнить на самолете «АНТ-25», чтобы приспособить его к перелету через всю арктическую часть земного шара. Над этим работали несколько институтов и авиазаводов. Самолет «АНТ-25» представлял собой сгусток технических новшеств. Машину оснастили электроподъемными шасси, рацией с дальностью действия до 6000 километров, приборами для слепого полета, для измерения влажности воздуха, давления, облачности. Самолет был снабжен специальными воздухонаполняемыми баллонами для вынужденной посадки на воду. На моторе «М-34» (главный конструктор А.А. Микулин) мощностью 950 лошадиных сил вместо деревянного установили металлический трехлопастной винт. Размах крыла «АНТ-25» составлял 34 метра при длине самолета 14 метров (удлинение крыла – 13,75). Полетный



«АНТ-25-РД» готовится к взлету. 1935 г.

вес – 11500 кг, из них 6100 кг – бензин. Красавец-самолет имел следующую раскраску: крылья красные, фюзеляж светло-серый с черными полосами, капот мотора – черного цвета. Опознавательные знаки самолета написаны большими буквами белой краской на крыльях сверху и снизу: «USSR №25».

Это был уникальный, выдающийся по своим данным и конструкции самолет того времени. Только после Второй Мировой войны появились машины с несколько большей дальностью полета.

С первого взгляда казалось очевидным, что в эпоху авиации проще и надежнее организовать воздушную связь двух великих стран – СССР и США – через Западную Европу и Атлантический океан. Однако самое простое измерение расстояний воздушных маршрутов показывало, что кратчайший путь по воздуху из СССР в Америку проходит через Арктику. В самом деле, от Москвы до Сан-Франциско через Тихий океан около 18000 километров, через Атлантический – около 14000, а через Северный полюс – 9605 километров. Предполагалось преодолеть это расстояние примерно за 60-70 часов (высота полета 2000-3000 м) и вылететь с таким расчетом, чтобы посадку в Сан-Франциско произвести днем.

Подготовка к перелету очень широко освещалась в прессе. Половина, а то и более материалов различных газет была посвящена предстоящему полету. В статьях подробно освещались буквально все стороны предстоящего мероприятия.

Настал день отлета – 3 августа 1935 года. Это уже был поздний срок для вылета: немного оставалось до наступления полярной темноты над Северным полюсом. В Москве еще было по-летнему тепло.

Раннее утро. Закончена заправка горючим, укладка грузов (кстати, все этапы подготовки самолета к полету подробно снимались на кинопленку бригадой «Союзкинохроники»). Врач, работавший с экипажем два последних месяца, прислушивается: все летчики спокойно спят. Жаль, но надо будить: «Вставайте, стартуем!»

Первым встает Байдуков, идет умываться. За ним – всегда веселый Левченко вместе с Леваневским. Принесли пакет из Наркомата связи: его нужно сдать на почтамт в Сан-Франциско через трое суток. Другой пакет – с письмами, конвертами и специальными марками, выпущенными к этому перелету (на конверты наклеивалась марка с портретом С.А. Леваневского с надпечаткой «Воздушный рейс Москва – Сан-Франциско через Северный полюс»). Письма отправлены иностранными посольствами и филателистами. Всего было принято более ста писем.

...На аэродром приехали Ворошилов, Шмидт, Туполев, работники авиационной промышленности, сотрудники американского посольства во главе с послом господином У. Буллитом, советские и иностранные корреспонденты, друзья и близкие.

Всю ночь и до самого старта шел проливной дождь.

В 5 часов утра начальник метеостанции доложил Ворошилову, Шмидту, Леваневскому последние данные о погоде. Дождь еще будет сопровождать их примерно 200 километров, дальше по маршруту погода хорошая. США и Канада дают прогнозы удовлетворительные.

Заработал мотор. Взлетает белая ракета: приготовиться! Через несколько мгновений взвивается красная ракета: готовы! Туполев прошел вдоль полосы и остановился у предполагаемого места отрыва самолета.

Взлетает вторая белая ракета: старт разрешаю!

6 часов 05 минут. Краснокрылый самолет начинает катиться с «горки» (для этого полета была сделана специальная бетонированная взлетная полоса длинной 4000 метров с горкой в начале, высотой 12 метров – для более быстрого разгона).

Перегруженная машина «АНТ-25» бежала на отрыв по бетонной дорожке аэродрома. Горючего и масла было взято с лихвой для беспосадочного перелета из одной части света в другую. При таком перегрузе малейшая ошибка летчика на взлете с узкой бетонной дорожки, бросок машины вправо или влево готовили ей и экипажу гибель.

Позади, за спиной Леваневского, стоял Георгий Байдуков и помогал в управлении на взлете. Байдуков по условию смотрел за правой, Леваневский – за левой стороной дорожки. И вот летчики почувствовали, наконец, отрыв тяжелой машины от земли. Кстати, отрыв колес был произведен немного ранее запланированного места. Это была радостная минута. Но радость оказалась недолгой...

Самолет не набирал высоты, он летел низко, над самой землей. А на Щелковском аэродроме все не расходился народ, и люди между собой с восторгом говорили о том, как изумительно поднимал Леваневский мощную машину с бетонной дорожки.

Высотомер показывал в начале полета всего лишь пятьдесят метров высоты. И этот прибор долго не хотел говорить ничего нового. Даже на этой малой высоте перегруженная машина порою проваливалась. И летчики боролись за каждый метр высоты.

За ними взлетает тренировочный самолет Р-5 с запасными членами экипажа – Гуревичем и Беляковым, некоторое время летит рядом, потом приветственно покачивает крыльями и поворачивает обратно.

Обстановка не благоприятствовала полету: шел дождь, и была низкая облачность. Однако все знали, что через 200 километров летчики выйдут из полосы плохой погоды.

Вот первые сообщения с борта самолета:

«3 августа. 6 часов 40 минут. Материальная часть работает хорошо. Имеем сильную болтанку, летим на высоте 300 метров».

«7 часов 25 минут. Прошли реку Волгу севернее Калязина. Высота 250 метров, облака – выше. Ясно, все в порядке».

Прошло почти полтора часа полета, самолет медленно набирает высоту.

«8 часов 17 минут. Прошли реку Мологу. Высота 800 метров. Ясно. Передаю на волне 5492. Левченко».

Положение стало улучшаться. Дождь закончился, выглянуло солнце.

Погода была великолепная. Видимость – исключительная, такая редко бывает в начале августа, как говорят летчики – миллион на миллион. Вдруг Леваневский подозвал Байдукова и прокричал на ухо:

– Посмотрите, что это за веревочная струя масла на левом крыле?

Действительно, виднелась струя масла, похожая на непрерывно извивающегося гигантского червя. Внутри самолета, на полу стали проступать масляные пятна.

Пилоты сообщили об этом в штаб перелета радиограммой в 10 часов 20 минут утра: «Падает масло, причина неизвестна...»

Струя масла увеличивалась. Подсчитали приблизительный расход, и получалось с учетом всех запасов, что его должно хватить до земли по ту сторону Ледовитого океана, до канадской тундры. Можно было рискнуть, дотянуть туда и приземлиться где-то возле жилья. Но летчики помнили наказ наркома Серго Орджоникидзе (тогда Главное управление авиационной промышленности входило в Наркомат тяжелой промышленности) , который говорил экипажу:

– Ни в коем случае не летите в Америку на неисправной технике.

Кабина быстро заполнялась чадом, трудно становилось дышать, могло наступить отравление угарным газом. Масло покрывало стекла кабины.

Мнения экипажа разделились. Байдуков считал возможным продолжить полет, однако Леваневский, как командир экипажа, настаивал на возвращении.

Еще несколько раз экипаж сообщал, что выброс масла возрастает, и через десять часов полета, где-то уже над Кольским полуостровом, с борта самолета передали запрос в Москву: просим разрешить прекратить полет по назначенному маршруту и возвратиться на один из аэродромов.

А. Беляков, Г. Байдуков, Гуревич, С. Леваневский и В. Левченко в период подготовки к перелету из Москвы через северный полюс в Америку. 1935 г.

Штаб перелета передал распоряжение – немедленно возвращаться.

А погода – словно по заказу: ни облачка. Но решение принято – нужно возвращаться.

Левченко связывался с ближайшими аэродромами, запрашивал, кто сможет принять летящую машину. Но начальники аэродромов от нее отказывались. Этого самолета просто боялись. Ведь сделав неудачную посадку, машина могла воспламениться и вызвать пожар – сгореть сама и сжечь вокруг себя все. Да еще и в условиях недостаточной видимости границы взлетно-посадочной полосы аэродрома обозначались с помощью часто расставленных факелов (емкостей с горящим керосином) вдоль полосы. Левченко отвечали, что для такой гигантской машины надо искать аэродромы южнее. И действительно: южнее Ленинграда, в Кречевицах, согласились принять самолет.

Но вернуться назад и сделать посадку на машине, не выработавшей и трети своего громадного груза горючего, было еще более опасным, чем продолжать дальнейший полет. На перегруженной машине нельзя было садиться, а слив в воздухе горючего грозил пожаром. Выхлопные трубы двигателя метали хлопья фиолетового огня, который мог поджечь выливаемый бензин, и самолет, объятый пламенем, ринулся бы на землю.

Снизились до 200 метров и разрывными устройствами открыли нижние подкрыльевые горловины сливных устройств бензосистемы.

На всех рабочих местах внутри самолета концентрация паров бензина нарастала с каждой минутой, и от малейшей искры машина могла взорваться. Поэтому выключили немедленно радиостанцию, преобразователи которой могли вызвать взрыв.

Самолет быстро становился легче, но дышать становилось тяжелее. Все было пропитано парами легковоспламеняющейся смеси. В условиях темноты огромные светло-фиолетовые ленты пламени выхлопных газов мотора, которые днем простым глазом не видны, теперь казались созданными для казни экипажа.

Байдуков вел насыщенный парами бензина самолет над макушками леса и думал: «Уж лучше было рискнуть перелететь полюс!»

Открыв до отказа боковые створки передней кабины, чтобы максимально продуть внутреннюю часть самолета и понизить концентрацию паров бензина, он попросил Леваневского выпустить шасси, готовясь к ночной посадке.

Слив прошел благополучно. Некоторое время за самолетом тянулся шлейф из мельчайшей бензиновой пыли. Садились в темноте.

Самолет долго катился по грунтовому полю Кречевицкого аэродрома.

Выключив мотор, Байдуков сразу открыл верхние люки передней кабины. Леваневский уже на земле – он вылез из машины через задний люк самолета. Оставив включенными только навигационные огни и внутреннее освещение кабины, Байдуков поспешил к командиру, освещавшему фонариком облитый маслом фюзеляж самолета.

Они обнаружили, что масло било из дренажной трубки рабочего маслобака. Приторный запах бензина, пропитавший перкалевое покрытие металлических крыльев, все еще был весьма сильным.

Окликнув штурмана, продолжавшего в кабине самолета собирать и складывать на место полетные карты и бортовые журналы, Байдуков попросил его выключить АНО (аэронавигационные огни) и не забыть лежавшие в центроплане 9000 долларов, которые были вручены перед вылетом Ворошиловым со словами: «Это когда сядете. Погуляете, как полагается!» Эх, не удалось!

И тут случилось неожиданное: штурман Левченко, выключая АНО, случайно задел нажим пуска двух осветительных ракет, которыми пользуются при вынужденной посадке ночью (так называемые ракеты Хольта, которые в нормальных условиях при включении выпадали через специальный лючок из

крыла самолета, повисали на тросе, затем воспламенялись и освещали место посадки; в полете их сносило потоком воздуха, и опасности они не представляли). Ракеты мгновенно прожгли лонжероны (температура свыше 2000 градусов), выпали на землю и со страшным шипеньем разгорались под самолетом. Весь пропитанный бензином, самолет вспыхнул. Леваневский и Байдуков сбросили куртки, вскочили на плоскости и начали гасить пламя. Левченко выскочил из самолета и стал помогать.

Неизвестно, чем бы кончилась отчаянная попытка потушить самолет, если бы к нему не подъехали две грузовые машины с огромными чехлами и очень толковыми красноармейцами, которые спокойно и деловито накрыли плоскости брезентом и быстро погасили пламя. За мужественные действия при тушении пожара группа красноармейцев была поощрена лично наркомом Ворошиловым, а старший этой группы получил от него золотые именные часы.

Из Кречевиц Леваневский отправил телеграмму следующего содержания: «3-го августа, в 22 часа 30 минут, самолет «СССР № 025» произвел благополучную посадку на аэродроме южнее Ленинграда, куда ему указано было сесть».

Утром в Кречевицы прибыла правительственная комиссия во главе с А.Н. Туполевым. Среди ее членов был Валерий Павлович Чкалов. Основной вывод комиссии – оставшегося количества масла вполне хватило бы для успешного завершения перелета. Выяснилось, что утечка была из дренажной трубки. Видимо, при заправке масла залили выше нормы (перестраховались!), оно стало пениться, и излишки его выбрасывались через неудачно продуманную дренажную систему.

Самолет восстановили за три дня, и Байдуков перегнал его в Москву.

И только в июне 1937 года экипажу в составе: Чкалов, Байдуков, Беляков на таком же «АНТ-25» удалось совершить перелет в Америку через Северный полюс – за 63 часа 16 минут самолет покрыл расстояние 11430 километров (9130 километров по прямой).

Ну, и в заключение – немного о судьбе почты, которую отправили с экипажем Леваневского в США. После возвращения самолета АНТ-25 в Москву ее отвезли на почтамт, и оттуда письма, уже со специальным штампом – «ВВИДУ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛЕТА НАПРАВЛЯЕТСЯ ОБЫЧНЫМ ПОРЯДКОМ», разошлись по адресам и стали ценными экспонатами в коллекциях филателистов всего мира. Накануне перелета Наркомат связи принимал решение о выпуске специальной марки, посвященной перелету экипажа Леваневского 1935 года, однако из-за нехватки времени марка выпущена не была. Вышли из положения очень просто: на марку с изображением Леваневского из серии «Спасение челюскинцев» (серия из десяти марок вышла в январе 1935-го года) сделали надпечатку – «Перелет Москва – Сан-Франциско через Сев. полюс, 1935 – 1 р.» Однако и тут не обошлось без казусов: несколько надпечаток было сделано «вверх ногами», а в ряде экземпляров в слове «Сан-Франциско» вместо прописного красовалось строчное «ф». Нужно сказать, что такие «ошибки» особенно ценятся у коллекционеров. И еще один довольно загадочный эпизод – почти мистика. Под портретом каждого летчика из серии «Спасение челюскинцев» нарисованы две лавровые ветви, а на марке Леваневского одна ветвь лавровая, а другая миртовая – знак траура. Художник В. В. Завьялов, автор этой серии, недоуменно разводил руками, когда его спрашивали об этой ошибке... Одну из таких марок в 1945 году Советское правительство подарило президенту США Ф. Рузвельту, как большому коллекционеру марок. Однако после его смерти марка попала в другую, самую крупную частную коллекцию мира – в коллекцию английской королевы...

Изучая материалы по подготовке и перелету экипажа Леваневского в США через Северный полюс по разным источникам, мне пришлось столкнуться с проблемой несовпадения некоторых данных у различных авторов. Поэтому мой рассказ следует считать одной из версий легендарного несостоявшегося перелета.

Вениамин ШЕЙНКЕР

Натаниэль Готорн (1804-1864) – великий американский писатель-романтик, оказавший огромное влияние на последующее развитие и своеобразие литературы США. Хотя внешне готорновская традиция не бросается в глаза, преемственность ощущается на более глубоком уровне: философском, нравственном, проблемно-тематическом. Последний классик американской литературы XX века Роберт Пенн Уоррен писал в 1973 году: «Готорн – первый американский художник, в творчестве которого мы можем ощутить сокровенную связь жизни и литературы; поистине мы можем сказать, что Готорн открыл американскую литературу в ее духовной сущности и что, в определенном смысле, это роль не мене важна, чем сами его произведения». Поэтому традиция Готорна прослеживается в творчестве таких знаменитых писателей, как Генри Джеймс, Уилла Кэзер, Скотт Фитцджеральд, Уильям Фолкнер, сам Уоррен и многие другие. В отличие от своих предшественников и современников Готорн в своих произведениях крайне редко изображал события за пределами США или, точнее, той их части, которая называется Новой Англией, придавая казалось бы частным событиям в истории Новой Англии тотальный трагический смысл, присущий всей человеческой жизни, и стремясь, как он говорил, «связать прошедшие времена с самой что ни на есть современностью». Писатель всегда подчеркивал, что прошлое никогда не исчезает полностью, что «грехи отцов» переходят из поколения в поколение, вот почему человек должен чувствовать ответственность за все свое поведение, за все поступки. Зло является порождением догматического рационализма, который ведет к тирании, угнетению, нетерпимости, эгоизму, историческим и моральным преступлениям, калечащим жизнь других людей, что символически изображено в данной новелле.

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА НОВЕЛЛЫ Н. ГОТОРНА «ИТЕН БРЭНД»

Известно, что Готорн был глубоким знатоком пуританского наследия и что он тщательно изучал труды пуританских мыслителей XVII-XVIII веков [10; 12; 13], среди которых особенное влияние оказал на него Джонатан Эдвардс (1703-1758), утверждавший, что греховность составляет неотъемлемую принадлежность рода человеческого. «Грех, – писал он, – есть вселенское страдание, свойственное всему человечеству – и бремя его нужно нести с момента рождения до смерти» [6,117]. Вместе с тем Эдвардс был наиболее прогрессивным среди пуританских писателей. Он отвергал основополагающую идею пуританизма о детерминированности судьбы каждого человека, выдвинув принцип свободной воли; произвел перелом во взглядах на соотношение разума и чувств («головы» и «сердца»), так как традиционно пуритане с большим подозрением относились к миру чувств, который, по их мнению, был наиболее открыт козням дьявола, и потому «от праведного пуританина требовалось постоянное их подавление, так что его духовный мир оказывался в безраздельном владении разума» [3, 374].

Влияние идей Эдвардса ощущается во многих произведениях Готорна, в частности это касается одной из важнейших проблем почти всех 116 рассказов и четырех романов писателя: проблемы греха, то есть вины людей в их отношениях к Богу и друг с другом, тех последствий, которые несет грех как для самого его носителя, так и для окружающих.

Однако большинство грехов, учитывая милость Господа, теологи считали искупимыми, и лишь некоторые из них признавались за «непростительные». Проблема непростительного греха занимала умы многих богословов: о нем писали католические мыслители, а также Кальвин, Лютер, многочисленные толкователи и комментаторы Библии.

Истоком этого понятия служили слова Христа в «Евангелии от Матфея»: «Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке ни в будущем» [2:12, 32]. Пуританские теологи, развивая эту идею, значительно расширили сферу ее применения, включив в понятие «непростительного греха» всякое проявление неуважения к Богу, отрицание его милосердия, неверие в кровь, пролитую Христом. Однако всякое светское прегрешение исключалось из числа непростительных.

Готорн секуляризирует это понятие, модифицируя его в более житейские, человеческие формы. В «Американских записных книжках» писателя есть такие слова: «Быть может, непростительный грех состоит в недостатке любви и уважения к Человеческой Душе. Поэтому тот, кто его ищет, заглядывает в темные глубины души не с надеждой или целью сделать ее лучше, а из холодного философского любопытства, наперед испытывая удовлетворение оттого, что она окажется в какой-то мере порочной, и лишь желая ее изучить. Не есть ли это – иначе говоря – отделение ума от сердца?»[1]

Эта мысль была как бы зародышем и послужила толчком к созданию новеллы «Итен Брэнд», заглавный герой которой, бывший скромный обжигальщик извести, отправился искать непростительный грех. Он начал с того, что свою девушку Эстер «с ледяным спокойствием, без тени угрызений совести избрал объектом для своих психологических опытов, опустошив, поглотив, быть может, даже уничтожив в ходе исследований ее душу» [360]. Вслед за тем он поступил точно так же еще не с одним человеком, толкая их на преступления, ради единственной цели – найти в их душе непростительный грех. После 18 лет скитаний и подобных экспериментов он в итоге понял, что сам оказался носителем этого непростительного греха, и, вернувшись туда, откуда он начал свои поиски, покончил с собою, бросившись в печь, огонь которой символизировал адское пламя. «Все, чему была отдана его жизнь, больше чем жизнь, оказалось заблуждением», – так с помощью несобственно прямой речи подводится итог его исканиям [369].

Что толкнуло Брэнда вступить на этот порочный путь? 18 лет тому назад это был совсем другой человек. «С какой приязнью и теплотой, с каким сочувствием к людям и состраданием к их грехам и несчастьям» [363] относился он к ближним, «с каким благо-

говейным чувством заглядывал тогда в человеческое сердце, ибо считал это сердце божественным храмом» [364]. Но Готорн неслучайно любил повторять слова Баньяна о том, что дорога в ад начинается от врат рая. Так и произошло с протагонистом новеллы. Его всецело увлекла мысль, что такое грех, и непростительный грех в частности. «Умственная жизнь, все более напряженная, нарушила в конце-концов равновесие между разумом и сердцем Итена Брэнда. Завладевшая им Идея толкнула его на путь познания, развила заложенные от природы способности до возможного для них предела, вознесла полуграмотного рабочего на такие высоты, куда вряд ли могли бы последовать за ним даже философы, постигшие всю университетскую премудрость. Так обстояло дело с его разумом. Ну, а что произошло с сердцем? Сердце сморщилось, иссохло, окаменело, погибло... Итен Брэнд оторвался от магнетической цепи, связующей людское общество» [364]. Таков прямой вызов романтика Готорна традиционным пуританским воззрениям на соотношение разума и чувств. Писатель явно указывает, что культивирование одного рассудка, забвение «сердца» и есть прямой путь к непростительному греху. Это расплата за знание без любви, за холодный анализ.

Все события в новелле сконструированы так, чтобы сосредоточить все внимание читателя на итоге скитаний Брэнда, показать в наиболее отрицательном, мрачном свете, во что превратился этот человек. Каждая деталь, каждый персонаж служат этой цели. В частности ради этого автор соблюдает полные классические единства места и времени. Действие начинается вскоре после заката солнца и длится до рассвета (что усиливает сумрачный колорит повествования) и сосредоточено возле раскаленной гигантской печи для обжига извести, время от времени озаряющей все вокруг себя зловещим пламенем, что как бы предуказывает на страшный конец Брэнда, который появляется возле этой печи и в ней заканчивает свою жизнь. Появление Брэнда на страницах новеллы подготавливается и мрачным, наводящим ужас пейзажем и, так сказать, акустически. Прежде чем возникает его фигура, в темноте раздается чей-то ужасный смех. В обычном повествовании, в обычном контексте смех как раз является противоположностью ужасного. Однако здесь это был «взрыв смеха (a roar of laughter) – безрадостного, долгого, даже торжественного, точно гул ветра, клонящего кроны деревьев в лесу» [352]. Этот смех проходит лейтмотивом через всю новеллу и характеризуется как «laugh of scorn», «awful laugh», «slow, heavy laugh», «peal of laugh». Готорн пишет: «Когда смех неуместен и неурочен или вызван чувствами болезненно смятенными, он придает человеческому голосу порой безмерно жуткое звучание. Недаром у поэтов злые духи и всякая нечисть разражаются в соответствующих случаях леденящим душу хохотом» [355].

Писатель использует еще один лейтмотив для характеристики Брэнда. Это постоянно повторяющиеся описания печи и ее пламени как выражения того адского огня, который пылает в душе Итена, и как предуказание на его финальный шаг. Печь описывается в начале новеллы так подробно, как ни в одной другой новелле Готорна не описывается ни один предмет. При первом появлении Брэнда Бартрем, чтобы лучше разглядеть его, «открыл печную дверь, и сразу же пламя нестерпимо ярким светом (a gush of fierce light) залило лицо и фигуру ночного гостя». И в этом свете «даже на малочувствительную жесткую натуру обжигальщика начало действовать что-то неуловимое, затаившееся в этом исхудалом, хмуром, отмеченном работой мысли лице, обрамленном всклокоченными, седеющими волосами, в этих запавших глазах, подобным огням в глубине таинственной пещеры» [354]. Несколько раз «bright eyes» Брэнда отождествляются с «brightness of the furnace». И, наконец, в кульминационной сцене, когда Итен стоял на печи, вскинув руки, чтобы броситься туда, «синее пламя озарило его лицо жутким мертвенным светом, который разительно подходил к выражению, застывшему на этом лице – так должен выглядеть злой дух перед тем, как броситься в пучину нестерпимых страданий» [365].

Мелвилл, прочитав эту новеллу, которая произвела на него большое впечатление, писал Готорну: «Развитие ума (cultivation of brain) съедает сердце», и восклицал: «Я – за сердце. К чертям собачьим голову! Лучше быть дураком с сердцем, чем Юпитером-громовержцем с головой» [7,438].

Другие персонажи новеллы далеко уступают Брэнду в интеллектуальном отношении. Писатель нарочно вводит людей, пропивших свой ум, интеллектуально и морально опустившихся, явных грешников, но все же все они выше и человечнее протагониста. Бартрем посылает своего сынишку за старыми знакомыми Итена, теми, что еще до начала поисков Брэнда просиживали в кабачке «с утра до ночи – зимой потягивая флип у камина, а летом покуривая трубку под навесом крыльца». Все они образчики того искаженного и извращенного, что есть в человеке, все они грешники, но они лучше Брэнда, ибо не порвали с «магнетической цепью», связывающей людей. Один из них – театральный антрепренер, пропитанный табаком и бренди, но все-таки в нем при этом был какой-то неуловимый привкус добродушия. Другой – спившийся калека, бывший адвокат Джайлс, но он никогда «не терял мужества и бодрости духа (kept the courage and spirit of a man) ... и вел тяжкую борьбу с нуждой и враждебными жизненными обстоятельствами» [358-389]. Третий – врач, тоже опустившийся, но сохранивший свое искусство и никогда не отказывающийся помочь людям. Пороки всех троих менее губительны для души, чем пагубный интеллект Брэнда. Тот, кто сохранил в себе хоть каплю человеческого, не может, по мысли Готорна, являться носителем непростительного греха.

Всего несколько строк занимает в новелле внешне комичный эпизод с собакой, но он аллегорически очень важен в контексте всего произведения. Вместе с толпой, пришедшей поглазеть на Брэнда, приплелся и «добронравный, воспитанный пожилой пес». «И вдруг это степенное, это достойное четвероногое *по собственному почину* (курсив мой – **В.Ш.**) и без всякого внешнего повода начало кружиться на месте в погоне за хвостом, который в довершение абсурдности такого поведения был куда короче, чем ему подобало. Еще никогда и никто не проявлял такого упорства, *гоняясь за тем, чего нельзя достичь*, еще никто и никогда не издавал столь разнообразных и устрашающих громких звуков ... словно одна оконечность нелепого животного была в непримиримой, смертельной вражде с другой. Все быстрее и быстрее кружилась дворняга, все быстрее убегал от нее недостижимый обрубок хвоста ... пока, обессилев, но нисколько не приблизившись к цели, дурацкий старый пес не прекратил кружения столь же внезапно, как и начал» [362].

Совершенно очевидно здесь существует параллель между бессмысленным кружением пса и поисками Брэнда. Поэтому внешне комический эпизод лишь углубляет и драматизирует проблему новеллы. Автор подчеркивает абсурдность поведения пса словами «the foolish old dog», «ridiculous brute» и тем, что хвост был настолько короток, что недосягаем. В итоге собака оказывается «as far from the goal as ever». При этом писатель снабжает пса предельно очеловечивающими определениями: до начала своей погони за хвостом это было «воспитанное», «добронравное», желающее «быть общительным» создание, что еще больше сближает его с Итеном, каким тот был до начала своих поисков. Кроме того, пес «был сам себе хозяин» и начал крутиться «по собственному почину», что под пером Готорна означало выпад против

пуританской концепции предопределения и указывало на свободную волю живого существа и в данном случае Брэнда. Только свободная воля, а не предопределение, могла толкнуть человека на путь греха или вывести его на дорогу добродетели.

С поведением Итена поведение пса сближается словом «абсурдность», которое повторяется несколько раз применительно к действиям того и другого. И, наконец, внутреннее сближение обоих кроется в словах о том, что одна часть животного была в непримиримой вражде с другой. Так и у Брэнда «голова» находилась в непримиримой вражде с «сердцем». Чтобы сделать эту параллель более очевидной, автор завершает сцену словами: «Брэнд... уловил, возможно, какое-то отдаленное сходство между своей судьбой и упражнениями дворняги, потому что рассмеялся тем страшным смехом, который лучше всего отражал его внутреннее состояние» [362].

В этом эпизоде кроется еще один глубинный смысл. Трансценденталисты Эмерсон и Торо придавали огромное значение фигуре круга. Так, Эмерсон в эссе «Круги» писал: «Жизнь человека это саморасширяющийся круг, который от крошечного едва заметного колечка распространяется во все стороны, превращаясь во все новые, во все большие круги, и так без конца» [11,304]. В новелле содержится, очевидно, определенная полемика с Эмерсоном (известно, что Готорн был далеко не во всем согласен со своими друзьями трансценденталистами): не всякий круг означает эмерсоновский, «важнейший символ структуры окружающего мира», ибо не всякий круг саморасширяется, превращаясь в спираль, не всякое движение прогрессивно. У многих людей вся жизнь – это бессмысленное движение по кругу, заканчивающееся ничем. Такова жизнь не только Итена Брэнда, но и Уэйкфилда из одноименной новеллы и Крэнфилда из «Тройной судьбы», которые пытаются искать что-то необыкновенное, но завершают тем же, возвращаясь в исходный пункт, даром растратив долгие годы жизни и ничего не достигнув и причинив только горе близким.

Полной противоположностью этим персонажам был Эрнст, герой известной новеллы «Великий каменный лик», опубликованной в том же сборнике, что и «Брэнд». Его жизнь ничуть не напоминает движение по кругу, хотя он тоже посвятил жизнь поискам и в конце концов обнаружил в себе самом то, что искал всю жизнь. Он искал «величайшего и благороднейшего человека своего времени». Он продолжает жить на одном и том же месте и, хотя остается простодушным, скромным человеком, постепенно становится знаменитым среди окружающих за бескорыстие, добрые дела. «Не проходило и дня, чтобы не умножалось добро на земле, и только оттого, что на ней жил такой простой и скромный человек. Он... учил людей благу» [367].

Для понимания образа Брэнда очень важна и антропонимика этого персонажа. Известно, что большинство имен жителей Новой Англии взято, согласно пуританской традиции, из Ветхого Завета. Однако в художественных произведениях эти имена отбираются по воле писателя, ибо антропонимический потенциал очень велик и позволяет более глубоко раскрыть замысел автора, вызывая у читателей-современников определенные ассоциации. Сказанное очень часто относится к персонажам Готорна и, в частности, к имени Итена Брэнда. Литератор Филдз в своей книге «Воспоминания о писателях» писал: «Готорн был прилежным читателем Библии, и когда я порой по своему невежеству бывало спрашивал его, читая верстку, почему он употребляет то или иное имя или слово, он почти всегда отсылал меня к Библии как к своему источнику» [9, 94]. В Третьей книге Царств Господь дает Соломону «сердце мудрое и разумное» [8, 3:12] (в английском тексте Библии это звучит как «largeness of heart»), и там же Соломон противопоставляется некоему Эфану (или Этану), у которого упоминается только ум [8, 4:31]. Равновесие сердца и ума, которое Готорн считал нормой для человека, в христианской традиции воплощено именно в Соломоне. Еще раз встречается Эфан в псалмах 87 и 88, где он слезно умоляет Господа простить ему его грехи. Имя это было, очевидно, широко известно в Новой Англии, ибо именно эти псалмы были рекомендованы пуританским молитвенником как наиболее подходящие для вечерней рождественской молитвы. Готорн иронически дает своему герою это имя, ибо тот воплощает единственный грех, который нельзя простить, да Итен и не думает раскаиваться.

Также из Библии идет понятие о прощенном грешнике как о головне, выхваченной из пламени: «Не головня ли он, исторгнутая из огня?» [5, 3:2]. В английском тексте это звучит так: «Is not this a brand plucked out of the fire?» Тот же образ встречается и в книге Амоса: «И вы были выхвачены как головня из огня...» [4, 4:11] – «and you were as if a fire brand plucked out of the burning».

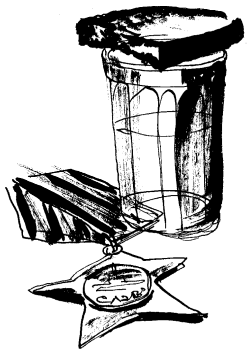
Оксфордский словарь цитирует эти слова Захарии и Амоса, определяя «brand» как «человека, спасенного от нависшей опасности», приводя целый ряд литературных примеров подобного рода. А в американском словаре Уорчестера первое значение слова «brand» толкуется как «piece of wood partly burned».

Самое интересное то, что в американских романах 20-40-х годов XIX века эта фраза – «as a brand plucked out of the fire» – встречается весьма часто для обозначения спасения вообще и спасения души в особенности: в главе 17 романа Мак Генри «Лесной призрак» (1823), в 38-й главе знаменитых «Пионеров» Купера (1823), в романе Уиттьера «Листки из дневника Маргарет Смит» (1849), в романе Чини «Взгляд на пилигримов» (1824; 1850). Таким образом, эту фразу можно было считать весьма известной в готорновские времена: она выражала идею спасения, которое всегда существует, пока полено еще горит, то есть пока продолжается жизнь. Однако Готорн использует имя Брэнда в противоположном смысле, ибо для Брэнда нет ни спасения, ни прощения, что весьма характерно для манеры Готорна использовать традиционный образ в нетрадиционном смысле. Брэнд не только не выхвачен из огня, но сам бросается в него, так как его непростительный грех состоит не просто в богохульстве, но самое главное в том, что он порвал «магнетическую цепь человечности».

Литература XX века посвятила немало страниц тем страшным последствиям для человека и общества, к которым приводит отставание нравственного развития от интеллекта. Натаниель Готорн был одним из первых писателей, который еще в XIX веке столь остро поставил эту трагическую проблему, назвав такую ситуацию «непростительным грехом».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Натаниель Готорн. Избранные произведения в двух томах. Л., 1982. С. 453-454. В дальнейшем цитаты из этого издания будут указываться в скобках в самом тексте работы.
2. Евангелие от Матфея.
3. История литературы США. М., 1997. Т.1.
4. Книга Захарии.
5. Книга Амоса.
6. Литературная история Соединенных Штатов Америки.
7. «Сделать прекрасным наш день». Публицистика американского романтизма. М., 1990.
8. Третья книга Царств.
9. Fields J.T. Yesterdays with Authors. L., 1872.
10. Kesselring M.L. Hawthorne's Reading: 1828-1850. N.Y., 1949.
11. Selections from Ralph Waldo Emerson. Boston, 1860. vol.2.
12. Turner H.A. Hawthorne's Literary Borrowings // PMLA. vol.51. 1936. June.
13. Warren A. Hawthorne's Reading // New England Quarterly. vol.8. 1935. December.



Предлагаемые воспоминания взяты из большого жизнеописания , которое оставил своим детям и внукам новгородец Василий Кириллович Богданов. Он собирался стать землеустроителем, но война изменила все планы – он стал кавалеристом и прошел всю войну, завершив боевой путь Парадом Победы.

В кармане его гимнастерки все четыре долгих года хранилась маленькая фотография сокурсницы Нади, которая стала впоследствии женой. После войны Василию Богданову пришлось работать в советских и партийных учреждениях, объездить Псковскую и Новгородскую области. Во всех служебных перемещениях его сопровождала Надежда Георгиевна с детьми.

В записках Василия Кирилловича собран большой фактологический материал не только о нем и о его родных, но и о жизни советских людей в 20-70-е годы.

Ирина Савинова

Василий БОГДАНОВ

ДВА ПАРАДА ПОБЕДЫ

Из воспоминаний

Из 1418 фронтовых дней войны на мою долю пришлось их более тысячи, – с июня 1942 по май 1945 годов я был на фронте. Весь свой боевой путь прошел в рядах воинов 24-го и 17-го гвардейских кавалерийских полков 5-й гвардейской кавалерийской дивизии имени Г.И. Котовского 3-го гвардейского кавалерийского корпуса: сначала в должности командира огневого взвода противотанковой батареи, потом – командиром полковой батареи 77-мм орудий. Воевал на Юго-Западном, Сталинградском, Донском, Западном, 1-м Прибалтийском, 3-м Белорусском и 2-м Белорусском фронтах. С боями прошел от Харькова до Сталинграда, затем – от Сталинграда до Берлина.

Мой фронтовой путь был очень длинным и трудным. Сейчас представить себе невозможно, как мог человек выдержать такие испытания: три зимы, три весны, три осени на фронте – метели, дожди и снега, морозы и грязь... Все это надо было не только пережить, но в таких условиях еще и воевать. Мне повезло в главном: я остался жив, всего только один раз был легко ранен и дважды контужен. Всякий раз выбывал из строя на короткий срок, поэтому всегда возвращался в свой полк и в свою дивизию, с которыми и воевал до Победы.

За участие в боях награжден пятью орденами: Боевого Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной Войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, и четырьмя медалями: За боевые заслуги, За оборону Сталинграда, За победу над Германией и За взятие Кенигсберга. В 1965 году был награжден орденом Знак Почета, а в 1985-м – орденом Отечественной Войны 2-й степени. После войны получил еще четыре медали, юбилейные.

Жизнь я прожил скромно и достойно. Не каждому, даже из числа людей моего поколения, довелось столько пережить за одну жизнь. И я решил письменно оформить свои воспоминания, надеясь на то, что, может быть, и мой опыт, и моя жизнь послужат кому-нибудь добрым примером или просто будут интересны.

Все бои майских дней 1945 года как-то сгладились в памяти, – они видятся сейчас, как один непрерывный бой в течение многих суток. Наверное, так это и было.

Наступали мы непрерывно и успешно. 3 мая взяли город Перлеберг. Где-то за ним была река Эльба, а там – конец войне. Нам в тот день объявили, что на Эльбу вышли наши союзники. Город Перлеберг мне памятен особенно: там я потерял своего боевого коня, верного друга, который не подвел меня нигде, на котором я доехал от Сталинграда до Берлина. Конь был вороной, со звездочкой во лбу, задние ноги, как говорят, в «чулках» – обе ноги от копыт были белыми на 15-20 сантиметров. Конь трофейный, взят из-под венгерского офицера в боях под Сталинградом в августе 1942 года. С большим трудом приручил я чужого коня, научил его понимать русскую речь, а он, привыкнув ко мне, служил верой и правдой. Конь был чуть выше среднего роста, имел маленькую красивую голову, всегда стоячие уши и, как иногда казалось, довольно хитрые глаза. Характер имел строгий: никто, кроме меня и коновода моего, не мог его оседлать, сесть в седло, – он немедленно угрожал зубами и бил ногами. На нем в августе 1943 года я приезжал в свою родную деревню. Дважды он был ранен – под Смоленском и под Гродно. Оба раза раны были касательными ударами осколков от бомб. Раны заживали, конь оставался в строю, на его теле оставались шрамы, которые зарастали беловатой шерстью. Такие пятна были на крупе и на шее. Звал я друга Орлик.

Так вот, 3 мая 1945 года под Перлеборгом вели мы огонь по обороне города, а когда в город вошли наши танки и кавалеристы и пошли дальше, поступил приказ и нам передвинуться

вперед, через город. Я сел верхом на Орлика и повел батарею колонной через город. Было это под вечер, в сумерки. Я ехал впереди колонны, за мной – мои товарищи, тоже на лошадях, дальше шли упряжки с пушками, за ними – наши повозки со снарядами. Городок этот небольшой, в центре его мы проехали какой-то перекресток, впереди шла неширокая улица, и мы поехали по ней. Неожиданно спереди, из подвального окна дома, с близкого расстояния ударил немецкий пулемет. Пули прошли низко, по ногам лошадей. Мой Орлик упал на мостовую и забился в судорогах: пули перерезали ему передние ноги, а когда он падал, то несколько попало в голову. Меня пули не задели, при падении вместе с лошадью я немного ушиб правое колено, но это был пустяк – я откатился в сторону и остался целым. Пули не задели никого из батареи, но лошадей мы тогда потеряли более десяти.

В обход дома бросились мои люди с целью выловить спрятавшегося, а расчет первого орудия быстро развернул пушку и прямой наводкой ударил по окнам дома. Фашист был уничтожен разрывом первого же снаряда. Случилось это за полсуток до конца войны.

4 мая 1945 года мы вышли на реку Эльба. На своем берегу ловили недобитых фашистов, а с противоположного берега нас приветствовали наши союзники – американские войска.

4 мая 1945 года для меня и моих однополчан закончилась война, закончилась нашей полной победой.

Сказать, что мы были рады победе, тому, что остались живы – это ничего не сказать. Это надо самому почувствовать. Передать это словами невозможно. Да, мы были рады, что кончилась война, что остались живы, что мы победили, нами владело огромное чувство радости за всех нас, за народ, за страну нашу.

Хорошо помню, что в те дни мы писали много писем домой, на родину, всем близким, всем сообщали: война кончилась, я живой! Наш полк был остановлен на берегу Эльбы около маленького городка Демитц. Эскадроны, батареи строили свои лагерные стоянки в парках, в садах. Все дорожки в этих лагерях делали прямыми, посыпали песком. Здесь были коновязи для лошадей, места для пушек, тачанок, повозок. Небольшие хозяйственные постройки мы освобождали и делали в них наши русские бани с каменкой, с полком, с веником. Немцы не имеют бань, не знают, что такое веник. Мы сами заготавливали свежие веники, – березы там растут такие же, как и у нас. В эти первые мирные дни мы чистили оружие, что-то ремонтировали, стриглись, брились, мылись в бане по-русски, – все приводили в порядок, кругом наводили лоск.

Гвардии капитан В.К. Богданов.
Фото 1945 г.

8 мая узнали, что война с Германией официально закончилась, что фашизм капитулировал, и что 9 мая объявлен праздник – День Победы! Нас переполняло чувство радости и гордости, выразить это словами я не могу. Первый праздник – День Победы 9 мая 1945 года – мы встречали вдали от Родины, на берегах Эльбы, северо-западнее Берлина.

Праздник организовывали для себя, как могли: для всей батареи решили приготовить торжественный обед – продуктов хватало. Готовили обед умельцы батареи, поэтому сколько там было блюд – сказать не могу, знаю только, что было приготовлено очень много национальных: русских, украинских, белорусских, сибирских, кавказских, среднеазиатских и других. Столы на всю батарею были накрыты в саду красивой немецкой усадьбы (фольварк). Все столы, человек на 70, были накрыты белыми скатертями. Здесь же в саду стояли бочки с водкой и с вином разных сортов, на столы водку и вина подавали в графинах.

Торжественный обед длился долго, до позднего вечера; погода была солнечной, теплой. Застолье сопровождалось музыкой и плясками наших же товарищей-батарейцев. Длинных речей не было, но тосты провозглашались любым и по любому поводу, в том числе за тех, кого не было с нами, кто не дошел до Победы на длинной дороге войны, за родных, близких, за Родину, за Победу.

Обстановка в тот день была самой праздничной. Наливали и пили каждый и кто сколько хотел, истинно по потребности. Пили много и долго, закусывали обильно. Вот до сих пор не могу объяснить себе, почему в тот день среди нас не было ни одного пьяного, никто не свалился – загадка, которую и сейчас не могу разгадать.

Итак, завоевали победу, отпраздновали. Жизнь начинала входить в какую-то другую колею. Угнетала наступившая тишина, не было привычных взрывов, выстрелов и тревог, исчезла опасность. Все это было непривычно и как-то странно. А дни шли. Мы стояли на месте, отдыхали. Ежедневно видели военных американской армии: во второй половине дня они ежедневно приплывали с того берега и бродили на нашем берегу группами и в одиночку. У них в армии был какой-то свой порядок: всем им до определенного часа следовало быть в расположении части, а когда время выходило, они уходили куда хотели. Ежедневно приходили к нам, выпрашивали сувениры – им всем хотелось иметь и нашу звездочку с пилотки, и пуговку, и т.п. Особенно им нравилась наша русская водка, – они буквально выпрашивали ее, готовы были за

бутылку отдать свой пистолет и даже автомат. Оружие мы не брали, но, если была возможность, угощали их водкой просто так, как друзей и союзников. Чаще всего они здесь же опорожняли бутылки прямо из горлышка, а потом валялись пьяными по обочинам дорог. Нам они предлагали свое «виски», но мы не брали, после того, как для пробы отведали – действительно, дрянь против нашей «русской». Они сами так и говорили: никакого сравнения. Тогда все американцы казались нам хорошими парнями, обыкновенными людьми. Мы хорошо видели, что и они радуются тому, что война кончилась, рады победе над фашистами. Ни у кого тогда на Эльбе и мысли не было, что мы и американцы будем когда-то врагами.

Впервые видел я тогда живых негров, – их много было в американской армии, и они тоже приходили к нам. Мы, то есть воины Советской Армии, не ходили за Эльбу, как-то в голову не приходило уходить далеко из расположения своей части. Не приучены мы к этому, а может, был какой-то запрет, но я не припомню.

В эти майские дни проходили официальные встречи наших генералов с американскими. Наш командир дивизии генерал Н.С. Чепуркин делал визит с группой старших офицеров за Эльбу, в штаб американской дивизии, которая стояла на другом берегу Эльбы. Потом американский генерал, командир дивизии, с группой своих офицеров делал визит к нам. На эту встречу был и я приглашен в числе многих наших боевых офицеров. Американцам показали нашу боевую технику, лошадей; лошади им очень понравились.

Американский генерал знал, что наш танк Т-34 является лучшим в мире, а когда увидел его, то залез внутрь, завел двигатель, сел за рычаги, чуть-чуть тронул танк вперед, назад, покрутил башней. После очень восхищался машиной и тут же заявил что-то вроде того, что, мол, на такой машине можно побеждать. Переводчик громко перевел для всех эту фразу генерала.

Гостям был устроен прием по-русски: за обильным столом было много тостов, потом – концерт дивизионной художественной самодеятельности. Гости были восхищены. Расставались друзьями навсегда.

В эти дни для меня лично произошло несколько приятных событий. Был обнародован приказ о награждении воинов полков и дивизии орденами и медалями за последнюю Берлинскую операцию. Я узнал, что награжден орденом Александра Невского. Это был пятый мой боевой орден за участие в боях с фашистами. Приказом командира дивизии я был повышен в должности, меня назначили заместителем командира отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона по строевой части. Дивизион был нашей же дивизии, его командиром был тогда майор А.Е. Клюев. Не скрою: и награждение пятым орденом, и повышение в должности я встретил с удовольствием, как признание моих скромных заслуг и полезности моих действий в отгремевших боях и на последнем этапе войны.

Сдав батарею вновь назначенному командиру, я перешел на работу в штаб дивизиона и сходу приступил к исполнению новых обязанностей. Следовало ближе познакомиться с командным и личным составом всех батарей и эскадронов дивизиона.

Ждал меня и один неожиданный сюрприз: мне предстояла неожиданная и необычная командировка – поездка в Москву на Парад Победы!

Вот уж чего-чего, а этого ни я, да и никто не ожидал, – никто и не знал, что будет такой парад.

Да, Парад Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве состоялся, и я был его участником в числе победителей в составе сводного полка 2-го Белорусского фронта.

Примерно 14 мая 1945 года за мной в дивизи-он приехал адъютант командира дивизии и сразу повез меня в штаб дивизии, вызов был срочным. Адъютант ввел меня в сад, где на красивой лужайке стоял наш командир дивизии генерал Н.С. Чепуркин вместе с большой группой старших офицеров штаба и командирами полков. Я доложил генералу о прибытии. Он, улыбаясь, подошел ко мне, подал руку и сказал, что я назначаюсь командиром отделения, и сразу же поздравил меня с этим назначением. Видимо такое «назначение» смутило меня, я растерялся и молчал, не нашелся что ответить генералу, слишком это назначение было необычным. Генерал понял мое замешательство и тут же, смеясь, добавил, что отделение мое не обычное, а парадное, да еще знаменное, – с Гвардейским Знаменем дивизии мне предстоит ехать в Москву и участвовать там на Параде Победы.

Я быстро пришел в себя, выразил генералу горячую благодарность за высокое доверие и заверил, что с честью его оправдаю. Все присутствовавшие старшие офицеры поздравили меня, явно завидуя той чести, которой удостоило меня командование дивизии. В самом деле – кто тогда отказался бы от участия в параде победителей? Уверен, что любой командир полка согласился бы командовать таким отделением, на которое я был назначен. Видимо, следовало назначить командиром отделения кого-то из младших офицеров, вот почему выбор пал на меня, а может быть, были какие-то другие критерии при подборе – мне об этом неизвестно.

Я воевал долго, с июня 1942 года по 9 мая 1945-го, прошел длинный путь фронтовых дорог, был участником многих боев, имел много боевых наград, воинское звание гвардии капитан и возраст 23 года. Из нашей дивизии подобрали всего около 30 человек для участия в параде. В кавкорпусе была создана сводная рота кавалеристов из 200 человек, в нее вошли отделения из всех дивизий и отдельных полков корпуса. Командиром сводной роты кавалеристов был назначен командир 6-й гвардейской кавдивизии Герой Советского Союза генерал-майор П.П. Брикель.

Уезжая из дивизии во главе своего отделения, я получил в штабе под расписку Гвардейское Знамя дивизии с прикрепленными к нему орденами: Ленина, Красного Знамени и Суворова II степени. Наша дивизия называлась так: «5-я гвардейская, орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени, Бессарабско-Танненбергская кавалерийская дивизия имени Г.И. Котовского». А корпус назывался – «3-й гвардейский, Орденов Ленина и Красного Знамени, Гродненский кавалерийский корпус».

Из штаба корпуса наша сводная парадная рота на автома-

шинах была перевезена в город Штеттин, где стоял штаб 2-го Белорусского фронта. Наша рота вошла в состав сводного полка 2-го Белорусского фронта.

Рота была построена, и ее строй по шеренгам обошел и посмотрел на каждого маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, который был назначен командиром сводного полка.

Каждый фронт формировал свой полк, в него входили сводные роты от каждого рода войск, всего десять-одиннадцать рот по 200 человек в каждой роте. Подготовка к параду всегда длительна, всегда трудоемка. Начали мы такую подготовку сразу же в Штеттине.

Задача состояла в том, чтобы рота, имея по фронту шеренгу из 20 человек и в затылок 10 человек, могла ходить, делать перестроения, поворачиваться, как один человек: быстро, четко и чисто. А это очень непросто: этого можно добиться только тренировкой. Этой тренировкой мы и занимались ежедневно по шесть часов. В первые дни такие занятия казались тяжелее боев, но пришлось привыкать. Всех дисциплинировало желание участвовать в Параде Победы.

Из Штеттина на автомашинах нас перевезли в Познань, где очень удобно разместили в вагонах пассажирского поезда, – это были передвижные госпитали на колесах, в которых до нас возили раненых в тыл страны, а теперь везли в Москву нас, победителей, на Парад Победы.

25 мая мы прибыли в Москву, на Белорусский вокзал, откуда строем, с оркестрами прошли по улицам Москвы в Хамовники, в военный городок, где до нас размещалось высшее офицерское кавалерийское училище, а теперь их помещения занял сводный полк 2-го Белорусского фронта.

Москва нас встречала восторженно. Все тротуары улиц, где мы проходили, все площади были забиты радостными жителями Москвы. Они пели песни, выкрикивали поздравления – радость была всеобщей. Нам было очень приятно такое внимание. В Москве мы жили более месяца, ежедневно занимаясь по шесть часов строевой подготовкой и по два – политической. Читали нам интересные лекции, доклады, в том числе по истории Москвы. Многие из нас в Москве были впервые. Строевой подготовкой мы занимались на территории Центрального парка культуры и отдыха им. Горького (ЦПКиО) за Крымским мостом. Рядом была выставка трофейной техники. Занимались в сопровождении оркестра или под барабаны. Настроение было отличным. По Москве гуляли только после занятий по вечерам, и всегда группами. Много раз ходили в московские театры, условия для этого были созданы идеальные. Приходим с занятий, а в казарме уже лежат пригласительные билеты в разные театры – выбирай любой. Только в Большой театр ни разу нас не пригласили.

За период подготовки к Параду среди нас сложились группы близких по духу товарищей. Группы эти стали постоянными – так и ходили в театры, в парки, в рестораны. Да, несколько раз ходили в рестораны, каждый раз в новый: хотелось посмотреть, что это такое и «с чем его едят». Ведь до этого я и многие другие ни разу не были в ресторане. Группами ходили потому, что в первые дни ходить по одному было нельзя, а потом уже привыкли: так надежней.

В день приезда в Москву, когда мы разместились в казармах, нам объявили приказ о том, что всем нам выход из городка в Москву разрешен только по увольнительным. Приказ предупреждал, что тот, кто будет задержан в Москве без увольнительной, будет отстранен от участия в Параде. Это наказание для всех нас было самым страшным. С другой стороны, в Москве почти никто из нас не был, и очень хотелось увидеть ее. От военнослужащих московского гарнизона все мы, приехавшие на Парад, отличались формой одежды: они носили китель и брюки цвета хаки, мы – мундир цвета хаки и темно-синие брюки. Мы издали отличались и были заметны, как приезжие.

В первый же день к вечеру мы пошли в штаб полка, но дежурный сказал нам, что никаких увольнительных там нет, их никто не заготовил; позже мы ни разу в штаб не ходили – обходились без увольнительных.

Стали думать: как сходить в город и не быть задержанным патрулями? Поразмыслили и решили, что идти надо только группой, держаться везде вместе и ни в коем случае не допустить, чтобы кто-то был задержан – чего бы это ни стоило. Так сложилась наша группа из шести офицеров. Настроены мы были решительно, договорились никому никаких документов не показывать, переговоры вести спокойно, с достоинством, но не дать себя задержать. Мы были уверены, что задержать нас никто не сможет – мы ведь все были с оружием. Так и пошли группой в шесть человек. Уже в первый выход столкнулись с патрулем московской комендатуры, их было четверо. Они пытались проверить у нас документы, мы им вежливо разъяснили, что никакого приказа мы не знаем, что мы такие же офицеры, как и они, и имеем право свободно ходить по Москве, что нигде порядок мы не нарушаем. А что они могли сделать с группой? Взять силой шесть человек непросто, к тому же применять силу они права не имеют, а добровольно мы им не подчинились, – так и разошлись по своим интересам.

На другой день после занятий, так же группами, ушли в город солдаты и сержанты. Интересно, что из нашей роты в городе не был задержан ни один человек. Общий распорядок при этом выполнялся строго и каждым: к отбою, к 24 часам, все как один являлись в казарму и ложились спать. Генерал не один раз проверял после отбоя – все были на месте.

А в городе начались беспорядки, кое-где произошли драки между победителями и патрулями московской комендатуры, кое-где дело дошло даже до стрельбы. И вдруг все это прекратилось: патрули при встрече с нами стали просто разговаривать, искать земляков и так далее. Оказывается, доложили лично Сталину о беспорядках в Москве. Говорят, он подумал и сказал, что победителей на судят – не трогать их.

Парад Победы первоначально был назначен на 22 июня, на день начала войны, но погода была дождливой, и его перенесли на 24 июня.

Генеральная репетиция Парада Победы проводилась на Центральном аэродроме, он был тогда между станциями метро “Сокол” и “Динамо”, на окраине Москвы.

Были построены все участники Парада так, как потом стояли на Красной площади. Каждому сводному полку проводился строевой смотр. Каждой роте и полку давалась оценка го-

товности к Параду. Наш полк прошел без замечаний.

Для всех участников проводился ночью тренировочный выход на Красную площадь за два дня до Парада. Ночью, без громких команд, без оркестров все полки фронтов вышли на Красную площадь и встали на отведенных местах. Брусчатка Красной площади была разлинована белой краской.

Роты и полки встали «на свои места», запомнили эти места и тихо ушли.

24 июня 1945 года мы поднялись раньше обычного; на дворе шел дождь, зарядку делали прямо в казарме, около коек.

Позавтракали. На улице построились и в сопровождении духовых оркестров пошли на Красную площадь. На улицах Москвы было многолюдно – люди выходили на демонстрацию, которая должна была начаться после Парада. На улицах гремели оркестры, слышались песни, – кругом был праздник.

Наш оркестр шел с нами до Манежной площади, там он остался, а мы пошли на Красную площадь.

В 9 часов утра все сводные полки уже стояли на площади на своих местах. Стояли тихо, без движений, а дождик мелкий все поливал и поливал, но было тепло.

Мой сводный полк 2-го Белорусского фронта стоял на Параде Победы строго напротив правого крыла Мавзолея Ленина, если прямо смотреть на мавзолей, то есть мы стояли в самом центре Красной площади. Нам было очень хорошо видно, как члены правительства вышли из двери мавзолея и поднялись на трибуну. Первым шел Сталин. Выйдя наверх, он поднятием руки приветствовал гостевые трибуны, они ответили аплодисментами и криками «ура». Парад стоял тихо, по команде «смирно».

Я стоял в строю примерно в 30-35 метрах от мавзолея, и мне четко все было видно. Тогда я видел живого Сталина на трибуне мавзолея, больше его видеть не пришлось. Видел потом уже мертвого, когда он лежал в мавзолее.

Часы на Спасской башне пробили 10 утра. Из ворот этой башни на белом коне выехал принимавший Парад Победы маршал Г.К. Жуков. От музея Революции навстречу ему спешил командующий Парадом маршал Рокоссовский на вороном коне. Напротив мавзолея они встретились. Маршал Рокоссовский доложил, маршал Жуков принял рапорт, и начался объезд войск, начиная с правого фланга, от музея Революции. Сводные полки стояли на Параде в таком порядке, как они были на фронтах – с севера на юг.

Принимавший Парад маршал Г.К. Жуков останавливался перед каждым сводным полком, здоровался с ним, поздравлял с Победой. Каждый полк отвечал, как положено, и громко трижды кричал «ура». Закончив объезд войск, маршал Жуков возвратился назад, поднялся на трибуну мавзолея и произнес речь, обращаясь к участникам Парада, ко всей армии и ко всему советскому народу. Когда он закончил, все участники несколько минут кричали «ура», – получалось перекатами, а в это время батареи Кремля произвели артиллерийский салют.

Когда все затихло, маршал Рокоссовский подал команду, повернул участников Парада направо, и мы стали заходить к музею Революции, где развернулись и пошли торжественным маршем вдоль мавзолея.

В моей роте я был направляющим, шел в первой шеренге правофланговым. Парад проходил под звуки непрерывных маршей, которые играл огромный духовой оркестр, состоявший из 1640 труб, как тогда сообщалось (теперь пишут, что в оркестре было 1400 труб). На параде во главе колонны каждого сводного полка шла шеренга знаменосцев с ассистентами, они несли боевые знамена наиболее отличившихся в боях соединений наших армий. В числе этих знамен перед сводным полком 2-го Белорусского фронта несли Гвардейские Знамя с тремя орденами моей 5-й гвардейской кавалерийской дивизии, которое я привез на Парад с берегов Эльбы.

Наш полк на параде вел генерал-полковник Трубников – заместитель командующего фронтом, так как маршал Рокоссовский был назначен командующим Парадом.

Весь этот день в Москве шел мелкий дождь. На Параде после победителей, то есть всех сводных полков фронтов, прошли также курсанты московских военных академий и войска московского гарнизона. В связи с тем, что непрерывно шел дождь, демонстрацию трудящихся на Красной площади отменили.

Форма одежды у всех участников была одинаковой, нам ее выдали в Москве: мундиры из тонкого темно-зеленого сукна, брюки – темно-синие диагоналевые, хромовые сапоги, фуражки. Но окантовка мундиров, околыши на фуражках, окантовка погон соответствовали роду войск, как и положено. Например, артиллеристы – красная окантовка, танкисты – черная, авиаторы – голубая, кавалеристы – синяя и так далее. Погоны у всех были парадные, на них знаки соответствовали воинским званиям, на груди – ордена и медали. Я тогда имел воинское звание гвардии капитан. На моей груди в те дни не было только ордена Александра Невского, – он был еще не получен, я получил его, когда вернулся в свою дивизию.

Как к подножию мавзолея бросили знамена и штандарты вражеских войск, мы, участники Парада, не видели. Их бросали, когда все победители уже прошли, как бы вслед нам. Мы узнали об этом в тот же день, в казарме, слушая радио.

Парад прошел хорошо, никаких замечаний не было.

В тот же день, вечером, в Кремле был организован прием для участников Парада – Героев Советского Союза и генералов. Естественно, я там не был.

Настроение у всех было радостным, вся Москва ликовала, да, наверное, весь наш народ в этот день был на этом Параде вместе с нами.

Всем участникам Парада Победы было дано двое суток свободного времени, мы могли находиться, где хотели. Я нашел в Москве тетю Шуру и был у нее, там же встретился со своей будущей женой Надеждой. Встреча была короткой, но за всю войну первой. Мы с ней не виделись с 1940 года.

27 июня мы выехали из Москвы назад в свои дивизии. Ехали обычными пассажирскими поездами, места были нам забронированы, все было организовано как следует, ехали свободно, без помех. Пока мы были в Москве наш 3-й гвардейский кавкорпус переместился с берегов Эльбы в Польшу. Об этом нас предупредили, и билеты были оформлены до Варшавы.

Церемониальный марш сводного полка 2-го Белорусского фронта на Красной Площади 24 июня 1945 г.

Когда мы ехали в Москву, под моей охраной было Гвардейское знамя дивизии с орденами. В Москве знамя хранилось в штабе сводного полка. Выезжая, я вновь получил знамя и обязан был доставить его в штаб дивизии, значит в пути охранять и отвечать за него. Вместе со мной ехало мое отделение в том же составе, около 30 человек. Все мы были с оружием – каждый офицер имел пистолет и шашку, солдат и сержант – карабин и клинок.

В Москве, за несколько дней до парада, мы сдали в склад все имевшиеся у нас патроны. На Парад мы выходили с пистолетами и с карабинами, но без патронов. Лично я давал при этом подписку, что при выходе на Парад у моего отделения нет патронов, – так тогда было строго, никому не доверяли.

Перед выездом из Москвы нам патроны вернули. Генерал Брикель, командир нашей парадной роты, с нами не ехал, он летел самолетом.

В Москве меня предупредили, что ехать следует до Люблина, там сделать пересадку на город Хелм (Холм), где якобы стоит наша дивизия. Вроде все было ясно.

Приехали в Люблин, сошли с поезда. Комендант (наш офицер) сказал мне, что моя дивизия должна быть в Холме или около него, что поезд туда сегодня ушел, очередной будет только завтра. Поскольку со мной было знамя дивизии, комендант разрешил мне разместить мою команду в одной из комнат комендатуры. Здесь мы провели почти сутки без происшествий. Военный комендант предупредил меня, что на поезд Люблин – Холм бывают бандитские нападения польских националистических банд (аковцев), которые грабят пассажиров, убивают советских военнослужащих, забирают их оружие и военную форму. Комендант довооружил нас, дал нам дополнительно патронов к карабинам и штук 20 гранат. Отряд фронтовиков в 30 человек взять не так-то просто, – думалось нам. Сели в поезд на другой день к вечеру и потихоньку поехали в Холм, это километров около 150 от Люблина. Поезда ходили тогда медленно, и мы ехали долго, всю ночь, готовые к бою. Все прошло тихо и спокойно, никто на нас не напал.

Приехали в Холм. Комендант города, тоже наш офицер, заявил мне, что ни в городе, ни вблизи него нашей дивизии нет и не было, что у него нет о ней никаких сведений. Мы попали в трудное положение. Дело осложнялось тем, что именно эта территория Польши изобиловала бандами аковцев, наших воинских частей вблизи не было, и бандиты вели себя нагло.

Я хотел вернуться тем же поездом в Люблин, но комендант успокоил: надо ждать, дивизия придет.

Меня беспокоила ответственность за знамя дивизии, рисковать им я не имел права. Узнав, что в старой крепости города стоит полк и штаб артиллерийской бригады войска польского, что командиром бригады в нем наш советский полковник, я решил искать помощи там. Командир бригады принял меня радушно, оказался смоленским – земляком, он сразу понял мое положение и помог мне. В своем штабе бригады он выделил мне комнату, где я установил знамя и разместил все свое отделение. Теперь я со знаменем и со своим отделением находился в крепости, в штабе воинской части, под охраной польских солдат. Это было надежнее, чем остановиться где-то в городе и искать приключений. Здесь можно было ждать.

Мы ждали пять дней, дивизия наша не пришла, где она – никто не знал. Еще раз позвонил военкому коменданту в Люблин. Он сказал, что ему стало известно, будто в Замостье стоят какие-то кавалерийские части (это 150 км к югу от Люблина, а от Холма это около 300 км).

Я понимал, что нас должен искать штаб моей дивизии, обеспокоенный ответственностью за знамя, но мы были очень далеко, и надо что-то самому делать.

Знамя – это святыня, при утрате знамени воинская часть ликвидируется, а виновные подлежат суду военного трибунала. Боялся я не суда, даже не гибели, боялся утратить знамя, а ведь для его защиты у меня было всего около 30 человек. Все они фронтовики, все надежны, но все-таки нас очень мало, а мы знали, что банды были крупными.

Однако и сидеть надоело: люди переживают, ищут нас, а мы сидим – вроде не годится так. Решил ехать в Замостье. Обратился за помощью к полковнику – командиру польской бригады. Он выделил мне автомашину ЗИС-5, нашу трехтонку бортовую, дал запас горючего, два ящика гранат и пожелал доброго пути.

Мы сняли знамя с древка, вложили в чехол, и я надел его на себя, как скатку. Выехали рано утром; я сел в кузов, в гущу

своих солдат, и мы поехали на юг, готовые к бою при любой ситуации. Ехали большими дорогами и к вечеру приехали в Замостье, там стоял штаб 6-й гвардейской кавдивизии нашего корпуса. Это была радость!

Я отпустил шофера, но он очень устал, и мы устроили его на ночлег. Из штаба 6-й гвардейской кавдивизии я связался по телефону с начальником штаба своей дивизии, он приказал ждать на месте, сказал, что вышлет транспорт. Часа через два за нами пришел транспорт: грузовая автомашина-фургон, бронетранспортер и танк Т-34.

Я со знаменем сел в бронетранспортер, солдаты мои – в фургон, сзади шел танк, и так мы, проехав ночью 30 км, прибыли в город Томашув, где стоял штаб нашей дивизии. Мы оказались дома.

В штабе нас встречали с радостью, командир дивизии генерал-майор Чепуркин обнял меня и расцеловал – так был рад седой генерал тому, что мы уцелели.

В.К. Богданов. Фото 1985 г.

Несколько лет я не брался за перо и считал, что ничего примечательного в жизни уже не произойдет. Но вот 1990 год принес мне несколько новых событий. Первое из них то, что я был участником еще одного Парада Победы на Красной площади в Москве, 9 мая 1990 года. Первый Парад Победы был венцом Великой Отечественной войны, мне было тогда 23 года. Теперь мне шел уже 69-й год, и страна наша отмечала 45-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне.

12 апреля 1990 года меня пригласили в новгородский городской военкомат и сообщили, что мне, как ветерану войны и участнику Парада Победы 1945 года, предстоит ехать в Москву и стать участником Парада Победы 9 мая 1990 года в связи с 45-летием со дня нашей Победы. Я дал согласие.

За двое суток в воинской мастерской мне сшили новый военный парадный костюм, и 14 апреля вместе с двумя новгородцами, бывшими партизанами, я выехал в Ленинград, в штаб Ленинградского военного округа. Сюда собирались участники Парада со всех северных и северо-западных областей, которые входят в Ленинградский военный округ. Это Мурманская, Архангельская области, Коми и Карельская АССР.

Все мы – более 70 человек – были на приеме у командующего Ленинградским военным округом.

15 апреля нам была организована автобусная экскурсия в Петродворец. Здесь, в Петродворце, мы посетили высшее командное общевойсковое военное училище, ознакомились с бытом и жизнью курсантов, будущих офицеров нашей армии. В Петродворце я бывал, но в этот раз впервые посетил и ознакомился с внутренним благолепием знаменитого царского дворца, а вот фонтаны в этот раз бездействовали. День был теплый, солнечный, и все мы испытали большое удовольствие от хорошо и полезно организованной экскурсии. Вечером 15 апреля поездом мы выехали в Москву, куда прибыли 16 апреля рано утром. Команду встречали на вокзале представители Московского военного округа и Министерства обороны. На автобусах нас повезли туда, где мы потом жили весь период пребывания в Москве, – в дом отдыха Министерства обороны «Подмосковье», расположенный на берегу Клязьминского водохранилища, в 35 км к северу от Москвы по Дмитровскому шоссе.

Сюда были собраны все ветераны, со всего Советского Союза, которые должны были принимать участие в Параде Победы. Здесь были укомплектованы четыре парадных батальона ветеранов, каждый по 150 человек.

1-й батальон состоял из ветеранов – бывших участников Парада Победы 1945 года, Героев Советского Союза и полных кавалеров Ордена Славы, то есть всех трех степеней.

2-й батальон – из ветеранов – участников Парада Победы 1945 года.

3-й батальон – из ветеранов, бывших партизан Великой Отечественной войны.

4-й батальон – из ветеранов труда, которые в период войны работали на оборонных предприятиях и были награждены в период войны орденами за самоотверженный труд.

В составе 3-го и 4-го батальонов было несколько женщин.

Из Новгородской области участниками Парада Победы в 1990 году было всего пять человек:

1. Николай Иванович Кузнецов, ветеран войны, Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Славы, участник Парада Победы 1945 года, живет в городе Пестово.

2. Автор этих записок Василий Кириллович Богданов, ветеран войны, участник Парада Победы 1945 года. Живет в Новгороде.

3. Андрей Павлович Ткаченко, ветеран войны, бывший партизан, живет в Новгороде.

4. Юрий Николаевич Фролов, ветеран войны, бывший партизан, живет в Новгороде.

5. Виктор Михайлович Борков, ветеран труда, бывший шахтер Боровичского комбината огнеупоров.

Ни партизаны, ни ветераны труда в Параде Победы в 1945 году участия не принимали. В Параде участвовали тогда только сводные полки всех фронтов по состоянию на конец войны, московские академии вооружения и какая-то часть войск московского гарнизона.

Все мы размещались в доме отдыха в двухкомнатных номерах, нам обеспечено было питание по армейской норме. Условия были хорошими.

Ежедневно проводились тренировочные строевые занятия – или здесь же, на территории дома отдыха, или через день-два ездили на автобусах в Москву, на территорию бывшего центрального аэродрома, недалеко от стадиона «Динамо», где проходили тренировки всех участников предстоящего Парада.

Времени для подготовки было много. Нам были организованы встречи с главным командованием Министерства обороны. Я, например, ездил на прием к командующему артиллерией и ракетных войск Советской Армии.

5 мая 1990 года всех участников Парада Победы пригласили в Большой театр на торжественное заседание, посвященное 45-й годовщине нашей Победы в Великой Отечественной войне. Давали оперу «Евгений Онегин». Я сидел в 14-й ложе бельэтажа, место 4, ряд 1, все отлично видел и слышал от начала до конца. 9 мая состоялся Парад Победы. Батальоны ветеранов стояли у здания музея Революции. Парад открывал батальон барабанщиков, за ним шла рота знаменосцев, затем несли Знамя Победы, водруженное над Рейхстагом, за ним – два батальона воинов в форме и с оружием периода 1945 года, и за ними шли батальоны ветеранов 1-й, 2-й, 3-й, 4-й. Я шел во второй шеренге второго батальона десятым.

Батальоны были построены так: в шеренге – 15 человек, в затылок – 10 человек, всего 150 человек. И так каждый из ветеранских батальонов. За нами шли военные академии Москвы и части Московского гарнизона. У всех у них в шеренге было 20 человек и 10 в затылок, то есть их батальон имел 200 человек. Но нам, ветеранам, сделали «скидку» на старость, потому что чем длиннее шеренга, тем труднее держать равнение в ней...

Новгородцы – участники Парада Победы в Москве 1990 года

Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ

ГВОЗДИ

«Аллея смерти» в Новгородском кремле – помню, бытовало это скорбное (теперь забытое) название, мрачно прозвучавшее в освобожденном от фашистов городе, на какое-то время подхваченное его первыми жителями-возвращенцами. Липовые стволы аллеи были утыканы множеством полувбитых ржавых гвоздей. В детстве я слышал такое объяснение: «в честь» каждого казненного здесь пленного – «фрицы» вколачивали в дерево гвоздь.

Под ярко-голубыми небесами
деревья ощетинились гвоздями.
На виселице пеночка-теньковка
клевала узел тлеющей веревки.

...Фашист размяться вышел на аллею.
Военнопленный вышел умирать.
И над обоими, белея,
цветущих лип струилась благодать.
Доска,
веревка,
ящик из-под тола.
В пчелином звоне тенорнул приказ,
и сок небес,
и дух листвы медовый –
уже
не проглотить...
Готово.
Зажато горло.
Мир погас.

И, знаменуя «доблесть»,
чтя порядок,
палач в кору ствола
вбивает гвоздь.
Тут бухгалтерия – что надо! –
Приход в расход учтен не на авось.

Затея не плоха.
Достоин, кто придумал.
Распорядиться – нужно же гвоздьём.
Да и развлечься – тоже ведь не дурно...
Выходит, почитаем был и юмор
обмундированным зверьём.

Продолжен счет.
Гвоздей еще в избытке.
Но срок пришел,
и стало –
не до них...

Сейчас,
стянув дрожащих нервов нитки,
быстрей закончу страшный этот стих.

Я был мальчишкой,
одичалым шкетом,
не сдавшимся ни голоду, ни вшам.
На родину с родней вернулся. Летом.
Я здесь бродил
и видел это сам:

Под ярко-голубыми небесами
деревья ощетинились гвоздями;
на виселице пеночка-теньковка
клевала узел тлеющей веревки...
Январь 1979 г.

***

Нет соблазна – о детстве вздыхать.
Вспоминать – значит, вновь
воевать,
по-мальчишьи – а всё ж размышлять:
«Чтоб их, гадов, – всех пе-ре-стрелять...»

«Их» – ну, то есть – врагов, немчуру,
разбомбившую дом поутру
и загнавшую детство в дыру,
где – вороньи супы на пиру...

В обещанья узорные – клин:
мертвечина горелых руин...
С тенью свастичной – беженства сын –
воевал я один на один...

Вспоминать – так лишь песни тех лет,
не добитые пулями бед;
ведь за ними, сквозь стонущий бред, –
о, как радужен был
мирный свет!..

День теперешний.
Дрожью в окно
что-то прянуло – зло и красно...
Чьё-то – снова жильё взметено
бомбой
в огненное веретено...
Год 2000-й

ВОЙНА И ДЕТИ

Бессонный свет;
бокал спитого чая; тетрадный лист;
окурки в антураже...
Ночную тишину опять качает
поэма.
Не в абстракцию вояж
и не мистерия –
сама
Поэма Жизни.
Поэтом, знаю, люди назовут
того, кто мысль и чувство, словно призмой,
окрасит
в радугу
иль скрутит
в жгучий жгут...
По духу живописец, колорист,
сегодня – мелом крою черный лист,
стремясь пронизать ночь
лучом плаката.
Пусть красками поэма не богата,

иная цель –
оправдывает риск.

Сегодня –
лазер!
Мысли –
как ожоги!
Слова –
как обнаженные мечи!
В ночной тиши
дневные бьют тревоги
и призывают:
слыша, –
не молчи!

И слушаю.
Вот лето; над гвоздикой
то лепет сына,
то полёт жука...
Вот – смех и вздохи осени двуликой...
Стенания метели-горемыки...
Знакомый гул токарного станка...
Гвалт авеню,
журчанье малых улиц,
трезвон капели
и галдеж грачей;
и с высоты –
от счастья даже жмурюсь –
весенний щебет солнечных лучей...
В минуту – год.
Штрихи и блики года,
сплетаясь с пестротою голосов,
роятся перепалками погоды,
соперничеством гимнов – и народов,
побранками границ и полюсов...
А звуки ночи?
Добрые,
чужие...
Дыханье спящих,
выклики-гудки...
Таинственной Вселенной позывные...
Зловещие разрывы фронтовые
над берегом тропической реки..

Из памяти
опять всплывает детство –
как серое шинельное пятно.
Кусочек маленький,
хотя бы крошку
хлебца –
в шесть лет мечтал серьезно и светло.
И снился хлеб:
румяных корок –
ворох!..
А наяву –
вода и лебеда...
И, помнится, чертил я на заборах:
все злое –
свастика,
а доброе –
звезда...

Помню и то, как война замесила бесовское тесто.
Утро цвело и лучилось
в разлете березовых кос!
Блесточки листьев, играя,
плели изумрудную песню!..
Вдруг
вздрогнуло солнце,
небо шатнулось и взвыло над мирным предместьем,
и отпечаталось
ужасом
в блестках мальчишеских слез.
Был
Тысяча Девятьсот Сорок Первый.
Фашистская бомба искала кого-то.
Обнаженным, разболевшимся нервом
застряла в небе визгливая нота.
Сирена скулила собакой бездомною,
мостовая под танками
опрокидывалась на ребро.
«Вста-авай, страна огромная!..» –
и сводка Советского Информбюро.
А потом –
осклизлые под ногами доски,
осыпающиеся стены бомбоубежища...
Бесприютных,
бессолнечных будней повозку
потащило детство
в упряжке голода,
на горемычных сиротских тропинках
обронышей ласки и хлеба ища...

Пустою ложкой не наешься,
как жажду – не зальешь слюной.
Сей горький смысл нужды и бедствий
я знал уже в сопливом детстве.
Была война.
И было детство
отброшено взрывной волной.
Война...
Под силу ль это слово,
когда глаза ребячьи просят
весенней ласки...
Но сурово
над горсткой лет
нависла осень.
Сирены выли, выли, выли,
как ветры в сумрачном предснежьи.
А взрослых песни фронтовые
звучали словно неживые –
такой несбыточной надеждой...
И понималось спозаранку,
что в этой лютой круговерти
от песни,
от мечты в землянке –
лишь
несколько шагов
до смерти...

Расстались мы с ребяческой вселенной.
Теперь нас обступил народ военный.
Все двигалось, спешило непременно:
«на фронт» куда-то
молча шли одни;
другие –
«с фронта» –
дяди с орденами,
усталые,

с пустыми рукавами,
хромыми деревянными ногами,
с колючими – но добрыми глазами,
похожими на звездочки мои.
И было странно,
страшно
и обидно
скрипенье деревянных этих ног...
И – почему
всегда такой несытный
кусочек хлеба
с прозвищем «паек»?..
От песен –
лица почему-то мокли...
На небе –
копоть вместо облаков...
Бумажками заклеенные окна –
крест накрест, словно лямки у штанов...
Что ни загадка –
мрачная ловушка.
И жизнь была
до дна оглушена
отчаяньем на вшивой подстилушке,
отравою
контуженного сна...

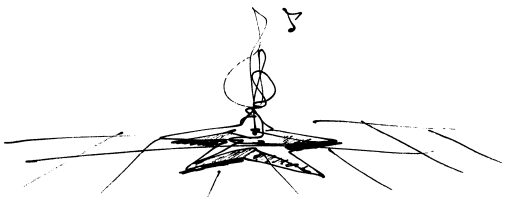
Ты спишь, сынок.
В ночах такой покой!
А в наши ночи,
те, –
сирена выла...
А наши ночи –
«юнкерсом» накрыло...
Была война,
и детство наше было
отброшено взрывной волной.

Не странно ли:
мальчишки забывали
«в солдатики» невинную игру.
За них
отцы
взаправду воевали –
кто упадет?
кто выстоит к утру?
«Взяла война...»
И дети сиротели,
и мир казался
жестким, как бурьян
(а все ж мечталось:
«Жив еще папан...»)
О, если нету ран на нашем теле,
то сколько их
в душе,
жестоких ран...
Настал и наш черед сказать о ранах.
Военный чад припомня не со слов,
свое добавим в быль фронтовиков;
хоть не бойцы –
мы тоже ветераны
сороковых заплаканных годов.
Какие ласки
недополучили?
Какие мы
не досмотрели сны?
Суть не в ночах,
и дни такими были –
как ночи – по-могильному темны.
Вчерашняя беда
не зачерствеет.
Пусть в эту память упадет слеза, –
сжимаю скулы
и смотрю теплее
на спящие сыновние глаза.
И говорю,
мешая боль и ласку, –
за даль лесов,
за горизонт степей,
и голос
тверд и нежен по-солдатски:
– Забудь, планета,
о штыках и касках;
расти, сынок, без страха,
мир тебе...

Часы идут;
Земля в безбрежьи мчится –
прекрасная,
живая,
не зола...
А за окном уже проснулись птицы
и весело звенят:
«Заря, заря!..»

Родился день,
не признающий точки:
ночь вяжет узелок,
он –
надставляет нить...
Из сердца
главные дописываю строчки:
назначенное жить –
да будет
мирно жить.

Октябрь 1965 г.



Тамара СИГАЛОВА

ЛОЖБИНКА У ВИСКА

Этот сон – явь, сон – кошмар приходит ко мне уже много лет, с тех пор, как я начала осознавать себя человеком в гулком мире планеты. Он, этот сон, возникает из глубин сознания, из тех тайников мозга, которые неожиданно открываются нам, чаще во снах, иногда обрушиваются в минуты бодрствования. И в эти минуты каменеешь, сердце будто останавливается, остро ощущаешь то, что, кажется, и не могла бы помнить...

Харьковский вокзал, 21 августа 1941 года. Последний эшелон на Иссык-Куль. Эвакуация. Фашисты бомбят город. Мне от роду шесть часов. Мама выбежала из родильного дома с живым свертком на руках, дом рухнул за ней. Мне очень страшно – родившись, я не хочу уйти в небытие. Грохот, ознобный свист летящих снарядов и вдруг резкая боль у виска. Больно так, что кажется не выдержу. Мама забегает в какой-то качающийся павильон, стирает со лба кровь у своей не вовремя родившейся дочери. Мы добежали до вокзала. Это было чудом и счастьем. Мама бьется от плача на плече дедушки, бабушка пытается перепеленать меня на чемодане, удивленно-испуганно глядит на меня сестра. Ей уже пять лет.

– Ты не можешь помнить, – скажет мне через много лет отец, кадровый офицер советской армии.

– Папа, но я помню!

Он всегда становился очень суровым, когда мы говорили об этом. О войне вообще не любил рассказывать. Иногда, чаще 9 мая, в День Победы, сажал меня на одно колено, нащупывал мягкими пальцами ложбинку у виска, след моего первого знакомства с войной, и рассказывал. Мы с сестрой затихали...

– Под Москвой шли сумасшедшие бои. Но ни у кого из нас даже мысли не было о том, что в столицу войдут фашисты. Мне поручили передавать на «ту» сторону сообщения для немцев. Мощная радиоустановка помогала «красноречиво» объяснять оккупантам кто они есть по сути. Не скупясь на выражения, я предрекал им неминуемую гибель, предлагал убираться восвояси, пока головы целы. С «той» стороны во время моих красочных обращений жутко ругались по-немецки и по-русски. А когда, заканчивая говорить, я представлялся редактором военной газеты, коммунистом, евреем Сигаловым Наумом Тимофеевичем, «оттуда» раздавалась канонада... Москву мы, конечно, отстояли. Отстояли и Россию. Но было в это войне много страшного и порой непонятного...

Обычно после этих слов отец ссаживал меня с колен, замолкал, подходил к окну, становился очень суровым. Из планшета, который он хранил всю жизнь и который сейчас хранится у его старшего внука, моего племянника, папа доставал фотографии однополчан, расставлял их бережно, и мы уходили, оставляли его одного с теми, память о которых он пронес в своей душе через всю жизнь...

Я старалась жить по тем нравственным законам, которые воспитал во мне отец. Я всегда хотела заслужить его похвалу, порадовать успехами. Когда вышла в свет моя первая статья и были опубликованы первые мои стихи, у папы на глазах я увидела слезы.

– Ты только не забывай, – просил он меня, – все, что мы пережили: постоянные переезды из города в город уже после войны, неуют, разные школы. Ты не забывай, дочь, что все это было не зря. Все это было для того, чтобы душа твоя всегда ощущала волю и милосердие...

Отец вернулся с фронта

И я не забывала. Мы жили в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Белоруссии, на Украине. Я учила узбекский, казахский, украинский, немецкий, французский, английский. Я видела разных людей, наблюдала, как отец терпеливо и улыбчиво разговаривает с ними. От него я научилась быть *понятливой*.

Уже после демобилизации отца мы уехали жить в Нальчик, в Кабардино-Балкарию, благодатный край гор, роз, чистейшего воздуха и прекрасных людей. Папа работал в республиканской газете заведующим отделом информации, а я училась в школе, учила кабардинский язык, и в голове моей была полная мешанина из всех языков, которые мне пришлось изучать. Часто прибегала к отцу в редакцию, дежурила с ним по номеру, часами могла сидеть возле линотипистки, удивляясь, как это из болванки свинца отливаются и выскакивают в корытце горячие буковки, из которых наборщики складывают текст. Я любила запах типографский краски, обстановку в отделах, где всегда спорили, горячо что-то обсуждали, мне хотелось к этим людям. Я с детства ощущала их коллегами. И вопроса о выборе профессии у меня не было. Хотя... Мама очень хотела, чтобы я была врачом. Отец только посмеивался.

Теперь, после многих лет работы журналистом, когда я удивляюсь возможностям компьютера, о котором и мечтать не мог мой отец и его поколение журналистов, я стараюсь сохранить в себе уроки доброты и человечности, которые преподала мне эвакуация, послевоенная жизнь, многочисленные знакомства с самыми разными людьми, уроки, которые преподал мне мой отец, военный журналист, чудом уцелевший после контузии, верно служивший своей Родине, ее идеалам. Он иногда шутил: «В моей груди сплошное Красное Знамя». И это было так, на самом деле.

Папа не дожил до перетряхивания всех основ. Иногда я думаю, что, может быть, это и лучше. Он бы просто не понял того, что произошло, не смог бы смириться с теми унижениями, которые сейчас пришлись на долю фронтовиков. Я думаю, что не понял бы он и слова «демократы». Ибо сущность их – современных – никак бы не уложилась в его голове рядом с Герценом и Белинским. Я думаю, что ему было бы очень плохо от событий в Чечне, от жутких сводок о гибели тысяч молодых жизней. Если ТА война была им не понята до конца, то ЭТА повергла бы его просто в шок...

Сегодня на развалинах идеалов, на руинах человечности, на зловеще процветающем хамстве и меркантильности я изо всех сил стараюсь уберечь то святое, что завещал мне мой прекрасный отец. И если вдруг забудусь, если проникнет в сердце ослепляющий гнев и раздражение, я сразу же чувствую боль в ложбинке у виска... Она предупреждает.

Владимир ВАРНАЕВ

СЛОВО О ГЕНЕРАЛЕ

В истории Великой Отечественной войны были известные полководцы и неизвестные солдаты. Были герои и предатели. Но сейчас мы не будем что-то доказывать, копать доселе неизвестные факты. Сейчас мы просто вспомним. Вспомним человека с непривычным именем. Он воевал на Новгородской земле. Но мы катастрофически мало о нем знаем. Хотя он внес огромный вклад в освобождение Новгорода в январе 1944 года. Итак, заместитель командующего 59-й армией Волховского фронта генерал-майор Теодор-Вернер (или Варнер) Свиклин.

Уже в 1943 году стала ясна стратегическая роль Новгорода. Командующий немецкой 18-й армией генерал-полковник Линдеман заявил: «Если мы не удержим город Новгород и реку Волхов, то проиграем войну, если же удержимся на этом рубеже, то войну выиграем».

В наших войсках все, от солдата до генерала, понимали: скоро будет наступление. Активно работала разведка. Лучшей характеристикой ее работы служит отзыв противника. Солдат 516-го штрафного батальона Гейнц говорил: «Как офицеры, так и солдаты высоко оценивают действия русских разведчиков. Они появляются внезапно. Русские разведчики прекрасно маскируются и обладают искусством скрытно добираться до наших постов. Последнее время солдаты нашего взвода буквально дрожали перед русскими разведчиками. Стоя на посту, каждый как бы предчувствовал, что вот-вот появятся разведчики и утащат тебя».

Теодор Андреевич СВИКЛИН

Штаб армии проверял боевую готовность войск. Проверялось все – от экипировки солдат и наличия боеприпасов до знания целей на переднем крае и в глубине обороны противника. Во всех дивизиях были устроены учебные городки, воспроизводившие вражескую оборону с проволочными заграждениями и даже с имитационными минными полями (вспомним, что Суворов перед штурмом Измаила построил такой же учебный город). Чтобы полнее изучить боевую технику и вооружение противника, а также и нашу технику, приданную армии для усиления, была организована армейская выставка (в условиях действующего фронта!) вооружения и техники. Проводились маневры войск. На случай неблагоприятной ледовой обстановки для усиления льда создавались запасы досок. И так далее, и так далее... Занимался всей этой работой и отвечал за нее заместитель командующего 59-й армией И.Т. Коровникова генерал-майор Свиклин.

Первоначально планировалось нанести главный удар на Подберезье и Котовицы, а вспомогательный – в районе Кречевиц и Хутыни. Но в процессе разработки плана в штабе 59-й армии родилась идея нанести удар южнее Новгорода, через озеро Ильмень. В штабе фронта на это предложение, казалось, не обратили никакого внимания. Но это только казалось. Командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков решил соблюсти строжайшую тайну, даже от командования 59-й армии. Над Ильменем 742-й разведывательный авиаполк произвел разведку и фотосъемку льда и берегов озера. И 10 января в армию пришел приказ фронта о нанесении вспомогательного удара через Ильмень в сторону Поозерья, Воробейки и Старой Мельницы. В случае успеха главного наступления севернее Новгорода южной группе войск следовало нанести удар по городу с юга. Командовать этой оперативной группой был назначен генерал Т.А. Свиклин. Его характеризовали как спокойного и рассудительного человека, обладавшего большим опытом как штабной, так и практической работы в войсках, – ведь до штаба армии он командовал дивизиями на Ленинградском и Волховском фронтах. В послевоенных мемуарах о Свиклине писали так: «Командующий и штаб армии были полностью уверены в нем».

Оборона немцев под Новгородом базировалась на следующем:

1. Мощные укрепления (глубиной до 30 км) вокруг Новгорода.
2. Резервы в ближнем тылу.
3. Окружение немецких войск невозможно.
4. Удар южнее Новгорода невозможен.
5. Вдоль побережья Ильменя есть пути отхода на юг в случае прорыва советских войск.

И перед Свиклиным встала «простая» задача: за четыре дня подготовить и потом совершить невозможное.

Участок побережья озера Ильмень от Юрьева до устья Веряжи обороняли 656-й, 659-й и 256-й отдельные батальоны СС. Во всех населенных пунктах располагались артиллерийские и минометные батареи. Простреливался весь берег и, естественно, ледяные просторы озера. Русская природа здесь работала против русских.

В южную оперативную группу вошли: 58-я отдельная стрелковая бригада (командир полковник Н.А. Себов); 229-й стрелковый полк (взят из состава 225-й дивизии) под командованием подполковника А.Н. Петрова; отдельный лыжный батальон той же дивизии; 34-й и 44-й аэросанные батальоны.

Поздно вечером 12 января в здании школы в Холынье Свиклин поставил перед подчиненными ему командирами конкретные задачи по форсированию Ильменя. Решающим условием была

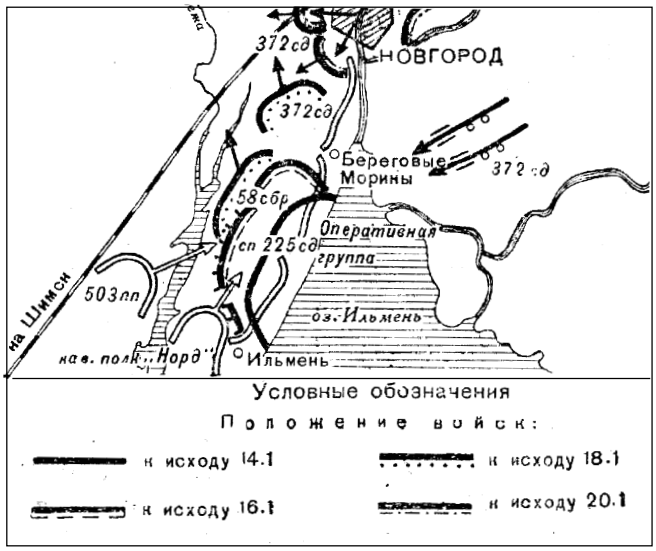
объявлена внезапность. По всем правилам военной науки перед любым наступлением предполагалась артиллерийская подготовка. Но тогда немцы узнают, что на побережье происходит что-то серьезное. И Свиклин принимает решение – никаких обстрелов немецких позиций во время атаки. Чтобы немцы не сумели получить информацию о готовящемся ударе, была запрещена любая переписка и телефонные разговоры, приказы доставлялись только устно специальными связными группами. Была обеспечена максимальная маскировка частей. Оперативная группа превратилась в опасный для врага, замерший перед ударом призрак.

Тогда же Свиклин произвел командирскую разведку. Со своими офицерами он добрался почти до немецкого берега и 6 часов пролежал на льду в полутора километрах от деревни Троица, в последний раз осматривая позиции противника. Проверив готовность своих войск (и неготовность немецких), генерал отдает приказ о начале движения. Обычно перед наступлением командиры стараются продвинуть свои войска как можно ближе к противнику, располагая передовые части за 150-200 метров. Свиклин ради достижения успеха и здесь пошел против правил: он расположил войска достаточно далеко от места атаки, примерно в 20 километрах. Это было тяжелое решение, тяжелое в буквальном смысле. Представьте: наши бойцы должны были совершить марш-бросок в 15 км по льду реки Мсты, в метель, в тяжелой зимней одежде, с маскировкой; минометы и другое оружие тянули за собой на лыжах. Все части достигли исходного рубежа на восточном берегу озера на линии устьев рек Большая Гнилка и Перерва к 17 часам 13 января. В 4 часа утра 14 января войска оперативной группы начали движение по льду озера. На разных участках ширина Ильменя достигает от четырех до семи километров. Чтобы все подразделения подошли к западному берегу одновременно, необходимо было согласовывать движение почти поминутно. И все это без применения средств связи, соблюдая полную тишину и светомаскировку, на льду, под пронизывающим ветром...

В 6 часов утра началась атака. Первым на западный берег ворвался батальон капитана В.С. Христича из 58-й бригады. Наши бойцы для переполоха бросали специальные шумовые шашки, взрывпакеты. Солнце в тот день взошло в 8.50. Почти два часа десант дрался практически в полной темноте, в метель, на чужом берегу. Вот когда пригодился опыт учений! В ходе первой же атаки почти без потерь (и это в наступлении, когда обычны огромные потери!) освобождены деревни Троица, Береговые Морины, Здринога, Новое Ракомо и другие.

Но потом немецкое командование опомнилось от неожиданности, и на западном берегу озера Ильмень, в Поозерье, развернулись ожесточеннейшие бои. Несмотря на сопротивление немцев, на отсутствие хорошей артиллерийской поддержки (в наших боевых порядках имелось всего 12 орудий сопровождения, остальные с большим трудом спешно переправляли по льду), к исходу 14 января был захвачен плацдарм шириной 5 км, глубиной до 4 км. Немцы были оттеснены к реке Веряжа. Особенно дерзко действовали лыжники и аэросанные батальоны. За первый день наступления было разгромлено два батальона противника.

15 января войска оперативной группы вышли к шоссе Новгород–Шимск. Оценив эти блестящие результаты, И.Т. Коровников направил Свиклину для развития успеха из своего резерва 372-ю стрелковую дивизию (командир полковник П.И. Радыгин), еще один полк из состава 225-й стрелковой дивизии, батальоны бронеавтомобилей, 12-ю инженерно-саперную бригаду (командир инженер-полковник С.А. Половнев) и другие части. Это уже была сила! Но возрастали и трудности. В ночь на 15 января возобновилась метель, все маршруты движения были заметены, для переправы 372-й дивизии, артиллерии и бронемашин создавались ле-



Ход боевых действий южной оперативной группы 59-й армии с 14 по 20 января 1944 г.

дяные дороги, наращивался лед, делались настилы. Переправы для пропуска техники до шести тонн весом были налажены. К тому времени обозначился успех и севернее Новгорода. Немцы, чтобы справиться с очень мешающей им южной группой, бросают в контратаки свои резервные части. Несмотря на нелетную погоду, 27 вражеских бомбардировщиков нанесли удары по войскам и переправам в районе озера Ильмень. Но не достигли успеха. Бомбы уходили глубоко под лед и, взрываясь в воде, не причиняли большого вреда. Из-за выброшенного со дна ила полыньи были четко видны на льду. Но все-таки эта проблема требовала повышенного внимания. А 16 января началась оттепель. Под лед провалились пять автомашин. Выручало мастерство и бесстрашие водителей – грузы продолжали поступать!

Самые ожесточенные бои развернулись 17 и 18 января. Немцы бросают против войск Свиклина свои последние резервы: пехотную дивизию, пехотный и кавалерийский полк. Бои ведутся в районе Шимского шоссе, которое очень важно для немецкого командования: ведь именно по нему может подойти помощь их войскам с юга, именно по нему они могут отойти в безопасные тыловые районы. Южнее деревни Самокража (ныне село Ильмень) нанес удар кавалерийский полк «Норд». Этот полк вновь овладел несколькими населенными пунктами и начал по берегу и по льду крушить наши тылы. Судьба плацдарма повисла на волоске. Резервы далеко. Свиклин приказывает атаковать полк «Норд» своим двум аэросанным батальонам. Аэросани использовались для переброски войск, доставки горючего и боеприпасов, вывоза раненых. В боях использовать их было опасно: моторы работали на авиационном бензине, который мгновенно вспыхивал от одной пули. Но Свиклин просчитал, что только эта, опять-таки невозможная, атака может спасти положение. Взревели авиамоторы. Немцы остановились, ожидая воздушного нападения. А на них из снежной мглы выскочила первая десятка аэросаней во главе с капитаном Красноборовым. С бортов в упор ударили 20 тяжелых пулеметов... и аэросани исчезли в снежном вихре. Но сейчас же налетела вторая десятка, третья... И так все 70 аэросаней. Кавалерийский полк «Норд» был уничтожен почти полностью.

Но этот успех не означал победу южнее Новгорода. Немцы беспрерывно контратаковали наши части в районе Шимского шоссе. Надо было опять совершить что-то неожиданное, что могло бы окончательно переломить ход сражения в нашу пользу.

Генерал-майор Свиклин у артиллеристов 59-й армии (пятый слева)

Свиклин выехал на восточный берег. Там находились два танковых батальона. Попытки их переправы до этого были неудачны. В минуты раздумий к генералу подошел старшина-танкист. Он вызвался перегнать боевые машины на другой берег на предельной скорости. А ведь даже легкие танки весят примерно 14 тонн! Но ведь нашим войскам нужна помощь! И Свиклин принимает решение. Старшина сел на место механика-водителя, сам генерал забрался на башню. Машина сползла на лед и, взревев, рванулась на максимальной скорости. А это 70 километров в час (замечу, что за границей танки достигли таких скоростей только через 30 лет после войны). И танк прошел, пролетел над озером! Остальные танки, рассредоточившись, чтобы не идти по проломленному передними машинами льду, повторили этот фантастический переход. Невозможное опять свершилось. Танковых атак немцы, ну, никак не ждали... Судьба новгородской группировки противника в результате ударов с севера и с юга была решена.

В ночь с 19 на 20 января части южной группы войск в районе Люболяд, Горынева, Новой Мельницы встретились с частями 6-го стрелкового корпуса, наступавшего с севера. Кольцо вокруг Новгорода замкнулось. Далее южная оперативная группа повела наступление по двум направлениям: в сторону Шимска, где стояли сильные немецкие части, и в сторону Новгорода. Утром 20 января 1944 года воины майора А.Р. Веретенникова из 378-й дивизии, вступившие в Новгород с северо-запада, встретились у стен древнего Кремля с бойцами 58-й стрелковой бригады и 225-й стрелковой дивизии, штурмовавшими город с юга.

21 января начался следующий этап операции по освобождению северо-западных земель страны. Войска пошли на запад. А оперативная группа была выведена в резерв. Генерал Свиклин вернулся к своим многотрудным обязанностям заместился командующего 59-й армией.

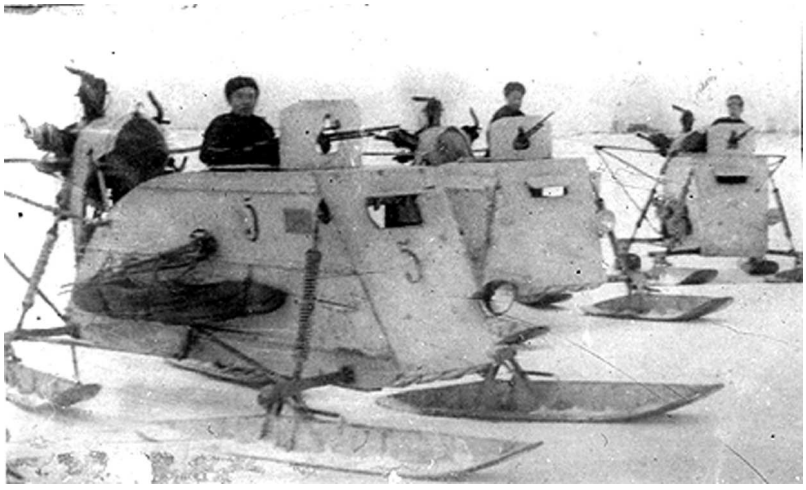
Итак, подведем итоги. Приказом Верховного главнокомандующего нескольким воинским частям было присвоено почетное наименование «Новгородских», в том числе 372-й и 225-й стрелковым дивизиям. 58-я отдельная стрелковая бригада была награждена орденом Красного Знамени. Указом от 21 февраля 1944 года генерал-майор Т.А. Свиклин награжден орденом Суворова II степени.

Позволим себе лирическое отступление. Как в военной судьбе Свиклина оказалось много общего с делами полководцев прошлого! Он воевал на льду, как Александр Невский; Суворов был назван в честь князя Александра; Свиклин воевал по-суворовски, и получил орден Суворова. И еще что хотелось бы сказать об этом человеке. Во многих воспоминаниях и мемуарах отмечалась почти идеальная организация боевых действий южной группы войск. Если севернее Новгорода части, бывало, запаздывали с нанесением удара, были сложности с прикрытием наступающих частей, то на юге такие проблемы решались вовремя. И это приводило к значительному уменьшению потерь среди наших солдат. Конечно, судьба любой крупной военной операции решается на всех участках активных действий войск. Но для противника наиболее болезненным является обычно какой-либо один удар, неожиданный и мешающий реагировать на других направлениях. Этот удар под Новгородом нанесли войска генерала Свиклина.

Много было на Великой войне героев – солдат и офицеров. Всех, наверное, невозможно упомянуть. Простые герои, знаменитые, неизвестные... Он был из таких. Он вышел из неизвестности войны, сыграл одну из ключевых ролей в освобождении древнего Новгорода и ушел опять в неизвестность войны.

После войны он приезжал сюда и, скупо улыбаясь, радовался возрождению Новгорода. А новгородцы о нем почти забыли. Стыдно...

Кажется, последнее интервью он дал в 1964 году. Кажется, никаких сведений о нем больше нет. Много говорили, сломали много копий в вопросе наименования улиц. И никто опять не вспомнил, никто за 55 лет не вспомнил этого человека. А его имя должно быть увековечено в благодарном Великом Новгороде.



Аэросани на исходной позиции южнее Новгорода. Январь 1944 г.

Владимир ТЮРИН

МУЗЫ В СТРОЮ

Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.
Сергей Орлов

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Слова эти взывали к сердцам и душам советских людей. На защиту Родины встали все от мала до велика. Значительную роль в деле освобождения от врага сыграли писатели России. Музы надели солдатские шинели. На фронт ушли более тысячи писателей. 417 из них – погибли. Прах двух поэтов: Всеволода Багрицкого и Вольдемара Юнга и по сей день хранит земля Новгородская.

Около пятисот поэтов и писателей удостоились орденов и медалей. Высокого звания Героя Советского Союза удостоен 21 писатель. Четверо из них защищали Новгородскую землю. На Волховском фронте Яков Чапичев и Муса Джалиль, на Северо-Западном под Старой Руссой – Малик Габдуллин и Николай Никольский.

Новгородчину отстаивали вместе с солдатами и офицерами более ста писателей.

Удостоены наград писатели Анатолий Чепуров, Иван Стаднюк, Михаил Матусовский, Борис Изаков, Анатолий Чивилихин, Всеволод Рождественский, Павел Шубин, Александр Прокофьев, Юрий Нагибин, Сергей Норовчатов и другие. Некоторые вступили в Союз писателей после войны, до дна испив чашу военного лиха.

Очень горькие отметины оставила война на тех, кто выжил в аду войны. На Волховском фронте ослеп Эдуард Асадов. Под Чудовом во время штыковой атаки был ранен в правую руку Юрий Шамшурин, зимой 1942 года получил он «чистую отставку». Не вернулся в свою часть Сергей Орлов, горевший в своем танке под Уторгошью.

Некоторым после госпиталя удавалось вернутся на фронт. После окончания лечения прибыли вновь на Северо-западный фронт Юрий Мельников и Николай Никольский, на Волховский – Анатолий Чепуров, Александр Чаковский, Анатолий Чивилихин.

Несмотря на запреты врачей, фактически получив «белый билет», прорывались во фронтовые газеты Эдуард Багрицкий – в трагическую 2-ю Ударную, Сергей Васильевич Смирнов – в Панфиловскую дивизию, Михаил Светлов – в 1-ю ударную, в 54-ю армию Анатолий Чепуров, в 6-ю воздушную – Дмитрий Кедрин.

В редакционном поезде газеты Северо-Западного фронта через Новгород отступал Степан Щипачев. Горечь отступления испытал целый взвод ленинградских писателей...

Главным печатным органом воинов северозападников была газета «За Родину», обосновавшаяся в деревне Рядчино невдалеке от Валдая. Флагманом военной печати Волховского фронта стала «Фронтовая правда», находившая пристанище в Малой Вишере на станции Неболчи. В газете «Фронтовая правда» самым оперативным и мобильным сотрудником числился поэт Павел Шубин. Неутомим и беспокоен был в газете «За Родину» поэт Михаил Матусовский. Все они имели штатную должность «писатель».

Писателям-газетчикам присваивали воинские звания – таков порядок. Щипачев в петлицах носил две шпалы батальонного комиссара. Джалиль – политрук, Юрий Нагибин – техник-интендант 2-го ранга. А вот Смирнову не досталось вообще никакого звания. Просто «боец» – так он числился в Панфиловской дивизии, сражавшейся под Старой Руссой. «Читать стихи» – вот что входило в задачу «бойца». Но «боец» сочинял и свои о фронтовой жизни, помещая их в дивизионке «За Родину». В награду – орден «Красной звезды».

Редкая газета не имела на вооружении собственного прозаика или поэта. В 59-й армии Волховского фронта в газете «На разгром врага» публиковал очерки о фронтовой жизни Виктор Сытин. 54-я вооружена была газетой «В решающий бой», где службу пера несли прозаик Ариф Сапаров и поэт Борис Шмидт. А в дивизионке «На разгром врага» вахту поэта нес Анатолий Чепуров. На страницах газеты 52-й армии публиковались многочисленные юморески Макса Поляновского со смешными рисунками боровичского художника Якова Каева. Майор Всеволод Рождественский сражался с врагом со страниц газеты «Ленинский путь» 8-й армии. Прямо на танке подкатывал в редакцию с только что написанными стихами Сергей Орлов. И шли его стихи сразу же в номер. Общеизвестна служба поэтов Всеволода Багрицкого и Мусы Джалиля в газете 2-й Ударной армии «Отвага».

В газетах Северо-Западного фронта публиковался прозаик Марк Гроссман, который занимал должности зам. редактора и отв. секретаря в газете «Красный гвардеец» 1-го стрелкового корпуса. В этой же газете печатал очерки Иван Стаднюк, переведенный затем в газету «Мужество» 27-й армии, что дислоцировалась у деревни Мануйлово на Ловати. Стаднюк водил в контратаку роту, командир которой погиб. Невдалеке от Старой Руссы дислоцировалась газета 11-й армии «Знамя Советов». В ее редакцию в разное время входили Аркадий Кулешов (белорусской поэт), прозаики Евгений Поповкин, Юрий Корольков, Ваграм Апресян, Александр Розен, Игорь Чекин. Литсотрудник газеты Евгений Петров говорил, что творческий состав редакции в шутку делили на две части – на «батраков» и «писательскую гвардию». «Батраками» были корреспонденты, которые выходили на передовую. «Писательская гвардия» занималась поиском новых литературных форм. Но на передовую рвались к «своим» героям и «гвардейцы» «Знамени советов», и из других газет. В газете 1-й Ударной армии «на разгром врага» работал поэт Михаил Светлов. «Ну зачем вас пускают на фронт?» – спросил как-то Светлова обеспокоенный за его жизнь боец.

Но самым дальнобойным орудием были фронтовые газеты: у волховчан – «Фронтовая правда», у северозападников – «За Родину». Собери всех писателей, служивших постоянно или периодически в главной газете волховчан, можно было бы там организо-

вать местное отделение Союза Советских писателей. В него бы вошли Борис Рунин, Александр Чаковский, Михаил Эдель, Павел Шубин, Александр Гитович, Виктор Сытин, Павел Далецкий, Марк Слободской, Анатолий Чивилихин.

Еще больше писателей несли службу в газете «За Родину». Это Степан Щипачев, Борис Изаков, Марк Гроссман, Борис Бялик, Александр Исбах, Всеволод Воеводин, Семен Болотин, Петр Павленко, Кузьма Горбунов, Леонид Вышеславский, Владимир Алатырцев, Юрий Левитанский, Сергей Михалков, Юрий Корольков, Лев Плескачевский. Газета «За Родину» издавалась на русском, татарском, казахском и узбекском языках. Редакция становилась многонациональной. Газета 43-й Латышской гвардейской дивизии «Латышский стрелок» тоже печаталась на базе газеты «За Родину». Среди латышей, делающих «свою» газету, были писатели Карл Краулинь, Фрицис Рокпелнис, Индрикас Леманис, Арвид Григулис, Валдис Лукс, Янис Грант, Юлий Ванаг и другие.

Огромную роль играли газеты, издаваемые на немецком языке и забрасываемые «кукурузниками» в расположение вражеских подразделений. Они открывали правду о войне немецким солдатам. При Политуправлении Волховского фронта на немецком языке выходила газета «Soldaten-Front-Zeitung» («Фронтовая солдатская»). Зачислили в нее Юрия Нагибина. Во время нашего неудачного январо-февральского наступления 1942 года немцы «трещали» в своих газетах на русском языке и через «радиопередвижки» – «русские, сдавайтесь!» В свою очередь, в газете для врага лейтенант Нагибин писал: «Вас, солдат, обманули. Ваша агрессия обречена на провал. Сдавайтесь!»

Если бы удалось собрать вместе всех писателей Волховского и Северо-Западного фронтов, выстроилась бы целая рота! Ни одна воюющая армия, кроме советской, не имела на своем вооружении писательского слова.

Северо-Западный и Волховский фронты тесно контактировали с партизанами, совместно сражаясь против немецких армий «Север». В тылу врага появился целый Партизанский край, сохранивший Советскую власть, сельсоветы, колхозы, печатные органы. Протянулся он с севера на юг на 120 км и на 80 км – с запада на восток, занимая территорию южнее станции Дно и Старой Руссы.

Главным писателем «Лесной республики» стал Иван Виноградов. Редактировал он боевые листки, а затем – газету для Партизанского края «За Советскую Родину». Мастер на все руки, он овладел типографскими работами, писал стихи, песни, очерки, репортажи, юморески. Выступал в них под именем Дед Роман. В рифмованной прозе Дед освещал события, происходившие в Партизанском крае, разоблачал вранье фашистских газет, выходящих на русском языке. Дед Роман с его шутками-прибаутками настолько обозлил гитлеровцев, что они назначили за его голову шесть коров и десять литров водки. Немцы посчитали, что Дед – реальный партизан.

В марте сорок второго на «кукурузнике» прибыл к партизанам драматург и сценарист Алексей Каплер. Он знакомился с героями народной войны, участвовал в разработке боевых операций, в обсуждении письма партизан Сталину. Вернувшись на «Большую Землю», Каплер опубликовал в «Правде» и «Известиях» серию очерков «В тылу врага». О лесных мстителях затем он создал сценарий ставшего знаменитым фильма «Она защищает Родину» с Верой Марецкой в главной роли.

Встречали партизаны опознавательными кострами и самолет с ленинградским поэтом Борисом Лихаревым. Лихарев написал стихи о партизане-пулеметчике Михаиле Харченко, о подвиге юного разведчика Юры Иванова и опубликовал в «партизанке» «Народный мститель».

Летом сорок второго во 2-ю партизанскую бригаду Николая Васильева прибыл корреспондент газеты Северо-Западного фронта «За Родину» Борис Изаков.

В 1943-м с партизанами «породнились» писатель Евгений Федоров и кинодраматург Катерина Виноградская. Федоров написал здесь роман «Гроза над Шелонью». Одним из его героев стал юный разведчик Юра Иванов. Но Виноградская, автор сценариев знаменитых фильмов «Обломки империй», «Партийный билет», «Член правительства», о партизанах сценария, увы, не создала.

...Все совдепы не сдвинут армий, если марш не дадут музыканты. Политработники просят поэтов – дайте песню нашего соединения: о его героях, о конкретных событиях.

В батальоне Василия Славнова 1-й Ударной армии появился Светлов, он служил в газете «На разгром врага», под Старой Руссой. И вскоре уже в газете напечатана «Песня о дружбе», куда попали ставшие друзьями поэта Славнов и Чистяков («Замолкли под вечер раскаты боев...//Возьми же гитару, Василий Славнов.../ /И питерский слесарь – наш друг Чистяков//Прилег за «максимом» своим...»). Песню тут же положили на музыку, и ее стал исполнять ансамбль песни и пляски армии. Совинформбюро сообщило: 2 ноября 1943 года освобождена Каховка. Редакция газеты «За Родину», разыскав поэта по телефону, просит «откликнуться». Через два часа Светлов продиктовал новую «Каховку» («...Украинский ветер шумит над полками//Кивают листвой тополя// Каховка, Каховка! Ты вновь перед нами//Родная, святая земля»).

Во время нашего неудачного январо-февральского наступления сорок второго года на берегу Ильменя появился Матусовский. Но газета требовала не реквиема, а зажигающей, оптимистической песни. И газета тут же опубликовала строки Матусовского – «Песню об Ильмень-озере»:

...Сердцу нашему все здесь дорого –
Сосны вечные да снега.
В битву поднялись против ворога
Ильмень-озера берега...

Мы не склонимся перед ордами,
Не бывать тому , не бывать.
Будут вольными, будут гордыми
Город Новгород и Ловать.

Московский композитор Мариан Коваль, приехавший на фронт, положил текст на музыку , ее разучили военные оркестры, стали исполнять и самодеятельные коллективы.

Летом 1942 года Щипачев и Матусовский командируются из Рядчино в 163-ю дивизию. После знакомства с ней и ее конкретными героями поэты по просьбе начальника политотдела создают песню дивизии:

Вражьи дзоты огнем опоясав,
Мы деремся за землю свою:
Номоконов, Мильдзихов, Тарасов –
Наша слава и знамя в бою.

Написавший музыку композитор Николай Квитко в срочном порядке разучил ее с военным оркестром. И отбывали поэты из дивизии под звуки своего марша.

В июле сорок первого один полк 11-й армии в контратаке

отбил у немцев город Сольцы. В начале августа «Песню о безымянном герое» написал Аркадий Кулешов, а петь ее бойцы полка и армии стали на мотив известной песни «Матрос Железняк». А позднее, 25 ноября 1942 года, поэт одарил армию и «Песней нашего соединения». Хотя она оказалась «шапкозакидательной», армия приняла ее с музыкой композитора Смузикова. Немцы были вооружены до зубов, а мы... сражались с ними «пулей и штыком». («...Как мы под Сольцами// Расправились с врагами//Как мы их громили//Пулей и штыком»).

Господи, как широко в военной печати прославлялись «острый штык» и «штыковой героизм». Лучше было бы больше техники – не потеряли бы мы в войну 27 миллионов человек. В этой же «Песне...» в «припеве» читается – «Вперед за Родину! Вперед за Сталина!» Беспредельно верили этому человеку – источнику наших бед да и... побед тоже. И лирика фронтовая и послевоенная захлебывалась этим именем, как берега половодьем. Но не бросим камней во фронтовых писателей – они свято выполняли «социальный заказ».

А сколько поколений выросло на «Гимне Советского Союза»?! «Социальный заказ» на его создание получил Сергей Михалков, находясь в редакции газеты Северо-Западного фронта «За Родину», под Валдаем. Слова «Нас вырастил Сталин на верность народу//На труд и на подвиги нас вдохновил» нельзя ни перечеркнуть, ни изъять из нашей духовной культуры, из нашего менталитета.

На отдыхе, на марше, в землянках и у партизанских костров звучали, кроме «Волховской застольной» Павла Шубина, и другие его песни. Волховским партизанам поэт, побывав у них, подарил «Партизанскую», и стали распевать ее лесные мстители на мотив «Из-за острова на стрежень» («...А на небе гаснут звезды//Над болотами – туман//По траве высокой к мосту//Подползает партизан»). Используя старинный цыганский романс «Песня цыганки» Якова Полонского, Шубин остроумно насытил его «партизанским» содержанием – «Партизаны ночью встретят//Нас в засаде на мосту». Партизаны охотно приняли эту песню и охотно распевали ее, признав за свою, народную, а значит, и безымянную. Безымянной, то есть народной, некоторые воины-волховчане посчитали и «Волховскую застольную». И однажды, когда Шубин в солдатском клубе стал читать ее, то из рядов попросили – «Пусть товарищ поэт прочитает свои стихи». Шубин, естественно, огорчился. Но это ведь была и самая высокая награда поэту – его песня стала народной.

Не все военные песни пережили свое время. Лучшие же из них вошли в золотой фонд советской лирики. Свидетельство – их звучание в дни празднования 55-й годовщины Победы.

На фронте каждое боевое соединение хотело иметь не только «свою» песню, но и «своего» героя. Герой этот должен быть образцом и примером для подражания. И писатели шли навстречу этому желанию. Едва ли не каждая воинская часть на фронте получала такого героя – в прозе и в стихах. На Ленинградском фронте таким «своим» героем был Вася Теркин, тот Теркин, которого как героя советско-финской войны выращивали целым «колхозом» А. Твардовский, Н. Тихонов, В. Саянов, А. Щербаков, С. Вашенцев, Ц. Солодарь. Литературные герои, подобные Теркину, но под другими именами, появились одновременно на страницах газет разных фронтов. На Карельском это был Иван Бойцов, на Калининском – Тарас Быстров, Фома Смыслов, на Северном – Илья Банник, на Юго-Западном – Иван Гвоздев и... Василий Теркин (А. Твардовского). Несколько «Теркиных» родилось на земле Новгородской – на Волховском и Северо-Западном фронтах.

Под Старой Руссой, в газете «Знамя Советов», таким героем стал Алексей Петров, в газете «За Родину» их появилось сразу несколько – «Братья-пулеметчики» (Тимофей и Петр), а также Вася Точкин. На Волховском фронте в строй Теркиных встали Ваня Крошкин, Козьма Гвоздев, Вася Гашеткин.

Правофланговым в строю Теркиных всех фронтов стал, конечно, Василий Теркин Александра Твардовского. Именно у Твардовского образ героя выкристаллизовался как наиболее широкое и яркое обобщение черт народа-воина. Теркин Твардовского – балагур, весельчак, неунывающий, вездесущий, всеобщий любимец, мастер на все руки, «свой в доску» для всех солдат, виртуоз по выпутыванию из любой, даже невероятно сложной фронтовой ситуации. Ни дать, ни взять – персонаж русского фольклора, этакий былинный герой. Эти же черты роднят с Теркиным и Алексея Петрова.

Кулешов предложил завести в газете отдел, в котором освещались бы дела «одного бойца» – «Рассказ о том, как бьет врагов на фронте Алексей Петров». У Твардовского гениальная поэма – это ведь тоже «книга про бойца». Кулешов и Чекин нашли точный жанр – стихотворный фельетон с продолжением. Тон его – тоже легкий, задушевный, доверительный, простецкий, с юмором, прибаутками. Около восьмидесяти глав-новелл появилось в газете. Петров, как и Теркин, стал центром сюжета. Используя фольклорные принципы обобщения, типизации, поэты решили задачу приближения героя к самым широким народным массам. И Петров, и Теркин, хотя и имеют конкретные имена и фамилии, однако по-фольклорному лишены индивидуальных черт и качеств.

Как фольклорный герой Петров во всех случаях столкновения с врагом выходит победителем. Например, в новеллах «Как Петров уничтожил диверсантов», «Петров сражается с танком», «Ночной поиск», «Бьет Петров умело – понимает дело», «Групповой огонь», «Поединок» и др. Невзлюбили на страницах «Знамени Советов» вражескую технику, потому что у немцев было ее навалом, а у нас – кот наплакал. У нас в ходу была трехлинейка. Потому и расправляется Петров с противником винтовкой и... топором. Подполз Петров к вражескому танку, влез на башню – и бух по стволу пулемета обухом: «Танку больше не стрелять//И пошла вперед пехота//Дело надо понимать».

Популярность Петрова росла из номера в номер. В 11-й армии его, как и Теркина на Юго-Западном фронте, стали воспринимать уже как реальную личность. Бывало, что командиры, поощряя отличившегося бойца, говаривали – «Молодец, действовал, как Петров». А однажды расчувствовавшийся военторговец заявил в редакции: «Мы хотим послать Петрову подарок. Ведь это герой нашего фронта». Когда снабженцу объяснили, что Петров – персонаж вымышленный, то несказанно его огорчили.

В строй Теркиных встал и Козьма Гвоздев, у которого было уже несколько «родителей». Главным же стал – Михаил Эдель. Появился герой на страницах «Фронтовой правды» – газеты волховчан – и тоже враз полюбился читателям. Остроумный, бывалый воин, он тоже стал им другом и советчиком. А со страниц газеты северо-западников «За Родину» пошел воевать Вася Точкин, рожденный творческой фантазией Михаила Матусовского и Александра Исбаха.

...Смертный бой с фашизмом вместе с советским народом выиграли и советские писатели. Их подвиг – это подвиг советской литературы в идеологическом и моральном обеспечении нашей Победы.

ПИСАТЕЛИ, ВОЕВАВШИЕ НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Айзеншток Иеремия
Алатырцев Владимир
Алехин Глеб
Апресян Ваграм
Асадов Эдуард
Багрицкий Всеволод
Бакинский Виктор
Бакланов Григорий
Бартэн Александр
Бек Александр
Богданов Николай
Болотин Семен
Бораненков Николай
Браусевич Леонид
Бурсов Борис
Бычков Александр
Бялик Борис
Валов Василий
Ванаг Юлий
Вашенцев Сергей
Виноградов Иван
Виноградская Катерина
Воеводин Всеволод
Вострышев Иван
Высоковский Константин
Вышеславский Леонид
Габдуллин Малик
Галин Борис
Гитович Александр
Гор Гдалий (Геннадий)
Горбунов Кузьма
Гранин Даниил
Грант Янис
Грива Жанис
Григулис Арвид
Гроссман Марк
Грот Ян
Далецкий Павел
Джалиль Муса
Жданов Николай
Журба Павел
Западов Александр
Злобин Анатолий
Иванов Николай
Изаков Борис
Инбер Вера
Ипполитов Павел
Исбах Александр
Каплер Алексей
Кедрин Дмитрий
Кобзаревский Павел
Ковалевский Вячеслав
Кодочигов Павел
Копелев Лев
Корольков Юрий
Кочетов Всеволод
Краулинь Карл
Кривицкий Александр
Крома Монта
Кружков Николай
Крутилин Сергей
Кубанский Георгий
Кузнецов Павел
Кулешов Аркадий
Кулиев Кайсын
Курчавов Иван
Лахт Уно
Лацис Вилис
Левин Лев
Левитанский Юрий
Леманис Индрикас
Лившиц Давид
Лифшиц Владимир
Лихарев Борис
Лобода Всеволод
Лукницкий Павел
Лукс Валдис
Матусовский Михаил
Мельников Юрий
Михалков Сергей
Момыш-Улы Баурджан
Монастырский Сергей
Мулдагалиев Джубан
Нагибин Юрий
Наровчатов Сергей
Никольский Николай
Новоселов Николай
Ойфа Петр
Орлов Сергей
Остров Дмитрий
Островский Арсений
Павленко Петр
Панфилов Евгений
Панченко Пимен
Петльованный Виталий
Письменный Александр
Плескачевский Лев
Поляновский Макс
Поповкин Евгений
Порохов Алексей
Прокофьев Александр
Рождественский Всеволод
Розен Александр
Рокпелнис Фрицис
Рунин Борис
Рыбасов Александр
Савельев Савва
Салынский Афанасий
Сапаров Ариф
Саянов Виссарион
Светлов Михаил
Севрук Юрий
Сеитов Сагингали
Сейтлиев Кара
Синцов Петр
Славентатор Давид
Славин Лев
Слободской Марк
Слонимский Юрий
Смирнов Сергей Васильевич
Смирнов Сергей Сергеевич
Снегин Дмитрий
Сокола Эвальд
Соловьев Владимир
Солодарь Цезарь
Спасский Сергей
Спурс Жанис
Стаднюк Иван
Стариков Виктор
Сытин Виктор
Тихонов Николай
Тоболяков Владимир
Токарев Константин
Токмагомбетов Аскар
Файзи Ахмет
Фарберов Владимир
Федоров Евгений
Флит Александр
Фоломин Федор
Фрадкин Илья
Ханзадян Серо
Хренков Дмитрий
Цирлин Л.
Чаковский Александр
Чапичев Яков
Чекин Игорь
Чепуров Анатолий
Чернышов Александр
Чивилихин Анатолий
Чистяков Антонин
Чудакова Валентина
Шамшурин Юрий
Шмидт Борис
Шубин Павел
Щеглов Дмитрий
Щербаков Александр
Щипачев Степан
Эдель Михаил
Юнг Вольдемар
Ямпольский Исаак

Олег ДМИТРИЕВ

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Этот год ознаменован великой и замечательной датой – 55-летием Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. На протяжении последних лет исследователи не раз обращались к освещению различных ее аспектов. Однако несмотря на это на страницах военной летописи имеется ряд белых пятен, одно из них – сложная, противоречивая фигура генерала АА. Власова.

В советский период все документы, связанные с деятельностью Власова, как в рядах Красной Армии, так и на службе у Третьего рейха, были преданы забвению. Это было связано с тем, что трагическая гибель 2-й Ударной армии в районе Мясного Бора явилась результатом просчетов Ставки и лично Сталина. Освещение обстоятельств гибели 2-й Ударной армии подрывало миф о великом полководческом даровании «вождя народов», занимавшем немаловажную роль в культе личности в военные и послевоенные годы его правления. Большие потери, понесенные армией в ходе Любанской операции, репрессивные меры в отношении многих из тех, кто вышел из окружения, породили легенду о массовом предательстве личного состава 2-й Ударной армии. Причиной этой фальсификации является конъюнктура эпохи, в которой она создавалась. Неудачи под Любанью объясняли не просчетами Ставки и Сталина, а предательством Власова и всего личного состава 2-й Ударной армии. В постсталинский период этой проблеме также не уделялось должного внимания, поскольку в деятельности А. Власова в Третьем рейхе советское руководство видело идеологическую опасность для существующей системы. Факт участия бывших бойцов Красной Армии в борьбе против большевизма на стороне гитлеровской Германии являлся источником развенчания мифа о единстве и сплоченности Вооруженных Сил Советского Союза накануне войны, обнажал кризисные явления, связанные с репрессиями среди военных, с особенностями советской системы. Ввиду этого в ряде работ, посвященных Великой Отечественной войне, о нем не упоминается вовсе.

Андрей Андреевич Власов родился 1 сентября 1901 г. в с. Ломакино Гагинской волости Сергачского уезда Нижегородской губернии в семье крестьянина кустаря. Хозяйство они имели середняцкое. Отец занимался также ремеслом портного. Власов окончил сельскую школу, после чего на средства родителей и брата был отдан учиться в духовное училище. В своей автобиографии от 16.04.40 г. объяснил выбор данного учебного заведения тем, что оно являлось самым дешевым в то время по оплате. Это объяснение, отвечающее конъюнктурным соображениям эпохи, не достаточно правдоподобно, так как по окончании духовного училища он два года учился в духовной семинарии. Однако после октября 1917 года, когда начался красный террор, коснувшийся и представителей церкви, Власов ушел из семинарии и поступил в Первую нижегородскую трудовую школу 2-й степени, по окончании которой в 1919 году учился на агрономическом факультете Нижегородского университета. «Очень высокий, ладный, обходительный, он больше походил на священника, нежели на студента. Такое сходство ему придавали, видимо, манеры, усвоенные в духовном училище и семинарии» [3: 4]. В РККА Власов был призван 5 мая 1920 г. В гражданскую войну в борьбе против Колчака погиб его брат. В 1926 году Власов женился на Анне Михайловне Ворониной, 1906 года рождения, своей односельчанке. Родители жены Власова были крестьянами и занимались земледелием.

Военная карьера Власова была сложна, но успешна. Он не был призван на фронт в Первую мировую войну ввиду малолетнего возраста, поэтому не служил ни в царской, ни в Белой армиях. Однако его учеба в духовной семинарии послужила причиной того, что в партию его приняли лишь в 1930 г. Для Власова это событие было важной жизненной вехой, так как без партийного билета было невозможно повышение по военной службе, которого он старательно добивался. Поэтому заявление Власова на допросе у Линдемана, что он «в партию вступил из карьерных соображений», верно. Любопытно, что в этом же году отец Власова вступил в колхоз. В автобиографии генерал написал, что его «мать умерла в 1933 г., сестра... в 1935 г»[3: 3]. После этих событий у него, кроме отца, ближайших родственников не осталось.

Судя по письмам генерала с фронтов войны, он придавал большое значение состоянию своего здоровья: «Я сейчас здоров. Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо). В остальном здоров. Зубы не болят...»; «поскользнулся и поранил легко себе руку... Не беспокойся, рука уже поджила, так себе царапина ерундовая»; «пишу, что совсем поправился, даже стал опять полнеть» [8: 90, 92, 94]. Он любил описывать опрятное, чистое, даже модное по военному времени состояние своей одежды, хорошее положение с продуктами в то тяжелое время: «Одет я очень тепло. Шуба, кожанка, валенки... Кормят очень хорошо...»; «люди, зная меня только по газетам, шлют нам продукты, теплые вещи ... например, вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино...»[8: 90, 91].

Честолюбивые стремления Власова, выразившиеся в желании осуществить военную карьеру, имели под собой основание. Командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор Снегов отмечал, что Власов «военное дело любит, много работает над собой, изучает и хорошо знает военную историю, хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой. В генерале Власове удачно сочетается высокая теоретическая подготовка с практическим опытом и умением передать подчиненным свои знания и опыт... энергичен, инициативен»[3: 157]. Эти данные в сочетании с абсолютной лояльностью к существующему режиму послужили причиной расцвета военной карьеры Власова в конце 30-х – начале 40-х годов на службе в рядах Красной Армии. Среди других особенностей его личности следует выделить неимоверное тщеславие и стремление быть на виду. В общественной жизни Красной Армии он принимал самое активное участие: «Проводил агитмассовую работу, неоднократно избирался членом партийного бюро школы и полка. Был редактором школьной газеты... Был избран членом Военного трибунала округа, членом президиума районных организаций ОСОАВИАХИМ и других»[3: 5].

Нельзя не отметить, что Власов был весьма неравнодушен к женщинам. Известно, что «в Ленинграде в 1937 г. Юлия О. родила от него дочь и подала на алименты. А.М. Власова об этом знала»[8: 117]. В 1941 г. в штаб 37-й армии, которой командовал Власов, была призвана на службу Агнесса Павловна Подмазенко, 1917 года рождения. Она окончила Харьковский мединститут и была врачом. Скрыв от нее, что уже давно женат, Власов предложил ей выйти за него замуж. «Получив согласие, он сказал, что все формальности берет на себя... сама она ни в один из киевских загсов для оформления брака не ездила, поверив Власову на слово, что их отношения официально узаконены»[8: 89]. После трагической обороны Киева Власов вместе с Подмазенко прибыли в Курск. Назначенный командовать 20-й армией, оборонявшей Москву, он взял ее с собой. Отсюда она уехала к матери в г. Энгельс, где и родила от Власова ребенка.

Власов писал письма обеим этим женщинам. За одним и тем же столом. Одной и той же рукой. Они часто с одной и той же почтой уходили в два адреса. Письма, некоторые из которых словно изго-

товлены в двух экземплярах, писались в одно время. В письме А.М. Власовой от 2 февраля 1942 г. он просит: «Пиши почаще. Прошу тебя. Твои письма согревают и вдохновляют меня... Дорогая Аня!.. Я тебя прошу, будь мне верна. Я тебе до сих пор верен. В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего... Целую тебя крепко и много... Твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша». Того же 2 февраля он пишет А.Г. Подмазенко: «Дорогая Аля! Чаще пиши мне письма. Они будут заполнять ту пустоту, которая образовалась с твоим отъездом... Пиши скорее и чаще. Ты видишь, какие я тебе пишу длинные письма... Я свою жизнь посвятил тебе... Целую крепко и много раз – любящий тебя Андрюша»[8: 92, 93].

Генерал А.А. Власов

А.М. Власова, арестованная в 1942 г. как жена изменника Родины, восемь лет провела в лагерях. А.П. Подмазенко, считая себя женой генерала, указывала это во всех документах, в связи с чем она, как и Анна Михайловна, по решению Особого совещания получила пять лет лагерей, а кроме того отбыла и ссылку. Таким образом, Власов предал двух женщин, одна из которых прошла с ним через многие трудности его нелегкой военной карьеры, а другая родила ему сына. Н. Перемышленникова утверждает, что «предавший этих двух людей Власов по всем законам логики, психологии... должен был предать вся и всех, кого только мог предать и продать»[8: 116].

Служа в рядах Красной Армии он легко находил общий язык с вышестоящим начальством, заслужил даже расположение И.В. Сталина. Однако на допросе у Линдемана дал нелестную оценку многим из них. Заявил, что «Сталин считает себя великим полководцем и думает, что знает все лучше, чем другие. Военное руководство состоит из посредственностей, среди которых Тимошенко лучше, чем другие. Ворошилов бездарен, Шапошников стар и истрепан, Мерецков безграмотен»[1: 27].

Власов на допросе у Линдемана стремился внушить, что в плен сдался по причине «несогласия с методами руководства страной и сложившейся политической системой в Союзе»[1: 27]. Это утверждение генерала является обыкновенным лицемерием. Известно, что он активно участвовал в деятельности Военного трибунала, но не известно ни одного оправдательного приговора, вынесенного по его инициативе. Командующий 2-й Ударной армией был абсолютно лоялен к режиму. В его аттестациях и характеристиках отмечалась «преданность делу Ленина-Сталина». В своей автобиографии от 16.04.40 г. он подчеркивал, что «всегда стоял твердо на генеральной линии партии»[1: 5]. Борцом со сталинским режимом он сделался только в ту минуту, когда, выведенный из деревенского сарая немецкими автоматчиками, понял, что вполне может быть расстрелян. Именно тогда он решился совершить очередное, но самое большое предательство в своей жизни – изменить Родине.

Сотрудники германской разведки пришли к выводу, что главной причиной его перехода на сторону противника была обыкновенная беспринципность. Фрелих писал: «Власов получил такое воспитание, что его второй натурой стала постоянная мимикрия: думать одно, говорить другое, а делать что-то третье». Думается, именно по этой причине для Власова не существовало проблемы столкновения марксистско-ленинского мировоззрения с национал-социалистскими идеями. Работая на нацистов, Власов удовлетворял свое тщеславие и стремление быть на виду редкой готовностью придать заурядному предательству ореол идейной борьбы. Следует отметить, что в апреле 1945 г. Власов с санкции Гиммлера женился в очередной раз – на вдове эсэсовца, немецкой аристократке Адели Биленберг. Эту свадьбу он затеял, подстраховывая себя семейными узами с чистокровной арийкой от возможных эксцессов со стороны нацистского режима. Одновременно он полностью, исходя из решений, принятых на пленуме КОНР в Карлсбаде, осуществлял мероприятия по предательству того режима, которому служил на протяжении последних лет.

Карьеру А. Власова в рядах Красной Армии с 1920 по 1938 гг. можно проследить по его автобиографии от 4 апреля 1940 г., подшитой к личному делу офицера. В ней он пишет, что в РККА был «призван 5 мая 1920 г. Служил красноармейцем в 27 Приволжском полку в Нижнем Новгороде. С 11 июня курсант Нижегородских пехотных курсов командного состава РККА. По окончании курсов в октябре 1920 г. был отправлен на Врангелевский фронт. Участвовал в походах и боях на Врангелевском фронте и против банд Махно, Маслака, Каменюка, Попова и других. С октября 1920 г. по июль 1922 г. в бывшей Донской области и Воронежской губернии в должности командира взвода и других 14 Смоленского полка 2-й Донской стрелковой дивизии. Во 2-ой Донской стрелковой дивизии... в 14 Смоленском стрелковом полку... прослужил 10 лет (до ноября 1930 г.). Занимал должности командира взвода, роты, начальника полковой школы, командира стрелкового батальона и ВРИО начальника штаба полка... В период с 1928 по 1929 г.г. окончил тактические стрелковые курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» в Москве... В ВКП(б) вступил в 1930 г. Принят дивизионной парткомиссией 9 Донской стрелковой дивизии. Партбилет № 0471565...»

С ноября 1930 г. переведен в Ленинград в объединенную военную школу им. Ленина, где «служил преподавателем тактики 1,5 года, помощником начальника учебного отдела 8 месяцев. С февраля 1933 г. переведен в штаб Ленинградского военного округа, где занимал должности начальника 1 сектора 2 отдела – 2 года, пом. начальника отдела боевой подготовки – 1 год, после чего 1,5 года был начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ПВО... в 1934-1935 г.г. окончил 1 курс Военной академии РККА в Ленинградском отделении...». С июля 1937 г. Власов командовал 215-м стрелковым полком, с ноября 1937 г. – 133-м стрелковым полком, до мая 1938 г.; с мая 1938 г. – начальник 2-го отдела штаба Киевского особого военного округа, до сентября 1938 г. «1 сентября 1938 г. назначен командиром 72 стрелковой дивизии Киевского особого военного округа... В РККА награжден медалью «XX лет РККА» за №012543 и разными личными именными подарками... Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда нигде не состоял и никакого участия не принимал. Никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии и за нее всегда боролся. Органами советской власти по суду никогда не привлекался»[3: 4, 5].

Осенью 1938 г. А.А. Власов был командирован в Китай, где почти год пробыл в составе группы советских военных советников при Чан Кай-ши, возглавляемой комдивом Черепановым, с которым у Власова сложились хорошие отношения, способствовавшие личным контактам последнего с гоминдановским руководством. «Энергичный и грамотный полковник Власов довольно быстро вошел в курс дела и после отъезда Черепанова в СССР заменил его. Задачи, которые ему приходилось решать, были сложными. Его миссия состояла в помощи Чан Кай-ши в обучении и формировании его

армии»[3: 8]. Власов сумел установить и с ним доверительные отношения. Китайские генералы с подозрительностью и недоверием относились к советским советникам. Однако Власов легко нашел с ними общий язык, явившись, кстати, инициатором издания плаката, на котором были изображены он и милитарист Ян Сигнаня, ведущие китайские войска в сражение с японцами.

Имеются данные, что «в Китае ему многие двери открывала жена Чан Кай-ши...»[5: 77]. А.Ф. Катусев и В.Г. Оппоков утверждают, что «Власова в 1939 г. выдворили из Китая... за моральное разложение»[1: 20]. Однако мнение о выдворении Власова из Китая кажется странным в сопоставлении с данными о награждении его орденом Дракона и многочисленными подарками. В аттестации, подписанной комбригом Ильиным 29 декабря 1939 г., говорится: «Товарищ Власов хорошо грамотный командир. Как общее образование, так и военная подготовка хорошая. За время командировки (в Китай – **О.Д.**) выполнил ряд ответственных заданий. Проявил себя знающим дело и пользовался хорошим авторитетом... Находясь в совершенно трудных условиях показал себя как достойный большевик нашей Родины... Предан делу партии Ленина-Сталина. Имеет хорошую марксистско-ленинскую подготовку. Может хранить военную тайну. Вывод: тов. Власов, находясь в командировке, с работой справился хорошо. Достоин назначения на должность начальника штаба армии и присвоения внеочередного звания комбриг»[3: 157].

Вернувшись из Китая, Власов был назначен командиром 99-й стрелковой дивизии 17-го стрелкового корпуса 6-й армии, дислоцирующейся в городе Перемышле. Со всеми вышестоящими начальниками он быстро установил хорошие отношения, и нет абсолютно никаких свидетельств каких-либо претензиий к нему как к командиру дивизии. В апреле 1940 г. Власов избран членом партийного бюро управления штаба дивизии, а в марте – членом перемышельского городского комитета ВКП(б). 4 июля 1940 г. СНК СССР присвоил ему очередное звание – генерал-майор.

Все лето 1940 г. Власов упорно занимался боевой и политической подготовкой войск. С 25 по 27 сентября 1940 г. прибывший в округ нарком обороны Тимошенко провел смотровые учения. В результате дивизия была награждена Красным знаменем НКО, а артиллерия дивизии – переходящим Красным знаменем артиллерии Красной Армии.

В 1940 г. в Красной Армии началось формирование корпусов. В числе кандидатов на должность одного из командиров был рассмотрен и Власов. Все собранные на него отзывы дали Власову прекрасную характеристику. Положительной была и аттестация Власова, составленная командиром 8-го стрелкового корпуса генерал-майором Снеговым, в подчинение которого была передана 99 дивизия. В выводах Снегов рекомендовал Власова в военное время использовать в должности командира корпуса. 17 января 1941 г. приказом наркома С.М. Тимошенко генерал-майор Власов был назначен командиром 4-го механизированного корпуса Киевского военного округа. Через месяц Власову в торжественной обстановке в Кремле был вручен орден Ленина.

Война застала генерал-майора Власова в должности командира 4-го мехкорпуса 6-й армии Киевского особого военного округа. Командовал войсками округа генерал-полковник М.П. Кирпонос. 6-я армия прикрывала львовское направление. Ее войска развертывались на участке Кристонополь – Грабовец протяженностью 168 км. 4-й мехкорпус под командованием Власова находился во втором эшелоне. Быстрое продвижение танковых колонн противника в направлении Луцк – Дубно создавало угрозу расчленения войск фронта. Генерал-полковник Кирпонос принял решение нанести контрудар. Но прорвать сильную противотанковую оборону противника не удалось, и 1 июля начался отвод войск. 3 июля 4-й мехкорпус вместе с другими частями был направлен в район Бердичева, Остополя, Хмельницкого с целью не допустить прорыва противника к Житомиру. Намечавшийся здесь контрудар не состоялся ввиду несвоевременного сосредоточения советских частей. Войска понесли тяжелые потери. Однако боевая характеристика, подписанная командующим армией и членом Военного совета, свидетельствует: «4-й механизированный корпус с первых же дней войны принимает участие в боевых действиях по разгрому противника. Умелое руководство тов. Власова войсками обеспечивало крупнейшие успехи частей корпуса... Энергичный, требовательный командир сам лично проявлял мужество и отвагу»[3: 163].

В сентябре 1941 г. Власов был назначен командующим 37 армией. В начале сентября 37-я армия обороняла ряд позиций, важнейшей из которых являлся Киевский плацдарм. 15 сентября 2-я и 1-я танковые группы противника, наступавшие навстречу друг другу, соединились в районе Лохвицы. В результате войска четырех армий Юго-Западного фронта (21-й, 5-й, 37-й и 26-й) оказались в окружении. В ночь на 18 сентября командующий фронтом Кирпонос отдал войскам приказ выходить с боями из окружения. Приказ командования получили все армии, кроме 37-й, не имевшей связи со штабом фронта. В результате потери управления войсками Юго-Западного фронта только часть войск отдельными группами сумела пробиться на восток (среди них был и генерал-майор Власов). 20 сентября в бою при выходе из окружения погибли командующий фронтом М.П. Кирпонос, член Военного совета М.А. Бурмистенко, начальник штаба фронта В.И. Тупиков. Власов сразу после окружения попал в госпиталь, где пробыл вплоть до получения нового назначения.

Власов в этот сложный период грамотно руководил войсками, пытаясь вывести из окружения имеющиеся в его распоряжении части. Добиться поставленной цели в полном объеме ему не удалось по причине отсутствия связи и крайне неблагоприятной обстановки на фронте. Данные факты опровергают точку зрения, базирующуюся на слухах о том, что генерал-изменник Власов сдал противнику 37-ю армию и лишь с несколькими частями вышел из окружения, для чего гитлеровское командование создало «специальный коридор»[3: 163, 164].

В ноябре 1941 г. Власов был назначен командующим войсками 20-й армии Западного фронта. Это был критический момент в боях под Москвой: противнику удалось подойти к столице на расстояние около 25 километров.

4 декабря 20-я армия полностью закончила сосредоточение и 6 декабря получила приказ начать наступление на Смоленск. 10 декабря войска армии продвинулись на 10-12 км, утром 12-го был очищен от противника Солнечногорск. 18 декабря войска вышли на подступы к Волоколамску. Надо заметить, что «фактическое руководство войсками армии осуществлялось до 18 декабря начальником штаба генерал-майором Сандаловым. Власов в это время был болен... и в армию он прибыл 19 декабря. Однако 20 армией еще продолжал командовать двое суток Сандалов»[4: 11]. В ночь на 19 декабря начался штурм Волоколамска, 20-го он был освобожден. К исходу дня 20-я армия в соединении с армией правого крыла Западного фронта вышли к укрепленному противником рубежу за реками Лама и Руза.

21 декабря Власов взял управление войсками на себя, то есть в период, когда наступательная операция под Москвой активно велась на протяжении более двух недель. Однако с первых дней его руководство было направлено на сдерживание контратак противника, стремящегося возвратить утраченные позиции. В январе 1942 г. войска 20-й армии начали подготовку к возобновлению прерванного наступления. По решению командования Западного фронта силами войск 20-й армии готовилась операция, которая в официальных документах называлась «Волоколамская». Утром 7 января Власов утвердил план армейской операции и подписал приказ о наступлении армии. 9 января наступление было перенесено на следующие сутки. Шел сильный снег. Видимость плохая. О применении авиации не могло быть и речи. Но в 9.30 10 января после артподготовки войска второй ударной группы перешли в атаку, продвинувшись на 2-3 км. Группе Ремизова удалось овладеть хорошо укрепленным пунктом Захарино, 392-й стрелковой дивизии – укрепленным пунктом Тимошино.

Наступление шло тяжело. 17 января освободили Шаховскую и подошли к Середе, 19 января взяли ее, но понесли большие потери. 20 января войска, наступая на Сычевку, вышли к Окатским оборонительным позициям противника (т.н. «линия фюрера») на рубеже Васильевское – Быково и вынуждены были остановиться.

Волоколамская операция 20-й армии завершилась. За две недели боевых действий ее войска продвинулись на запад на 40-90 км. Через три дня командующий войсками Г.К. Жуков и член Военного совета Западного фронта Хохлов подписали следующую характеристику генерала Власова: «Руководил операциями 20 армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на реке Лама. Все задачи, поставленные войскам армии, тов. Власовым выполняются добросовестно. Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организаторские навыки имеет. С управлением войсками армии справляется вполне. Должности командующего вполне соответствует»[3:163].

В январе Власов получает звание генерал-лейтенанта, а его фото публикуют во всех центральных газетах среди наиболее отличившихся военачальников при обороне Москвы. По итогам боевых действий под Москвой Власов указом Президиума Верховного Совета от 22 февраля 1942 г. награжден орденом Ленина. «Журналист майор К. Токарев официально писал о нем биографическую книгу, озаглавленную «Сталинский полководец»[2: 79].

В феврале 1942 г. Власов был принят в Кремле Сталиным. Результатом этой встречи явилось новое назначение генерал-лейтенанта – на пост заместителя командующего Волховским фронтом.

Волховский фронт был создан 10 декабря (17 декабря) 1941 г. Его командующим назначили К.А. Мерецкова. В состав фронта входили 4-я, 52-я, 59-я и 26-я (с конца января переименована во 2-ю Ударную) армии. Волховскому фронту совместно с Ленинградским, руководимым М.С. Хозиным, была поставлена задача «окружить и уничтожить любанско-чудовскую группировку противника и деблокировать Ленинград... 54-я и 2-я Ударная армия, глубоко вклинившись в расположение 18-й немецкой армии группы армий «Север», занимали выгодное положение для нанесения ударов на Любань с целью разгрома основных сил 18-й армии и развития наступления на Ленинград. Вместе с тем войска 2-й Ударной армии со всех сторон охватывались противником и поддерживали связь со своим тылом через узкую горловину в районе Спасской Полисти и Мясного Бора»[16: 43]... «Глубина проникновения армии во вражеские порядки достигала 60-70 км, но ширина прорыва по берегу реки Волхов 25 км, а у Мясного Бора – 4 км. Важнейший узел обороны противника, нависающий над горловиной прорыва 2-й Ударной армии – Спасская Полисть, так и не был взят нашими войсками»[2: 78].

В этих тяжелых условиях «9 марта 1942 г. в соответствии с директивой Ставки Верховного Командования... генерал-лейтенант Власов... прибыл в распоряжение командующего войсками Волховского фронта на должность заместителя. Его представил командующему и Военному совету фронта маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов в присутствии Г.Н. Маленкова и заместителя командующего Военно-Воздушными Силами Красной Армии генерал-лейтенанта А.А. Новикова. Власов прибыл для усиления руководства фронта, как один из наиболее подготовленных генералов»[3: 28].

2-я Ударная армия, большая часть личного состава которой не успела пройти элементарной боевой подготовки, плохо укомплектованная, третий месяц подряд продолжала наступать. 19 марта противник перерезал коммуникации 2-й Ударной армии у Мясного Бора. По приказу Ставки Мерецков лично возглавил операцию по расчистке горловины прорыва. Через двое суток перерезанные коммуникации удалось восстановить. 9 апреля противник ударом из Спасской Полисти вновь перекрыл горловину. Наши войска с двух сторон в очередной раз стремились пробить брешь в фашистской обороне. Снабжение окруженных войск осуществлялось только по воздуху.

Командующим 2-й Ударной армией до середины апреля был И.К. Клыков. Из-за тяжелой болезни Клыкова было решено вывезти в тыл на самолете, и тогда встал вопрос о замене командующего 2-й Ударной армии. В мемуарах К.А. Мерецков писал: «Когда командарм-2 тяжело заболел, Власов был назначен приказом Ставки командующим 2-й Ударной»[6: 275]. Надо заметить, командующий Волховским фронтом упускает из виду тот факт, что он сам предложил Власова Ставке Верховного главнокомандования[2: 79].

Убеждение А.Ф. Катусева и В.Г. Оппокова, согласно которому «Власов «подсидел» доносами Клыкова, занял его место»[1: 21], является несостоятельным. Но дело в том, что это назначение было событием третьестепенной важности по сравнению с крупнейшей ошибкой Ставки, связанной с ликвидацией Волховского фронта. 21 апреля была издана директива, предписывающая через двое суток упразднить Волховский фронт, передав все его армии в подчинение Ленинградскому фронту. В мае Сталин убедился в иллюзорности своих стратегических планов на Северо-Западе. 14 мая 1942 г. последовал приказ Ставки Хозину, предписывающий «отвести 2 Ударную армию из занимаемого ею района и организовать уничтожение противника в выступе Перепотино – Спасская Полисть одновременным ударом 2-й Ударной армии с запада на восток и ударом 59-й армии с востока на запад»[16: 44]. Запоздалое решение Ставки о спасении 2-й Ударной армии теперь не могло быть выполнено. Без боеприпасов, оставляя технику, ее части пробовали организованно отходить от наседавшего противника. Выполнение поставленной задачи осложнялось тем, что 23 мая немецкая авиация разбомбила командный пункт армии и управление войсками было нарушено.

30 мая немцы перешли в наступление, в результате которого была полностью перекрыта горловина оперативного мешка. 2-я Ударная армия оказалась в окружении, не имея ни продовольствия, ни боеприпасов. Одна ее часть быстро отходила под давлением противника на восток, а вторая безуспешно пыталась атаковать немецкую оборону у Мясного Бора, стремясь пробить проход.

8 июня Ставка восстановила Волховский фронт под командованием Мерецкова. 2-я Ударная в неимоверно трудных условиях продолжала сражаться. Ценой больших усилий фронт окружения 19 июня был прорван, но ширина прорыва не превышала 1,5 км. Через этот узкий коридор осуществлялся вывод войск 2-й Ударной. Коридор простреливался из всех видов оружия. Вот как описывает этот выход его участник: «Воображение не в состоянии воссоздать картину того, что творилось в «Долине смерти». Сплошная стена огня, не прекращающийся вой и грохот, одуряющий запах горелого мяса трупов. В этот огненный коридор втягивались тысячи людей. Все мы считали: лучше погибнуть в огне, чем попасть к немцам в плен. Но шли только те, кто в состоянии был двигаться»[2: 80]. 23 июня противнику удалось ликвидировать этот коридор и вновь замкнуть кольцо; части 2-й Ударной армии, не успевшие выйти из окружения, сражались до 29 июня.

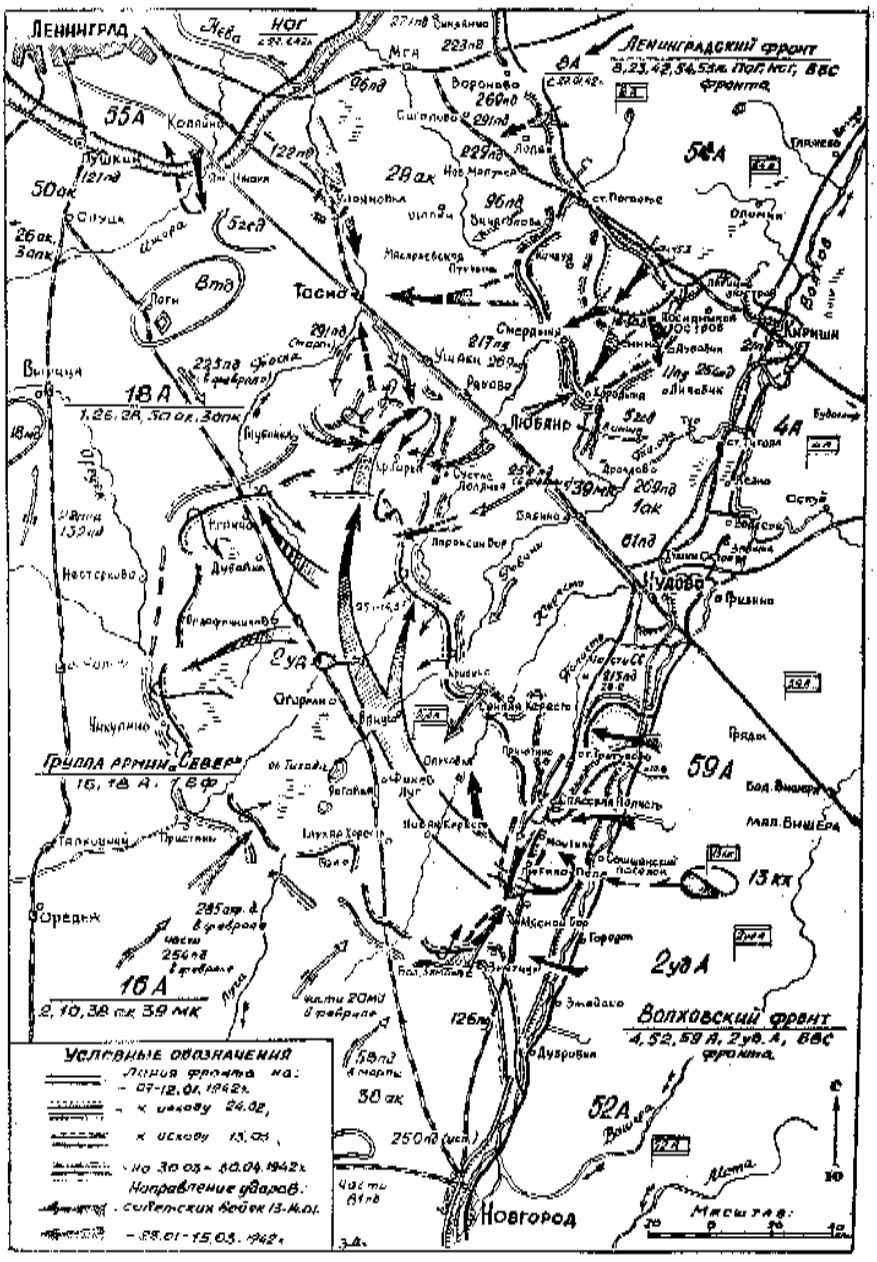
В мемуарах Мерецков обвиняет Власова в нераспорядительности, в том, что тот не сумел организовать своих подчиненных на удержание огненного коридора. Возможно, командующий фронтом прав, однако сам он невольно признает, что и его попытки «сколотить из выходящих частей отряды и использовать их для обеспечения коридора не увенчались успехом»[6: 283]. Этот факт вполне объясним: удержать огненный коридор было невозможно в связи с большими потерями и изможденностью личного состава 2-й Ударной армии, отсутствием боеприпасов и потерей связи.

В различных исследованиях и источниках приводятся разные данные о потерях 2-й Ударной армии. Мерецков утверждал, что из окружения вышло 16 000 человек, 6 000 погибло, 8 000 пропало без вести. Эти цифры настолько занижены, что не стыкуются даже с официальными данными Совинформбюро, которое 30 июня 1942 г. сообщило о потерях до 10 000 убитыми и приблизительно 10 000 пропавшими без вести. «По данным начальника разведотдела 2-й Ударной армии полковника А. Рогова, вырваться из окружения удалось только 9611 окруженцам»[12]. А. Орлов, начальник экспедиции «Долина», считает, что около 100 000 бойцов 2-й Ударной армии погибло, не выйдя из окружения. П. Масленников убедительно доказывает, что эта цифра весьма завышена. В июне 1942 г. 2-я Ударная армия имела в своем составе 8 стрелковых дивизий (19 гвардейскую, 46, 92, 259, 367, 305, 327, 382) и шесть стрелковых бригад (22, 25, 53, 57, 59). Исходя из этого он, анализируя количество личного состава в каждом подразделении, заключает, что в соединениях армии могло быть до 33-35 тысяч человек. Части тылового и боевого обеспечения 2-й Ударной армии, госпиталь с ранеными, управление армии и 3 партизанских отряда насчитывали в своем составе не менее 15 – 20 тысяч человек. Таким образом, в составе 2-й Ударной армии на

момент выхода насчитывалось около 55 тысяч человек, из которых более 45 тысяч погибло, не выйдя из окружения. Неверность выводов А. Орлова о потерях 2-й Ударной армии при выходе из окружения связана, вероятно, с причислением к погибшим бойцам и офицерам 2-й Ударной армии части личного состава 59-й и 52-й армий, предпринимавших попытки расширить горловину на участке Спасская Полисть – Мясной Бор, и с причислением к потерям тех, кто погиб до начала прорыва.

Вышеизложенные данные доказывают несостоятельность точки зрения, согласно которой солдаты и офицеры 2-й Ударной армии вместе с Власовым сдались в плен. Легенда о массовом предательстве личного состава 2-й Ударной армии возникла в связи с большими потерями, понесенными армией, и репрессивными мерами в отношении многих из тех, кто вышел из окружения. Однако главной причиной этой фальсификации является конъюнктура эпохи, в которую она создалась. Неудачи Любанской операции объяснялись не просчетами Ставки и лично Сталина, а предательством всего личного состава 2-й Ударной армии и Власова. Это неверно. 2-я Ударная армия продолжала вести бои до 29 июня, противник в результате действий под Мясным Бором по некоторым данным потерял только убитыми около 40 000 человек.

В 19 часов 45 минут 24 июня 1942 г., после того как в Генеральный штаб РККА и Военный совет Волховского фронта была отправлена телеграмма, подписанная Власовым, Зуевым и Виноградовым: «Всеми наличными силами войск армии прорываемся с рубежа западного берега р. Полисть на Восток, вдоль дорог и севернее узкоколейки. Начало атаки в 22.30 24.06.42 г. Прошу содействовать с востока живой силой, танками и артиллерией 52 и 59 армий и прикрыть авиацией войска с 3.00 26.06.42 г.»[1: 42], – связь оборвалась. Вечером по приказу командующего был организован выход всех частей, который должен был закончиться в ночь с 24 на 25 июня. Без помощи из вне люди стали выходить из окружения. Штаб армии уходил в ночь на 25 июня. Во главе его находился Власов. У реки Полисть штабисты попали под огонь противника и отправились искать выход из окружения. Мыслей о предательстве у командующего 2-й Ударной армией «...судя по всему не было. Пунктом сбора согласно приказу был район деревень Ямно-Борисово на берегу Волхова»[7: 8]. Об этом пишет полковник А. Рогов, начальник разведотдела армии, в своем докладе. «Согласно этому приказу весь начальствующий состав армии разбился на 3 группы во главе со старшими, которые должны были вести эти группы вместе со штабами соединений, занимающих вторые эшелоны в боевом порядке восточной группы армий. Военный совет, сопровождаемый ротой охраны, должен был следовать самостоятельно, а маршрут движения в приказе не указывался»[7: 8]. Власов возглавлял Военный совет, Рогов двигался вместе с ним до момента, который описал на допросе после выхода из окружения: «25.6.1942 г. Военный совет армии находился западнее р. Полисть в 500 метрах, около узкоколейки. Дальнейшая судьба Военного совета остается неизвестной»[7: 8]. Строки эти были написаны в июне, а отпечатаны 6 июля 1942 г. К тому времени ни о судьбе Власова, ни Алферьева, ни Зуева ничего не было известно. Зуев и Алферьев погибли, Власов был взят в плен. В архиве удалось разыскать показания старшего политрука 259-й стрелковой дивизии, комиссара отдельной роты химзащиты Виктора Иосифовича Клюнльева. «Примерно 29 июня, двигаясь на север со своей группой, в районе леса 3 км юго-западнее Приюнчено я встретил командующего 2-й Ударной армией генерал-лейтенанта Власова с группой бойцов и командиров в количестве 16 человек. Среди них были: генерал-майор Алферьев (зам. ком. армией), несколько полковников, две женщины. Он меня расспросил, проверил документы. Дал совет, как выйти из окружения. Здесь мы переночевали вместе, и наутро я в 3 часа ушел со своей группой на север»[7: 8]. Группа политрука Клюнльева некоторое время продвигалась в северном направлении, но после неудачных попыток просочиться сквозь немецкие позиции вернулась в Мясной Бор, где сам Клюнльев сумел выйти из окружения, а его спутники погибли. «Власов был взят в плен северо-западнее того места, где его видел Клюнльев. От момента встречи до момента пленения оставалось чуть больше полумесяца»[7: 8]. Ставка Верховного Главнокомандования узнала о пленении Власова от майора Зубова, зам. начальника политотдела 46-й стрелковой дивизии, вышедшего из окружения с группой в 12 человек. Одна из жительниц деревни, старушка, «рассказала ему, что пришла женщина, попросила покушать, когда ее накормили она попросила накормить товарища. Хозяйка дома согласилась. Когда покушал Власов, дом уже был окружен немцами... Власову было предложено поднять руки вверх. Он заявил: «Не стреляйте, я коман-



Любанская наступательная операция 7 января – 30 апреля 1942 г.

дующий 2-й Ударной армией Власов». Их забрали и повели вместе с женщиной»[1: 48]. К. Токарев утверждал, что «Власов укрывался длительное время в сторожке у бывшего ямщика Прохора, встречался с партизанами, что он убил одного из них и скрылся с некой Дуней»[1: 48]. Эти утверждения не кажутся нам убедительными. Заслуживают внимания показания гауптмана Ульриха Гардта, бывшего начальником связи 4-й авиаполевой дивизии. Он «показал на допросе, что Власов в одежде без знаков различия скрывался в баньке близ деревни Мостки, южнее Чудова. Староста деревни задержал Власова и сообщил об этом проезжавшему через деревню начальнику штаба 38 авиакорпуса. Последний установил личность Власова, направил его в распоряжение штаба 18-й армии...»[9: 4].

Любое из этих свидетельств опровергает утверждения Власова в письмах и воззваниях к воинам Красной Армии о том, что захватили его в плен в бою, изможденным и обескровленным. Оказавшись в окружении, потеряв не только управление войсками армии, но и всякую связь с ними, он смалодушничал, струсил, потому и сдался в плен.

14 июля 1942 г. немцы доставили Власова на автомашине на станцию Сиверская в штаб германской армейской группировки «Север», в котором он был допрошен офицерами абвера в присутствии генерал-полковника Линдемана. «На допросе Власов стремился внушить немцам, что он сдался в плен по причинам некомпетентности руководства Вооруженными Силами СССР, затирания его способностей, его несогласия с методами руководства страной и сложившейся политической системой в Союзе»[3: 92]. Бывший командующий 2-й Ударной армией сообщил подробности о Волховском фронте, его составе и командующих. Дал краткую оценку генералов Мерецкова и Яковлева. О командующем Волховским фронтом заявил, что тот является эгоистом, очень нервной, рассеянной личностью. «Спокойная деловая беседа между командующим фронтом и командующими армиями была почти невозможна»[1: 23]. Пытался акцентировать внимание на существовании противоречий с Мерецковым, который якобы пытался отстранить Власова. В причинах неудачи отхода перечислил «крайне плохое состояние дорог (разлив), очень плохое снабжение продовольствием и боеприпасами. Отсутствие единого руководства 2-й Ударной, 52-й и 54-й армиями со стороны Волховского фронта. Власов рассказал абверу о формировании новых полков, дивизий и бригад. Заявил, что основные районы, где располагаются новые формирования, находятся на юге, на Волге»[1: 23]. Он дал немецкому командованию информацию об оборонной промышленности в Кузнецкой индустриальной области, на юго-восточном Урале, в Сибири. Раскрыл оперативные планы Верховного Главнокомандования: «Согласно приказу Сталина №130 от 1 мая немцы должны быть изгнаны из России. Началом большого русского наступления было наступление под Харьковом»[1: 4]. Рассказал о новой тактике – «эластичной обороны», высоко оценил значение немецкого наступления на Дону. Заявил, что «отрез путей подвоза закавказского бензина создаст для Красной Армии критическое положение»[1: 4]. Предоставил общую информацию об эвакуации Ленинграда и кадрах руководящих военных должностей. Власов сообщил исчерпывающие данные об эффективности немецкой авиации против советских войск на вверенном ему участке фронта, изложил немецкому командованию методы борьбы с партизанами. Таким образом бывший командарм-2 стремился зарекомендовать себя сторонником борьбы с большевизмом, полезным нацистскому режиму.

В связи с показаниями Власова следует отметить ряд фактов. Во-первых, противоречий с Мерецковым у командующего 2-й Ударной армией не было. Во-вторых, «затирание его способностей» со стороны вышестоящих начальников места не имело. В-третьих, его несогласие с методами руководства страной и сложившейся политической системой в Союзе до пленения не находит фактического подтверждения и является обыкновенным лицемерием: он был абсолютно лоялен к режиму и обладал личным расположением Сталина. Таким образом, убеждение Й. Хоффмана, согласно которому Власов разделял «антисоветские взгляды еще до сдачи в плен»[15: 7], не находит подтверждения, кроме документов и воспоминаний, источником возникновения которых явился сам Власов, причем уже находясь в плену.

После допроса Власов был направлен в г. Летцен, а оттуда в офицерский лагерь военнопленных близ Винницы. Лагерь находился в ведении разведотдела германской армии, и в нем находились только те военнопленные, которые представляли интерес для верховного командования.

Бывший командарм-2 изъявил желание сотрудничать с немцами. 3 августа 1942 г. он обратился с письмом к Гитлеру, в котором предложил создать Русскую освободительную армию из числа советских военнопленных и русских эмигрантов. В беседах с представителями разведотдела заявлял, что «никогда не мог согласиться с существующей в Советском Союзе политической системой и методами его властителей. Ход войны и сделанные Сталиным ошибки окончательно открыли ему глаза на то, что существующая система ведет страну к гибели. Однако ни сила Красной Армии, ни экономический потенциал Советского Союза еще не до конца исчерпаны. Чтобы добиться победы над Сталиным, нужно ввести в бой русских военнопленных. Ничего не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск. Для осуществления этого необходимо создание соответствующего русского центра»[17: 37]. Таким образом, Власов заявил о стремлении к сотрудничеству с Третьим рейхом в войне против СССР. Беспринципность, «редкая даже для перебежчиков, готовность придать заурядному предательству ореол идейной борьбы с большевизмом»[9: 3], послужили причиной того факта, что Власова зачислили на службу в отдел пропаганды вооруженных сил Германии.

Тот факт, что НСДАП и вермахт воспользовались идеями, содержащимися в заявлениях Власова, можно объяснить затяжным характером войны. Потери вермахта уже на 30 ноября 1941 г. составляли 740000 человек, или 23% от общей численности на Восточном фронте. В «берлинском лагере военнопленных был создан Русский комитет, в который вошли А.А. Власов (председатель), В.Ф. Малышкин (секретарь) и члены Жиленков и Зыков. 27 декабря 1942 года Русский комитет объявил о создании Русской освободительной армии (РОА). Однако это заявление было не более чем декларацией. Создание такой армии не получило одобрения Гитлера»[5: 11], о появлении национального русского правительства не могло быть и речи. РОА в рассматриваемый период состояла из небольших подразделений, фактически не взаимодействующих между собой, и управлялась немецким командованием. В реальности РОА была изощренным идеологическим пассажем пропагандистского характера. В ноябре 1942 г. был составлен ряд листовок, а также проект «Обращения Русского Комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза», в котором звучали призывы к его свержению, а также утверждалось, что Германия ведет войну не против русского народа, а только против большевизма. Это «Обращение» из 13 пунктов было принято на первой антибольшевистской конференции в Дабендорфе в апреле 1943 г.

Кейтель показал на допросе по делу Власова, что главный штаб сухопутных войск «серьезное внимание... уделил Власову весной 1943 г., предложив сформировать и вооружить русские части под командованием Власова. Секретарь имперской канцелярии министр Ламмерс в специальном письме обратил внимание фюрера на эту попытку, тот решительным образом запретил все мероприятия по формированию вооруженных частей и отдал мне приказание проследить за выполнением его директивы. После этого Власов мной был взят на некоторое время под домашний арест»[5: 34]. Действительно, деятельность председателя Русского комитета в рассматриваемый период выходила за рамки пропагандистской машины гитлеровской Германии. Однако отношение к Власову как к лидеру антибольшевистского движения, способного реально создать русское национальное правительство в изгнании, не совсем верно: в среде русских эмигрантов существовала достаточно большая группа, не воспринимающая его деятельность. Идеологом ее можно считать П.Н. Милюкова, который еще в середине 30-х годов распространял среди эмигрантов идею защиты СССР от возможной агрессии. А.И. Деникин призывал белоэмигрантов, вошедших в добровольческие

части вермахта, увидеть за шинелью красноармейца душу русского солдата. Не воспринимало Власова казачество. Части, состоящие из народов, проживающих на Кавказе, и других национальных меньшинств, не имели к Русскому комитету никакого отношения. Гитлер, однако, считал иначе. Только просьбы из Верховного командования сухопутных войск, из управления разведки и контрразведки и отдела пропаганды, нуждавшихся в деятельности Власова, послужили причиной его освобождения.

Вермахт давно вынашивал идею формального объединения разрозненных русских формирований с целью проведения агитационно-пропагандистской работы на Востоке посредством авторитетной, известной в рядах Красной Армии фигуры. Немецкое командование пыталось склонить на свою сторону сына Сталина Якова Джугашвили. Плененный в 1941 г., он прошел через сотни допросов, повторяя, что Советский Союз не победить. Справедливости ради нужно отметить, что Власов не первый из офицеров Красной Армии, попавших в плен, согласился работать на Третий рейх. «В 1941 г. сдались в плен командир 21-го стрелкового корпуса генерал-майор Закутный, начальник Либавского училища ПВО генерал-майор Благовещенский, начальник штаба 19-й армии генерал-майор Малышкин, начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта генерал-майор Трухин, член Военного Совета 32-й армии бригадный комиссар Жиленков. Все они приняли активное участие в мероприятиях немецкого командования по разложению войск Красной Армии»[9: 3]. Но ни один из них не обладал такими организаторскими способностями и такой редкой готовностью служить нацистскому режиму, как Власов.

На вопрос председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР: «Имели ли вы попытку попасть на прием к Гитлеру?» – Власов ответил: «Да, я пытался, чтобы Гитлер принял меня, но через Штрикфельдта я узнал, что Гитлер не желает видеть меня потому, что он ненавидит русских»[5: 42].

О негативном отношении Гитлера к идеям Власова свидетельствуют материалы совещания в горной резиденции 3 июня 1943 года, на котором фюрер ясно дал понять, что «необходимо различать право пропаганды, которую отправляют на ту сторону, и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле»[3: 60]. О Власове и его окружении Гитлер заявил, что «на фоне событий они видят не наши национальные цели, в перспективе они видят свои собственные цели. Каждый народ думает о себе и ни о чем другом. Все эти эмигранты и советники хотят только подготовить себе позиции на будущее время... Мы никогда не создадим русской армии – это фантазия первого разряда. Мне не нужно русской армии, которую мне придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом. Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устроит»[5: 25].

Генерал-лейтенант Шмундт, считая возможным использование власовцев на передовой, вынес на рассмотрение этот вопрос. Фюрер заявил: «Мы серьезно использовали их в нескольких пунктах и там они не показали себя созревшими для серьезной нагрузки. Я вынужден снова повторить: мы можем вести пропаганду в сторону противника. Но мы не должны эти соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: сегодня мы с вами заодно, а завтра нет... Основная масса русских военнопленных должна идти в Германию в качестве рабочих, чтобы заменить немцев на рабочих местах»[5: 25].

После поражения на Курской дуге Гитлер принял решение разоружить восточные добровольческие части как ненадежные и вернуть их в полном составе в лагеря, но впоследствии отдал приказ перебросить их на Запад: в Голландию, Бельгию, Данию, Норвегию, Францию, Италию. Штаб вермахта заявил Власову о необходимости обращения к восточным частям с открытым письмом, согласно которому перемещение на Запад объяснялось необходимостью перегруппировки в спокойных условиях. Власов ответил, что выполнит это при условии передачи этих частей под его начало. Штаб, игнорируя просьбу председателя Русского комитета, распространил письмо за его подписью.

После неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля Власов официально был передан из ведения пропаганды вермахта в подчинение СС. Гиммлер, выступавший против создания русской армии под эгидой главного штаба германских сухопутных войск, во второй половине 1944 года изменил свое мнение. Вскоре после встречи с Власовым 16 сентября 1944 года он добился разрешения фюрера на создание русской армии во главе с председателем Комитета освобождения народов России (КОНР).

Однако Гитлер и тогда решительно отказался принять Власова.

Гиммлер поручил генералу СС Бергеру прощупать Власова в предварительной беседе. Вскоре глава Черного ордена заявил о своей готовности встретиться с Власовым.

16 сентября Власов приехал в полевую штаб-квартиру рейхсфюрера СС в Растенбурге в Восточной Пруссии. На этом совещании Власову был предложен пост главы русского правительства в изгнании, которое предполагалось создать в качестве КОНР, и пост главнокомандующего РОА, реальное создание которой было решено начать в ближайшем будущем.

«В руководящих документах вермахта Комитет освобождения народов России получил название «Зондеркоманда «В» Гауптаппт СС, то есть особая команда СС при Власове. Для руководства его деятельностью была определена специальная группа «Комет», состоящая из работников Берлинского гестапо». В нее вошли Малышкин, Жиленков, Закутный и другие. Члены этой группы после встречи Власова с Гиммлером «начали активную работу: связались с руководителями белогвардейских эмигрантских организаций, находившихся в зоне немецкой оккупации, договорились с большинством из них о вступлении в КОНР. Некоторым из них были предложены министерские посты в будущем правительстве нового Российского государства»76. Следует отметить, что переговоры о вхождении в КОНР с частью антибольшевистских сил российского и советского происхождения не дали желаемого результата. В комитет отказались войти Хольмсон-Смысловский, командовавший 1-й Русской национальной армией, части украинских националистов под руководством О. Бендеры, многочисленные полки и полевые батальоны восточных легионов, состоявшие из представителей нерусских национальностей, проживающих в Советском Союзе. Не давали результатов переговоры и с ярким представителем казачества генералом Красновым. После окончательного размежевания позиций Краснова с Власовым последний решил создать «управление казачьих войск при КОНР в противовес верховному правлению Краснова»[15: 64].

Организационное собрание КОНРа было проведено в Праге 11 ноября 1944 г. в Градчанском дворце. До нас дошли фотографии, и мы можем представить себе это мероприятие. В зале весь балкон второго яруса занимал плакат «Долой сталинскую тиранию! Да здравствуют свободные народы России!», на его белом полотнище были изображены также эмблема из двух скрещенных стволов и аббревиатура РОА в верхней части. Такие же знаки были на левых рукавах присутствующих офицеров, напоминающие знаки на немецкой форме. На другой фотографии запечатлено появление Власова с представителями немцев и чехов, которых участники заседания приветствуют стоя. «До начала заседания Власов сидел вместе с Жиленковым, Малышкиным и Трухиным в зале, где находилось довольно большое количество женщин, представителей духовенства. С приветствиями выступил имперский министр Франк, заместитель Риббентропа Лоренц и руководитель словацкого марионеточного режима Тисса. В этот же день председателем КОНРа был избран Власов, секретарем Малышкин, членами президиума – Жиленков, Трухин, Руднев и Балабин. Комитет утвердил и организационную структуру в виде управлений: военное – начальник Трухин, пропагандистское – Жиленков, гражданское – Закутный и т.д»[3: 72].

Первый пленум комитета проходил в Карловых Варах. Пленарные заседания отличались особой пышностью и торжественностью. Немцы постарались устроить заседание таким образом, чтобы у присутствующих сложилось впечатление о независимости руководства КОНР от вождей Третьего рейха. Вскоре последовало официальное распоряжение Гиммлера о «передаче существовавших в немецкой армии воинских частей и подразделений, созданных из советских военнопленных, а также все руководство пропагандой в

лагерях военнопленных и отделы наблюдения за лагерями «ОСТ», в которых содержались советские граждане, насильно угнанные на работу в Германию»[3: 74], в ведение Комитета. Субсидирование КОНРа перешло от нижестоящих государственных органов непосредственно к правительству. На эту организацию делал ставку уже сам Гитлер.

Формирование первой дивизии РОА началось около 10 ноября 1944 г. Гиммлер лично в декабре 1944 г. предоставил Власову военные лагеря в Мюнзенгене и Хойберге. Председатель КОНР назначил командиром 1-й дивизии полковника (с февраля 1945 г. генерал-майора) Буняченко. Комплектовать личный состав дивизии было решено из уже находившихся под немецким командованием русских формирований. Формирование 2-й дивизии было начато 17 января 1945 года (командир дивизии – полковник Зверев). Однако немецкому штабу не удалось обеспечить ее боекомплект, особенно в отношении тяжелых орудий, специальных орудий и автомашин. Формирование 3-й дивизии, начавшееся 12 февраля, так и не сдвинулось с подготовительной стадии: практически существовал только дивизионный штаб. «28 января 1945 года Гитлер назначил председателя Комитета освобождения народов России главнокомандующим русскими вооруженными силами и передал ему командование всеми русскими формированиями, как новообразованными, так и возникшими в результате перегруппировок. В феврале 1945 года при КОНР возникло управление казачьих войск, присоединившихся к РОА. Под наблюдением генерал-майора Трухина в РОА началось создание собственной разведслужбы. Он же руководил созданием разведшколы в «Охотничьем домике» под Мариенбадом, которая предназначалась для подготовки разведчиков и агентов в области тактики, шпионажа, диверсий, террора и даже подготовки восстаний в тылу Красной Армии. Создавались ВВС РОА, командующим которыми был назначен генерал-майор Мальцев. Две эскадрильи как самостоятельные боевые единицы были готовы к применению на фронте к середине апреля 1945 г.

Когда Красная Армия смела немецкий Восточный фронт, начальник Главного управления СС генерал Бергер предложил проверить боеспособность русских солдат на деле. По приказу Власова и генерал-майора Трухина полковник Сахаров составил ударную группу из трех взводов, вооруженную штурмовыми винтовками, автоматами, фауст-патронами, которая была отправлена в район... и навязать бой советским солдатам (дав им при этом понять, что они имеют дело с русскими). Немецкий батальон получил задание прорваться при поддержке штурмовых орудий в брешь и сломить сопротивление противника... Сахаров справился с поставленными перед ним задачами. Вечером 9 февраля командование 9-й армией смогло доложить о взятии Ней-Левина... Генерал Берлин лично явился вручить солдатам по поручению Гиммлера Железные кресты и другие награды»[15: 137, 139].

Интерес представляет участие дивизии Буняченко в боевых действиях на одном из участков фронта 5-го горнопехотного корпуса СС. В месте сосредоточения этого подразделения РОА было два опасных плацдарма. Было решено провести операцию по ликвидации меньшего из них. Он назывался Эрленгоф. Полкам РОА удалось прорваться сквозь линию советской обороны с севера и юга. К 8 часам было взято несколько советских ДОТов и опорных пунктов, части 1-й дивизии Буняченко продвинулись на 500 метров вглубь советской обороны. Однако в результате прорывов оба полка оказались под фланговым огнем частей Красной Армии, перед ее полевыми фортификациями и мощными проволочными заграждениями. Между 8 и 10 часами Буняченко приказал частям вернуться на исходные позиции, проигнорировав приказ генерала Буссе о продолжении операции. Любопытно, что «атака 1-й дивизии РОА на плацдарм Эленгоф была одним из последних наступлений немецкой армии на всем Восточном фронте»[15: 150].

1-ю дивизию РОА передали в группу армий Центр. 18 апреля Буняченко, игнорируя приказ немецкого командования, начал поход в Богемию. 27 апреля командующий 1-й дивизией получил приказ о возвращении на восточный фронт, однако 28 апреля повернул на юго-запад. Генерал-фельдмаршал Шернер прибыл к Буняченко для выяснения, собирается ли последний участвовать со своим подразделением в боевых действиях. Поскольку немецкий командующий не получил утвердительного ответа, дивизию было решено разоружить. Власов, узнав о конфликте, в ночь с 29 на 30 апреля в сопровождении доверенного лица Гиммлера оберфюрера СС доктора Крегера встретился с Шернером. В результате переговоров последний отказался от попыток отправить 1-ю дивизию на фронт и больше не препятствовал ее проходу на юг.

Объяснить поведение Буняченко и заинтересованность в его действиях Власова можно с помощью плана, разработанного на последнем заседании КОНР 28 марта 1945 года в Карлсбаде. На нем было принято решение стянуть все части РОА в район Альп и там соединиться с 15-м казачьим кавалерийским корпусом, тоже подчиняющемуся председателю КОНР. Руководство РОА таким образом хотело продемонстрировать силу и мощь армии, привлечь к себе политический интерес западных держав. Власов обдуманно и планомерно принимал и осуществлял решения по измене нацистскому режиму, которому со второй половины 1942 года целеустремленно и энергично служил. Эту готовность ярко показывают Пражские события.

Во второй половине апреля 1945 г., когда южная группировка РОА (армейский штаб, офицерская школа, 2-я дивизия, запасная бригада и т. д.) вышла в поход, а обширные области южной Германии были уже заняты американскими и французскими войсками, единственным местом для сосредоточения армии оставался лишь район между Будвайсом и Линцем, богемские леса. Части РОА начали постепенно прибывать туда, но в это время северной группировке (1-я дивизия) представилась возможность, не предусмотренная первоначальным планом, присоединиться к национальному чешскому восстанию.

30 апреля в Праге оформилось руководство национальным чешским восстанием – группа «Алекс» под командованием генерала Слученко. В это время была организована группа «Бартош», взявшая фактически военное командование восстанием. Командиром «Бартоша» был генерал Кутлвашр. Делегация этой группы 2 мая появилась в Козоедах, где стояла 1-я дивизия, с предложением принять участие в предстоящем антинемецком восстании. На совещании, созванном Буначенко, все командиры полков и прочие офицеры, за исключением подполковника Архипова, высказались за помощь восставшим и за союз с чехами.

Власов, не давая Буняченко официального согласия, предоставил командиру 1-й дивизии полную свободу действий, поселился в небольшом замке западнее Праги и оттуда по донесениям следил за ходом событий.

Пражскую операцию 1-я дивизия РОА начала 6 мая атакой на военно-воздушную базу немцев – аэродром Рузине северо-западнее Праги. «За шесть часов сломив сопротивление охраны СС, батальоны третьего полка захватили аэродром. В 23 часа 6 мая основные силы дивизии вышли на рубеж Рузине – Бржевнов – Смихов – берег Влтавы. А в пять часов утра власовцы начали наступление.

Пройдя через мосты в левобережную часть города, войска ворвались в районы Карловски Виноградари, Страдницы и Панкрац, вошли в центр города и заняли Петрин, атаковали Градчаны и захватили Хлесовице, вытеснили немцев из Меховицки у Праги. Неожиданно по радио объявили, что в город вместе с власовцами вступили и американские части. Однако на деле американцев не оказалось. Это окончательно перечеркнуло последнюю надежду руководства РОА встретить союзников в Праге и передать им власть»[3: 85, 86]. Положение усугубила позиция Чешского национального совета, который решительно выступил против любых переговоров с власовцами. Он ждал прихода Красной Армии. У Буняченко не оставалось ни малейшего сомнения в том, что город будет занят советскими войсками.

В 23 часа он отдал приказ об уходе 1-й дивизии РОА из Праги. Восставший город остался немецким войскам, которые исполняли приказы командования по подавлению восстания. Советские войска освободили город 9 мая. Остатки немецких войск с частями 1-й дивизии РОА отходили по шоссе Прага – Бероун к американским позициям западнее Пльзеня.

Власов и его соратники надеялись на поддержку США и Великобритании в защите КОНР и РОА от Красной Армии, от отрядов «Смерть фашизму», от возмездия со стороны Советского Союза. Степень обоснованности их расчетов показывает реальное развитие событий, порожденных англо-американо-советскими соглашениями, касающимися положения военнопленных и фактической расстановкой сил на фронтах 2-й мировой войны.

Основой для решения проблем о судьбах военнопленных союзных армий послужили договоры, заключенные между США, Великобританией и СССР на Крымской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 года в Ялте. Глава советской делегации И.В. Сталин придавал вопросу выдачи советских военнопленных большое значение. Его очень оскорбил тот факт, что, хотя «попытка нацистов завоевать сердца и умы, завербовать большое количество советских военнопленных почти полностью провалилась, десять процентов солдат Красной Армии находились на службе у Третьего рейха»[11: 92]. Поэтому руководство СССР требовало возвращения всех военнопленных советского гражданства, независимо от их желания. Вероятно, эта позиция объясняется еще и тем, что, согласно приказу №270, все попавшие в плен считались изменниками Родины и подлежали наказанию.

Попытки сношений с западными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции берут свое начало с того момента, когда крушение Третьего рейха уже не вызывало сомнений. Активную деятельность в этом направлении развернул Жеребков – сначала за спиной у немцев, а с апреля 1945 года, когда в проведении сепаратных переговоров с Западом за спиной Гитлера заинтересовался Гиммлер – с одобрения Главного управления СС.

В январе 1945 года Жеребков обратился в Министерство иностранных дел и Главное управление СС с просьбой разрешить ему установить контакт с Международным Красным Крестом (МКК) в Женеве. Но обращение к МКК, преследовавшее целью установление связей с англо-американцами, не привело к желаемым результатам. Тогда Власов задумал поездку Жеребкова в Швейцарию с тем, чтобы через посредников вступить в переговоры с дипломатическими представительствами Великобритании и США в Берне. Однако швейцарское правительство, опасаясь вызвать недовольство Советского Союза, отказало представителю КОНР во въездной визе. Не состоялась и поездка Жеребкова в Испанию, безрезультатными оказались и все прочие попытки связаться с союзниками. Ввиду этого на последнем пленуме КОНР, проходившем в Карлсбаде, было принято решение о сосредоточении всех частей РОА в богемских лесах в районе Линц-Будвайс с целью «продемонстрировать силу и мощность армии, привлечь политический интерес западных держав, относившихся к власовской армии весьма прохладно»[11: 35].

В последние дни апреля Власов и его генералы начали посылать парламентеров к американцам с тем, чтобы договориться о капитуляции. Но генерал Пэтч пообещал лишь обращаться с солдатами РОА после капитуляции как с военнопленными. Взять же на себя ответственность в решении вопросов предоставления власовцам политического убежища командующий 7-й американской армией не пожелал ввиду того, что не имел на это право. Была предпринята попытка передать меморандум Власова главнокомандующему союзными силами в Средиземноморье фельдмаршалу Александру. Но оба парламентера были доставлены к офицеру разведки и после короткого допроса интернированы. Бригадный генерал Дейгер, переговорив с вышестоящими инстанциями, выдвинул требование безоговорочной капитуляции, то есть такой, которая была бы сугубо военным актом.

Позиция американских военных вполне объяснима. Военная мощь Вооруженных Сил Советского Союза, авторитет Сталина на международной арене, выполнение обязательств об участии Красной Армии в войне с Японией делали вопрос выдачи военнопленных советского гражданства Советскому Союзу весьма щекотливой проблемой.

Генерал-майор Трухин и другие генералы, направлявшиеся к Власову, попали в плен в районе Пршибрама, который с 3 мая был освобожден коммунистами-партизанами. Боярского задержали 5 мая, привели к командиру отряда «Смерть фашизму», между ними завязался скандал, в результате которого советский офицер приказал повесить власовца. Трухин попал в засаду у Пршибрама 8 мая. Утром 9 мая его передали представителям советских военных властей, которые отправили последнего из Дрездена самолетом в Москву.

Распоряжение из штаб-квартиры Эйзенхауэра: с 00 часов 9 мая запретить немецким силам в Чехии, в том числе и армии Власова, переход границы зоны американской оккупации, а нарушителей передавать Красной Армии. Существовало также предписание: «Относительно власовцев дивизия полагает, что самый лучший способ выдачи их (Красной Армии) – впустить их в зону, окружить район с власовскими силами, а затем отвести американские войска назад»[15: 223]. Так обстояло дело, когда 12 мая в 10.00 Буняченко и начальник штаба 1-й дивизии подполковник Николаев отправились в американский штаб. «Какой-то капитан... уже сообщил им по поручению вышестоящего начальства, что, к сожалению, не может дать русской дивизии разрешения пройти в американскую зону. Но от себя американский офицер добавил, что в 14.00 его часть оставит Шлюссельбург и поэтому он советовал бы власовской дивизии попытаться, разбившись на маленькие группки, добраться до американской зоны. Капитан также дал Буняченко возможность встретиться в замке Шлюссельбург с Власовым. Командующий подтвердил полную безнадежность положения и отдал приказ о немедленном роспуске дивизии, чтобы предоставить солдатам возможность спасаться...»[15: 224].

Буняченко вызвал по радио командиров полков и прочих офицеров в штаб дивизии, на северо-западной окраине Шлюссельбурга. От имени Власова он освободил командиров от присяги и попросил их отправить солдат маленькими группами, минуя шоссе и населенные пункты, к немецкой границе. Потом Буняченко и несколько штабных офицеров, сняв знаки различия, сели в машины и поехали в Шлюссельбург к Власову. Полки РОА получили последний приказ: «Разойтись!»

Солдаты вели себя по-разному. «Одни подходили к командирам, прощались, просили последнего совета; другие, не в силах снести надвигающийся ужас расплаты, покончили с собой – в лесу то и дело гремели выстрелы. Третьи, охваченные апатией, лежали на земле, там, где застиг их последний приказ, и покорно ждали своей участи. Но большинство все же устремилось на юг и юго-запад, к американской зоне»[15: 109]. Так поступил и штаб 1-й дивизии Русского освободительного движения во главе с Власовым.

Согласно версии Хоффмана, «утром 12 мая Власову передали, что его ждут в штабе американской армии... В 14.00 автоколонна выехала из замка Шлюссельбург, во главе шел американский джип, за ним две машины дивизионного штаба; первую вел подполковник Николаев, в ней сидел Буняченко, старший лейтенант Пекарский и еще один офицер. За ними следовали две машины штаба армии, замыкали колонну одна или две американских бронированных машины»[15: 227]. Эта колонна была остановлена в пути обогнавшими ее советскими офицерами на машине, за рулем которой был власовец Кучинский, на переправе через реку Копрживнице. Якушев сначала подошел к машине Буняченко, но тот на требование вылезти ответил, что он пленный американской армии. Тогда Якушев и советские солдаты заставили выйти пассажиров той машины, где ехал Власов. Американцы лишь молча наблюдали за происходящим. Власова под угрозой оружия заставили сесть в машину Кучинского. Машина тут же сорвалась с места, и Власов был доставлен в штаб-квартиру 25-го танкового корпуса. Сообщения советской стороны о том, что Власов якобы пытался бежать, не соответствуют истине. Й. Хоффман считает, что захват Власова произошел не без участия американцев, и указывает, что заместитель начальника штаба 12-го корпуса американской армии, полковник П. Мартин, внезапно появившись на месте событий, приказал американским солдатам не вмешиваться в русские дела.

Советская версия основана на рассказе генерала Фоминых. «В переговоры с советским офицером Якушевым вступил командир батальона власовцев Кучинский, сообщивший об уходе вооруженной колонны во главе с Власовым на Запад. Вскочив в машину, они догнали колонну и остановили движение, поставив машину поперек дороги. Вооруженная охрана сопротивления не оказала. В первой машине власовской колонны оказался генерал Буняченко, который

на требование Якушева следовать за ним ответил категорическим отказом. Кучинский указал, что в колонне следует искать самого Власова.

Беглый осмотр машин не позволил его обнаружить. Только при повторном обходе шофер 4-й машины дал понять, что в кабине командующий. Там оказались две женщины и свернутый ковер, накрытый одеялами, из-под которых Якушев выволок Власова и на глазах у всех повел его в машину. Со стороны охраны и личного состава колонны не было оказано ни малейшего сопротивления или желания остановить советского офицера. Сразу после этого колонна во главе с Буняченко продолжила движение на запад.

В расположение советских войск Якушев вез Власова в сопровождении только водителя-власовца, который проезжал мимо двигающихся власовских подразделений.

По ходу движения Власов осмотрелся и, выскочив из машины, попытался бежать. Но догнавший его... советский офицер... водворил беглеца на место. Ни один из проходивших мимо власовцев не сделал попытку оказать помощь своему главнокомандующему. Так Власов был доставлен в 25-й танковый корпус»[13].

В штабе корпуса генерал Фоминых, угрожая уничтожить части 1-й дивизии РОА, предложил Власову написать приказ о безоговорочной капитуляции своих войск. Власов нервно закурил, потом попросил бумагу и быстро набросал приказ. После первых допросов в СМЕРШе Власов и другие офицеры были доставлены в штаб 13-й армии, а затем по приказу маршала Конева их из Дрездена самолетом отправили в Москву.

После 12 мая пленные из 1-й дивизии РОА были собраны в лагере недалеко от Шлюссельбурга. Их разделили на три категории: офицеры, унтер-офицеры и солдаты. К ним приехал советский генерал, очевидно, представитель военной юстиции, который объявил, что все офицеры приговорены к расстрелу, а рядовые – к 25 годам лагерей. Утром следующего дня несколько десятков офицеров были расстреляны на глазах у подчиненных, специально выстроенных по этому случаю. Многие простые солдаты были тоже расстреляны.

Суд был проведен под председательством генерал-полковника юстиции В.В. Ульриха (председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР). Длился он двое суток.

Председательствующий открыл судебное заседание 30 июля 1946 года в 12 часов 05 минут. После доклада секретаря о том, что все подсудимые, указанные в обвинительном заключении, доставлены в суд под конвоем и находятся в зале судебного заседания, председательствующий удостоверился в самоличности подсудимых, которые на представленные вопросы сообщили о себе биографические данные и заверили его в том, что копию обвинительного заключения получили.

Власов в ходе судебного процесса признал себя виновным, признал, что, «находясь в трудных условиях, смалодушничал, сдался в плен немцам, клеветал на советское командование, подписал листовку, содержащую призыв к свержению Советов, за мир с немцами, договорился с немцами о создании Комитета... формировал армию для борьбы с Советским государством». Признался, что «вел самую активную борьбу с Советской властью... не имел связи с Америкой и Англией, но надеялся на поддержку с их стороны, в частности создания... условий для продолжения антисоветской деятельности»[5: 66-67]. Власов заявил, что его именем делалось все.

В последнем слове Власов сказал: «Содеянные мной преступления велики, ожидаю за них суровую кару».

В 19 часов 08 минут суд удалился на совещание.

1 августа 1946 года в 2 часа 02 минуты, по возвращении суда из совещательной комнаты, председатель огласил приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. В 2 часа 24 минуты председатель объявил судебное заседание по данному делу закрытым.

26 августа 1946 года в центральных газетах было опубликовано сообщение Военной коллегии Верховного Суда СССР: «На днях ВКВС СССР рассмотрела дело по обвинению Власова А.А., Малышкина В.Ф., Жиленкова Г.Н., Трухина Ф.И., Закутного Д.Е., Благовещенского И.А., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова Н.С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1«б», 58-8, 58-9, 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. В соответствии с пунктом 1 Указа ОГВС СССР от 19 апреля 1943 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение»[5: 76].

Так бесславно закончил свою жизнь бывший командующий 2-й Ударной армией, главнокомандующий РОА, председатель КОНР и изменник Родине – человек, благодаря которому клеймо предательства долгие годы лежало на тысячах советских солдат, героически павших в районе Мясного Бора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катусев А.Ф. Оппоков В.Г. Движение, которого не было или история власовского предательства// Военно-исторический журнал. 1991. №4.
2. Климчук Е. Вторая Ударная и Власов, или Почему один предал, а в предатели попала вся армия// Советский воин. 1989. №20.
3. Колесник А.Н. Генерал Власов – предатель или герой? М., 1991.
4. Колесник А.Н. Грехопадение: Генерал Власов и его окружение // Сын Отечества. 1991. №42.
5. Колесник А. РОА – власовская армия: Судебное дело генерала А.А. Власова. Харьков, 1990.
6. Мерецков К.А. На службе народу. М., 1984.
7. Неизвестные подробности// Новгородский комсомолец. 1990. 9 сент.
8. Перемышленникова Н. Портрет генерала «Ты у меня одна...» Письма генерала Власова жёнам (1941-1942)//Источник, документы русской истории. 1998. №4.
9. Решин Л. Власов – акция// Красная звезда. 1991. 23 окт.
10. Семеряга М.И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война. 1939-1945. М., 1996.
11. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты / Под ред. А.И. Солженицына. М., 1996.
12. Трояновский В. Долина смерти – долина боли // Новгородская правда. 1990. 24 июня.
13. Фоминых Е. Как был пойман предатель Власов // Известия. 1962. 7 окт.
14. Френкин А. Власов и власовцы // Литературная газета. 1989. 13 сент.
15. Хоффман Й. История власовской армии / Под ред. А.И. Солженицына. Париж, 1990.
16. Чернухин В.А. На Любанском направлении // Военно-исторический журнал. 1992. №8.
17. Штрик-Штриффельдт В. Против Сталина и Гитлера. «Посев». 1981.

Жил в поселке Медведь Шимского района замечательный человек – Иван Ефимович Братышенко (1893–1978), почетный член Медведского общества краеведов. Он прожил долгую жизнь, много видел, умел наблюдать и оставил очень интересные воспоминания, начинающиеся еще аж с прошлого века. Ту часть его воспоминаний, которая относится ко временам Великой Отечественной войны, мы и публикуем в этом номере.

Иван БРАТЫШЕНКО

ИСПАНЦЫ, НЕМЦЫ, БАЛАЛАЙКА

Из воспоминаний

Рожь под зиму 1940-41 годов посеяли сортовыми семенами и весной 1941 года любовались всходами. Ждали еще более высокого урожая, а дождались... Странное слово – война! Срочно сдавали свиней и другой скот государству. В июле немцы были уже у Сольцов. Народ копал ямы на усадьбах и хоронил в них сундуки с одеждой, обувью, инструментом.

Часть людей уже ушла в лес. Пасека гибнет; разделили мед, а отступающие солдаты залезали в ульи, вынимали рамки с медом, и никто не перечил: все равно все гибнет. Рожь поспела, пора жать, а деревню обстреливают из минометов; жнецы и жницы убегают в лес, не собрав снопы в бабки. Переселился в лес и я. Помню, пришел в деревню захватить кое-какие вещи, вышел в огород, а на изгороди висит отлетевший рой пчел. И так мне стало больно, что я заплакал. А кругом набросаны пустые рамки с вырезанной вощиной... Побрел обратно в лес. Иду мимо дома колхозника Кононова; окна открыты, слышу – мою фамилию «жуют» два соседа, два свата. Один говорит: «Что немцы, не люди, что ли? Да ведь мы не сами в колхоз шли, нас Братышенки загоняли, уговаривали, а мы что? Пусть с них, с коммунистов, и спрашивают». Так вот они что думают: продать немцам за бутылку шнапсу организаторов колхозов! Ладно, думаю, надо уходить в тыл.

11 августа, когда немцы начали крепко бомбить край леса, я стал подбирать группу колхозников, согласных уйти в наш тыл. Да не так-то просто мужика оторвать от «сундуков, сундучков и сундучищев». Предложил брату Володе пойти, но у него давно болят ноги, а у его жены отнялась правая рука, да и вещей у него не один воз – и шкафы, и кровати, и прочее имущество, которое он перевез из деревни в лес, да еще у него двое маленьких внучат дошкольного возраста. На мое предложение он только грустно улыбнулся, сказав: «Куда я годен в поход, когда и здесь еле хожу? Останусь: чему быть, того не миновать».

Все же мне удалось сагитировать, кроме моей семьи, еще семь человек. Дал нам колхоз старую лошадь с телегой, и мы, погрузив на нее минимум имущества, в ночь с 11-го на 12 августа тронулись в путь. Все согласившиеся ехать говорили, что все оставят здесь, а с собой возьмут только хлеб, мясо да мед (мед у всех был). Но все это крайне необходимое имущество оказалось весом примерно в 30 пудов, и наш конь Мальчик с трудом потащил тяжелый воз, а все мы, кроме двоих малолетних детей, пошли пешком.

Всю ночь ехали лесными дорогами. На рассвете приехали в деревню Бедрино Менюшского сельсовета. У крайней избы при въезде в нее наши солдаты у колодца поили лошадей. Мы спросили у них: «Где немцы?» – «А вон, в Менюше, еще вчера вечером явились незваные гости». А ведь мы хотели через Бедрино ехать в Менюшу. Как же быть?

Здесь, у выселка Барский Бережок, мы попали под бомбежку. Двадцать девять «юнкерсов» налетели в густом тумане на этот выселок, до которого мы не доехали полкилометра. Услышав рев моторов, мы все залегли в глубокую канаву и лежали ничком, защищаясь от бомб только собственной спиной. Нас осыпало землей от взрывов бомб, ложащихся по обеим сторонам канавы, но в канаву ни одна не попала, и после бомбежки мы вылезли из нее целы и невредимы. Обсудили положение, решили свернуть в болото, чтобы подальше быть от дорог, но, как только въехали в болото, наш Мальчик категорически отказался идти с таким возом дальше. И тут нам пришлось оставить лошадь и телегу двум женщинам, которые решили вернуться в Щелино, взять весь груз на свои плечи и брести по болотам и лесам куриным шагом. Плечи ныли, руки устали до невозможности, а бросить продукты нельзя. Пять суток еще мы бродили, меняя направление то на Новгород, то на Лугу.

16 августа встали с восходом солнца. Хозяйки напекли блинов. Вдруг слышим – кто-то идет по лесу в нашу сторону. Мы притихли. Подходит к нам солдат-немец, вооруженный до зубов. Мы все встали. Солдат оказался добродушным, увидел, что перед ним не партизаны, а беженцы. Осмотрев нас, он сказал: «Зецен, есен». Мы только собрались позавтракать, но в этой ситуации блины не лезли в горло. Тогда он изрек: «Ком мит!» – и сделал выразительный жест рукой. Мы поняли, что он зовет нас следовать за ним. Взвалив свои пожитки на плечи, мы поплелись за немцем. Пока мы шли лесом, мой приятель, Андрей Егорович Бархатов, с женой, сынишкой и дочкой сумел скрыться в лесу (забегая вперед, скажу, что Андрей Бархатов вернулся в Щелино). Оглянувшись, я увидел, что нас осталось пять человек: я, жена, две дочки 12 и 17 лет и племянница, шестнадцатилетняя девушка. Немец вывел нас к дороге, которая была запружена немецкими войсками. Впереди колонны сидели на лошадях человек 10-12 немецких офицеров. Наш конвоир сделал нам жест стоять, а сам пошел к группе всадников-офицеров и что-то доложил им.

Один офицер, видимо, старший, повернул к нам очкастое лицо и спросил: «Куда ви идешь?» Я ответил: «В Новгород!» Тогда он сказал: «Один час ви сидишь здесь, немецкий солдат идет туда (он указал в сторону Луги), а ви идешь в Новгород». Так произошла моя первая встреча с захватчиками. Ну что ж, для первого раза неплохо. Не знал немец, что среди нас две комсомолки. Была бы другая встреча...

Около часа мы сидели у дороги за ивовым кустом, пока не прошла вся дивизия. Я боялся, что солдаты увидят девчонок, и велел им не высовываться из-за куста.

Наконец дорога очистилась, и мы пошли в сторону Новгорода. Кончился лес, открылось поле, уставленное бабками сжатой ржи. Впереди виднелась какая-то деревня. Мы вошли в нее, но не в самую деревню, а в первый попавшийся сенной сарай. Наконец-то мы попали под крышу! Смотрим в открытые ворота и гадаем: что это за деревня? Видим, к нам идет какая-то девочка лет 16-17. Моя дочка вдруг вскрикнула: «Лида!» Оказывается, это Лида из деревни Старый Медведь, она вместе с моей дочкой училась в Медведской школе. Обрадовались мы (все-таки свой человек), спрашиваем: что это за деревня? А она: «Да Видогощь! Чего вы в сарае сидите, идемте в деревню, здесь мои папа и мама, вчера нам немецкий офицер дал корову. Мама ходила доить эту корову, а сегодня утром все немцы ушли под Лугу, а корова осталась нам. Мы идем в Григорово, ведь это родная деревня моей мамы. Идемте в деревню, там все избы пустые, хоть переночуете под крышей. Только за речкой Видогощь у немцев устроена скотобойня. Они нам дали целый ливер». (Горло, легкие, пе-

чень и сердце по-местному называется ливер).

Мы вошли в первую пустую избу. Скоро к нам пришел отец Лиды – Федор Уланов, я его знал с юношеских лет. Пытаясь нас успокоить, он сказал, что немцы не обижают мирных жителей, что он хорошо говорит по-немецки, так как в империалистическую войну был в плену у немцев четыре года, где и выучился языку. Обращаясь ко мне, он сказал: «Пойдем за двор, там немец сапоги чистит, я спрошу у него, скоро ли кончится война». Пошли. По погонам это был простой солдат, но, судя по холеной шевелюре и золотой цепочке часов, был «не из простых, а из борзых». Федя поздоровался с ним, приложив два пальца к своему виску, и спросил по-немецки, скоро ли кончится война. Тот выпрямился, поднял свою левую ладонь с растопыренными пальцами и, загибая пальцы правой рукой, изрек: «Айн, цвай, трай, фир! Фир таге Ленинград ап», – и сделал в пояснение жест руками, что означало «возьмем». Федя перевел мне, но я и так понял: через четыре дня возьмут Ленинград. Но немец продолжал говорить и отсчитывать на пальцах: «Нох цвольф таге, Москву ап! Нох цвайтрай вохен ап Урал унд криг фертих», то есть через 12 дней возьмем Москву, еще за две-три недели дойдем до Урала – и конец войне! Недурно?! Это была вторая моя встреча с немцем. Вот, оказывается, как просто! Слава богу, «ап»-то получился не на реке Урал, а на Шпрее.

Когда мы добрались до Григорова, жители этой деревни уже возвращались из лесов в родные места.

Вечером того же дня приехал из лесу с возом имущества и тесть Феди Уланова. Он посоветовал нам поместиться в пустующем военном городке, где есть хорошие жилые дома. Городок этот состоял из огромных складов, где хранились наши крупные авиабомбы, но немцы об этом не знали, и когда они бомбили Новгород, наши успели по ночам вывезти все эти бомбы в тыл. А на этот лесной городок не упало ни одной вражеской бомбы. Тесть Феди на лошади поехал в лес за остальным имуществом, а по пути отвез в городок нас и нашу поклажу. Дня через два-три туда же приехал и Федя Уланов с семьей.

Несколько дней мы – две семьи – прожили в этом городке спокойно. Ходили в Новгород, – там в доме бывшего купца Тележкина, в подвалах его магазина, уцелели бочки с соленым мясом и шпиком; досталось и нам с Федей по хорошему куску соленой говядины, килограммов по 15-20. Потом ходили в сгоревший пакгауз за соленой треской и за грудами обгоревших консервных банок, которые, прежде чем класть в мешок, надо было потрясти над ухом: если содержимое стучит, значит там уголь, если плюхает – можно брать. Так мы понатаскали кое-каких продуктов. Туда ходили десятки, а может, и сотни людей, и кто что находил съестного – тащили в свое жилье.

Вскоре в городок приехали немцы, и среди них – один из бывших офицеров русской царской армии. Это были квартирьеры. Русский объяснил нам, что в этих домах расположатся генерал и штабные офицеры, но ни меня, ни Федю не выгнали из занятых нами помещений. Не спросили ни документов, ни фамилий, сказав, что никто вас не тронет. А на другой день все три дома заняли немцы, и мы поселились в чьей-то пустующей избушке у самого городка. Первые немцы – два шофера грузовых машин – пришли к нам и обратилась к жене с просьбой выстирать белье. Жена моя по национальности шведка, а шведский язык похож на немецкий, она сразу их поняла и согласилась постирать. Когда они пришли за бельем, принесли за работу хлеба, сахару и селедок. Эти два шофера повадились к нам ходить, и я стал изучать их язык. Тут не я, а они задали мне вопрос: когда, по моему мнению, кончится война? Я сказал, что через три года, и они от души хохотали, считая меня по меньшей мере чудаком. Вскоре к нам зашел высокий красивый немец и вдруг заговорил на чистом русском языке. Мы очень удивились, а оказалось, что он русский. Его отец в империалистическую войну был в плену у немцев, работал у немецкого бауера и, поскольку его хозяин был хорошим человеком, отец Коли Денисенко (так звали нашего нового знакомого) вызвал в Германию жену с ребенком; этим ребенком и был Коля. Ему тогда шел только второй годик, а теперь ему 22, немецкий язык он знает, как и русский, и служит у командира дивизии переводчиком. Он заверил, что, если кого-либо из нас заберут немцы, допрашивать будет он и переведет наши показания так, как нужно. С помощью Коли Денисенко я за шесть-семь месяцев освоил разговорную речь на языке врагов, и мне это впоследствии очень помогло. Жалею только, что я не записал адреса этого русского человека.

Через семь месяцев немцы из городка ушли, а на их место пришел штаб хваленой испанской Голубой дивизии. Мы опять оказались без защиты, к тому же не знали ни одного слова по-испански. Как-то во время обеда мы увидали, что под окном нашей комнаты ходят два солдатика, не похожие на немцев. Они вошли к нам. Со всеми поздоровались за руку, говоря: «Байнас диас, сеньер! Байнас диас, сеньора! Байнас диас, сеньорита!» Вот я из крестьянина и превратился в сеньора! Оба они отрекомендовались. Один, тыча себя в грудь, сказал: «Ё Антонио Лопес!» Другой так же сообщил, что он Сант-Яго. Впоследствии мы называли первого Антошкой, второго Яшкой. Они только что получили из склада белье, шерстяные свитера и шерстяные носки. Все это они тут же отдали нам. Белье – мне, свитер – старшей дочке, Римме, а носки – младшей, Розе. Потом пришел к нам офицер «Али-Гурки» – так его называли испанские солдаты, но настоящее его имя было Али Гурский-Мохамедов. Крымский татарин, тоже из недобитых белогвардейцев, владел в Крыму имением, а в армии Врангеля командовал полком. Впоследствии мы узнали, что врать он умел не хуже барона Мюнхгаузена. Но нас он не обижал, – наоборот, дважды выручил из беды, когда пьяные немецкие солдаты ломились в нашу избу.

Еще один эпизод. Как-то мы услышали стук в дверь, который насторожил нас: ведь испанцы не стучат, они рывком открывают дверь, а тут стук. Я сказал: «Да, да!» Входит офицер. Немецкая форма, русский Георгиевский крест, рассыпается в любезностях. Я спрашиваю: «Вы русский?» А он: «Я тот самый, кого в советских газетах именуют белобандит». И, как бы в опровержение этого – подчеркнуто вежлив: вот, мол, посмотрите, как несправедливо обзывают в газетах русских патриотов! Он, видите ли, пришел просить у нас разрешения занять соседнюю с нашей пустую комнату для временного жилья подполковника испанской армии. В тот же день подошла легковая машина, из которой вышел среднего роста, похожий на Франко, подполковник, а вслед за ним – его денщик, и мы слышали, как подполковник громогласным басом кричит: «Пипавы!» Так звали его слугу. Испанские офицеры величают своих денщиков аспирантами.

И жизнь у нас покатила колесом. Целый день в нашей комнате толпились испанские солдаты, соревнуясь в остроумии, плясках и пении испанских песен. И не удивительно, – ведь у меня три молоденьких девушки. А вечером того же дня, когда поселился за дощатой перегородкой подполковник, снова, постучав в дверь, вошел лейтенант и вежливо пригласил всех нас к подполковнику на чашку кофе. Не пошли жена и младшая дочка 13 лет, а я, захватив балалайку, которую мне оставил на память Николай Денисенко, и остальные пошли в гости. Кроме подполковника, сидящего в кресле в конце стола, и русского офицера-переводчика был еще испанский капитан, лицом больше похожий на японца, приветливый и подвижный. Встретили нас, как дорогих гостей. На столе во льду стояла бутылка шампанского, на тарелке лежали ломтики колбас и ветчины, в вазах – конфеты и разное печенье. Никаких вопросов никто нам не задавал. Подполковник попросил спеть русскую песню, но мы запели украинскую «Ой, на гори та й жнецы жнут»; потом он попросил спеть по-русски Интернационал. Я подумал, нет ли тут подвоха, предупредив, что в соседнем доме живут немецкие жандармы эс-эс, но подполковник ответил, что он за это ответит, и мы с радостью спели наш любимый гимн. Вместе с нами пел интернационал и капитан. От шампанского я, как неисправимый антиалкоголик, отказался, а девочкам никто и не предлагал этого, на мой взгляд, неприятного напитка. Спели мы еще две-три русские песни и канон «Солнышко всходило» и, поблагодарив за теплый прием и угощение, благополучно вернулись в свою комнату.

На другой же день подполковник уехал на передовую линию, к станции Подберезье, и мы больше его не видали. Капитан потом нам сообщил, что русский офицер убит, а сам он еще раза три-четыре приезжал в городок и каждый раз, оставив машину на дороге, бежал к нам, на ходу вынимая из карманов плитки шоколада и другие сладости. Ходил к нам и денщик генерала Муниуса Грандеса, Паскуаль. Он говорил, что его сестра – жена командира дивизии, а его, Паскуаля, бывшая жена работает в канцелярии совнаркома Молотова. Еще он говорил, что у него дома большая библиотека, в которой много книг Ленина и Сталина. Ходил денщик генерала Фаусто Басо. Его отец был главным органистом мадридского собора, мать – оперной актрисой, а брат – известным в Европе виолончелистом. Еще один, занимавший тепленькое место кладовщика при генерале (забыл, как его звали), говорил, что у его папы два завода – мыловаренный и пивной, что он пошел в дивизию потому, что генерал Муниос Грандес обещал его маме, что сын ее не будет на передовой. И тот же первый наш знакомец, Антонио Лопес, тоже был не из пролетариев: его отец – крупный коммерсант, мать – помещица, имеет тысячи голов овец и другой скот, сам Лопес в армии Франко был офицером, а здесь он – ассистент у начальника контрразведки капитана Мартинеса. Так все богачи и были устроены на теплых местах при штабе дивизии, а те, кого обманом и посулами завербовали в Голубую дивизию, крестьяне и рабочие, – те сидели в окопах.

Ходили еще к нам солдаты-музыканты из военного оркестра. Когда испанцам выдали немецкое обмундирование, оркестр этот во главе дивизионной колонны шел походным порядком вглубь нашей страны, а впереди оркестра ехал генерал Грандес. В четырех километрах от Минска наш самолетик «У-2» на бреющем полете сбросил на них две бомбы. 80 процентов оркестрантов было убито и ранено, а генерал Грандес дал такого стрекача, что дивизия встретилась с ним только в Новгороде. Музыканты рассказывали нам, как их вербовали «добровольцами»: всех, хоть и на разные манеры, но обманывали. Их уверяли, что они будут нести караульную службу в глубоком тылу, что до места назначения их повезут на машинах, что получать они будут двойной паек – и испанский и немецкий, что их родители могут посылать им посылки в неограниченном количестве, – и все это было обманом: и шли они до Новгорода пешком и прямо на передовую, и никакого двойного пайка они не получают. Когда я спросил у музыкантов, как их кормят, они ответили: «Поко пан, мучу агуа» (мало хлеба, много воды). Даже один из придурков (как называли солдаты тех, кто пристроился при штабе), Фаусто Басо, и тот жаловался мне, что мать пишет о восьмой посылке, а он не получил ни одной, добавив, что все забирают немцы.

Еще один эпизод. Сижу я в своей комнате, читаю газету «Правду», издаваемую немцами в Гдове. Приходит солдат-испанец (он еще не бывал у нас), – вырывает у меня из рук газету и бросает на пол, говоря: «Не читай, это гебельсовская пропаганда!» При первой встрече – такой сюрприз! Потом, при других посещениях, он поведал мне, что его брат – коммунист, осужден судом Франко на 15 лет тюрьмы, а сам он по заданию партии пошел «добровольцем» в Голубую дивизию для пропаганды среди солдат; что в дивизии 63 солдата и 13 офицеров – коммунисты; что начальник штаба, у которого он значится ассистентом, – коммунист, что дивизионный цензор – коммунист, а многие другие офицеры там, на передовой, ведут свою работу среди солдат. Правда, там случилось несчастье: когда разведка сообщила в штаб дивизии о предполагаемом наступлении русских, солдатам в окопы выдали ручные гранаты; а когда наступление русских не состоялось, у солдат гранаты стали забирать, но у большинства из них не оказалось запалов. Многих арестовали, а 13 человек, у которых нашли запалы в карманах, расстреляли. Насколько это отвечает действительности, судить не могу.

Ну, и еще об одном русском патриоте – о «сергенто» (сержанте) Юрии Старицком. Как-то этот бывший белогвардеец зашел к нам, – видимо, его заинтересовали мои девочки. Сидит он на сиденье от грузовой автомашины, где-то раздобытом моей дочкой, воображая, что сидит на мягком диване, побритый, надушенный, и ведет со мной беседу. Ему, мол, известно, что его дома в Курске целы, и скоро он опять будет их владельцем. Я спросил, откуда он родом. А он: «Вы знаете мою фамилию? Я – князь Старицкий. Весь Старицкий уезд Тверской губернии – это наше родовое имение, и я, конечно, возьму его в свое владение». Хотелось мне на его монолог ответить, но... пусть покуражится. Еще он добавил, что он большой либерал, и что у его папы и у него самого крестьяне охотно работали и хорошо жили. Как тут не вспомнить Дениса Давыдова:

...Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок
Корчит либерала.
.....
А глядишь – наш Лафайет
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Ну, полно об испанцах и недобитых белогвардейцах. Добавлю только, что, когда испанцев перебрасывали на другой участок фронта, в район Вырицы, все солдаты, с которыми я общался, уверяли меня, что, как только их пошлют в атаку, они все уйдут к русским. Частично так и случилось.

На месте испанцев в городке расположился немецкий рабочий батальон. А в нем – наш брат-мастеровой, главным образом строительных профессий. Командиром батальона был какой-то капитан, но я его за два года мельком видел всего два-три раза, фактически же всеми делами руководил обер-фельдфебель Карл Кервер. Это был добрый, чуткий человек, и к нам, русским рабочим, относился очень хорошо. К тому времени у меня выросла полуседая борода, и при нарядах на работу он ставил меня на самую легкую. Можно было целый день гонять щепку метлой по двору, а вот сидеть или стоять без дела у них не положено. Во всей команде был только один служака – ефрейтор, которого солдаты-немцы и в глаза и за глаза звали генералом. Он был просто глуп. Любил покричать на русских рабочих-подростков, но его никто не боялся.

Фельдфебель внимательно приглядывался к работе русских и часто восхищался умом и смекалкой наших рабочих. Как-то он поручил нам с Федей Улановым пилить дрова во дворе у барака. Попробовали мы пилить на немецком «козле». Это чурка метровой длины, а к ее торцам прибиты по две дощечки. Поскольку этот примитив шатался и болтался, мы решили сделать «козла» по-русски. Я заметил, что фельдфебель от своей избушки наблюдает за нами, и, когда мы уже стали в распилы на чурки забивать ножки, он подошел к нам, спросил: «Вас ду махен?» Мы объяснили ему, что делаем русского «козла». Он подождал, и, когда мы поставили «козла» на ноги, пришел в восторг. Тыча пальцем себе в висок, он несколько раз повторил: «Тонту (дурак)! Я же техник-строитель, мне 42 года, но никогда мне и в голову не приходило сделать «козла» так хорошо». А ведь у нас любой крестьянин сделает такое «чудо»! И понятно: нужда заставляла крутить мозгами. Ведь недаром гласит пословица: «голь на выдумки хитра», или другая: «богач на деньги, а голь на выдумку». Фельдфебель часто говорил: у русских золотые головы!

Как-то немцы праздновали рождество. На каждых пять человек солдат было выдано по две бутылки шнапсу. Федя Уланов приоделся и пошел в гости к немцам-солдатам. Его немцы звали Фрицем. Закричали: «Фриц! Ком гер! Шнапс трынке (Фриц, иди, выпей с нами)!» Тот подошел. Ему дали только что откупоренную бутылку (они пьют так: один глотнет прямо из горла пару глотков и передает другому, – так бутылка три раза и обойдет по кругу). Федор взял бутылку, шутя спросил: «Аллес (всю)?» Немцы со смехом отвечали: «Аллес, аллес!» Тогда Федя раскрутил содержимое, задрал голову и, не переводя дыхания, выпил бутылку до дна. Немцы замерли от удивления, а он обтер рот рукавом, поклонился и сказал: «Данке шейн». Когда я на следующее утро пошел на работу, мне на каждом шагу рассказывали немцы об этом сенсационном подвиге русского Фрица.

Хотелось бы мне разыскать бывшего фельдфебеля Карла Кервера, – думается мне, он был коммунистом. Спасибо ему.

Расскажу еще о двоих немцах. Первый – Кунеберг Мавик из

города Эссен. Он маляр и стекольщик, но фельдфебель назначил его заведовать инструментальной кладовой. Он взял меня к себе в помощники, и тут я увидел, кому нужна война. Из Германии прибывало множество разного инструмента, который никуда не годен: тут и топоры пяти-шести конструкций – и заточенные с одной фаской, и секиры, как у червонного валета, и всякий столярный, уже вышедший из употребления инструмент, и садовые ножницы, и даже туалетная бумага. Все, что не продали купцы в мирное время, – все продали на войну. Недаром Демьян Бедный писал:

Кому война – заплатушки,

Кому – мильен прибытку.

Завскладом мне говорил: «Иван, война кончится, инструмент понадобится. Выбирай и забирай все, что тебе надо. А я спишу на войну».

Как-то фельдфебель послал Мавика в склад получить для кухни мясо и другие продукты. Мавик и меня туда с собой взял. Приехали мы к складу, а на двери приколота лубочная картинка, на которой изображен русский Иван в красной рубахе и в лаптях. Вдали видны черепичные крыши какого-то немецкого города. «Иван» агитирует – он показывает на Германию и кричит: «Приезжайте к нам, мы в Германии, здесь можно хорошо заработать!» У него широко открыт рот, виден язык. А тот, кто пригвоздил этот плакат, – четыре кнопки втиснул в углы, а пятую всадил «Ивану» в язык. Я позвал Мавика и показал ему. Он улыбнулся и сказал: «Гут!»

Другой факт. Как-то я, наскоро пообедав, вернулся на место работы и сел на крыльце у барака – ждал, когда кончится обеденный перерыв. Вдруг, круто затормозив, из «фиата» вышел шофер-немец. Поздоровался со мной и начал высказываться, мешая немецкие слова с русскими: «Их никс дурак, их цу фил лезен Ленина, Шталина, Маркса (я не дурак я много читал Ленина, Сталина, Маркса). Гитлер капут». Он так это энергично утверждал, дополняя слова характерными жестами, а ведь это было весной 1943 года. Я воздерживался высказывать свои взгляды. Кто он? Почему открыто говорит такие «страшные» вещи? После этого знакомства я часто его встречал около городка, и всегда он из кабины приветствовал меня поднятым кулаком – «рот фронт».

В мае 1943 года я перешел жить в другое место – в бывшее подсобное хозяйство новгородского дома инвалидов (в сторону деревни Вяжищи). Большой жилой деревянный дом в пять комнат. Соседи мои были разные люди. Хозяином дома назвался некий Селедкин. Он жил по принципу – чтобы были и волки сыты, и овцы целы. Хотя он мне по секрету сообщил, что является кандидатом в члены партии, но меня предупредили, что он имеет от немцев документ на право задерживать всех подозрительных и доставлять их немецким жандармам. С ним пришлось держать ухо востро. Он как-то зашел ко мне под мухой и помахал перед носом какой-то бумажкой, говоря: «Ты, Иван Ефимыч, дружнее живи со мной, эта бумажка не простая...» Рядом с моей комнатой жили три цыганки – тетя Паша Масальская со старухой-матерью и простоватой сестрой. Эта тетя Паша ненавидела немцев и советовала мне остерегаться Селедкина. Она говорила, что немцы расстреляли восемь человек ее родственников и намекала, что к этому делу был причастен Селедкин. Вот этого соседа я больше боялся, чем немцев.

Освоив разговорную речь, я легко объяснялся с немецкими солдатами и умел заговорить им зубы. Как-то, уже на этой квартире, зашли ко мне два незнакомых солдата, у одного из них была в руках мандолина. Я, не желая показывать, что понимаю по-немецки, по-русски сказал: «Садитесь, пожалуйста», – и указал на скамейку. Они сели, и один из них заметил на моих ногах хорошие поярковые валенки: надо бы снять. Другой увидел на стене мою балалайку – подарок Коли Денисенко – и, обращаясь ко мне, спросил: «Ду шпилен по балалайку (ты играешь на балалайке)?» Я ответил по-немецки, снял с гвоздя балалайку и объявил: «Музыкальный момент, Шуберт». Они и рты разинули, говорят: «Шуберт дойч композитор!» Я ответил вопросом: а разве русскому нельзя играть Шуберта? Они уже размякли, снова просят меня сыграть. Я сыграл Шуберта, потом «Колыбельную» Моцарта и один вальс, который, как я слыхал, напевают немцы. И вот балалайка спасла мои валенки, – забыли они про них и распрощались, как со старым знакомым.

Еще о тете Паше Масальской. Она ходила по окружным деревням, там все ждали конца войны, просили ее погадать. Она раскидывала карты и всегда выходило, что красный петух заклюет белого петуха. Бродя по дорогам и лесным тропам, она подбирала листовки, сброшенные с наших самолетов, изданные на немецком языке с портретом фельдмаршала Паулюса у микрофона. Я взял у нее эти листовки, около десятка, и снес фельдфебелю Керверу, сказав, что ходил за грибами и нашел в лесу, а прочитать не умею. Он вышел за дверь, огляделся, вернулся. Взял одну, бегло прочитал. Все забрал, хитро подмигнул мне, сказав: «Гут». Я часто ходил в лес, там во весь дух пел советские песни, надеясь встретить или наших разведчиков, или партизан. Я видел много подобных листовок, но не решался их отдать немцам, а тут решился и пожалел, что не сделал этого раньше.

В ноябре 1943 года немцы стали вывозить в Германию русское население. Мне сказал Селедкин, что один комсомолец, работающий в немецкой комендатуре, говорил ему, будто списки жильцов нашего дома им уничтожены, но это была неправда. Вскоре к нашему дому подъехали на лошадях два всадника – офицер и унтерофицер, вызвали всех обитателей дома и объявили, чтобы к завтрашнему дню мы приготовили все свое имущество (кроме мебели), а к десяти часам утра придут подводы, заберут нас и наше имущество и отвезут в деревню Три Отрока Самокражской волости. И вот нас привезли в эту деревушку, расселили по пустым избам, жильцов которых накануне угнали в Германию. На другой день забрали всех девушек и молодых женщин и увезли в комендатуру, которая была расквартирована в бывшем Духовом монастыре. Увезли и нашу младшую дочь Розу (а старшую – Римму – увезли с собой в Вырицу испанцы). На третий день взяли всех мужчин, под конвоем отвели на станцию Воробейка и поместили за проволоку в барак, в котором раньше помещались наши пленные. Через день туда же привезли и наших жен. Утром поверка, потом на работу – ремонтировать хворостом изгороди по обрезам дороги Новгород-Шимск. Мы понимали, что немцы готовятся драпать и боятся, не занесло бы дорогу снегом. Кормили сносно. Работа была – «не бей лежачего». Пока не проедет комендант от Новгорода до Шимска и обратно, мы кое-как работаем; а когда проедет он из Шимска в Новгород, старший конвоир командует: «Фое махен (разводите костер)». Так, с 11-12 часов дня мы греемся у костра, а в 4-5 за нами приходят две машины, мы забираемся в них и едем на отдых в Борок.

В январе 1944 года нас перевезли в деревню Чайка, в версте от станции Борки. Здесь мы работали на прессовке соломы тракторным прессом. Жили в избах совхозных рабочих, которых раньше угнали в Германию. Полные подвалы картофеля, в буртах сахарная свекла, в сенях и на чердаках много клюквы. Наши хозяйки терли на терках картошку, варили из клюквы и свеклы сладкий кисель, работали кое-как. Но вот в один прекрасный день мы услышали артиллерийскую канонаду и увидели полеты наших ракет, «катюш», и на душе стало празднично. Теперь одна забота: не увезли бы в Германию.

Утром следующего дня Чайка опустела. Всех слесарей, что здесь работали по ремонту подбитых машин, отправили защищать Новгород. А часа в два дня смотрим, к нам идут конные подводы. Не за нами ли?! Но нет: это были четыре кухни. Везли они обед на передовую, а передовой-то и нет! В эти дни из Старой Руссы привезли целый полк немецких солдат, которые были окружены где-то около Валдая в течение четырех месяцев. Вырвавшись из окружения, они отдыхали, голодные, как волки. И вот их бросили к Новгороду. А дорога Новгород-Шимск недалеко от Новгорода уже была перерезана нашими войсками. Приближение немцев к Новгороду наши заметили. Пропустили этих «гостей», а за ними и ворота захлопнули, часть переколошматили, остальных забрали в плен. Вот почему к нам привезли четыре котла обедов. Среди этих поваров были и наши пленные. Обеды эти – супы с макаронами – отдали нам «по потребностям». В ведрах и кастрюлях мы разнесли еду по своим

квартирам. Не успели мы все это съесть – опять нас ночью куда-то повезли. А привезли нас в Шимск, закрыли в бывшем чекулаевском маслозаводе и там держали дней пять-шесть. В один прекрасный день прибежал к нам немец-жандарм и скомандовал: «Алле русиш рауз (все русские выходите)!» Вышли. Жандарм говорит: «Углы, Свинорд, Сольцы. Там вас посадят в вагоны и повезут в Германию». «А кто, – спрашиваю, – нас повезет?» «Никто, – отвечает жандарм, – сами шпацирен».

Ура! Мы знаем, куда надо идти. Жандарм проследил, как мы пошли на деревню Подгощи. Добрались до Подгощ только к вечеру. Нигде ни огонька. Огромные военные автобусы стоят у изб. На улице ни души. Увидел я в боковой избушке огонек. Подбежал, стучу в окно. Старуха выглянула. «Пустите, – говорю, – переночевать, мы из Медведя». «Ой, родные! Тесно у нас, в передней-то половине аспиды живут; да заходите, человека четыре в кухне помещу». Хорошая старуха, все крестится да причитает: пошли, господи, победу доблестной Красной армии! Залезла в подвал, кислой капусты достала, чай согрела. Приютила, как родных. Рассказывает старуха, что в деревне Подгощи полицай очень худой, говорит: «Я русским не сдамся, хоть вилами двоих-троих заколю, а не сдамся». «Вот какой аспид, – добавила хозяйка и говорит: – Вы ночку ночуйте, а завтра надо вам к полицаю заявиться, а то и мне будет от него попречка».

Утром следующего дня пошел я к полицаю. Оказалось, что мы с ним в одной артели «Труженик» работали. Он сапожник-надомник. Брал в артели кожевенный товар, шил сапоги, сдавал в артель и снова набирал товару, а я был зампредседателя артели по политмассовой работе. Его я никогда в артели не встречал и знаком с ним не был. Не очень бы я обрадовался знакомству с этим человеком и не стал ему рассказывать о своей работе в артели. Но времена изменились, немцев погнали в обратном направлении, потому и полицай стал другим. Приютил нас у себя в просторной избе и на работы не посылал. Дня три-четыре прожили мы у него благополучно, но вот приходит вечером к полицаю знакомый ему немецкий солдат и говорит: «Завтра в пять часов утра русские будут здесь. Если хочешь, я тебя возьму и ночью мы уйдем от русских, но только без жены и детей». А у полицая жена и две дочки, 16 и 18 лет. Задумался наш хозяин: оставить дом, лошадь, семью и ехать неизвестно куда – дело нешуточное. «Нет, – отвечает он немцу, – что будет, то и будет, а от семьи я не уеду». Немец ушел, а он и говорит мне: «У меня в деревне Тёс родной брат живет. Эта деревенька стоит в стороне от проезжих дорог и там можно будет отсидеться, пока прояснится, что дальше делать». В четыре часа утра он запряг свою, подаренную ему немцами, лошадь, сложил на сани наиболее ценное имущество и нас взял с собой. По морозцу утром мы выехали в деревню Тёс. Это в трехчетырех километрах от деревни Подгощи. Приехали туда – уже стало светло. А там как будто и войны не было: все избы целехоньки, ни под обстрел, ни под бомбежку эта деревня не попадала. Живет деревня, как у Христа за пазухой, – тихо, спокойно. День выдался ясный и теплый. Мы затопили баню (ведь мы не мылись в бане чуть не всю войну!) Вдруг видим – со стороны озера Ильмень прямо на деревню движется рассыпным строем какая-то воинская часть: кто пешком, кто на лыжах, кто на лошадях – человек около 800-1000. Хозяин наш новый побледнел от страха, закричал: «Все в избу!» Забрались мы в избу – и боимся, и ждем. Минут через 30 всю деревню заполнили солдаты, а кто они – немцы или наши – не понять. Я вышел в сени, за мной полицай, – говорит, стуча зубами от страха: «Иван Ефимович! Только не выходи на улицу ради бога». А мне не терпится. Спустился я с сеней, слышу, у самой двери гомонят, а на каком языке – не пойму: не русские и не немцы, не финны и не эстонцы. Ни одного знакомого слова. Ну, будь что будет! Открываю дверцу, выхожу на улицу. Человек пять солдат в немецких шинелях у самой двери стоят, курят. Вдруг один из них подходит ко мне, хлопает по плечу и по-русски говорит: «Да здравствует товарищ Сталин!» Вытаращил я глаза на него, спрашиваю: «Кто вы такие?!» А он: «Мы – добровольческая литовская дивизия. Оставили позиции, – пусть немцы воюют, а мы идем домой!» Слово же «добровольческая» он произнес с такой подчеркнутой иронией, что все стало ясно, какие это «добровольцы».

Отдохнув в деревне, не заходя в избы, эта армия немецких «союзников» двинулась на запад, а мы все высыпали на улицу. Видимо, не долго нам ждать и наших! Ночью советские самолеты бомбили деревню Подгощи, видны были пожары. Наш полицай совсем обмяк. Смотрит на зарево пожара, да прикидывает, что горит. Потом говорит мне: «Иван Ефимович! Вы – человек смелый, поедем завтра утром в Подгощи, ведь у меня там целый ларь ржи и пять мешков гороху; я и вам дам и ржи, и гороху по мешку». Утром все стихло – ни стрельбы, ни бомбежки, ни пожаров. Поехали мы с полицаем в Подгощи. Въезжаем в деревню. Смотрю, идут какие-то солдаты. Говорю полицаю: «Смотри, Александр Дмитриевич, наших пленных немцы ведут.» А потом смотрю – да это не пленные, это же НАШИ!

Сорвался я с саней, побежал к ним навстречу – и плачу, и смеюсь. Начал обнимать и целовать своих родных, долгожданных. Успокоиться не могу. Пришли, родимые!.. А хозяин мой мрачнее тучи. Посмотрел на место, где его изба стояла, а там только печка с трубой, а избы нет, сожгли отступающие немцы. Повернул он коня и поехали мы обратно в Тёс. Я вбежал в избу, сорвал с гвоздя балалайку и со всем вдохновением сыграл Интернационал. Не оглядываясь, не опасаясь. Душа ликовала.

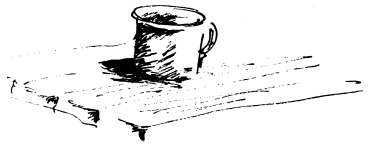
Наша деревня Щелино была второй раз сожжена гитлеровцами 21-22 февраля 1944 года. И вот уже в середине марта я с младшей дочкой пошел посмотреть, что осталось от деревни. Из 42 изб и множества других построек осталась небольшая водогрейка у бывшего скотного двора, одна коробка глинобитной избы да одна маленькая баня. Березы и другие деревья, посаженные когда-то нашими отцами и дедами, спилены немцами на дрова, и я с трудом нашел свою усадьбу только по пням берез.

А вскоре меня призвали в армию, хотя мне и шел 51-й год. Ну, думаю, три войны прошли стороной, не втянув меня в свое пекло, а на старости, видимо, и мне придется пороху понюхать. Привезли нас, бородатых, волосатых мужиков, в марте еще не расставшихся с шарфами и зимними шапками, а кое-кого еще и в валенках. Зачислили меня, добра молодца, в пулеметный батальон, отобрали всю одежду и валенки, переодели в короткие венгерочки «на рыбьем меху», головы наши стриженые накрыли пилотками, и утром 1 апреля 1944 года вывели отрабатывать учебный шаг.

До обеда хорошо потопали по снежному насту. Обед был не из шикарных – щи с хряпой, а в них крупина за крупиной бегают с дубиной. Но не успели мы выхлебать этот обед, слышим команду: «Выходи строиться!» Вышли. В батальоне 600 человек, построились в каре. Команда: «Смирно! Слушайте указ Верховного командования». И услышали мы такое: «Родившиеся в 1893 году и раньше – шаг вперед!» Шагнул и я. Снова команда: «Снять с них котелки!» А какой же солдат без котелка? Разъяснило начальство: старики переводятся в хозяйственный взвод. Вот, выходит, я и отвоевался.

В хозвзводе прослужил с 1 апреля по 15 июня 1944 года. А потом приехали «покупатели», расспросили всех о специальностях. И – на разные заводы, фабрики, в совхозы на восстановительные работы.

16 июня нас – мастеровщину, 83 человека, – привезли в Ленинград и зачислили кого куда, а я попал в ремстройконтору К–32 Ленгарнизона и получил самую высокую (без кавычек) должность – кровельщика. Там я и проработал до пенсионного возраста, да еще и с гаком, так как мой трудовой стаж рассеялся по городам и весям, а война похерила многие архивные документы, и только 64-х лет я вышел на пенсию.



Алексей ПШАНСКИЙ

ВОЙНА В МИНИАТЮРЕ

(Из коллекций Н.А. Козырева)

Изображение первой советской «военной» марки 1941 г.

Среди многочисленных коллекций Николая Андреевича* есть одна, которая произвела на меня особенное впечатление еще при нашей с ним первой встрече: почтовые марки, выпущенные Советским Союзом и гитлеровской Германией за годы Великой Отечественной войны. В аккуратных кляссерах мелькали, с одной стороны – свастики, портреты фюрера, лошадиные головы, с другой – звезды, юбилеи комсомола, боевые ордена, и с обеих – множество героических сцен и эпизодов войны на почтовых миниатюрах, иные из которых мне были знакомы еще по моему сопливому филателистическому детству. В тот раз, помню, мне показалась чрезвычайно соблазнительной мысль проследить на основе этих марок историю, и даже предысторию войны. Но, познакомившись с ними подробнее, я понял, что проследить по маркам историю войны так, как того хотелось бы, невозможно: никакой повествовательности в них нет. Но, хотя коллекция эта и не иллюстрирует впрямую ход войны, она, тем не менее, сама ему удивительно соответствует. Иными словами: если совокупность этих марок не позволяет реконструировать последовательность событий Великой Отечественной, то в контексте этих событий сами марки представляют собой интереснейший предмет для размышления.

В честь речи, произнесенной Гитлером 1 мая. Германия,1939 г.

30 января 1933 года президент Германской республики Пауль фон Гинденбург назначил фюрера нацистской партии Адольфа Гитлера рейхсканцлером Германии. С этого дня и начинается 12-летняя история «тысячелетнего» фашистского рейха.

«Веймарская республика» очень быстро перестроилась на нацистский лад: 27 февраля уже горел Рейхстаг, на следующий день чрезвычайным декретом были отменены все конституционные свободы; в марте было создано ведомство Геббельса, запрещена коммунистическая партия и был издан закон, наделивший правительство чрезвычайными полномочиями; 1 апреля по всей Германии прокатилась волна еврейских погромов, 10 мая на площади горели книги, а в начале июля на совещании руководителей СС и СА Гитлер объявил, что нацистская революция закончена. Молниеносная победа фашизма над собственной страной! Возможно, именно тогда Гитлер и уверовал в тактику блицкрига. Однако в почтовых марках 1933 года эти события еще никак не отразились, хотя уже очень понятна тенденция. За весь год было выпущено всего 10 марок, но каких! Портрет Фридриха Великого, являющего собой воплощение былого германского могущества, и серия из 9 марок, изображающих персонажей опер Вагнера: сражающийся Зигфрид, красивые светловолосые Тристан и Изольда, Лоэнгрин с мечом, Парсифаль с чашей Грааля и т.д. – германская мифологическая экзотика, призванная, видимо, пробудить тевтонское самосознание. Но никакой фашистской символики, и даже свастики, на почтовой марке еще нет.

Свастика появляется чуть позже, в 1934 году, когда Гитлер сосредоточил всю власть в своих руках и был провозглашен «фюрером германского народа». Интересно, что на первых двух марках с изображением свастики она показана не просто сама по себе – свастика и все (хотя была и такая), – но в определенном символическом контексте. Первая из них связана с предстоящим плебисцитом в Саарской области. В овале изображен орел, прямо по которому надписано белыми буквами: «Saar», а в самом низу овала, под орлом – восходящее солнце со свастикой во весь диск. И солнце, и свастика взошли еще менее чем на 3/4, но уже достаточно различимы. Зловещая метафора: свастика, восходящая над миром! Она же использована и во второй марке, посвященной 2-му конгрессу НСДАП в Нюрнберге: из-за нюрнбергского замка также встает солнце со свастикой, – большое, почти во весь формат марки, но перекрытое башнями; от свастики видны лишь три перекладины, но она вполне читается. Забавно: символика этого сюжета оказалась почти пророческой. Кто теперь разберет – восходит свастика из-за нюрнбергского замка или, наоборот, садится? А ведь окончательный закат случился именно в Нюрнберге.

1-й перелет через Северный полюс. СССР, 1938 г.

В отличие от немецких марок той поры, тяготеющих ко всякого рода аллегориям и символике, советские носили в основном скорее изобразительный, повествовательный характер, в духе соцреализма. И если только что народившемуся фашизму еще негде было черпать материал для иллюстрации своих идей, кроме как в

* См.: А. Пшанский. Дон Кихот с улицы Людогощей//Чело. 1998. №1. С. 35.

туманных сказках про нибелунгов и валькирий, то советская власть имела уже за спиной 15 лет существования, у нее была своя (хоть и не длинная, но шумная) история, свои победы и даже свои мученики. Заметной темой в почтовых марках 1933-34 годов стали годовщины смертей: к 50-летию кончины Маркса, к 10-летию гибели Воровского, Володарского и Урицкого, к 15-летию расстрела 26 бакинских комиссаров, к 10-летию смерти Ленина, и даже к 350-летию со дня смерти первопечатника Федорова. Двух марок к юбилею «со дня рождения» удостоился за это время один только Менделеев, к своему 100-летию.

Из серии, посвященной Революции 1905 г. СССР, 1930 г.

Если же попытаться сделать краткий обзор советских марок, выпущенных в течение последующих предвоенных лет, то, при всем их разнообразии, основные темы достаточно четко прослеживаются. Следует вспомнить, что 30-е годы были не только временем повального страха и разгула НКВД (что в почтовых марках, естественно, никак не могло отразиться), но еще и периодом подъема народного хозяйства, гигантских строек и всеобщего энтузиазма на государственном уровне. И всевозможные достижения «первой страны победившего социализма» в изобилии были представлены на почтовых миниатюрах тех лет. Марки выпускались в честь открытия в 1935 году Московского метрополитена, показывали Москву «сегодняшнюю» и Москву «будущего» (проекты гигантских сооружений, многие из которых, по счастью, не осуществились), изображали цветущие курорты и здравницы для отдыха трудящихся. Принятие новой Конституции нашло отображение в серии гербов имеющихся на тот момент в наличии союзных республик. Освещалось наше участие в Парижской и Нью-Йоркской выставках, а уж о своих, Московских, и говорить нечего. Конечно же, не обошлось без достижений в области авиации. И, естественно, героика мирного времени: авиационная полярная экспедиция, оба беспосадочных перелета через Северный полюс, портреты героинь перелета «Москва – Дальний Восток», подвиг и спасение папанинцев, героический дрейф ледокола «Седов»... Ну, и спорт, спорт, спорт.

Из спортивной серии. СССР, 1940 г.

Не обходили вниманием и великих в области науки, литературы и искусства: юбилеи рождений и смертей аккуратно фиксировались на почтовых марках. Были, как уже говорилось, и особые, советские юбилеи: 25-летие Революции 1905 года, 20-я годовщина Красной Армии, 20 лет комсомола, 20-летие взятия Перекопа. В 1936 году вышла серия из трех марок с портретами революционеров, ставших жертвами покушений: Фрунзе, Баумана и незадолго до того убитого Кирова. А в недоброй памяти 1937-м – марка к 10-летию со дня смерти нашего первого чекиста, Ф.Э. Дзержинского. И, наконец, в 1935 году выпустили серию аж из четырех марок в честь 60-летия бессменного председателя ВЦИКа М.И. Калинина. «Всесоюзный староста» был, пожалуй, единственным из советских вождей, кто удостоился такой чести еще при жизни.

Говоря «единственный», я, конечно же, имел в виду всех, кроме Сталина. Сталин – это особый случай. Но что удивительно: при всем рабском обожании и благоговейном ужасе, которые великий вождь внушал своему народу, на марках за 11 лет (с 1934 по 1945 годы) его изображения встречаются только... три раза! Да и то не на персональных портретах, а в контексте сюжета: первый раз в серии 1934 года «10 лет без Ленина», где он показан вместе с Лениным, второй – в серии 1938 года «XXV лет Красной Армии», на жанровой картинке «Посещение Сталиным 1-й Конной», и третий – в серии 1943 года «25-я годовщина Октябрьской Революции» в качестве портрета на параде. И всё! Чем уж объяснить такое невнимание к личности, бывшей объектом культа: скромностью его, или же стремлением не подвергать лишний раз державный лик унизительным ударам почтового штемпеля – неизвестно. Но, как бы то ни было, с филателистической точки зрения наш Вождь выглядел гораздо скромнее и достойнее, нежели их Фюрер. Следующий раз изображения Сталина появились только в 1946 году, и тоже – на медалях и на знамени (марка, выпущенная к годовщине Победы).

К 51-летию со дня рождения Гитлера. Германия, 1940 г.

Зато уж Гитлер в этом смысле не стеснялся. Всего за семь лет (с 1938 по 1944 год) было выпущено 13 вариантов его изображений, в основном (кроме двух случаев) – одиночные портреты. За эти 7 лет почтовое ведомство Германии семь раз преподносило фюреру подарки к 20 апреля. Что интересно – марки выпускались не к какой-либо круглой, юбилейной дате, а, повторяю, ежегодно: к 49-, 50-, 51- и так далее, вплоть до 55-летия со дня рождения. На свое 56-летие, отмечавшееся скромно, в узком кругу, в бункере на Вильгельмштрассе, под салют из советских орудий, привычной марки со своим портретом Гитлер уже не получил.

Германская почта той поры, как и советская, пропагандировала и славила свой образ жизни (правда, если у нас превалировал социальный, то у них – национальный акцент). К примеру, излюбленный и тут, и там городской пейзаж. У нас это – исключительно здравницы, современные выстроенные (и даже еще только проектируемые) здания, районы, заводы, – все для блага советского человека. У немцев современная тема также в незначительной мере присутствует, но главный объект их пейзажа – средневековые замки, башни, дворцы и т.д. Подобных изображений за эти годы выпущено более 40.

Франкфурт на Майне. Из серии «Замки и памятники». Германия, 1939 г.

Или другой пример, из области этнографии. Серия 1933 года, посвященная народам СССР, показывает их представителей в национальных одеждах и за специфическими занятиями: уборка хлопка, выпас овец и прочее. Но главное здесь даже не бурки и тюбетейки, а то, что все они за работой, все трудящиеся – в недавнем прошлом угнетенные, но теперь свободные и счастливые. Немецкая же аналогичная серия 1935 года – это 10 женских портретов в традиционных костюмах времен пфальцграфств и курфюршеств. Просто 10 безликих погрудных портретов – и всё. Так же, как в серии, прославляющей немецких тружеников различных профессий. На наших марках если уж рабочий, то обязательно за станком, в процессе производства, на фоне гигантского цеха, новейшего оборудования и прочих металлических подробностей. А у них рабочий – просто человек с молотком, крестьянин – человек с косой, строитель – с мастерком и т.д.

Участники соревнования «Золотые стяги» (из серии). Германия, 1939 г.

Вообще, склонность к определенной условности и символике в большинстве случаев отличает немецкую марку от нашей. Хотя и не всегда. К примеру, серия 1939 года, посвященная праздникам и будням немцев, не менее подробна и реалистична, чем любая советская. Тут и цех по сборке планеров, и вездеходы на плохих дорогах, и почтовая охрана. И, кончено же, шествия, поднятие флага в молодежном лагере, митинг...

Кстати сказать, немцы установили уйму всяких праздников и «дней», в честь которых, соответственно, выпускались и марки: «день героя», «день германского искусства», «день филателиста» и многие другие. Но прежде всего это, конечно, чисто нацистские шабаши, вроде конгрессов НСДАП в Нюрнберге, факельные шествия в память «пивного путча», годовщина пришествия Гитлера к власти, и, естественно, его дни рождения. Были и «новые» праздники, преобразованные из старых. Так, с 1933 года День солидарности трудящихся 1 мая стал в Германии называться «Днем немецкого труда», отмечавшимся с присущими гитлеровцам шумом и помпой. Любопытна марка 1940 года, выпущенная к этому празднику. В рыцарских латах и со свастикой на груди, опираясь на меч, стоит здоровенный «ариец», а за его спиной, где-то далеко на Востоке, в лучах восходящего солнца какой-то пахарь (надо думать, «недочеловек») обрабатывает «германское жизненное пространство». Красноречивая символика.

Марка, выпущенная к 1 мая. Германия, 1940 г.

Выпускали тогда в Германии и марки к юбилеям (Баха, Генделя, Шиллера и других великих немцев), ко всевозможным конгрессам, конкурсам, выставкам и ярмаркам. Были у них и две небольшие спортивные серии – к зимней и Берлинской Олимпиадам. Но вот кто количественно мог у них соперничать со старинными замками и фюрером, так это лошади. Только к скачкам с 1936 по 1944 год было выпущено 13 марок, не считая множества других, на которых лошадь являлась не центральным персонажем, а средством передвижения. Особенно интересны марки, выпускаемые к ежегодным скачкам «Коричневая лента» в Мюнхене. Если на марках, посвященных дерби в Гамбурге, лошади и всадники внешне еще худо-бедно соответствовали своему времени, то филателистические сюжеты к мюнхенским скачкам были подняты прямо-таки до уровня высокой античности: то Аполлон (или Гелиос), правящий колесницей, то амазонка или иная какая фурия на коне, то несущиеся вскачь обнаженные юноши со щитами и копьями, и все прочее в том же духе.

В немецких марках той поры явно сквозит ностальгия по утраченным в результате Первой мировой войны территориям. Еще в 1934 году была выпущена серия, посвященная 50-летию установления германской колониальной системы, – четыре портрета немецких деятелей во главе с Францем Людерицем. В момент выхода этой серии никакой колониальной системы у немцев, естественно, уже не существовало. Зато существовала и всячески культивировалась идея восстановления былого величия и территориальной целостности. И нацистская Германия, невзирая на Версальские и Локарнские договоренности, прибирала к рукам земли и вооружалась. Сперва в результате проведенного в марте 1935 года плебисцита к Германии отошла Саарская область. Через год, в марте 1936-го, Гитлер ввел войска в демилитаризованную Рейнскую зону. Французы могли без особого труда вышвырнуть их оттуда, – план «Учение» даже предусматривал немедленный отвод войск в случае угрозы столкновения: Гитлер просто пробовал гарантов Версальского мира «на вшивость». «Вшивость» превзошла все ожидания: державы-победительницы не только позволили ему создать и вооружить сильную армию, не только проигнорировали аншлюс Австрии, но еще и сами же помогли уничтожить Чехословакию. И только после вторжения немецких войск в Польшу (с чего и началась Вторая мировая) державы-гаранты наконец опомнились и объявили Германии войну. Но и это была действительно, как ее верно называли, «странная война». В то время как основные силы вермахта громили Польшу, французы, вместо того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, лениво переплевывались через границу с охранявшими ее малочисленными немецкими частями. Разделавшись с Польшей, Гитлер развернул свои силы на Запад, и устроил там войну совсем уже не «странную». Началось победное шествие немецкого фашизма по Европе – шествие, которому суждено было остановиться уже в России.

Седьмой конгресс национал-социалистов в Нюрнберге. Германия, 1935 г.

Очень интересно эти события, от которых трясло весь мир, выглядели с точки зрения филателистической. Никакой не то что войны – даже намека на агрессию в немецких марках, посвященных этой скользкой теме, нет, – напротив: сплошное миролюбие, порою даже приторно слащавое. К примеру,

марка, посвященная присоединению Саара: счастливая мать (надо понимать, Германия) прижимает к груди и целует обнявшую ее девочку (очевидно, Саарскую область). Чем не икона «Умиление»?

В отношении Австрии аналогия с «возвращением блудной дочери» выглядела бы некорректно: Австрия, в отличие от Саара, в состав Германии не входила, а была вполне суверенной, и даже империей. Тут уже идейной подоплекой к насильственному объединению был выбран принцип единого германского происхождения. Интересна марка, посвященная плебисциту по поводу вхождения Австрии в Третий рейх. И, хотя Гитлер счел потом более надежным просто ввести войска и плебисцит этот не состоялся, марка все же успела выйти. Немец и австрияк, влюбленно глядя друг на друга, держат знамя со свастикой, а по краям написано: «Один народ – одна империя – один фюрер. 10 апреля 1938». Очень трогательная картина – какой же тут «аншлюс»? А 10 апреля – это, очевидно, предполагаемая дата проведения плебисцита. На самом же деле 10 апреля Австрии как государства уже не существовало. Сам факт вхождения Австрии в «тысячелетнюю империю» филателистический мир Германии отпраздновал тоже довольно мирно. Была выпущена серия из девяти марок «Пейзажи и флора Австрии», где какой-нибудь цветок изображался на фоне чего-нибудь исключительно австрийского: эдельвейс – на фоне горы Гроссглокнер, альпийская роза – на фоне памятника принцу Евгению в Вене, крокус – на фоне улицы в Браунау и т.д. А еще через год на фоне Браунау вместо крокуса был изображен Адольф Гитлер, поскольку этот городишко на границе Австрии с Баварией имел счастье быть его «малой родиной».

Плебисцит по присоединению Австрии к Германии. Германия, 1938 г.

Далее взор фюрера обратился на «притесняемых» судетских немцев, которых необходимо было вернуть в лоно фатерлянда заодно с Судетской областью. В результате позорного мюнхенского сговора (на который «великие европейские державы» пошли, только бы не раздражать бесноватого фюрера), Чехословакию буквально растерзали: Германия забрала себе Судеты (а через полгода и всю остальную Чехию), Польша оторвала Тешинский округ, Венгрия – часть Закарпатской Украины. Тут же вышла в свет еще одна миролюбивая немецкая марка: двое судетских немцев (он – с киркой, она – с улыбкой) на фоне судетского пейзажа куда-то смотрят (очевидно, в сторону Германии). А сверху написано: «4 декабря 1938». Опять-таки непонятно, почему 4 декабря, если немцы вошли туда еще 1 октября. Как-то все у фюрера получалось гораздо раньше и проще, чем он даже сам предполагал. Как же тут не обнаглеть?

Результаты молниеносной войны с Польшей (которую войной уже признали даже партнеры Германии по Мюнхену) в самой Германии отразились только в двух марках с видами Данцига (польского Гданьска), над которыми красуется надпись: «Danzig ist Deutsch». Куда интереснее собственно польские марки той поры. Строго говоря, польскими они уже не являлись, так как государство Польша более не существовало. Западные районы были включены в состав рейха, а вся остальная Польша по приказу Гитлера от 12 октября получила статус «генерал-губернаторства» (а со 2 августа 1940 г. и она вошла в рейх). Снова замки... Польские, и номинал в злотых и грошах; только над гордыми замками Речи Посполитой – непременный орел со свастикой, да внизу надпись: «генерал-губернаторство». Не написано даже «Польша»!

Дворец в Варшаве (из серии). Польша, 1940 г.

В секретном дополнительном протоколе к знаменитому советско-германскому пакту о ненападении (подписанному за неделю до вторжения немцев в Польшу) были «на всякий случай» оговорены территориальные интересы обеих сторон, в том числе и в Польше. На 17-й день войны, когда разгром Польши был уже очевиден, советские войска перешли польскую границу и заняли районы некогда утраченных Западной Белоруссии и Украины, избавив их таким образом от немецкой оккупации (правда, совсем ненадолго). По этому поводу была выпущена советская серия из четырех марок – «Освобождение братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии», где изображены были сцены трогательного братания этих самых народов с воинами-освободителями.

Война катилась по Европе, оставляя едва заметные следы в почтовых миниатюрах. Две марки (опять-таки замки) засвидетельствовали возвращение Германией бельгийских округов Эйпен и Малмеди; еще четыре (тоже замки и пейзажи) – аннексию Северной Словении и Каринтии. Судя по сюжетам – никакой войны: все мирно, красиво, и даже возвышенно.

А между тем немецкие войска оккупировали Норвегию, Данию, самолеты бомбили «Владычицу морей», была оккупирована Румыния, затем – Югославия, Греция... Вермахт маршировал по Европе уверенно, как по плацу – аннексируя, подавляя, насаждая покорные режимы. Но в филателии продолжали господствовать фюреры, замки и лошади.

1941 год. К 23-й годовщине Красной Армии вышла серия из восьми марок, которую логично было бы сократить до пяти, убрав маршальскую звезду и берущего барьер всадника с лыжником. Здесь представлены основные рода войск: пехота, ар-

Серия «Освобождение братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии». СССР, 1940 г.

Из серии, посвященной 23-й годовщине Красной Армии. СССР, 1941 г.

тиллерия, авиация, морфлот, кавалерия. Судя по отсутствию бронетанковых войск, им сколько-нибудь серьезного значения не придавали – предпочтение отдавалось легендарной красной коннице, так хорошо показавшей себя в годы Гражданской... Во сколько жизней и лишних дней войны обошлось потом это предпочтение – кто знает. Все изображенные на марках довольно статичны, как будто в ожидании чего-то: матрос, глядящий в одну сторону со стволами орудий, летчик с маршрутом в руках возле винтов своего самолета, расчет у допотопной пушки, и даже пехота и конница на марше. Очень скоро, через несколько месяцев, этой армии предстоит сдерживать бешеный натиск хорошо отлаженной, прекрасно оснащенной мощнейшей военной машины, – по сути, натиск всей Европы.

А пока советские марки продолжали славить свою индустриализацию – шахты, заводы, локомотивы, комбайны. Своим чередом шли годовщины смертей и рождений: Лермонтова, Н.Е. Жуковского, В. Сурикова. Были отмечены 5-я годовщина музея Ленина, 15-я – образования Киргизской ССР, 150-я – взятия Суворовым Измаила. Глухим отголоском советско-финских «событий» 1940 года прозвучала марка в честь годовщины образования Карело-Финской ССР с изображением герба. По логике, в ближайшее время должна была появиться также серия с прибалтийскими гербами, и плюс к ним – с молдавским... И вдруг в этот привычный ритм гербов, достижений и юбилеев пронзительной диссонирующей нотой врывается небольшая 30-копеечная марка: «Будь героем!»

Николай Андреевич, показывая мне ее в каталоге, каждый раз вздыхал: «А вот этой-то как раз у меня и нету!» Его огорчение можно понять: это первая военная марка и первая, назвавшая войну – войной. Без нее коллекция, можно сказать, не завершена (точнее, не начата). И, хоть в коллекции этой марки нет, ее изображение мы все же поместили в начале очерка. Маленький плакат с немудреным сюжетом, в примитивном исполнении, но потрясающей силы звучания: «Будь героем!»

Итак, война. Плохо вооруженная, почти не механизированная, еще в 1937-39 годах обезглавленная армия, впереди – наглый, пока не ведающий страха враг, позади – своя земля и окрики особистов, а над всем этим – маньяк, играющий в великого полководца живыми солдатиками. Сколько этих солдатиков полегло – приблизительно подсчитали, а вот всех имен (не говоря уже о судьбах) мы, конечно, никогда не узнаем. Врага, за неимением более существенного, «закидывали шапками». Но вместе с шапками летели и головы. Горечь отступления, смерть, слезы, ненависть – все это нашло потом подробное и точное выражение в прекрасных стихах, книгах, песнях, – наверное, ни одна война не дала такого потрясающего творческого резонанса, как Великая Отечественная. Но «военная» марка в тот страшный первый год была выпущена только одна: «Будь героем!»

Немецкие марки, так сказать, «держали марку», традиций не нарушали: никакой войны – исключительно мирные пейзажи. Да и кто способен воевать с «расой господ»? К тому же, согласно плану «Барбаросса», уже зимой можно будет выпустить серию, к примеру, башен Кремля с подписью «генерал-губернаторство Россия» и свастикой в углу. Ну, а покуда до Москвы не дошли, щедро тиражировали фюрера. На фюрера это был самый урожайный год: аж четыре портрета (правда, один из них – вместе с другом Бенито). Четыре фюрера, две лошади, шесть замков, несколько аллегорий по случаю ярмарки в Лейпциге, Бранденбургские ворота и даже один Моцарт – какая уж тут война?

И тем не менее и для доблестной германской армии это была уже именно война, а не триумфальное шествие к мировому господству. Буквально на первом же шагу споткнувшись о Брест, она, даже двигаясь вперед, уже никогда более не переставала спотыкаться. 1941 год для обновленной Германии был годом открытий. Впервые им кто-то оказал серьезное сопротивление. В июле под Оршей их впервые приласкали из реактивных минометов с нежным именем Катюша. Впервые их побили,

Мл. лейтенант В. Талалихин

Зоя Космодемьянская

Шура Чекалин

Генерал Л. Доватор

Капитан Н. Гастелло

СССР, 1942 г.

осенью, под Ельней. Впервые они отступали, и впервые сам фюрер (!) отдал приказ о переходе к обороне. Да, это, конечно, не цивилизованная Европа: дольше всей ее, вместе взятой, продержался один только Севастополь. Это была уже война, и для немцев тоже. Но на филателистическом уровне в 1941 году они ее так и не признали.

Как уже говорилось, проследить войну буквально, поворот за поворотом, по этим коллекциям невозможно. Но зато очень понятно, чем являлась война на данный момент для каждой из сторон и как это соотношение потом менялось.

В следующем, 1942 году, из семи сюжетов советских марок лишь один не касался войны: 500-летие со дня рождения Алишера Навои. Как великий узбек в эту мясорубку затесался – кто знает: наверное, дата уж очень круглая. Зато все остальные (шесть из семи!) – это война, которая в то тяжелейшее время испытаний целиком заполнила собою жизнь, судьбы, профессии (даже самые мирные), науку, искусство, отношения, быт, и т.д., в том числе и почтовые марки.

Одна из них призывала в народное ополчение. Люди с оружием под советским знаменем, а внизу текст: «По призыву вождя народов тов. Сталина сыны советского отечества вступают в народное ополчение». Интересно, что самого тов. Сталина, призывающего сынов отечества, на марке нет.

«День памяти героев». Германия, 1942 г.

Остальные пять очень похожи на серию – едины по стилю, формату и композиционному принципу: портрет героя (кроме Шуры Чекалина) на фоне картины его подвига, и Звезда Героя (кроме почему-то Доватора). Портрета Шуры нет потому, вероятно, что его к моменту создания марки просто не нашли. Даже мать героя потом вспоминала: «Написал он автобиографию, заявление. Сфотографировался. Единственная эта карточка у меня и осталась...»

Все пятеро совершили свои подвиги в 1941-м. Все – Герои Советского Союза. И все посмертно.

И неважно, что более 200 летчиков, кроме Талалихина, проводили воздушные тараны, или, скажем, около 300 Матросовых закрыли собой амбразуры (что далеко ходить – наш Новгород видел этот подвиг, совершенный в один миг троекратно). Марки эти – не портреты людей, это портреты подвигов с именами и лицами людей. Война еще шла в гору, а уже творились ее легенды, уже появлялись герои – святые и мученики – этой войны, своей кровью ее освятившие, своей доблестною смертью показавшие, как на этой войне следует умирать. Чистая, начитавшаяся прекрасных книг и жаждавшая высокого жертвенного подвига во имя Родины Зоя – чем не святая Иоанна тех дней? 16-летний мальчик Шура Чекалин, никем не покоренный и не сломленный, у которого достало сил и ненависти, уже болтаясь в петле, заехать сапогом по физиономии своему палачу, – это ли не легенда? А кавалерийский генерал Доватор, любимец бойцов, лично водивший их в рейды и принявший смерть в бою (хотя по чину и званию, наверное, мог бы и сидеть на КП)? «Огненный таран» осуществили в течение войны более 200 летчиков и экипажей, но все они, обрушивая горящие машины на голову врага, совершали «подвиг капитана Гастелло». Подвиг обретал имя. Подвиг обретал лицо.

Из серии «1-й Европейский почтовый конгресс». Германия, 1942 г.

«День филателиста». Германия, 1942 г.

В том же 1942 году в немецких марках – совершенно иная картина. «Нордический характер» снова выдержан: никакой паники, никакой там особенной войны. Правда, их уже отбросили от Москвы, уже Гитлер поснимал несправившихся генералов, но это можно объяснить: на стороне русских, как обычно, воюет Генерал Мороз (хотя еще неизвестно, кому от этого Генерала больше досталось). А вот придет лето – Германия еще свое возьмет. И действительно, ситуация (особенно на юге) стала исправляться: русских разбили под Харьковом, взят, наконец, Севастополь, Ленинград вот-вот зачахнет от голода, успешно развивается натиск на Кавказ, а героическая 6-я армия генерала Паулюса уверенно рвется к Волге. Так что отчаиваться пока рано, оттого и сюжеты обычные: «день филателиста», такой вот странный «день спорта», лошади (и мюнхенские, и гамбургские), привычный апрельский портрет фюрера, почтовый конгресс и т.д.

«День спорта». Германия, 1942 г.

И во всем этом ровном ряду сюжетов вдруг появляется одна-единственная марка, наконец-то признавшая войну: «День памяти героев 1942». Для сравнения приведем марку, посвященную «Дню памяти героев», 1935 года: ничего не выражающий профиль солдата в каске. Зато в марке 1942-го уже сквозит даже некий трагический пафос: голова умирающего солдата, откинутая на каску, и все это в виде скульптурного надгробия, или даже внушительного монумента (если представить себе эту голову в масштабах той, что находится у нас в Брестской крепости). Это, наверное, одна из самых «эмоциональных» марок, выпущенных скупыми в общем-то на эмоции немцами. Наконец и германская почта все-таки согласилась с тем, что идет война.

«День памяти героев». Германия, 1942 г.

1943 год начался с грандиозного разгрома немцев под Сталинградом. Шел так называемый «второй период» войны, еще очень тяжелый (впереди был и Курск, и Днепр, и множество других испытаний), но все же вдали, где-то на Западе, уже замаячила желанная Победа. У Германии же начались неведомые доселе неприятности, и не только в России, но и у себя дома: всеобщие трауры, тотальные мобилизации, падающий авторитет нацистов. В связи с этим, вероятно, кроме привычных лошадей появилось несколько сюжетов патетического характера: «День трудовой повинности молодежи», марка, посвященная 10-летию прихода

К 20-летию нацистского путча в Мюнхене. Германия, 1943 г.

НСДАП к власти, а также к 20-летию мюнхенского «пивного путча». На последней показан человек с флагом (на котором, естественно, свастика), а рядом – надпись: «И все-таки *вы* (т.е. нацисты, «герои» того смехотворного путча) победили». Интересно, что о «победе» заговорили именно в год начала поражения, когда их стали бить уже не только зимой, но и летом. Затем, вероятно, чтобы поддержать падающий престиж режима, даже на филателистическом уровне. Потому же, наверное, где-то в середине (а может, ближе к концу) 1943 года на марках стали писать уже не «Германский рейх», а «Великогерманский».

День трудовой повинности молодежи. Германия, 1943 г.

Войне в тот год немцы посвятили серию из 12 марок. На них показаны едва ли не все рода войск. И хотя ясно, что они воюют, но не очень понятно, с кем. Марки эти напоминают скорее учебные плакаты, этакую «наглядную агитацию», посвященную доблестному вермахту. Полная им противоположность – марки с надписью «Почта СССР» за тот же год. Было выпущено три просто военных серии, три – к 25-летиям (Красной Армии, комсомола и Октябрьской Революции). На всех – и даже частично на революционной серии – война, и на всех понятно с кем. Для тех, кому непонятно – подписи: «Смерть немецким оккупантам», «Смело действуйте в тылу у немцев» и т.д. Одна марка, как продолжение серии 1942 года, была посвящена героям-молодогвардейцам. Еще одна выпущена в честь Тегеранской конференции, на которой союзники еще раз пообещали открыть Второй фронт, хотя и весьма неохотно: американцам хватало проблем с Японией, а англичане предпочитали пакостить немцам в Средиземноморье. Настоящую войну с фашизмом – всем народом, всей страной – вел тогда «Первый фронт», Советский Союз. Ту страшную войну, что показана на этих марках.

В честь 10-й годовщины пришествия национал-социалистов к власти. Германия, 1943 г.

Из серии «День памяти героев». Германия, 1943 г.

Интересно сравнить наши «тыловые» марки («Всё для фронта, всё для победы», «Подарки фронту» и т.д.) с немецкой серией того же года, посвященной 9-летию создания Трудового фронта. Смысл, казалось бы, один и тот же: работающий на армию тыл. Но если у нас это – женщины, изможденные работой в поле, сосредоточенный человек у станка, сознающий, что он «кует Победу», люди, несущие последнее для отправки на фронт, то у немцев – четыре человека с одинаковыми лицами и с атрибутами своей трудовой деятельности, – не люди, а символы. Четкость, добротность, порядок. У нас же – подвиг, жертвенность, порыв.

Особенно, конечно, эта разница подходов – прагматичного германского и эмоционального русского – видна при изображении сцен войны. Немецкая серия 1944 года принципиально ничем не отличается от серии 1943-го. Их уже безостановочно гнали к границе и далее, уже поднималась завоеванная Европа, уже даже союзники открыли Второй фронт, а они все еще изображали превосходную военную технику и спокойно воюющую армию. Они, вероятно, справедливо полагали, что побеждать следует не геройскими порывами, а хорошо оснащенной, обученной

Из серии «Боевые ордена». СССР, 1943 г.

Из 1-й «военной» серии. СССР, 1943 г.

2-я «военная» серия. СССР, 1943 г.

и дисциплинированной армией. Они и оснастили, и обучили. И даже побеждали. И все равно проиграли.

Советская же марка снова вернулась к теме 1942 года – к героям и их подвигам. Александр Матросов... Гвардии подполковник Борис Сафонов, сбивший 41 самолет... Снайперы Наталья Ковшова и Мария Поливанова, взорвавшие себя и окруживших их немцев последней гранатой... Пулеметчик Ханнаша Нурадилов, чеченец, положивший 920 фашистов, победивший целый батальон и позволивший себе умереть только после боя... Связист Федор Лузан, оборвавший радиосвязь в один момент с жизнью... Снова на первом месте – подвиг, хотя в то время советская почта уже имела возможность и право изображать такую технику, какая Германии и не снилась. Нет, никогда не понять тевтону «загадочной славянской души». Потому он и будет проигрывать всегда, как бы его ни вооружили.

Герои-молодогвардейцы. СССР, 1943 г.

Из 3-й «военной» серии. СССР, 1943 г.

1944 год можно было бы назвать годом регулярных освобождений наших городов: если не каждый день, то как минимум раз в неделю откуда-нибудь вышибали немца. И хотя враг был все еще силен и опасен, судорожно цеплялся за любую позицию и освобождение это щедро оплачивалось большой кровью – Победа была уже очевидна. И, наверное, в силу этой очевидности в марках с этого года стали появляться сюжеты-воспоминания об уже прошедших первых, самых тяжелых, испытаниях этой войны. Война еще не кончилась, но уже писалась ее история. Указом Президиума Верховного Совета еще от 22 декабря 1942 года были учреждены медали «За оборону...» – Ленинграда, Одессы, Сталинграда, Севастополя. А в 1944 году выходит серия «Слава защитникам...» этих городов, с изображением медалей на соответствующем фоне. С 1943 по 1946-й выпускаются ежегодно серии с изображениями боевых орденов и медалей. С того же 1943-го, когда страна оправилась от первых ударов, стали появляться и довоенные сюжеты, в основном юбилеи. Но доминирующей темой все же оставалась война.

В Германии же война в 1944 году была представлена только вышеуказанной серией, остальное все довольно мирное: портрет Коха, автора известной палочки, марки к 600-летию автономии Ольденбурга, к 400-летию основания университета в Кенигсберге и т.д. Два последних портрета Гитлера. Ну, и две лошади с грустными мордами...

Последний, победный, 1945-й. Война давно уже ушла из наших пределов и катится по Европе. Почти все бывшие союзники Германии теперь наперегонки объявляют ей войну. Россия потихоньку залечивает раны.

В свет выходят последняя военная серия из шести марок. Те же сцены войны, та же экспрессия, только лозунги новые добавились: «Вперед, на штурм», «Привет освободителям», – в духе изменившихся времен. «Авиапочта» тоже выпускает серию из 9 марок – наши самолеты и их победы в воздухе. «Военной» можно было бы назвать и серию «Тыл – фронту», но она уже более спокойная, более «мирная», чем, предположим, аналогичные сюжеты 1943 года: салют в столице, авиаконструкторы за работой, комбайн в поле, танк, выходящий из цеха. Остальное – «воспоминания» об уже пройденном нелегком боевом пути. К примеру, три марки, показывающие Москву в 1941-м: воздушный бой над городом, парад 7 ноября, ополченцы. Или марка с изображением гвардейского значка – тоже напоминание о событиях 1941 года, когда четыре наиболее отличившиеся в боях под Смоленском дивизии первыми в Красной Армии были преобразованы в гвардейские. Или две марки, выпущенные к Дню артиллерии, на одной из которых ука-

Тегеранская конференция. СССР, 1943 г.

Из серии «XXV лет комсомолу». СССР, 1943 г.

Из серии «XXV лет Красной Армии». СССР, 1943 г.

Серия «День памяти героев». Германия, 1944 г.

зана дата – 19 ноября. Именно 19 ноября 1942 года началось контрнаступление на Волге. С тех пор, учитывая огромную роль артиллерии в боях за Сталинград, и доныне День артиллерии отмечается 19 ноября. Марка, выпущенная ко второй годовщине победы под Сталинградом, в комментариях не нуждается.

Нацистская Германия тем временем, зажатая между двумя фронтами, агонизировала. Фюрер окончательно сходил с ума в своем бункере, его геббельсы и геринги лихорадочно искали выход из безвыходного положения, но финал был уже предрешен: крах режима, поражение в войне, неминуемая кара.

В этот последний год «тысячелетнего рейха» германская почта выпустила всего три марки. К сожалению, их также не оказалось в коллекции Николая Андреевича, но они настолько интересны, что мы сочли необходимым дать их изображения хотя бы по каталогу.

Любопытно проследить, как менялось отношение немецкой почтовой миниатюры к войне. В 1941 году ее просто проигнорировали. В 1942-м из всех выпущенных марок войны впрямую касалась только одна (в то время как из советских марок только одна к войне не относилась). В 1943-44 годах выпустили по

Подполковник В. Сафонов

Рядовой А. Матросов

Ефрейтор Ф. Лузан

Рядовые М. Поливанова и Н. Ковшова

Сержант Ханнаша Нурадилов

СССР, 1944 г.

Серия «Слава защитникам Ленинграда, Сталинграда, Севастополя, Одессы». СССР, 1944 г.

Из «военной» серии. СССР, 1945 г.

большей военной серии к «Дню героя»; эта была значительная доля от общего количества, но не главная. Зато *все* марки 1945 года (хотя их всего три) иллюстрируют только войну. Нет уже ни замков, ни лошадей, ни даже фюрера – только война. Появилась даже какая-то эмоциональность и несвойственный немецкой марке порыв. Но это не призыв к подвигу советских марок 1942-43 годов, – здесь скорее

2-я годовщина победы под Сталинградом. СССР, 1945 г.

запечатленное отчаяние. Вглядитесь: в этих лицах больше безумия, чем решимости. Интересно: германская марка полностью признала войну только тогда, когда Германия потерпела поражение. Но здесь уже не война. И даже не поражение. Это истерика.

День артиллерии. СССР, 1945 г.

Москва в декабре 1941 г. К трехлетию разгрома фашистов под Москвой. СССР, 1945 г.

Изображения последних марок Третьего рейха. Герои СС, герои СА, фольксштурм. 1945 г.

Военная тема в филателии, конечно же, не ограничивалась только 1941-1945 годами. Думаю, ее можно было бы проследить по советским (а теперь уже по российским) маркам и до сего дня. И не только по маркам. Она до сих пор не исчерпала себя ни в искусстве, ни в литературе: пусть в обновленном, переосмысленном качестве, но она постоянно присутствует. Удивительно, но самое тяжелое испытание, выпавшее на долю страны в XX веке, оставило после себя и все самое светлое, что мы на сегодняшний день имеем. Взять хотя бы День Победы – единственный из «официальных» праздников, чтимый всем народом. Когда возникает вполне понятная потребность в предмете гордости за свою страну, мы волей-неволей оборачиваемся назад, и чаще всего – на те страшные годы.

Часто приходится слышать: «Жизнь нас ничему не учит» (под «жизнью», очевидно, подразумевается история). Нет, почему же – учит. Это мы сами не желаем учиться. В 1945 году в войска, вышвырнувшие немцев с территории СССР и добившие их в Германии, входили два Прибалтийских, три Белорусских и четыре Украинских фронта. Сегодня в этой стране нет ни Прибалтики, ни Белоруссии, ни Украины. То, чего не добился Гитлер ценою многих миллионов жизней, в два счета проделала небольшая кучка деятелей, нами же благополучно избранных. Интересно, каково немногим оставшимся еще ветеранам наблюдать самоликвидацию страны, которую им было так нелегко защитить?

1-я годовщина Победы. СССР, 1946 г.

Я помню фронтовиков (будущих ветеранов), когда им было еще лет от 40 и выше. Это были здоровые (хотя большей частью и израненные) жизнерадостные люди. Они многое пережили, многое терпели. Но они ни за что не стали бы терпеть листовок со свастикой на своих домах. Мы терпим. Но это уже другая, куда менее славная история.

Настя ЗАЙЦЕВА
Юля МИНИЧЕВА

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В ПОЖАРЕ ВОЙНЫ

В 2000 году исполнилось 55 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Все меньше остается в живых ее участников и свидетелей. Новое поколение, особенно наши сверстники, все меньше знают о том, как жили соотечественники в то далекое трагическое и вместе с тем героическое время. В памяти сохраняются только важнейшие переломные события, а обыденные стороны жизни военного времени уходят на задний план, забываются. Между тем жизнь каждого человека и в мирное, и в военное время складывается прежде всего из обычных, повседневных дел и забот. Великая Отечественная война носила всенародный характер. Наравне со взрослыми дети переносили все трудности военного времени, делали все возможное для Победы. Мы задались целью подробнее узнать, что представляла собой школа военного времени, как повлияла война на школьников военной поры, в каких условиях они жили и учились, как выглядели, о чем думали и мечтали. В основу работы положены воспоминания чудовских учителей-ветеранов, участников Великой Отечественной войны. Это заслуженные, уважаемые в нашем городе и районе люди, которые любезно согласились встретиться с нами, ответили на наши вопросы, поделились воспоминаниями, показали фотографии и документы военной поры и первых послевоенных лет.

началом Великой Отечественной войны вся страна превратилась в огромный военный лагерь: мужчины уходили на фронт, дома оставались старики, женщины, дети. Однако многим из них также вскоре пришлось покинуть родные края под угрозой вторжения врага. «До 18 августа 1941 года, – вспоминает Валентина Николаевна Ходякова, – я жила у родителей, в деревне Иваньково Чудовского района. Здесь тоже становилось неспокойно. Начались налеты и бомбардировки фашистскими самолетами. Было особенно страшно, когда бомба попала в вагон со снарядами на станции Чудово-1. Снаряды рвались несколько часов. Возникали пожары и много разрушений (летели в разные стороны куски рельсов, скаты вагонов). Враг приближался, шли ожесточенные бои под Новгородом. 18 августа мы ушли из дома, оставаться было опасно. В письмах с фронта муж просил, чтобы я уехала жить к его матери в Тамбовскую область. Я взяла с собой младшую сестру Людмилу, в 1941 году окончившую Чудовскую среднюю школу №1 и перенесшую сложную операцию ноги... Свободно передвигаться она в то время не могла... До города Тихвина добирались: она – на попутной грузовой машине, я – большую часть пешком. Через Москву поезда не было. Пришлось ехать объездными путями. Одним словом, ехали мы больше месяца, сделали 22 пересадки, побывали в разных городах. На вокзалах, в поездах было очень много людей. Из города Мурома плыли на пароходе до станции Рязань-2, а до города Рязани несколько километров сестру везли на лошади, а я шла пешком... Усталые, полуголодные мы приехали на конечную железнодорожную станцию Эртиль Юго-Восточной железной дороги. Дальше надо было 12 километров ехать на лошади до села Павловка Полетаевского района Тамбовской области». Война привела в движение миллионы людей. На запад, на фронт, шли эшелоны с войсками. Навстречу им, на восток – потоки эвакуируемых женщин, детей, стариков. В далекой Удмуртии оказалась М.С. Ермакова, в Кировской области – Н.П. Просвирякова, в Хакасской автономной области Красноярского края – С.Г. Щучкина. Постепенно люди обживались на новом месте, начинали работать, внося свой вклад в борьбу с врагом. А.М. Благочиннова в начале войны получила направление в восьмилетнюю школу села Станилово Некоузского района Ярославской области. Здесь работала она почти всю войну старшей пионервожатой, военным руководителем, преподавала немецкий язык и черчение. Школа располагалась в маленьком деревянном здании, плохо приспособленном для учебы, а детей было много, особенно эвакуированных из Ленинграда. Начальные классы Татауровской средней школы, в которых работала в эвакуации Н.П. Просвирякова, располагались в бывшем купеческом доме. Эвакуированных детей было много, и парт на всех не хватало. В школе Нина Петровна учила детей русскому языку, литературе, истории, математике. По воспоминаниям В.Н. Ходяковой, в селе Павловка Тамбовской области под школу было выделено два одноэтажных деревянных здания: в одном занимались ученики 1-4 классов, в другом – 5-8 классов. Отопление в зданиях было печным. Валентина Николаевна преподавала математику в 6-7 классах. Среди учителей были эвакуированные из Смоленской области, Белоруссии.

Антонина Михайловна БЛАГОЧИННОВА

Учитель немецкого языка. Во время войны работала учителем, старшей пионервожатой, военным руководителем в восьмилетней школе села Станилово Некоузского района Ярославской области. С 1964 г. живет и работает в г. Чудово. Отличник народного просвещения, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», несколькими юбилейными медалями. За активную военно-патриотическую работу с молодежью удостоена Памятного знака Министерства обороны СССР.

Часто школы располагались очень далеко от тех мест, где проживали дети. «Помню, – вспоминает Нина Петровна Просвирякова, – как мои первоклассники в зимнюю пору (а зима была суровая), заиндевевшие, укутанные до глаз, поутру входили в класс, садились на полу, раскручивали портянки – мно-

гие были в лаптях – и развешивали их для просушки у печки. В уголок ставили самодельные факелы (консервные банки, прибитые к колышку). Волков было много – охотники ушли на войну. Вот ребята и зажигали свои факелы, чтобы отпугивать зверей по дороге в школу: идти три-пять километров, встречаются пихтовые перелески, может и волк выскочить».

В войну в школах не хватало учебных принадлежностей: учебников, тетрадей, ручек для письма, карандашей, чернил. Иногда один учебник приходился на пять-десять человек. Особенно плохо было с бумагой, – приходилось писать между строк в газетах, старых журналах, амбарных книгах. Чернила дети вместе с учителями изготовляли из грифелей химических карандашей, варили из сажи, красной свеклы. Вместо перьев иногда использовали деревянные, тонко заостренные палочки.

Еще одной трудностью военного времени были голод и бедность. Многие дети были плохо обуты и одеты. Н.П. Просвирякова и М.С. Ермакова вспоминали, что у них в школах многие дети ходили в лаптях, зимой валенки были не у всех. Часто донашивали то, что осталось от старших братьев, сестер, отцов, ушедших на фронт. Школы отапливались в основном печами, дров не хватало, и зимой было холодно. Зачастую учителя и дети занимались в верхней одежде. Чтобы согреться, чаще устраивали перемены.

Большинство взрослых и детей питались плохо, нередко голодали. Из-за этого ученики быстро уставали, были малоподвижными, грустными и молчаливыми. Не редкостью были голодные обмороки. Специальных столовых для детей в тех школах, о которых вспоминали учителя, не было. Еду – кусок хлеба, вареный картофель, свеклу, бутылочку молока, что у кого было – приносили с собой. В школах также старались подкормить тех, кто особенно нуждался. В Татауровской школе, где работала Нина Петровна Просвирякова, на большой перемене в русской печке варили картофель и угощали детей. Самым большим лакомством были 100 граммов обыкновенного хлеба. Летом и осенью почти во всех школах учителя и дети старались заготовить на зиму овощи, другие продукты. «В школе, – вспоминала Мария Сергеевна Ермакова, – устраивали горячие завтраки. Летом собирали грибы, засаливали их в бочках. Картошку выращивали на пришкольном участке. Завтрак состоял из картофелины и соленого гриба. Эта пища помещалась на специальную дощечку, которая была в парте у каждого ученика (вместо тарелочки), хлеба не было».

Учителя рассказывают, что несмотря на это у детей было огромное стремление к учебе, каждый хотел быть достойным своего отца, брата, сражавшихся на фронте. «Я не помню, – говорила Н.П. Просвирякова, – чтобы кого-то в то время приходилось оставлять на второй год из-за нерадивого отношения к учебе. Правда, были случаи, когда единицы повторяли курс из-за пропусков по болезни, переездов, но болели тогда и взрослые, и дети редко: несмотря на бытовые трудности, организм не расслаблялся. Не помню и случаев недисциплинированности, тем более правонарушений среди подростков. Курильщиков не было».

Учителя поддерживали в детских сердцах веру в Победу, рассказывали о положении на фронте, о подвигах бойцов и командиров. В каждой школе был военный руководитель, обучавший школьников военному делу. Чаще всего это был фронтовик, раненный в бою. Остальные учителя, как правило – женщины, да и тех не хватало. Поэтому каждый вынужден был вести по четыре-пять предметов.

Между собой ребята были дружны. Вместе учились дети разных национальностей: русские, удмурты, татары, украинцы. Ребята помогали друг другу, делились последним куском хлеба, сочувствовали горю тех, кто получал с фронта похоронки. Отношение к учителям тоже было хорошее, теплое. И дети, и родители уважали учителей, старались пригласить к себе домой, помочь, чем могли. Все учителя, пережившие войну, вспоминали, что после войны они редко встречали таких добрых, отзывчивых, прилежных и трудолюбивых учеников.

Мария Сергеевна ЕРМАКОВА

В годы войны работала учительницей начальных классов в Удмуртии. После освобождения Чудовского района работала в Селищенской начальной школе, Чудовской средней школе №1 им. Н.А. Некрасова. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР.

В свободное от учебы время устраивали различные мероприятия. В.Н. Ходякова вспоминала, что и во время войны в школах проводились новогодние праздники. В Тамбовской области лесов мало, поэтому вместо елей наряжали сосну, украшали ее самодельными игрушками из картона и дерева. Под Новый год водили хороводы, устраивали игры. Н.П. Просвирякова рассказывала, как вместе с учениками готовила концерты для родителей. Ребята ездили с концертами в полевые бригады, в другие деревни. Но даже в праздники не всегда звучал детский смех: сказывались и недоедание, и недетские печали и заботы.

По свидетельству учителей, дети часто приносили в школу фронтовые письма от своих братьев, отцов, сестер. «На учительский стол, – вспоминает Нина Петровна Просвирякова, – ложились письма-треугольники. Каждый день учительница читала их всему классу до или после уроков. И сейчас еще сжимается горло и невольно выступают слезы, когда вспоминаешь мужественные строки писем и видишь лица и глаза детей, слушающих их. «Вы должны хорошо учиться, чтобы быть достойными фронтовиков; скоро вы будете сами читать письма и отвечать на них», – говорили им. Сначала мы писали коллективные письма на фронт, каждый предлагал свою мысль. А потом уже писали сами о своей учебе, о жизни, о мечтах». Читая эти письма фронта, дети гордились своими отцами и братьями, старались быть похожими на них. Особенно горевали и переживали, когда получали похоронки.

Вместе с письмами на фронт отправляли посылки. Школьники вкладывали в них свои рисунки, поделки, приносили из дома теплые варежки, носки, сами шили и украшали кисеты для табака. М.С. Ермакова рассказывала, как они вместе с учениками ходили по домам, собирали теплые вещи, лук, чеснок и посылали на фронт. Однако самый большой вклад в Победу дети вносили своим трудом: вместе с учителями работали не только после уроков, но и на каникулах, и, если это было нужно, в учебное время. «Каждое лето, – вспоминала Серафима Георгиевна Щучкина, – мы вместе с учениками пропалывали посевы на колхозных полях, заготавливли сено, подбирали колоски пшеницы, ржи». В Тамбовской области школьники вместе с учителями работали на уборке картофеля, сахарной свеклы, подсолнечника, заготовляли хворост, солому, ремонтиро-

Нина Петровна
ПРОСВИРЯКОВА

С 1937 г. работала учительницей начальных классов в Краснофарфорной школе, в годы войны в Кировской области, с 1943 г. на освобожденной территории Чудовского района. После окончания войны работала в Чудове учителем, заместителем директора, директором школы, заведующей районным отделом народного образования. Является отличником народного просвещения, заслуженным учителем. Награждена орденом Ленина, медалями за доблестный труд в мирное и военное время. Она избиралась депутатом Краснофарфорного поселкового и Чудовского районного Советов, делегатом XXII съезда КПСС. С 1987 г. является Почетным гражданином города.

вали школу. Трудились не только на колхозных полях, но и на своих огородах, помогая друг другу. Н.П. Просвирякова рассказывала, что там, где она работала, среди детей было развито тимуровское движение. Началось с того, что в классе прочитали книгу Гайдара «Тимур и его команда». Детям она понравилась, и они стали охотно помогать семьям фронтовиков, многодетным, тем, кто потерял на фронте своих родных и очень нуждался в поддержке: кололи дрова, носили воду, очищали дворы от снега. Это далеко не полный список того, что делали дети в годы войны, помогая взрослым приблизить победу над врагом.

Вместе с учениками переносили трудности и учителя. Помимо основной работы они также трудились на колхозных полях, помогали семьям фронтовиков, вели большую общественную работу: выступали в трудовых коллективах с сообщениями о событиях на фронте, собирали средства в Фонд обороны. «Сами вносили деньги в государственные займы, на строительство самолета, танковой колонны, в детские дома и собирали с населения, – вспоминала В.Н. Ходякова. – В магазине нечего было купить. На месяц нам продавали восемь килограммов муки. На базаре все было очень дорого. Колхозникам на трудодни ничего не давали, только обещали дать. Выручало свое хозяйство и огород. Землю на приусадебных участках пахали сохой. Запрягались сами по три-четыре человека и пахали. Тяжело было. На колхозных полях самоотверженно трудились женщины, старики, дети, мужчины, возвратившиеся по ранению с войны. Все жили одной мечтой: покончить с врагом, добиться скорей Победы».

В 1942 году, после победы в Сталинградской битве война приобрела совершенно иной характер: советские войска теперь беспощадно громили врага, освобождая нашу землю. Началось возвращение эвакуированных в родные края. Н.П. Просвирякова вернулась в освобожденную часть Чудовского района в 1943 году. До освобождения всего района работала в прифронтовой полосе, в деревне Беглово. «Начальная школа в деревне Беглово размещалась в крестьянской избе, где было два помещения. В первом – большая русская печь. В большую перемену из нее доставали чугун с вареной в мундире картошкой, все ученики садились вокруг него и с аппетитом ели. В каждом доме жило по две-три семьи, уроки учить было негде. И дети оставались в школе (вместе с учительницей) до тех пор, пока не приготовятся к следующему дню».

Так же, как и в глубоком тылу, дети здесь продолжали вместе со взрослыми работать на колхозных полях. Перед колхозами прифронтовой полосы была поставлена задача – снабжать продовольствием блокадный Ленинград, войска Волховского и Северо-Западного фронтов. Большие площади земли были заняты под картофель и другие овощи. И все учащиеся, прикрепленные к овощеводческим звеньям, ухаживали за посевами, участвовали в уборке урожая. «Для учащихся 5-6 классов был установлен шестичасовой день работы в поле, для учеников 7-9 классов – восьмичасовой день. Устанавливались и нормы выработки: учащиеся от 9 до 12 лет — 50 процентов от нормы взрослых, подросткам от 12 до 16 лет – 75 процентов. К примеру: вы знаете, как трудно пропалывать морковь, особенно в первый раз; чтобы заработать один трудодень, надо прополоть 0,04 гектара – четыре сотки; девятилетний человек обязан был прополоть две сотки. Нормы выполнялись. Хорошо была развита взаимопомощь. Если почему-либо подросток не справлялся с нормой, товарищи, видя, что он не ленится, помогали ему».

В начале 1944 года весь Чудовский район был освобожден от врага, 29 января советские войска изгнали фашистов из Чудова. И уже на следующий день в освобожденном городе начались восстановительные работы. Вместе с жилыми домами, железной дорогой, фабриками и заводами восстанавливали больницы, детские сады, школы. Во время войны школа №1 была превращена фашистами в конюшню. Предстояло, как вспоминает Н.П. Просвирякова, за два дня очистить помещения. Учителя вместе с детьми выполнили эту тяжелую работу, и 10 марта 1944 года школа была открыта (сейчас в этом здании находятся школа искусств имени В.С. Серовой и Дом детского творчества). Директором школы стала Фуфаева Ольга Глебовна. Ни одной парты в разрушенной школе не было, пришлось изготовить столы на крестовинах и скамьи из досок. В освобожденном Чудове было 60 детей, и в марте в школе открыли четыре класса.

Условия жизни и учебы в освобожден-

Валентина Николаевна
ХОДЯКОВА

В 1938 г. была направлена на работу в железнодорожную школу на станции Масельская Карело-Финской АССР. В годы войны работала учительницей математики Полетаевской средней школы, директором Павловской неполной средней школы в Тамбовской области. После окончания войны жила и работала на Дальнем Востоке. Затем вернулась в Чудово. С 1959 по 1981 г. преподавала домоводство в Чудовской средней школе 1 им. Н.А. Некрасова. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», юбилейными медалями, Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР за успешную работу по обучению и воспитанию учащихся, знаком «Активист Советского фонда мира».

ном городе были очень тяжелые. По воспоминаниям М.С. Ермаковой, возвратившейся в Чудово в 1944 году, собирали головки клевера, лебеду, мешали с небольшим количеством муки и пекли лепешки, чтобы накормить детей. Воинская часть, освобождавшая Чудово, уходя на Запад, оставила бочки с квашеной капустой. Некоторое время учителя и ученики использовали ее для приготовления пищи.

Не хватало учебников, бумаги. Вместо тетрадей использовали газеты, учетные бланки, оставшиеся от воинской части. В здании бывшей немецкой комендатуры обнаружили большое количество книг из бывшей школьной библиотеки. Ребята показали учебники, по которым немцы во время оккупации собирались учить русских детей. Книги были изданы в Берлине. На первой странице изображены красивая немецкая школа, нарядные немецкие дети, украшающие портрет Гитлера, а на второй – убогая русская школа, дерущиеся грязные и оборванные русские дети.

Страшную опасность в освобожденном городе и районе представляли разбросанные везде боеприпасы и мины. Часто бывали несчастные случаи: дети подрывались на минах, становились калеками. Ученикам нередко приходилось хоронить своих товарищей.

Немало горя и страданий принесла война и взрослым, и детям. Но несмотря на это учителя делали все, чтобы выучить детей в это тяжелое время, воспитать и сохранить в них такие качества, как доброту, отзывчивость, милосердие, любовь к Родине, ненависть к врагу. После войны многие ребята продолжили учебу, приобрели различные профессии и старались работать так, как привыкли это делать в годы войны: чтобы не посрамить фронтовиков, своих отцов и братьев.

Работая над избранной нами темой, мы узнали много нового о войне, о жизни наших сверстников – школьников военной поры. Беседы с учителями – ветеранами Великой Отечественной войны – расширили наше представление о ней, позволили глубже осознать величие подвига нашего народа, разгромившего страшного врага. И мы глубоко благодарны за то, что они сохранили и донесли до нас правду о войне и людях, одержавших Великую Победу.

Серафима Георгиевна ЩУЧКИНА

С 1937 г. работала учительницей начальных классов. Во время войны преподавала в начальной школе села Малое Озеро Хакасской автономной области. В школах Чудовского района работала с 1946 г. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», является Отличником народного просвещения.

Одно из школьных сочинений, представленных на городской конкурс, посвященный 55-летию Победы, носит несколько необычный для этого жанра характер: там нет ни эпиграфов, ни цитат, ни «типичных образов» и выводов, ни даже полагающегося объема. Это рассказ, который написала ученица выпускного класса гимназии «Квант» Настя Смирнова. Но, надо заметить, понятие «рассказ» нисколько не противоречит понятию «сочинение» (стоит вспомнить хотя бы собрание сочинений Чехова, Куприна и т.д.)

– Настя, ты сама сюжет придумала или где-то что-то такое читала или слышала?

– Сама.

Не проводя, конечно, параллелей с Чеховым и Куприным, наверное, небезынтересно познакомиться с опытом художественного осмысления войны новым поколением, которое о ней (о войне) знает только из книг да из рассказов прадедушек и прабабушек.

Настя СМИРНОВА

СПАСИБО ТЕБЕ, ДИНКА!

Солнце пробилось сквозь густые кроны деревьев и заглянуло в окошко старой покосившейся избушки. Марьяшка тут же вскочила с кровати и выбежала на опушку, как будто надеялась увидеть своих подруг. Но вокруг все так же стояли огромные дубы, и лишь тоненькая тропинка уходила вглубь леса.

Следом за ней выскочила большая дворняга Динка и заливисто залаяла. Она была очень забавная – вислоухая, с весе-

лыми и умными глазами и улыбающейся пастью. Всем хотелось смеяться – стоило только посмотреть на Динку...

Никто не думал, что может пригодиться старая избушка, построенная еще давным-давно Марьяшкиным дедушкой. Но месяц назад в их деревню пришел партизан, вырвавшийся из плена, и сказал, что к ним идут немцы. Люди в спешке покинули свои дома, успев, однако, спрятать все, что могли забрать немцы. Так и получилось, что Марьяша вместе с мамой, пятилетним братом Павликом, соседкой тетей Зиной и ее шестилетним сыном Виталиком жили в старой избушке в самой глубине леса. Немцы же, придя в деревню, ничего там не нашли, кроме пустых домов, и, разозленные, заминировали огромное пшеничное поле между лесом и деревней.

Сегодня Марьяшка должна была весь день следить за Виталиком и Павликом: у них закончился почти весь запас продуктов, и мама с тетей Зиной ушли в ближайшую деревню...

Марьяша с Динкой вернулись обратно в избушку.

Солнечный лучик скользнул по подушке и переполз на щеку Павлика. Тот открыл глаза и радостно рассмеялся. Виталик тут же подскочил на кровати и завопил:

– А я уже давно проснулся! Я раньше тебя проснулся!

– Нет, это я раньше! – заспорил Павлик.

Марьяша улыбнулась: «Начался новый день», – подумала она.

Марьяша читала одну и ту же книжку в который уже раз. Делать больше было нечего, а книжка была только одна. Солнце пекло так сильно, что казалось, будто она находится на пляже, а не в лесу. Глаза слипались все сильнее и сильнее, и в конце концов она не выдержала и задремала. Минут через двадцать она резко открыла глаза и прислушалась: было слишком тихо. Марьяша встала и обошла вокруг избушки. В траве, с другой стороны дома, сидел Павлик и сердито сопел носом.

– Где Виталик? – спросила она.

– Ушел.

– Куда ушел?

– Куда, куда... Домой к себе, за машинкой! – Павлик сердился, потому что проспорил Виталику, который не побоялся один через лес пойти в деревню.

Марьяша побелела как мел, у нее даже не было сил отругать Павлика, она смогла лишь выдавить из себя:

– Иди... быстро в дом... И никуда не выходи!

Павлик впервые видел сестру такой испуганной, поэтому даже не стал спорить и побрел в избушку.

Марьяша опустилась на траву и горько заплакала. Откуда-то появилась Динка и лизнула ее прямо в нос. Марьяша обняла ее вислоухую морду:

– Динка! Диночка! Виталик пошел... в деревню... прямо через минное поле!

Динка смотрела на нее умными глазами и слушала, как будто понимала, и вдруг развернулась и бросилась в лес.

Марьяша не знала, что ей делать: остаться с Павликом значило бросить Виталика, а если она пойдет искать Виталика – значит, придется оставить Павлика одного в лесу. Она вытерла слезы и зашла в избушку. Павлик крепко спал.

Виталик шел, ни на секунду не останавливаясь: его подгоняла злость на Павлика, который всегда пытался им командовать. Он гордился собой, потому что шел один в свою деревню, а Павлик бы ни за что такого не сделал.

Внезапно его словно пронзило током: он вспомнил, как мама говорила, чтобы они никогда не ходили в поле, вспомнил, как все плакали, когда тут две недели назад подорвался дядя Саша. Он медленно повернулся и увидел, что прошел почти половину поля. Ноги у него вдруг стали ватными, и он чуть не упал...

Минут через десять, когда от усталости и жары Виталик уже собирался сесть на землю, из густых колосьев вдруг вынырнула морда Динки. Она посмотрела прямо в глаза Виталику, и он как будто прочитал в них, что сейчас должен немедленно пойти за ней, прямо по ее следам. Динка повернулась и не спеша пошла вперед. Виталик двинулся следом. Он не чуял под собой ног, но постепенно пришел в себя и уже не боялся аккуратно наступать на Динкины следы.

Марьяша бежала со всех ног, не чувствуя ни мошкары, ни колючих кустов, ни толстых корней; и когда она в очередной раз проглядела большущий корень, то споткнулась об него и с размаха упала на землю. Сильная боль пронзила коленку. Марьяша медленно села и посмотрела на нее – большая ссадина и синяк. И тут она опять заплакала, но не от боли, а от бессилия: где-то там по минному полю бродит малыш, а она ничего не может сделать. А может, он уже и не бродит? Она встряхнула головой, пытаясь перестать реветь, но слезы все так же беззвучно лились из глаз...

Марьяша подняла голову и увидела Виталика. Она не поверила своим глазам, но тут же резко вскочила, забыв про дикую боль в ноге, и бросилась к нему:

– Слава Богу! Ты живой! – и перевела взгляд на Динку: – Спасибо тебе! – тихо прошептала она.

Динка впервые не улыбалась, а смотрела серьезно своими мудрыми и грустными глазами и как будто качала головой, упрекая в чем-то Марьяшу.

Родилась еще в нашей, в ту пору не «зарубежной» Латвии, в Даугавпилсе, 2 августа (а значит – Львица). Ныне – жительница поселка Хвойная. Заканчивает 5 курс филологического факультета Гуманитарного института НовГУ, – к моменту выхода этого номера должна уже защитить диплом. Вот пока и вся биография. А еще Наташа умеет писать стихи – яркие, самобытные и, безусловно, талантливые. Это – ее первая публикация. И, судя по всему, не последняя.

Наталья КУДРЯВЦЕВА

* * *
Так странно не желать иного
И успокоиться тобой,
Нездешних губ хмельное слово
Забыть с осенней ворожбой,

Воспеть уют твоей ладони,
И чай с вареньем после трех,
И ту луну на небосклоне
За занавесками в горох.

Так странно жить, не вспоминая
Про звон невидимых оков,
Гася бушующее пламя
В колодце суженных зрачков.

НЕТ

Минут праздники первых минут,
Будем жить, как другие живут?

Пресловутая в окнах герань
Да чайком перемытая рань?

Новый плед и затасканный кот,
И немножечко наоборот –
Новый кот и затасканный плед?
Нет.

* * *
Зачем вы спугнули сумерки?
Никто не просил огня.

Окрашены были суриком
Последние капли дня.

Губам так хотелось патоки,
Тянулась рука к руке,

Как будто невольно падали,
Тонули в одном мазке...

Нежней ничего не создано
В последние капли дня.

И только упреком – позднее:
Зачем принесли огня?

* * *
Мне хочется стихов,
Тебя и этот ливень!
В июль, скорей в июль!
Без платья, босиком,
Сгоняя с чердаков
Зимующих рептилий,
Воруя из кастрюль
Клубнику с молоком.

Не уточняя дат
(Вот грустное занятье!)
И презирая счет
Тупых календарей,
По солнцу, наугад,
И босиком, без платья,
Пока еще печет –
В июль, скорей, скорей!

КАЗАНОВА

1.
В час отлива глаза зеленее,
Пальцы тоньше, ключицы острей,
И нежней, беззащитнее шея
В полукружье янтарных камней.

И так страшно задеть поцелуем.
И так сладко поранить до слез...
Все равно я тебя расколдую
В час отлива в шипении звезд!

2.
Глаза мои – тина,
Глаза мои – сеть.
На первом суку
Вашей чести висеть.

А там, на втором,
Вы повесите платье:
К чему оно вам
В моих жарких объятьях?

И, может, кто знает,
Средь белого дня
На третьем все женщины
Вздернут... меня.

* * *

В дверь стучали.
Рванулась – не тот.
Зверь печали
Царапает рот.

Что за губы тебе достанутся:
Все разлуки на них останутся.

* * *

Ты ли мне судьбой назначен,
Или я твоя судьба –
Жизнь не раз переиначит,
Не поможет ворожба.

То ли дождь стучит по крыше,
То ли ты меня зовешь.
И когда тебя услышу,
А когда услышу дождь?

Если счастье многолико,
То зачем на склоне дня
Заповедной земляникой
Зреют губы у меня?

Отчего ж тогда я плачу
И не верю наперед,
Что она переиначит,
Перехочет, переврет?

* * *

Я тебя поставлю в угол,
Белый ангел-праведник,
Мне в твоих одеждах туго:
Слишком они правильны.

Ты везде как будто лишний,
Крылья в спину врезались...
Улыбается Всевышний –
Как же я нарезалась!

Ангел белый, год от года
Жизнь – она соленая,
И в руках Его колода,
Извини, крапленая.

Что мотаешь головою?
Не смотри – я трезвая.
Но сижу и тихо вою –
Крылья в спину врезались.

* * *

Нас нет... Мы расстреляны осенью
На том полигоне любви,
Где клены, когда вы их спросите,
Покажут ладони в крови.

Кому-то вослед листопадами
Рябины расплачутся вдруг,
Еще не забыв, как мы падали,
Но так и не предали рук.

А снег, первый снег, как причастие.
Не тает он – губы бледны...
Зачем ясноглазое счастье
Вчера напророчили сны?

ОСЕНЬ

Растранжирила, разнесла
Свое золото.
По наряду всем раздала –
Вот и холодно.

Вот и топчется на крыльце
Одинокая,
И такая печаль в лице
Сероокая.

И такая кругом пора
Увядания.
И горчат ее вечера
Да свидания.

И кричат женихи– ветра:
«До свиданьица!»
Никому она не нужна,
Бесприданница.

* * *

Отравны отвары трав,
Засушенных в понедельник:
Легко усмиряют нрав
Мать-и-мачеха и репейник,

Крапива и зверобой
Нагонят тоску о лете...
Мне скучно уже с тобой,
Мы вместе уже столетья.

Ромашка и чистотел
Баюкают сердце в стужу...
Когда ты уйти хотел,
Я крикнула взглядом – нужен!

Быть может, еще спасешь
Любовь в поединке равном,
Но знай, что повсюду ложь –
Отвары из трав отравны.

* * *

Мой хороший, я еще больна,
И слова мои неосторожны,
А желанья, призрачны и ложны,
Нашей страстью выпиты до дна.

Но сегодня мне не нужен плед,
Чтоб согреть озябшие колени;
Покидая королевство лени,
За собою заметаю след.

Я должна успеть, не разлюбя,
Отыскать зеленый подорожник
И от горьких слов неосторожных,
Мой хороший, вылечить тебя.

* * *

Пленittься тобою вновь?
Но ты не воюешь: лень.
И как ни свежа любовь,
Она превратится в тлен.

Любимый, ржавеет меч,
В чулане пылится шлем.
Ты хочешь меня сберечь? –
Бери же скорее в плен!

* * *
Я войду к тебе неспешно,
Тихо сяду на постель...
Отчего так безутешна
Неба первая пастель?

По изломам тонких линий
Прослежу обратный путь.
Вот и все. Но белых лилий,
Белых лилий не забудь!

* * *
В оранжерее ожиданья
Цветы высасывают кровь;
Тот, кто придумал расстоянья,
Не знал, что в мире есть любовь.

Искать прохлады и забвенья
Нельзя на шахматном полу –
Разлуки желтое растенье
Вонзает острую иглу.

Все так обманчиво, так зыбко,
И ароматы прячут сны.
Здесь не устанут плакать скрипки,
Хотя рыданья чуть слышны.

Сюда врываются без стука
Печаль далеких берегов
И новый день с обильем звуков,
В котором нет твоих шагов.

* * *
Терпкий вкус вечерних песен
Морщит губы в складку слез.
А закат как будто весел,
Выпуская желтых ос.

Знаю – жалить будут жадно,
Пробуждая жалость глаз.
День уходит, безотрадным
И безликим. В сотый раз.

* * *
Свои поблекшие холсты
Потащит Осень на продажу,
А я хочу найти пропажу,
Где в желтой раме я и ты.

Где так отчаянно влеклось,
Где так томительно хотелось.
Но что-то здесь не удалось,
И песня лучшая не спелась.

И в блюдца черные дождей
Стекает сок рябины горькой,
А месяц смотрит хлебной коркой
И отражается в воде.

* * *
Нас качает в зыбке осень
Под осиновый шумок,
У нее мы ночью просим
Молока от всех тревог.
И она, щедра на жалость,
Не жалеет слез-дождей,
Чтобы смог поплакать малость
С нею каждый из людей.

* * *
Робкое солнце
В холодной стране,
Сколько погибло
На зимней войне!
Съели метели
Глаза, имена,
сытая стужа
Легла у окна...

Тот, кто писал
На стекле вензеля,
Знал, что бывает
Иною земля.
Тихая вера
В зеленые сны.
Первые песни
Грядущей весны.

ИЗМЕНА

Бубенцы печали
Уронила в снег,
Там, где мы прощались,
Твой чернеет след.

Завтра будет вьюга,
Значит ждать беды,
Как найти мне друга
Милого следы.

Но дороги схожи,
И привычен путь...
Отчего ж, прохожий,
Хочется свернуть

И объять те дали,
Где звенят и днем
Бубенцы печали,
Только не о нем.

Ирина НАЗАРОВА

***

Подите прочь, навязчивые мысли,
я спать хочу, уж заполночь давно;
гардины грустно и беспомощно повисли,
и на столе разлитое вино.

В седом дыму моих воспоминаний,
в цветных туманах обманувших снов,
в моих непостоянно-постоянных
желаниях всегда была любовь.

В краю, где в красной глине парки,
где восковой от пыльных бурь рассвет,
я жду любви, как дети ждут подарка,
где самым страшным будет слово «НЕТ».

***

Ах, какая смотрелась рябина
в золотой от листвы водоем –
ярко-красные бусы-рубины
отражались, как в зеркале, в нем.

Но, предчувствуя раннюю вьюгу,
ледяной и безжалостный шквал,
сквозь ее кружевную кольчугу
пот холодной росой проступал.

Не страшись, ведь зима преходяща,
а с весною воскреснешь и ты,
у тебя, по былому скорбящей,
из снежинок соткутся цветы.

Станет небо влюбленным и ясным,
станет ласковой влага пруда...
Жаль, такою, как нынче, прекрасной
ты не будешь уже никогда.

ОСЕНЬ

Снова Осень сплела паутину,
золотую впрядая листву,
караван, улетающий клином,
прокурлыкал на лунном мосту.

В этом царстве из лиственной пены,
на холодном костре без огня,
преклонив золотое колено,
плачет Осень, дождями звеня.

Может, тягостно ей расставанье
с охладевшим уже Октябрем?

Может, горько иное страданье?
Каждый плачет о чем-то своем.

Прошуршали над памятью крылья,
возвращая в былые года,
от тоски или просто бессилья
захотелось сбежать... но куда?

Пред зимою мы обе бессильны.
После долгих осенних дождей
ночь зажжет луноликий светильник
меж загадочных звездных цепей.

И отступит хандра понемногу.
Через сотни и тысячи лет
под волшебным дыханием Бога
будет плыть журавлиный рассвет.

***

Падает неслышно ржавый лист,
бурой сыпью под ноги ложится,
отчего так труден и тернист
этот путь к жилищу синей птицы?

Кажется, очнулось ото сна
сердце мое, скованное стужей,
осень за окном, а не весна,
сырость, серость, дождик, грязь и лужи.

Дождик – это плач небесных сфер.
Плачем вместе, слезы лечат душу;
дождик заливает старый сквер,
боль становится все глуше, глуше, глуше.

***

За окном листопад. Потемнела трава,
льют дожди, стали ночи длиннее,
и рукою подать до того Покрова,
когда снегом застелет аллеи.

А недавно резвилась весна на дворе,
пели птицы, клубились пионы,
и жасмина сугробы на алой заре
выделялись на сине-зеленом.

Все ушло. Отболело. Светла голова,
скоро стужа меня одолеет,
и рукою подать до того Покрова,
когда снегом застелет аллеи.

***

Не говори ни слова, помолчим.
Не надо человеческих понятий.
Под нежным светом розовой свечи
забыться я хочу в твоих объятьях.

Не верь стихам, я беспрестанно лгу –
мои мужчины выдуманы мною,
я у любви пожизненно в долгу
наверно, оттого, что я ее не стою.

Смотри – мерцает, словно светлячок
расплавленная капля на паркете...
Зачем ты так страдаешь, дурачок? –
Ты у меня единственный на свете.

Геннадий ИГНАТЬЕВ

ФЕДОРКОВСКИЕ КУДЕСНИКИ

сть в глуши новгородских лесов деревушка Федорково. Некогда кипела в ней жизнь. На окрестных полях с утра до позднего вечера гудели трактора, у речки, в просторном коровнике, обитало несколько десятков породистых буренок, радовавших сельчан отменным молоком. И был в избах Федорково достаток, полно детворы, а в праздники, советские и престольные, столы ломились от простой и здоровой пищи. Но все это кануло в лету. Как началась перестройка, так и стало хиреть село. Посевы сокращались год от года, пахотные поля втихомолку раздавались под дачи, дойное стадо пошло под нож, наступило общее оскудение жизни. С оскудением жизни федорковцы, кто помоложе и побойчее, стали перебираться в города, и деревня опустела. Остались в ней самые стойкие, в основном престарелые пары. Самый главный в Федорково – это местный глава, или староста, Николай Данилович с женой Марией. Мужик он деловой, справный, при технике, очень добрый и покладистый. Все огороды на нем держатся, помогает и своим и дачникам за весьма умеренную плату.

Главой федорковского рода считается Алексей Анисимович, ветеран войны и труда. Вместе с супругою своею, бабушкой Фросей, живет он в самом последнем доме, что стоит на краю крутого спуска к большому озеру. Половина деревни ему родня, в том числе и Мария, жена старосты. В молодости Анисимович был большой драчун и забияка, ныне еле ходит. Натруженные ноги сдают, болят, но ветеран трезв умом, светел памятью, многое может рассказать под добрую чарку белого вина.

В каждой деревне всегда найдется свой пролетарий. В Федорково это Сашка-Шишок. Ему за пятьдесят, и он самый молодой из постоянных жителей деревни. Сашка давно не работает и на что живет – одному Богу известно. У него отменное здоровье, в любую погоду купается в озере голышом до самозабвения, любит вино, но в нетрезвом состоянии беззлобен и не драчлив. Прозвище свое получил он оттого, что в минуты пьяного угара сообщает собутыльникам под большим секретом, что водится с лесной нечистой силой.

Еще один колоритный персонаж Федорково – дядя Гоша, именующий себя дядей всей деревни. Ему далеко за семьдесят, но он еще крепок, спокойно ходит за плугом и тоже очень любит выпить. После первого стакана впадает Гоша в поэтический транс. Его неразделенная любовь – Екатерина Шаврина. Из всего ее репертуара дядюшка знал только одну песню, и, когда над полями и лугами взмывает его разухабистый голос, – все знают: Гоша принял на грудь.

На краю Федорково, напротив ветерана Анисимовича, живет Анна Ивановна с мужем Виктором. У ее коровы самое вкусное молоко, дачники стоят в очереди, чем она заслуженно гордится. Летом в деревне оживленно: то тут, то там мелькают ребячьи головы, на пляже большого озера белеют дородные тела городских отпускниц, а их мужья дремлют возле удочек. Зато осенью и зимой здесь тихо и скучно. Одиноко и тоскливо воет над лесистыми холмами одичалый ветер, ночами опускается над деревней непроглядная тьма, в которой замирает до рассвета все живое.

Вот в один из таких скучных и промозглых осенних дней и появился в Федорково неожиданный постоялец. Дело было так. Уже известный Николай Данилович, отпив в десятом часу вечера чаю, прежде чем отойти ко сну по обычаю глянул в окно. Смотреть туда, конечно, было незачем, но привычка сильнее здравого ума и логики. На этот раз, как оказалось, не зря Данилыч глянул в окно.

Вместо привычной тьмы и редких капель дождя, беззвучно скользивших по оконному стеклу, он вдруг увидел в отдалении неясный свет. Самое странное, что шел он из давно заброшенного дома, что стоял напротив. Дом этот уже нельзя было назвать домом в прямом значении этого слова. Так, развалюха, без окон, дверей, с прохудившейся крышей из дранки, которую давно следовало разобрать от греха подальше, но за ней числились владельцы, потомки покойного Кузьмы Кузьмича, что проживали ныне в славном городе Санкт-Петербурге.

– Марья, а Марья, глянь, что за диво, никак у Кузьмича огонь горит, – позвал жену Данилыч.

– И впрямь, батька, горит, уж не уголь ли кто бросил, быть беде, сгорим, ветер-то в нашу сторону.

– Видно, Сашка-Шишок, баламут этакий, по пьяни что-то бросил. Больше некому. Вот я ему ужо накостыляю, – ворчал, одеваясь, староста.

Вышел Данилыч на улицу, подошел к развалюхе поближе и видит, что не уголек там внутри тлеет, а льется из окон ровный свет, сродни электрическому. «Что за диво?» – думает удивленный староста, и потихонечку, затаив дыхание, крадучись стал пробираться внутрь здания. Через сени вступил Данилыч в помещение, что когда-то именовалось Кузьмичем гостиной залой, и оторопел: вместо хлама и запустения видит он веселенькую чистенькую комнату, стены которой, и пол, и потолок вместе с окнами затянуты какой-то блестящей полупрозрачной и очень тонкой пленкой. К матице прикреплен сферический светильник, из которого лился мягкий неяркий свет.

Посреди комнаты стоял небольшого роста незнакомый гражданин в черном костюме-тройке при белой рубашке с галстуком. Лицо у него немного припухлое, под глазами отечные мешки, из костюма выпирало округлое брюшко, на котором были сложены мягкие, явно не рабочие белые ручки, выдававшие в незнакомце работника умственного труда. Профиль гражданина с чуть вздернутым носом страшно кого-то напоминал, и только дома Данилыч понял, что ликом незнакомец один к одному схож с покойным императором Николаем Александровичем Романовым. Кроме него в комнате и мебелишка кой-какая оказалась: однотумбовый письменный стол, на котором стоял большой черный портфель, да раскладушка со спальными принадлежностями.

Самое поразительное, что чуть не довело старосту до пол-

ного нервного истощения, – перед незваным квартирантом стояли навытяжку на задних лапах четыре огромных крысы. Одну из них, рыжую с перебитым хвостом, староста узнал сразу: это она давеча нагло, среди белого дня, утащила кусок мяса от бараньей туши, которую он разделывал во дворе. Что-то бормоча под нос, странный постоялец сантиметром измерял крысиные габариты, занося данные в записную книжицу.

Надо признаться, Данилыч изрядно струхнул. Думаю, в такой обстановке не всякий проявил бы избыток мужества. Хотел он было бежать сломя голову, да предательски скрипнула половица, незнакомец вздрогнул, вперил в старосту черные жгучие глаза, в глубине которых метались какие-то искры и еще черт знает что, но вмиг все это пропало, глаза заструились теплым радостным огнем, незнакомец широко и приветливо заулыбался, словно встретил закадычного друга детства.

– А, дорогой Николай Данилович, очень, очень рад. Много о вас наслышан хорошего. Проходите, не стесняйтесь, давно жду.

При первых его словах крысы, словно очнувшись от летаргического оцепенения, с писком бросились врассыпную. Данилыч, хоть и был до смерти напуган, но как-то автоматически все же успел пнуть рыжую ногой; перекувырнувшись, та отлетела в темный угол, где и затихла.

– Мясо, вишь, падла, украла, ворье проклятое, – осипшим голосом пробормотал он.

– Так, так ее, дорогой Николай Данилович, нечего жалеть эту тварь. Впрочем, надо признать, что интеллект у нее отменный.

– Да кто же вы будете ?

– Ах, да, позвольте представиться – доктор биологии Иван Иванович Дальский, из Санкт-Петербурга, никуда не заезжал, прямо к вам. Рекомендовал мне Федорково сын покойного Кузьмы Кузьмича, Петр Кузьмич. Встречает меня на Невском и говорит: «Что-то ты, Иван Иванович, нездорово выглядишь. Поезжай на родину моих предков, отдохни, а то в Петербурге суета сует, коловращение народов». Прав он, у вас тут покой; свой труд завершу, полный переворот в науке – все ахнут, Европа лопнет от зависти.

– Ну, раз Петруха вас послал, то, пожалуйста, живите, мы против ничего не имеем, а ученому человеку завсегда рады.

И хотел тут Данилыч откланяться, но Иван Иваныч не отпустил, уцепился за рукав и затарахтел:

– Что вы, что вы, уважаемый, – так нельзя, не по-русски: надо за знакомство, за свидание, как положено у добрых соседей.

С этими словами открыл он черный портфель, что стоял на столе, и вытащил бутылку «Народной» и пакет с бутербродами.

Вернулся Данилыч к Марии немного пьян, бодр и весел. Рассказал про постояльца да про Петра Кузьмича, но тут его Мария и приземлила:

– Ты что, отец, сдурел, – какой Петр, он уже давно померши! Гоша еще в прошлом году на похороны ездил.

– И в самом деле, – пробормотал обескураженный староста.

Ночь он спал плохо, метался, стонал, снились ему страшные сны, в которых рыжая крыса то в Ивана Ивановича оборачивалась, то сам Иван Иванович становился крысой.

Здесь следует пояснить, что в былые, не столь отдаленные времена этого Ивана Ивановича повязали бы уже на следующее утро, ибо бдительность нашего народа была на высоте, да и органы не дремали. Старики сказывали, что в тридцатые годы половина деревни у местного НКВД числилась в тайных агентах. Ночами мужики огородами крались к маленькому озеру в одинокую баню, где их принимал оперчекист. Тут не только Иван Иванович, но и мышь без ведома органов по деревне бы не прошмыгнула. В наши дни все изменилось, все перепуталось. Враги стали друзьями, друзья – врагами, и народ окончательно запутался. Да и органы не те стали, всякий интерес к народу потеряли. В Федорково живого милиционера несколько лет не видели, а про чекистов и говорить нечего. Начальство про деревню вспоминало только во время очередных выборов. Потому никто власть упреждать не стал, да и Иван Иваныч никому не мешал, жил тихо, уединенно, изредка выходил погулять, хотя интерес к нему, конечно, не пропал: очень всем хотелось знать, что это за птица такая и чем он занимается. Под разными предлогами стали мужики заходить к Иван Иванычу на огонек, только от этих визитов никакой ясности не прибавилось, а наоборот туман все более сгущался. После Данилыча первым по-свойски заглянул к незнакомцу Сашка-Шишок. Иван Иванович и его встретил радушно, за стол усадил, бутылку поставил. Сашка в ответ на угощение всю биографию рассказал: как закончил пять классов, как ему нравилась математика и почему его зовут Шишком. Дядюшка Гоша тоже не обошел стороной ученого биолога, долго после визита голосил в разных концах деревни.

После каждого посещения собирались мужики у бань и обменивались мнениями.

– А откуда у него в избе свет!? – однажды, как обухом по голове, огорошил всех Виктор, супружник Анны Ивановны. – Провода-то давно от дома отрезаны.

– Свет это ерунда, – сказал умный Сашка (все-таки не зря он пять классов кончил). – У него, наверное, аккумулятор привезен. Сейчас для космоса знаете какие делают! Мне один мужик в райцентре говорил, что год без подзарядки можно пользоваться.

– Ну, ладно, – не сдавался Виктор, – пусть у него аккумулятор, а сам-то он чем питается? Живет месяц, продуктов в автолавке не покупает, за картошкой и молоком к нам не ходит, а между тем и водка постоянно в портфеле есть, и бутерброды с колбасой. Кстати, водку все время разную вытаскивает. Тут давеча захожу, а он «Жириновским» потчует. У нас такой водки отродясь не было. Брынцаловка бывает, врать не буду, а чтобы жириновкой торговали – не слыхал.

– Да и бутербродики какие-то странные, – встрял ветеран Анисимович, – не колбаса, а натуральная резина: есть можно, а вкусу никакого.

– Что-то здесь нечисто, – подала голос Анна Ивановна, оторвавшись от стирки белья, – чую, мужики, серой пахнет. Надо бы этого Ивана Ивановича окропить святой водицей.

– Покропи, покропи, может, и в самом деле будет польза, – засмеялся Данилыч, – только, ежели он от этого в пепел обратится, то кто нас будет водкой поить?

Между тем мысль эта глубоко запала в голову Анне Ивановне. Однажды вернулась она из райцентра от дочери веселая, налила в пол-литровую банку свежего молока и говорит мужу:

– Пойду побалую Иваныча молочком, может, станет покупать, все приработок.

Принесла она ученому подношение, а он за столом сидит, ничего не слышит и не видит, все что-то пишет и пишет. Тут Аннушка ненароком и покропила его святой водицей, что привезла из храма православного, но как сидел Иван Иванович, так и остался сидеть: не задымился, не задергался и под пол не провалился. Только когда благодарить начал Анну Ивановну за заботу, тонко эдак улыбнулся и глазами сверкнул так, что затряслись у Анны Ивановны поджилки и подумалось ей, что это не простой черт, а самый наиглавнейший, которого и святая вода не берет. Вскорости и случай подвернулся, что и мужики заколебались.

Посреди деревни на самом нужном месте издревле была лужа глубиною в полметра. Летом она не мешала, а вот осенью и весной – одна беда: ни проехать, ни пройти. Мужикам бы ее засыпать или спустить в канаву, но все как-то руки не доходили, да и лужу жалко, – чай, не одно поколение с ней мучилось. Как-то в начале октября приходит Иван Иванович к Данилычу и просит удочку. Говорит, что изголодался, захотелось свежей ушицы. Данилыч, знамо дело, удочку ему дал, а этот чудик вместо того, чтобы на озера отправиться, сел с ней прямо под окнами, у лужи. Сашка-Шишок как из окна глянул, чуть со смеху не помер.

– Что ты делаешь, Иваныч, там же одни киты водятся!

Тут сразу и поперхнулся, ибо поплавок в луже стремительно пошел вниз, Иваныч уду дерг, а на крючке болтается невиданная для этих мест рыба судак. Тут вся деревня сбежалась: на глазах у изумленной публики наловил ученый целое ведро. Ветерану Анисимовичу самую крупную подарил. Как он ушел, мужики обезумели: сеть приволокли, стали воду спускать, а там нет ничего, кроме старых Сашкиных опорок.

– Колдовство, чистое колдовство, – с торжеством резюмировала Анна Ивановна.

Польза от этой рыбалки все-таки была несомненная. Историческая лужа исчезла с федорковоской географии.

В середине октября произошел еще один странный случай. Как-то поутру стучится Иван Иванович к Анисимовичу и просит лукошко – сходить в лес за ягодой малиной.

– Что ты, что ты, милый, – удивился ветеран, – да какая малина в октябре, грибов – и тех уже нет!

– А ты, дедушка, не спеши, не торопись, покажи-ка мне лучше, где тут у вас вырубка.

Вернулся Иван Иваныч через час, а лукошко до краев красно, и ягода-то как вся на подбор: крупная, сочная и вдобавок ползают по ней пчелы. Тут уж всем по-настоящему стало страшно, исчезли сомнения – Иван Иваныч суть нечистая сила. Забились федорковцы по домам, нос боятся высунуть. Один Сашка-Шишок ничего не боится:

– Я, – говорит, – сам нечистый, мне не страшно.

А по правде и он никуда бы не ходил, да только, кроме Иван Иваныча, ему бесплатно никто водки не наливает.

Вскоре Иван Иваныч настолько осмелел, что обзавелся весьма странными компаньонами. Первым эту благую весть принес федорковцам Шишок. Зашел он по обычаю хватануть рюмашку-другую к Дальскому, глядь – а в комнате еще один незнакомец объявился. Среднего роста, худой, словно выжатый лимон, с морщинистым лицом, коротко стриженной бородкой; сидит он за столом в обнимку с Иван Иванычем, и пьют они стаканами «Столичную». Стали пить втроем. Новенький тоже, видать, из ученых. Все Сашку донимал расспросами про сельский быт. Очень его почему-то интересовало, как кадки делают, то есть бочки для засолки огурцов и капусты. Поначалу все хорошо было, а под конец чуть до драки дело не дошло. Не смог Сашка вразумительно ответить, почему кадка кадкой называется, откуда идут ее гносеологические корни. Уж очень нервный этот новый ученый: глазами засверкал, брови нахмурил, как стал кулаками по столу дубасить – Сашка от страха чуть под стол не свалился, насилу убежал. А потом и третий объявился. Тоже среднего роста, полный, с круглым добродушным лицом и тоже большой любитель водки. По всему видно – хороший человек, только один недостаток: как выпьет, начинает что-то бормотать, что понять ничего нельзя, но не дерется, и за это его федорковцы полюбили.

Как эти двое появились, так и Иван Иваныч совсем переменился: науки забросил, бумаги в угол свалил, и пошло беспробудное пьянство. С утра до вечера раздавались в домике сплошные хоровые песнопения – то разудалые русские напевы, то грустные и печальные, на языках неведомых. Так продолжалось около месяца, пока вдруг у Данилыча не сдохла любимая овца. За овцой при самых подозрительных обстоятельствах приставился Гошин поросенок, а у Анны Ивановны впала в странную задумчивость корова-рекордистка. «Колдовство!» – единодушно решила деревня, и на тайной сходке было принято решение избавиться от распутной троицы самым решительным образом. Прихватив на всякий случай по колышку, повалили сельчане гуртом к нехорошему дому. К вящему удивлению федорковцев, их уже ждали. Иван Иванович и его друзья были на редкость трезвы, тихи и благолепны. Поклонившись обществу, Дальский обратился к федорковцам с длинной речью, из которой потрясенные граждане узнали, что вся компания действительно ученые, но ученые не земные, а из какой-то страшно туманной и далекой галактики, что им очень понравились обитатели планеты Земля, особенно их национальный напиток под названием водка, что наступил конец их длительной командировки, и что в знак признательности за гостеприимство решили они оставить деревне после себя нечто зримое и материальное.

– Только скажите, что вам надобно, то вам и будет, – произнес в заключение Иван Иваныч. Тут само собой, начался в Федорково невиданный спор. Мужики кричали одно, а бабы другое. Переругались вдрызг, чуть до драки дело не дошло. Всех выручил Сашка-Шишок, – очень ему по душе пришелся портфель Иван Иваныча, из которого в любую минуту появлялась водка с бутербродами.

– А нельзя ли сделать так, почтенный, чтобы нам, мужикам, завсегда бесплатное угощение было?

– Почему только мужикам, – взъярилась Анна Ивановна, – женщины что, не люди?

– Можно, – ответил Иван Иванович, сияя от радости; его гениальное предвидение сбылось, он глубоко за время командировки постиг загадочную славянскую душу. – Только вот что я вам скажу: как человек, исповедующий гуманистические принципы и руководствующийся научным анализом с точки зрения биологических особенностей земного организма, дам я вам угощение только по дням праздничным, а то ненароком сопьетесь, и мне через это будут большие неприятности.

– А мы, женщины, как же? – вновь заволновалась Анна Ивановна. – Мужики, знамо дело, водку хлестать начнут, а мне она, проклятая, в горло не лезет. Нам бы что-нибудь полегче.

Тут я давеча роман прочитала, «Кольцо страсти», так там образованные барышни винцом «Клико» говелись.

– Будет вам и водка, будет и «Клико», – порадовал Иван Иваныч.

Потом мужики долго рядились по праздникам. Ведь у русского человека по святцам на день по нескольку праздников приходится. В конце концов ударили по рукам. Вроде ничего не забыли – и 7 ноября, и пресвятую Пасху. Как пришли стороны к согласию, поднимает Иван Иванович крышку, что ведет в подпол, и видят сельчане, что вместо грязного трухлявого подпола перед ними просторное помещение, одетое в бетон. Из одной стены торчат два медных крана, поверх кранов таблички с надписями – водка, «Клико». Еще выше красная лампочка.

– Загорится – пейте, – пояснил Иван Иванович, – потухнет – сеанс окончен. Вот и кружечки вам приготовлены, они цепями к стенке прикованы. Пейте только из них, это чтобы спекуляций не было. Помощь вам предоставлена гуманитарная, не для торговли.

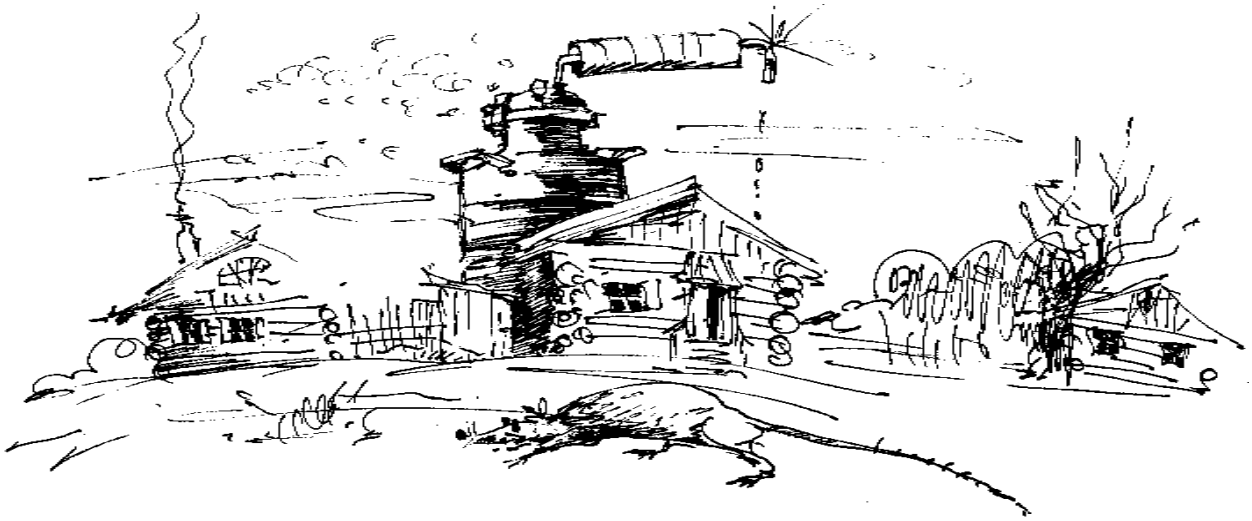
Смотрят федорковцы, дивятся, и вдруг красная лампочка вспыхнула.

– Дарю вам еще один праздник, от себя лично. Будет он называться «Днем трех федорковских кудесников», что прилетели к вам из далекой космической галактики. Прошу испробовать, по посошку на дорожку. Кстати, оставляю вам и портфель. После каждой чарочки там завсегда бутербродик найдется.

После этих слов радостных пошел в деревне настоящий праздник, а когда федорковцы в себя пришли, Иван Иваныча и друзей его и след простыл. Вроде бы их никогда и не было.

Говорили потом мужики из соседней деревни, что крутилась над окрестными лесами какая-то тарелка, вся в огнях разноцветных, и вроде приземлялась в районе большого озера. С той поры зажило Федорково спокойной сытой жизнью. Много ли надо русскому человеку – было бы что выпить да закусить. Ума хватило федорковцам секрет в тайне сохранить, иначе разнесли бы деревню окрестные мужики в щепы. Правда, иногда жалеют, что на краны согласились: уж больно они точную меру знают, больше положенного в кружку не наливают. Этот Иван Иваныч для каждого сельчанина точную дозу просчитал, словно федорковцы не русские люди, а мыши подопытные.

– Эх, продешевили, – жалостливо плачет у бань по праздникам Сашка, – нам бы озерцо заказать! – И с надеждой подолгу всматривается в темное, загадочное небо.



ДАР БОЖИЙ

Наверное, каждому человеку посчастливилось встречаться с людьми, общение с которыми наполняет душу огромным, солнечным чувством радости. Тогда несешь эту радость в сердце своем, как душеспасительную благодать. И хочется поделиться ею с окружающими, но в то же время будто боишься расплескать ее и поэтому молчишь. Так и в тот день – медленно шла вдоль городского вала от древнего Десятинного монастыря и была счастлива. Я и сама не могла предположить, что мой первый визит в мастерскую художника Дмитрия Сергеевича Кондратьева и долгожданное знакомство с ним произведут на меня такое глубокое впечатление.

Об этой встрече мы не договаривались, и я, признаюсь, боялась своим визитом отнять у художника драгоценное время. Тем больше было мое удивление, когда Дмитрий Сергеевич, встретив меня, незнакомого человека, на пороге своей мастерской, тотчас же пригласил войти. А узнав, что я из редакции, лишь сказал загадочно:

– У человека в душе должна быть музыка. Если она у Вас есть, тогда Вы счастливая...

Чуть позже мне станут понятны эти слова. А тогда я стояла, несколько растерянная, на первом этаже небольшой мастерской, ощущая, что нахожусь в особом микрокосмосе, даже – Вселенной, где каждый предмет живет своей особой жизнью: снопики ржи, льна, коромысло, лапти, череп коровы. А вокруг, вдоль стен, – картины, картины, картины... В несколько рядов, одна за другой: многие только что принесли с персональной выставки художника, проходившей в галерее Десятинного монастыря. Некоторые, стоящие поодаль, просто огромные, заставляющие буквально оторопеть.

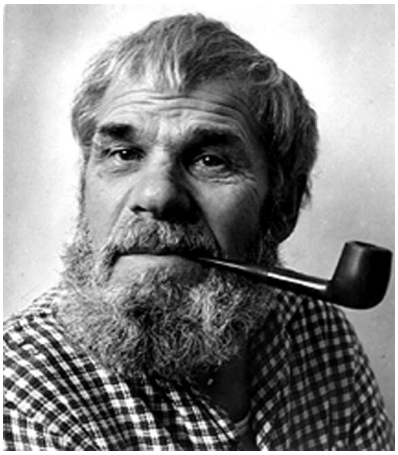
– Вы на них не смотрите. Это я раньше так писал. А теперь я их разрезаю и снова пишу на этих холстах, – пояснил Дмитрий Сергеевич.

– Как, разрезаете? – удивилась я.

– Ну а что делать? Я теперь мыслю и чувствую по-другому. Понимаете, картина – это воплощенное в красках состояние души. Художник находится в постоянном, порою мучительном, поиске способов этого воплощения. Все, что меня окружает, какие-то малозначительные, на первый взгляд, детали, выхваченные взглядом из повседневной круговерти, а также наблюдения, раздумья, – все это дает мне толчок к творчеству, позволяет найти не просто цветовое, композиционное решение картины, – не это, на мой взгляд, первостепенно, – но помогает обнаружить саму форму воплощения некоего глубинного, до боли волнующего душу переживания, выразить его *моим* языком. А форма эта порою очень проста и вовсе не абстрактна, так как подсказана самой жизнью. Я бы сказал даже, что задача художника – в картине «решить дух», – ее и, естественно, свой. Тогда она будет говорить сама за себя, и каждый сможет найти в ней нечто свое... Почему разрезаю эти, огромные? Да потому, что картина не должна оглушать никакими кричащими яркостями. Вообще не должна быть шумной.

Помню, я тогда подумала, что картины Дмитрия Сергеевича, как песни – негромкие, но звонкие, чистые, что в самом сердце складываются и жить помогают, надежду и свет даруют. И как же, должно быть, непросто в этом шумном мире уловить ту мелодию, что скажет о самом сокровенном, вечном...

Держась за перила, я поднялась по крутой лесенке на второй, надстроенный в виде широкого балкона, этаж мастерской. В отличие от первого, таинственно-сумрачного, он был буквально залит каким-то особенным, мягким светом, бывающим, пожалуй, лишь в начале весны, и солнечные блики мелькали на сводчатом белом потолке монастырской постройки. Море эскизов, набросков на полу, на небольшом диванчике, столике и так же много картин, висящих на стенах, стоящих вдоль них. Мне даже на минуту показалось, что я нахожусь на верхней палубе какого-то загадочного корабля. Ассоциацию дополнял огромный мольберт, который, как мачта, возвышался в центре. На нем – холст. Несколько кистей аккуратно лежали рядом, другие стояли в банках с водой. Дмитрий Сергеевич пояснил, что если некоторые художники каждый день моют кисти особым раствором, то он просто ставит их в воду. Это помогает сэкономить время, так как приходит он в мастерскую в восемь часов утра, а уходит, когда садится солнце.



Дмитрий Кондратьев.
Фото В. Ищенко

Несколько часов нашего общения пролетели незаметно. Мы вели разговор о живописи и знаменитых мастерах, о литературе и философии и, конечно, о его собственном творчестве. Передо мною сидел удивительно добрый, приветливый, умный человек, который щедро делился своими взглядами на жизнь и искусство:

– Это сегодня мы можем свободно говорить о Ван Гоге и Пикассо, о Булгакове, Платонове и Пастернаке. Мы же в своей юности их не знали и учиться у них, стало быть, не могли. Так, в шестьдесят первом году меня и еще нескольких однокурсников чуть было не исключили из Казанского художественного училища лишь за то, что одна девушка показала нам репродукции Ван Гога. И, тем не менее, я всегда прислушивался лишь к своей душе. Я сказал уже, что музыка должна быть внутри. Так должен быть и некий дар у человека, Богом дарованный, который помогает ему творить. Вообще, удивителен сам процесс творчества. Миллионы заканчивают институты, а много ли среди них истинных творцов? Ведь главное не то, насколько натуралистично изобразит человек то же яблоко, крынку, горшок. Не этому надо учить, а учить надо *мыслить* и *чувствовать*. По-моему, душа человека, душа художника, творца – это та же губка: она впитывает все видимое, слышимое. И потом душу художник изливает на белый холст. Но если морская губка может впитать абсолютно все, в том

числе и грязь, то душа творца – она должна быть еще и фильтром.

Внимание мое привлек «Автопортрет в зеленой шляпе» (1998). Главное для художника не внешнее сходство, а внутреннее: передача состояния духа, своего мироощущения. Он изобразил себя за распахнутым окном, так, что кажется, будто мы смотрим на него из избы. Сбоку – расшитый рушник. В руках у художника – хлеб, вдали – храм. Но самое главное, что через фигуру художника, через самую душу его идут люди, кони, телеги... Идут непрекращающейся вереницей. Вся Россия через сердце человека, тонко воспринимающего жизнь.

– Естественно, сквозь призму души художника проходит весь мир, но он преображенным ложится на холст, – заметил Дмитрий Сергеевич.

Тогда мне невольно пришли на память пастернаковские строки:

Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенней из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.

– Гениальность художника, – продолжал Дмитрий Сергеевич, – в первую очередь, в его самобытности. Мои картины – это мой язык, моя душа. И всегда в любом творце я ценил его самобытность. Нравятся мне Лентулов, Машков, Филонов, а также Эль Греко и Дюрер, Джотто и Брейгель, Ван Гог и Пикассо, Пиросмани, Кандинский, Шагал, Мария Примаченко. Я уверен, я знаю и чувствую, что эти художники страдали, когда творили, что душа их болела. И я страдаю. И творчество мое – это хождение по мукам. Но зато как сердце поет, радуется, когда самое сокровенное воплощенным в зримых образах ляжет на холст! Считаю, что в этом суть и определение искусства.

Чуть ранее я увидела прикрепленный к двери лист бумаги с нарисованным распятием. Рядом с крестом было написано: «Страдание порождает радость».

– Речь идет о страдании духовном, – заметил Дмитрий Сергеевич. – Оно – светлое, так как дано Богом. Я страдаю, мучаюсь, когда вынашиваю в душе какой-то замысел. И все окружающие предметы, как я уже сказал, дают мне толчок к творчеству. Вот икона, что висит на стене у меня в мастерской, или серп и колосок, – и они тоже наводят на мысли, раздумья о прошлом и настоящем России, о собственной судьбе. На эти предметы я смотрю как на некие символы, за которыми скрывается многоликая, непростая жизнь. Возьмем, к примеру, два табурета. На одном из них сидел влюбленный, на другом – повешенный. Задача художника – показать эти табуреты так, чтобы стало понятно, кто на них сидел. За ними – люди, души их, судьбы. И это должно выйти на первый план...

Можно сказать, что язык художника Кондратьева символичен в той мере, в какой символична сама жизнь. Но, говоря о «символе», Дмитрий Сергеевич вкладывает в это понятие собственное значение, далекое от эстетики какого-либо направления и лишенное мистического подтекста. Символом в его понимании может быть любой предмет, ставший как бы «проводником» мыслей и чувств художника. Но, воплощенные в красках, образы зримого мира причудливо трансформируются, наполняются особым смыслом в соседстве друг с другом. Причем предметы на холсте компонуются не по привычным принципам перспективы, а согласно своим внутренним законам, помогающим «прочитать» заложенный в этом смысл. Одни при этом могут вырасти до огромных размеров, другие, в реальности – крупные, становятся совершенно крохотными. В то же время суть их остается неискаженной. Художник воспринимает мир зрением души, поэтому и цвет на его полотнах несет смысловую нагрузку.

Передо мной картина «На обожженной земле» (1974). На зеленой траве – большие грубые сапоги с кровавыми подошвами, чуть поодаль – топор, металлический чайник. Здесь же хлеб на белой салфетке и лук – обычная крестьянская пища. Эти предметы странным образом приковывают взгляд, наполняют душу неуютным ощущением тревоги. Не развеивает ее, а скорее еще больше усугубляет огромный мрачный храм, который на картине практически соизмерим по размеру со страшными сапогами. Синебелое небо над ним разрывается красными всполохами.

Человека на картине нет, но все изображенное говорит о нем, о его страшной трагедии.

Кровавые огненные события: революции, войны, постепенный распад многовекового уклада жизни, потеря традиций – болью отзываются в сердце художника. Беспощадно вытоптанные поля, голодные разоренные деревни... Крестьянин ушел с родной земли в город. Земля его кровоточит. Некому выращивать хлеб, собираться за самоваром, – его заменил чайник, деталь городской жизни. Что у человека осталось? Вера? Но и ее пытались вырубить под самый корень, вытравить из сердца. И это не чужая трагедия, так как прошлое, по мнению художника, не может не отразиться на нашей сегодняшней жизни. Не даром, указывая в уголке холста дату создания картины, он четверку пишет как бы отраженной в зеркале, наоборот, – мир словно перевернулся.

– Трагично наше прошлое, но и настоящее не менее удручающе, – заметил Дмитрий Сергеевич, обращая мое внимание на картину «Одинокий» (1972-1973). – Вот изобразил я поющего мужика. Все, кажется, очень спокойно: он на гармошке играет, курочки рядом бегают. Но за этим – безысходность и боль. В чем? Однажды был я с фольклористом в одной деревеньке. Убогие домишки, усталые, угрюмые люди. Местный гармонист охотно согласился исполнить нам частушки, сел на завалинку и заиграл. И как душевно запели они со старушкой! Как замечательно! Пока пел, в глазах его была радость. И вроде как и не печалился он, что дети ушли от него в город, не осознавал той убогости, что вокруг него. Божий цветок, и то растет. А человек этот вянет, обездоленный, раздавленный вакуумом. Какое ему дело до искусства, до духовности? Волна снегопада засыпала его... Горько мне стало и за него, и за детей его, и за всех нас, обманутых псевдокультурой, о корнях своих позабывших... С шестьдесят первого года творю. Меня ругали, пытались сказать, что это антисоветское искусство. Естественно, на выставки не брали те работы, которые мне бы хотелось выставить. Стремились, как говорится, взять яблоко, чтобы было похоже на яблоко. Да еще слышал: «Вот, он картины как блины печет...» А мне оставалось лишь верить в самого себя и творить с Божьей помощью. Мои работы – воплощение веры, ведь без нее ничего нельзя создать, никаких преград не преодолеть. А они в этом мире на каждой дороге... Во сне не мог бы представить, что когда-нибудь выйду в Европу со своими работами. В восемьдесят восьмом году итальянцы увезли две картины: «Натюрморт», вполне, на мой взгляд, реалистический, но здесь почему-то на выставку не попавший, и «Кони Патрокла», один из вариантов.

Чуть раньше я обратила внимание на картину «Кони Патрокла» (1987), стоящую поодаль: четыре гордых белых коня печально смотрели на своего погибшего хозяина, храброго Патрокла, который лежал рядом, на земле. Неудивительно, что художник постоянно возвращается к этой теме. «Звуконогие», как назвал их Гомер, кони – бессмертны. Для Дмитрия Сергеевича они – символ творчества, Божьего дара. За их спинами – крылья.

– Может, это крылья, а может, и колесницы, – заметил худож-

ник. – Вот и Патрокл, простой смертный, через своих коней обретет бессмертие. По сути, бессмертен и человек, которому ниспослан Божий дар творчества. «Кони Патрокла» сразу привлекли внимание итальянцев... Есть мои картины и в других странах. Но такой сказки, как поездка в Германию, пожалуй, больше не было. Тогда меня многое поразило: идеально чистый вокзал, отсутствие толкучек и очередей у касс, культурно обслуживающий персонал. Все было так непривычно! Но главное, конечно, другое – это, в первую очередь, прекрасное, теплое отношение коллег. Германия буквально окрылила. Меня приняли как Художника из России. Меня поняли... Поездка эта состоялась в девяносто третьем году, после организованной в Новгороде моей первой персональной выставки. Потом прошло еще несколько, все в Новгороде... До этого было, конечно, очень сложно. А как выжил? Наверное, художник подобен дереву. Сперва маленькое семя падает в почву, потом его поливает дождь, и вырастает дерево, и крепнет. Я почувствовал, что начал расти, когда прочитал – уже в зрелые годы – и принял в свою душу Пастернака, Булгакова, Платонова, Солженицына, этих величайших творцов нашего века. Это было как раз то, чего жаждали в то время ум и сердце. Внутренне близки мне Пушкин, Лесков, Чехов, Достоевский, Клюев. Они всегда укрепляли меня в моей вере, помогали ни на минуту не забывать о своих корнях. Гибнет то дерево, которое не находит пищи от почвы своей.

Есть у Дмитрия Сергеевича картина «Окаменевшее дерево» (1997). Почти во весь холст – окно, перед ним – маленький храм, из которого растет огромный алый тюльпан – олицетворение скорби, а за храмом – одинокое безжизненное коричневое дерево. Таинственное окно словно делит пространство надвое, рождая странное двоякое ощущение: с одной стороны, будто кто-то невидимый смотрит на нас через него оттуда, извне, – ведь и храм, и тюльпан, и дерево находятся здесь, перед окном; с другой – будто мы сами заглядываем в глубины неизведанного. Но за окном небо – черное, земля – синяя, словно и нет жизни вокруг... И разве не подобен этому скорбному дереву тот же несчастный деревенский мужик, раздавленный существующей реальностью, не осознающий своей моральной гибели, и его ребенок, оторвавшийся от родной почвы, ушедший из деревни в каменный город? Это и мировое древо – все наше страдающее поколение, забывшее о своих корнях... Нет на дереве ни плодов, ни листьев. Почва сухая, мертвая. Но существует надежда, что Бог не даст ему погибнуть – пошлет спасительный дождь. Помните – у Клюева:

Я – древо, а сердце – дупло,
Где Сирина-птицы зимовье,
Поет он – и сени светло,
Умолкнет – заплачется кровью.

Бередят глухие листы, –
В них ощет, анчарные соки,
Но небо затеплет кресты –
Сыновности отблеск далекий...

– А может быть, художник – это та же птица, сперва маленькая и беззащитная, а потом сильная и свободная. Снег падает, падает, а крохотному птенчику нужна травка зеленая. Вот так же и душа человека – постепенно крепнет, питаясь пищей духовной, закаляется в невзгодах, тиранстве, а потом, как взрослая птица, летит, не ведая никаких преград.

Время от времени Дмитрий Сергеевич поворачивает ко мне все новые и новые холсты, – некоторые из них я раньше видела на выставках, – и передо мной встают отголоски его детства, проведенного в глухих сибирских деревнях, юности, нашей многострадальной действительности. И в каждой работе – боль... Боль за Россию, потерянную, но Россию, которая еще воспрянет, поднимется – в картинах Дмитрия Сергеевича обязательно есть надежда. Если мы идем к Храму и путь наш осенен верой в добро и справедливость, то никакая преграда, считает Дмитрий Сергеевич, не сможет остаться непреодоленной. У него есть картина, которая так и названа – «Дорога к Храму. В гору» (1999). Маленькая лошадка тянет телегу в чудовищную гору – такую огромную и, на первый взгляд, непреодолимую, что дух захватывает. На самой вершине этой горы – храм. Сорвется телега, подомнет своими колесами двух беспомощных людей? Или не так уж они слабы и осилят эту гору? Это же мы сами, наша жизнь, наш путь, безумно тяжелый, но, к счастью, не безнадежный.

– Храм на моих картинах, – замечает Дмитрий Сергеевич, – это символ всего светлого, что есть в душе человека. Это его надежды и устремления, утешение в страдании. Он может быть совсем маленьким, изображенным где-то вдали или на горе, но он помогает раскрыть общий смысл картины. Я никогда не пытался написать один храм. Должно быть, еще не созрел. Для этого нужно быть осененным особой Божественной благодатью. Один-единственный художник, которому эта благодать была дарована, – это Семен Иванович Пустовойтов. Кто еще смог бы написать так Божий храм?! Перед его искусством я преклоняюсь.

Я невольно обратила внимание не другое полотно Дмитрия Сергеевича – «Молящийся» (1972). Словно церковь Двенадцати апостолов «на пропастех», храм на картине. Под ним, в земле, черепа. Церковь эта – олицетворение православной России, претерпевшей все беды и страдания: войны, болезни, мор, междуусобицы, гонения. Перед храмом молится коленопреклоненный крестьянин. На заднем плане – странное сине-зеленое лицо с лукавым глазом.

– Это та сила, порою добрая, порою – не очень, которая Россию охраняет. Ведь и душе русской присуще и добро, и зло. Но добро, естественно, прежде всего, – пояснил Дмитрий Сергеевич.

Рядом с крестьянином – змей – те искушения, которые неотступно следуют за человеком. В этом плане крестьянин, изображенный словно на каком-то возвышении, подобен столпнику, молитвой за Россию отводящему от нее искушения.

Видно, такая судьба у России – страдать и возрождаться из пепла, подобно птице Феникс. А в судьбу Дмитрий Сергеевич верит. Иначе как объяснить, что сибирский парень, который и мечтать не мог, что когда-то его картины будут с восторгом приняты в России и за рубежом, преодолев все преграды, станет художником; что его произведения будут экспонироваться на областных, зональных, всероссийских выставках; что, став членом Союза художников в те времена, он сможет сохранить свою самобытность и стремление к высшей духовности.

Действительно, жизненный путь непредсказуем. Родился в двадцать восьмом году в Кемеровской области. Смутные воспоминания первых пяти лет жизни – леса, поля, дороги, машина или телега, на которой его возили из села в село. Порою, когда лошадь замедляла шаг, умудрялся спрыгнуть с телеги и убежать, сверкая босыми пятками, куда-нибудь в поле: так утомительны были постоянные переезды. Дело в том, что его отец был председателем Райисполкома, руководил работами в селах, где рыли котлованы, организовывал коммуны в разных уголках Сибири и поэтому возил семью с собой. В каждом селе имели достаточно хороший дом, были сыты, одеты. Можно даже сказать, жили лучше других. Так, в одном селе у соседской собаки, обычной дворняжки, родились щенки. Митя ходил играть с ними, и ему очень хотелось взять одного маленького щеночка себе. И тогда соседи попросили, чтобы он носил хлеб, – они смогут выкормить собак и одну подарят ему. Мальчик носил хлеб из дому, но, вероятно,

его ели сами люди, потому что время было голодное. Когда родители узнали, что сын выкармливает соседских щенков, то однажды подарили ему настоящую овчарку. Какая была радость! Но хлеб для соседских собачат Митя тихо носил по-прежнему.

Другое воспоминание связано с новым селом. Из всех достопримечательностей были там разрушенная мельница да огромная, с двухэтажный дом, загадочная бочка, которая, словно магнитом, притягивала ребят. В бочке этой когда-то дубили кожу. Но больше всего Мите нравилось чудесное синее озеро-котлован, а также бескрайние поля, хлеба, горы и какие-то интересные зверьки.

Но не все было так просто и беззаботно. В тридцать шестом году отца сослали на Колыму. И, конечно, не знал тогда Дмитрий, что долгие годы придется ему прожить с клеймом сына «врага народа». Позже вспомнил он слова отца, обращенные к матери перед самым арестом: «Спрячь икону. Спрячь и храни ее...» Была у них прекрасная старинная украинская икона-складень – Спас, лик в позолоченной раме. Еще бабушка Дмитрия дала ее своей дочери, матери его, чтобы хранила она семью. Так и берегли ее потом тайно всю жизнь.

Трудно пришлось матери, Анне Поликарповне. «Страдалица она была, мученица, труженица великая. Сама из семьи сосланных. Нас, детей, как птица крылом, пыталась защитить. Если бы не несчастья, было бы нас у нее пятеро...» Но перед самой войной, в мае, умер младший братик Мити, Гена, а в сорок четвертом ушел на войну старший, Михаил.

В сорок четвертом году мать отправляет Дмитрия в Красноярск, к тете, а сама уезжает с дочерьми на станцию Тяжин, что по железнодорожной ветке Москва-Владивосток. И как-то так получилось, что трудно было потом сыну встречаться с мамой и сестрами. Жила Анна Поликарповна до самой смерти на этой глухой сибирской станции. Почти каждый вечер выходила на вокзал и ждала прибытия поезда – а вдруг приедет кто-то долгожданный? А вдруг? И когда в пятьдесят шестом году она умерла, Дмитрий приехал, но уже проститься с ней. «Господи, как было тяжело мне, – рассказывает Дмитрий Сергеевич. – Помню, ушел в день ее похорон в лес и плакал там. И печаль эта осталась на всю жизнь. И страдание в душе до сих пор...»

Тогда он учился на первом курсе Казанского художественного училища. Когда ехал туда поступать, мать дала благословение. Писал он ей письма и все хотел приехать, но не успел. «Вот оно, колесо. Красное, кровавое. И отца оно замяло, и ее».

Снова, в который раз, врывается в память художника воспоминание... Вот он, четырехлетний мальчик, ждет родителей с сенокоса. Сейчас войдут они в дом, принесут запах свежескошенных трав, – отец, крепкий, загорелый, и мама – такая светлая, смеющаяся. У нее в руках – чашечка ароматной лесной земляники для сына. И вчера была земляника, и завтра тоже будет. Каждый день во время сенокоса.

Какой звонкий у матери смех! Но странно... Он не помнит ее глаз. Должно быть, тогда они смеялись и излучали счастье. Ведь в то время все еще были вместе – и дети, и родители, а это уже само по себе великое счастье. Но в памяти Дмитрия Сергеевича мама осталась другой – с выплаканными глазами и печальным взглядом, обращенным будто в глубину своей страдающей души. «За что ей такие страдания? За что вся тяжесть легла на ее плечи?..»

В 1999 году Дмитрий Сергеевич написал картину «Земляничка». Словно явленные из далеких снов, в которых возможны любые превращения и даже наложение временных пластов, – образы босого светлоликого мальчика в белой рубашке с чашечкой земляники в руках, такой свежей, что хочется ее попробовать, и седовласой согбенной женщины рядом. Взгляд ее обращен в землю, руки опущены. Над ними, на фоне сине-голубого неба – огромная ласточка, такая огромная, какая может явиться лишь во сне. Она осеняет душу мирной благодатью. У ног мальчика – толстая курица. Вдали, на зеленом лугу, рядом с храмом – хлебопашцы.

Но кто она, эта изнуренная добрая женщина? Почему рядом с ней так спокойно и надежно? И хочется закричать сквозь сон: «Мама!» И, проснувшись, увидеть ее рядом.

Но время невозможно повернуть вспять, и судьбу вряд ли изменить. Однако в трудностях и невзгодах душа Дмитрия Сергеевича закалялась, и шло его формирование – как человека и художника. А ведь художником-то он быть вроде как и не собирался. По крайней мере, не думал об этом, не строил специальных планов. Вообще, у меня создалось впечатление, что Дмитрий Сергеевич шел по жизни, как очарованный странник, словно ведомый своей таинственной звездой и охраняемый Богом.

– Господь меня берег, берег всегда, – говорит Дмитрий Сергеевич. – Взять хотя бы мою службу в Маньчжурии. Попал я туда в сорок пятом году из Красноярска, совсем мальчишкой. Это было единственным на тот момент выходом: кругом голод, нищета. До этого была школа младших командиров, куда помог меня устроить генерал, который жил у тети на квартире. До пятьдесят второго года прослужил в армии. Называли меня сыном полка. Когда попал в штаб, понятия не имел о войне. И, видно, это судьба, что жив остался. Был такой случай: шел вторым эшелоном, в контрразведке. Однажды, при отступлении, забыл в палатке планшет с документами, а уже порядком от того места отошли. Спохватился и признался своему командиру. Но тот, естественно, рассердился, пригрозил трибуналом: дело-то серьезное. Приказал мне взять коня и скакать за документами. А ехать надо было по бамбуковой роще – красота неописуемая! Так я скакал и любовался. Схватил документы и только потом опомнился: ведь видел, как погибали от шальной пули люди из нашего полка.

Ну не очарованный ли странник?..

– Военным я быть не хотел, – продолжает Дмитрий Сергеевич. – Мечтал учиться, а юность проходила. В армии при штабе рисовал карты, стенгазеты, оформлял «красный уголок». И так мне это нравилось! Еще в детстве, помню, рисовал старшему брату в школе стенгазеты. Когда в пятьдесят втором году демобилизовался, шинельку спрятал подальше и достал... краски. В этом же году поехал к своему двоюродному брату в Сталинск (Новокузнецк). Он работал на металлургическом комбинате машинистом. Мог бы и меня устроить. Но мне хотелось рисовать. Решил пойти в театр художником-оформителем. Пришел туда и говорю: «Хочу работать». «А что, давай. Только конкурс надо пройти». Ну, поставили розетку, нарисовать ее надо было, вылепить. Никаких абсолютно проблем. А потом несколько лет по готовым эскизам раскрашивал декорации. И все...

Но и здесь судьба столкнула с интересным человеком – с главным художником театра, который закончил Казанское художественное училище. Туда и решил поступать Дмитрий Сергеевич.

1956-1961 – это годы учения в художественном училище Казани. Вечерами подрабатывал – разгружал вагоны. Училище, несомненно, дало очень многое. На курсе учились талантливые ребята, единомышленники.

– Мы, – говорит Дмитрий Сергеевич с улыбкой, – имели очень интересный вид в пятьдесят шестом году: отрастили длинные волосы, носили узкие брюки. Шутили, что и пыль не заметаем штанинами, и материал экономим. Почему так выглядели? Ну, может быть, протест это был определенный молодых художников. Хотелось, должно быть, выделиться.

Многое, естественно, и не устраивало. Никак не мог Дмитрий смириться с формальным подходом к обучению: никакой свободы самовыражения. Вспомнил он один случай, произошедший на третьем курсе. Было обычное учебное задание: писали портрет девушки. К его мольберту подошел преподаватель, посмотрел, потом взял кисть и розовой красочкой стал что-то на портрете подправлять: «Вот как должно быть». Когда преподаватель отошел, Дмитрий перевернул холст и маслом, голубой краской, написал по-своему. Это был протест, за который его чуть было не исключили из училища.

– Сам удивляюсь, как смог выжить в такой обстановке, откуда в душе это неприятие косности. Можно ли было со спокойной душой выполнять однотипные задания, не выходя за поставленные рамки, продиктованные тем непростым временем? Да, безусловно, художник живет во времени, невольно отражает его в своем творчестве. Но какое это вообще творчество, какое искусство, если в нем самое сокровенное не отражено? Ведь времена меняются, а душа остается. Я уже тогда искал свои средства выражения, и сейчас этот процесс продолжается.

Однажды, уже в девяностые годы, жена спросила художника: «Дима, что такое, по-твоему, искусство?» – «Что такое искусство, – не знаю. Но «неискусство» – это то, что точно направлено по адресу».

– Жена моя, Людмила, всегда меня понимала и поддерживала. Все трудности мы с ней вместе преодолевали. Она удивительно добрая и чуткая. Благодарен судьбе, что мы с ней встретились. Впервые я увидел ее зимой шестьдесят первого в Доме отдыха под Казанью, куда приехал по бесплатной путевке. Людмила, тогда студентка Казанского авиационного института, тоже отдыхала там. Помню, боялась она скатиться с горки на лыжах. Я ей помог. Потом встретились в столовой – она сидела скромно одетая, милая. Так и зову ее до сих пор – Мила... Поженились мы сразу после моей защиты, летом шестьдесят первого, и уехали по распределению в Самару.

Несколько лет после окончания училища были, по словам Дмитрия Сергеевича, годами поиска, когда душа рвалась к чему-то новому. В 1967 году он принимает решение поехать в Москву, поступать в Строгановское высшее художественное училище. Но так получилось, что уже в Москве Дмитрий меняет свое решение и поступает в полиграфический институт на факультет книжной графики.

– Теперь трудно сказать, почему я выбрал именно этот институт. Скажу только, что я ни разу позже не жалел об этом, так как именно это учебное заведение отличалось свободой преподавания. В эти же годы я нашел свои средства выражения. Здесь, на мой взгляд, оформился именно мой язык...

В то время художник много ездит по стране, бывает в разных городах: Салехарде, Тобольске, Владимире, Пскове, Таллине, Петрозаводске, даже на Соловках. Они с женой еще и представить не могли, что окажутся в Новгороде.

– В 1969 году переехали мы в Новгород. Тогда трудно было получить жилье, тем более художнику. Здесь поселились в крохотной комнатке. Со временем, естественно, все решилось: появилось и приличное жилье, и, главное, мастерская.

В это время художник пробует себя в разных художественных техниках: пишет маслом на холсте, работает в технике коллажа, выклеивая поверхность изображения газетами с передовыми статьями («Хлеб и металл», 1974-1975; «Пролетарка», 1978), за что, естественно, вызывается в соответствующие органы. Он не боится высказывать свои взгляды, часто страдая за это. Особо интересны несколько портретов, на которых запечатлены образы близких ему по духу людей: Василий Белов изображен в виде крепкого мужика, одетого в грубую деревенскую рубаху, – Дмитрий Сергеевич выклеивает его фигуру мешковиной («Портрет Василия Белова», 1973), в рубахе из мешковины изображает он и своего друга, художника Алексея Аникиёнка. От края до края картины, через всю фигуру художника, протянута сеть. В груди у него зияет рана. («Художник», 1974).

– Как же его травили, притесняли при жизни. Никакой человек не выдержал бы, – говорит Дмитрий Сергеевич. – Он очень страдал...

Светлой памяти всех без времени ушедших, погибших и на Колыме, и во всех уголках огромной России, и, в первую очередь, – памяти отца, посвящена другая работа Дмитрия Сергеевича Кондратьева – «Похороны собрата» (1971). Она написана маслом на доске, в центре которой выдолблено углубление – словно умерший человек погружается в землю. Рядом – две похожие друг на друга скорбные человеческие фигуры, изнуренные каторжным трудом. Лица их мертвенно бледны, в глазах – безумное глубокое страдание. И они, эти люди, почти уже поглощены страшной мрачной действительностью, которая их сжимает, не дает свободно дышать. Изображенная рябиновая веточка словно придает картине горьковатый привкус невосполнимой человеческой утраты.

Картина обрамлена тяжелой металлической цепью. В самой доске – несколько металлических колец. В одном из них – настоящий колосок...

В начале 1990-х годов художник создает серию офортов. Это иллюстрации к произведениям Андрея Платонова «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море», а также офорты «Русалка», «Адам и Ева».

Он никогда не отчаивался от того, что часто оставался не понятым.

– Главное – нести в мир добро и справедливость, никогда не очерстветь душой и всегда быть чутким к чужой боли. Кто-то очень хорошо сказал, что содрогание о зле – высшая форма нравственности, – заметил Дмитрий Сергеевич.

Художник переживает лишь о том, что не может выразить в творчестве все, что чувствует. Ни на минуту не прекращается творческий процесс – ни в мастерской, ни за ее стенами. Любые внутренние перемены, новые мысли он стремится запечатлеть на холсте. Порою рождаются целые серии картин, объединенные общими мотивами. Причем, если работа идет над новым полотном, Дмитрий Сергеевич постоянно вносит определенные изменения даже в те картины, что написаны много лет назад, убирая либо добавляя какие-то детали или предметы, даже меняя цветовые соотношения. То исчезнут или словно вырастут деревца у самой кромки неба, то в крынке, в которой больше нет молока, появится скромный полевой цветок, а в небе, словно сотканная из облаков, возникнет и пролетит над тихой деревней то ли птица, то ли чья-то душа, то еще ярче засияет купол деревенского храма... Поэтому вряд ли можно найти картину, которая осталась бы неизменной с момента своего создания. Она живет, преображается, как и сам ее творец. И в каждой – столько же глубинного света и благодати, боли за всю Россию и содрогания о зле, сколько и в душе редкого дара Человека и Художника, Дмитрия Сергеевича Кондратьева.

Владимир ЯРЫШ

СКАЗ БЕРЁСТОВЫХ СТРОК*

Фрагмент прочерченного орнамента на бересте. XII в. Археологический отдел Новгородского государственного музея. Фото Е. Гордюшенкова

Метко и емко народное слово. Вот и в пословице: «Кабы не лыко, да не береста, так бы мужичок рассыпался», – тонко подмечена жизненная важность для человека древнего искусства изготовления практичных и красивых вещей из березовой коры, называемой в народе берестой, бересткой или берестечком! Удивительно хорошо кора березы приспособлена к ремесленному творчеству. Кто, когда и в какой стране впервые создал «рукотворную» вещь из березовой коры, мы можем только догадываться.

В музее норвежского города Тронхейма хранится корпус берестяной коробейки или туеска (!), возраст которой, по определению археологов, около 2490 лет[1]. В великом Новгороде древние берестяные экспонаты находят в слоях только X-XV веков нашей эры. К счастью, это не единичные предметы. К тому же наличие берестяных находок, начиная с X века, не означает, что до этого периода у русских ничего не было. Известный новгородский археолог Б.А. Колчин отмечает, что к «концу X в. прикладное искусство Руси пришло с большим запасом художественных образов, со своим стилем орнаментики, со своими техническими и конструктивными приемами»[2]. Скорее всего, русское прикладное творчество развивалось до этого еще век или два.

С конца ледникового периода береза одна из первых широко распространилась по нашей земле. Это дерево является доминирующей породой во всем так называемом субарктическом поясе, то есть в северной части Европы, Азии и Америки[3]. Народы разных стран, населяющие эти территории, широко использовали березовую кору в домашнем хозяйстве. Можно сказать, что береза играла важнейшую роль в ежедневном выживании у многих народностей, настолько широко она использовалась. Россия, Белоруссия, Латвия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Северная Америка – вот те страны, в которых берестяное творчество успешно развивается на протяжении веков.

Какие же качества бересты привлекли такое пристальное внимание древних умельцев? Издавна было замечено, что береста не боится влаги и обладает антисептическими свойствами. Клетки березовой коры содержат жирную восковую кислоту «суберин». Это вещество делает кору гибкой, водонепроницаемой и стойкой к умеренным кислотам и маслам. Суберин не растворяется в воде и спирте. Также береста содержит высокий процент другого вещества, которое называется «бетулинол», делающий ее антисептической и стойкой к микроорганизмам[4]. Второе качество чрезвычайно полезно для хранения еды и других скоропортящихся продуктов. Уместно заметить, что, когда некоторые современные мастера делают что-нибудь из бересты с использованием клея или фанеры, они сводят на нет природные преимущества бересты.

Береста поддается декорированию различными приемами. Ее можно расписывать красками, прорезать ножом. На ней можно теснить что-то штампами, расчерчивать шилом, выскребать рисунок острым инструментом. Этот материал доступен, приятен в работе. Он до сих пор одинаково привлекателен, если не сказать больше, для всех народностей, которые проживают в зоне распространения березовых лесов. Современным берестяным творчеством занимаются мастера как раз в тех странах, в которых этот материал получил распространение с древнейших времен, где береза растет в неограниченном количестве.

По подсчетам ботаников, всего на земном шаре найдено более 100 видов берез. На территории России и ближнего зарубежья, например, согласно сведениям из дендрологических справочников, произрастает 73 вида березы. Это и высокоствольные и низкоствольные, белокорые и темнокорые березы, а также низкорослые и карликовые виды[5]. В европейских смешанных лесах распространены всего два вида: пушистая и повислая белокорые березы. Оба этих вида занимают здесь огромные площади[6]. Для работ по бересте больше всех подходит гладкая без трещин кора березы «пушистой».

Можно разделить берестяное творчество всех народов на два полюса. С одной стороны, это североамериканские индейцы, которые никогда не плели из бересты, а использовали ее листы, сшивая корнями кедра, ели или американской липы, и, с другой стороны, – русские, которые в основном изготовляли плетеные берестяные изделия. Все остальные народы как бы укладываются между этими полюсами. Например, народности Сибири, как и индейцы, делали свои изделия только из пластовой бересты, а скандинавы, прибалты, белорусы, народности Поволжья, как и русские, в основном занимались плетением. Поэтому очень много похожего у индейцев с сибиряками, а у русских с остальными «берестяными» странами. Но есть и свои национальные особенности, которые отличают изделия по форме и внешнему оформлению. У индейцев это берестяные сшивные коробочки, декорированные иглами дикобраза или волосом американского лося, которые нигде в мире больше не встречаются. Основы коробочек с иглами дикобраза, чаще круглые, сшивались корнем канадской ели или липовым лыком. Часто края таких коробочек оторачивались пучком «сладкой травы», которая также пришивалась корнем или лыком. Эта трава, даже сухая, долго распространяет стойкий сладкий приятный запах. У русских – многочисленные древненовгородские берестяные грамоты или конструкции туесков с использованием сколотня – берестяного цилиндра, снятого целиком со ствола дерева, – и интересной крышкой, которая позволяла переносить туесок за ручку. А также неповторимые великоустюжские коробочки с прорезной берестой, клееные на деревянной основе, с использованием разноцветных тканей или слюды в качестве фона. В Сибири это прекрасные якутские, сшитые конским волосом и разукрашенные подвесками из бисера, металла, бус, лоскутами сукна или кусочками меха, короба. В Швеции – оригинальные коробки для масла, сшитые корнем из отдельных берестяных частей. В Финляндии – особые конструкции туесков с наглухо вделанными деревянными дном, верхом и отверстием для пробки.

* Фрагмент из будущей книги "Сказ берёстовых строк", готовящейся к изданию в издательстве "Владос" г. Москва. Научный руководитель доктор педагогических наук, профессор Т.Я. Шпикалова

Береза поистине универсальное дерево. Трудно найти какую-нибудь область крестьянского быта на Северо-Западе России, где бы не использовалась береза и производные от нее материалы. Она шла на дрова и на приготовление дегтя, на банные веники и музыкальные инструменты. Здесь огромное расстояние от нарочито потребительского отношения к дереву как к обычным дровам, до поэтического обожествления как объекта культового поклонения. Эти уникальные свойства дерева были замечены многими народами, в культуре которых береза также заняла одно из почетных мест.

Для американских индейцев, например, белая береза была поистине волшебной кладовой. Береза влияла на их жизнь от колыбели до могилы. Перечисление образцов, которые делались из бересты народами России и индейцами до последнего времени, как и в прошлые времена, могло бы быть невероятно длинным, так как формы, в которые надлежащим образом обработанная береста могла превратиться, почти безграничны. Мы попробуем сопоставить перечни употребления бересты у россиян и североамериканских индейцев (территория Новой Англии в США)[7].

Народы России	***Индейцы***
Обувь:	
Лапти	-
Ступни	-
Ботинки	-
Сапоги	-
Стельки и задники для обуви	-
Одежда:	
Куртки	-
Плащи	-
Шляпы	-
Посуда:	
Чаши	Чаши
Ложки	Ложки
Ложечники, короба для хранения ложек	-
Ковши, черпаки	Ковши, черпаки
Воронки	Воронки
Чайники	Чайники, котелки
Солонки	-
Туеса со сколотнем	-
Горлатки, бутылеобразные сосуды	-
Жилище:	
Двери	Двери
Покрытие крыш, чумы	Вигвамы
-	Дымовые отверстия
Изоляционный материал (под срубы, оконные рамы, обворачивание бревен при вкапывании)	-
Воинские принадлежности, охота, рыболовство:	
-	Доспехи
Колчаны для стрел	Колчаны для стрел
Охотничий манок	Манок на оленя, ондатру
Поплавки, грузила	-
Медицина:	
-	Бинт
-	Гипсовые повязки для лечения переломов
Деготь	Лекарство
Почки	-
Березовый сок	-
Ритуал:	
-	Похоронные дроги
-	Тотемы, предметы религиозного поклонения
Шаманский коврик	-
Вторичное использование предметов обихода как ритуальных: лапти, солоницы, веретена (березовые).	-
Береза как предмет поклонения в некоторых обрядах и праздниках народного календаря (Семик, Троица).	-
Музыкальные инструменты:	
Пастуший рожок	-
Владимирский рожок	Свирель, дудка
-	Барабаны
Утварь:	
Табакерки, тавлинки	-
Чаши под жернова	-
-	Берестяные коробки, инкрустированные иглами дикобраза
-	Берестяные коробки, расшитые волосом американского лося
Кипячение воды и варка еды в берестяной посудине при помощи раскаленных камней	Кипячение
Корзины	Корзины
Подстилки у лежанки	-
-	Постельные принадлежности
Лукошки	-
Коробки	Коробки
Ведра	Ведра
-	Облицовка тайника
-	Каноэ
-	Паруса
-	Полог, навес
-	Колыбели
Куклы	Куклы
Краски	Краски
-	Емкости для хранения красок
Вееры	Вееры
Дрова	Дрова
Материал для растопки печи, костра	Растопка, трут
-	Факелы
Грамоты, книги	Письма
Футляры для книг	-
Географические карты	Географические карты
-	Подстилки для скота
-	Котелки и конуса для сбора кленового сока
-	Емкости для сока
Сумки	Сумки
Заплечные короба для переноски тяжестей	Заплечные короба для переноски тяжестей
Короба для хранения продуктов, вещей	Короба
Севалки, большие лукошки для посева зерен	-

-	Мясные сумки
Сúто	-
Циновки	Циновки
Шаркунки, болтушки	Погремушки
-	Подушки
Лопаточники: чехлы для косного бруска	-
Деготь как смазочный материал	-
Мячи	-
Оплетение глиняных горшков	-
Оплетение стеклянных бутылок	-
-	Оберточный материал
Плетеные трости	-
Рукоятки для ножей	-
Детали кожаных ножен	-
Маточники: коробки для отсадки пчел	-
Скворечники	-
Веревки	-
Крепежные бандажи	-
Банные веники	-

Насколько полно народы России и американские индейцы использовали возможности бересты, можно судить по этому далеко не полному списку. Он был бы, возможно, более исчерпывающим, если бы индейцы, как мы уже говорили, использовали бересту и как плетельный материал.

Когда в начале XVII века первые переселенцы из Европы в Северо-Восточную Америку прибыли в расположение индейцев, то, по свидетельству очевидцев, они застали последних в расцвете культурного периода «Охоты за березовой корой»[8]. Можно сказать, что на русском Севере период «охоты за березовой корой» длится вот уже, как минимум, десять веков. Если добавить к этому списку какие-то особые способы использования бересты в скандинавских странах, мы будем иметь почти полную картину мирового применения этого удивительного материала.

Народное искусство по своей природе консервативно. Многие его формы на протяжении столетий не изменялись или менялись очень медленно и незначительно. Например, в современной крестьянской среде Новгородского края можно встретить образцы изделий, которые успешно делали мастера в древнем Новгороде. Это можно проследить на экспонатах музеев Новгородской области. Так некоторые формы туесов, которые изготовлялись мастерами в XIII-XIV веках в древнем Новгороде, продолжали делать крестьяне в Новгородской губернии и в XIX веке. Туесок XIX века из деревни Теребутицы Новгородского района, который хранится в новгородском музее, по конструкции такой же, как и многие из археологических раскопок. И еще один пример. В новгородском музее хранится сумка, сплетенная из липового лыка и оплетенная снаружи берестяными лентами. Она была сделана мастером в городе Новгороде в период до XV века. Такого же типа сумка, сплетенная в начале XX века, хранится в районном музее города Малая Вишера Новгородской области. Наверное, можно найти и другие примеры.

Известно, что люди в древнем Новгороде ходили в кожаной обуви, а лапти появились гораздо позже. В археологических раскопках первый берестяной лапоть обнаружен в слоях только XV века. Но археологи предполагают, что лапти получили широкое распространение в городской среде только с XVII века, хотя и существовали прежде локально как крестьянская рабочая обувь на протяжении нескольких веков[9]. А плели ли вообще берестяные изделия в Новгороде до этого периода? Безусловно, плели, что подтверждается наличием в музее многих заготовок берестяной ленты и двух костыгов – основных инструментов плетельщика XIII–XV веков. Все же большинство экспонатов – это фрагменты изделий из пластовой бересты: туесов, лукошек и коробов, но по остаткам плетеных фрагментов можно предположить, что плели лапти, сумки и заплечные короба. Много в музее рыболовных снастей, поплавков и грузил, изготовленных с использованием берестяных лент. Есть даже берестяные изделия, применение которых не могут объяснить исследователи до сих пор.

Приводятся и очень спорные выводы по использованию березовой коры в древнем Новгороде. Г.Н. Бочаров в книге «Прикладное искусство Новгорода Великого» пишет: «Стены комнат иногда украшались расписными берестяными обоями» и дальше поясняет, как они выглядели и как хорошо сочетались с ними «стоявшие у стен узорные скамьи»[10]. И действительно, эти «многочисленные» расписные листы найдены были на Неревском раскопе, самом результативном по находкам расписных берестяных фрагментов до настоящего времени. Любой археологический предмет, попав в музей на хранение, должен быть как-то объяснен и назван (если не удается сразу определить его назначение), чтобы последующие исследователи от чего-то могли оттолкнуться. Поэтому берестяные фрагменты условно были названы обоями. Но, например, по устному свидетельству одного из ведущих археологов новгородской экспедиции Елены Андреевны Рыбиной, ни о каких берестяных обоях в древнем Новгороде говорить не приходится за неимением таковых. В книге Бочарова никак не объясняется способ соединения берестяных листов и крепления их к стене в виде обоев, и это тоже доказывает несостоятельность таких выводов. Скорее всего, эти фрагменты были внешней декоративной обшивкой коробок. Было найдено всего лишь «19 обрывков бересты от стенок коробей»[11]. В основе их оформления – геометрический орнамент, состоящий из полос, волнистых линий и плетенок. Цвета – черный, красный, коричневый, синий и светло-желтый. Размеры фрагментов невелики: 27x25, 27x9, 18x17, 22x8 см и т.д. В музейных описях эти фрагменты действительно значатся как обои.

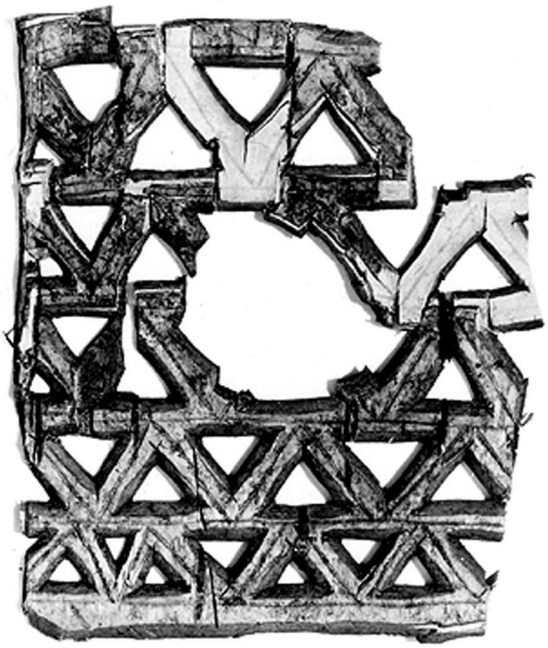
В древнем Новгороде большое развитие получила художественная резьба по дереву. В археологической коллекции музея хранится множество ножей, топоров и других инструментов для обработки дерева. Рукоятки у таких ножей часто делались из бересты. Овальные или круглые небольшие пластинки бересты плотно нанизывались на штырь с противоположного конца от лезвия и потом заклепывались. После этого ручка обтачивалась по форме. Ножны для ножей делали из кожи, но в месте, где лезвие могло прорезать кожу или сшивавшие кожу нитки, прокладывалась и прошивалась вместе с кожей толстая полоска бересты.

Из толстой берестяной полоски делали также стельки и задники для кожаной обуви. А рыболовным поплавкам и грузилам, сделанным с использованием бересты, нет счета. Если поплавки – это просто свернутые в баранку толстые полоски бересты, то грузила даже по-своему красивы. Берется булыжник шириной семь-восемь сантиметров, обвязывается крест-накрест берестяной лентой с тем расчетом, чтобы обхватить по окружности круглую обечайку, согнутую из ивового прутка, и в местах, где лента идет между булыжником и обечайкой, прошивается корнем сосны или елки.

Особняком в этом берестяном творчестве стоят знаменитые новгородские берестяные грамоты. Они не являются непосредственно продуктом ремесла и интересны прежде всего как уникальный факт использования природного материала в качестве материала писчего. В настоящее время количество грамот, датируемых X-XV веками, стремительно приближается к 1000 экземплярам. Первая грамота была найдена в Новгороде в 1951 году на Неревском раскопе. С тех пор по 1995 год единичные грамоты были найдены в Старой Руссе (26), Пскове (8), Смоленске (15), Витебске (1), Мстиславле (1), Твери (2), Москве (1) и Звенигороде Галицком (3)[12]. Грамоты – это небольшие обрезки бересты, большинство из которых укладываются в размеры 15-40 см в длину, 2-8 см в ширину. Буквы выцарапывались острием специального металлического или костя-

ного, изредка деревянного, инструмента на внутренней, обращенной к стволу, темной и более мягкой стороне бересты[13]. Перед написанием бересто проходила соответствующую обработку. Ее варили в воде, после чего она становилась эластичной[14].

Большинство полностью сохранившихся грамот не длиннее 20 слов, но две самые длинные насчитывают 166 и 176 слов[15]. Чтобы иметь представление о литературном стиле, эмоциональной емкости таких посланий, мы приводим содержание нескольких грамот. «Поклон от шижнян и от братиловичей господину Якову. Поезжай, господин, за своим хлебом, чтобы, господин, не гнил. А мы, господин, теперь погибли (разорены): хлеб померз, сеять, господин, нечего, и есть тоже нечего. Вы, господин, между собой никак не договоритесь, а мы между вами погибли», – говорится в грамоте №361 XIV века[16]. Это, конечно, в переводе на современный язык, но как звучит то здорово! А вот в грамоте № 752 XI века, скорее всего, любовное послание: «[Я посылала] к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась, как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался



Фрагмент прорезного орнамента на бересте. XIV в. Из археологического отдела Новгородского государственного музея. Фото Е. Гордюшенкова

из-под [людских] глаз и пришел... Буде даже я тебя по своему разумению задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость»[17]. А вот один из редких образцов древнерусского юмора: «Яким стоя уснет, а рта и о камень не расшибет (т.е. не раскроет)», это надпись XI-XII века на стене новгородского Софийского собора[18].

Мы можем в какой-то мере разобраться, что изготовляли из бересты новгородцы с X по XV века и с XIX-го по настоящее время. Но остается большой период времени с XV по XIX век, экспонатов которого почти нет в музеях. Многочисленные пожары, которые охватывали российские деревянные поселения, возможно, главная тому причина. Каким было берестяное творчество в этот период, можно только догадываться. Известно, например, что в древнем Новгороде мастера еще не использовали сколотней (цельных берестяных цилиндров) для изготовления туесов, а в XIX веке все крестьянские туеса делались уже со сколотнями. Поэтому невозможно точно указать время, когда и кем впервые был применен сколотень для изготовления туесов. Так же трудно ответить на вопрос, куда девались хитроумные способы пришивания берестяных доньев к корпусам туесов, которые применялись в древнем Новгороде. Возможно, они исчезли за ненадобностью в тот период, когда был «изобретен» сколотень и оправданным стало применение деревянного дна, которое вколачивалось в хорошо распаренную нижнюю часть изделия. Пришивные донья сохранились у якутов и других народов, но швы подобного типа уже утрачены. За долгие годы развития берестяное творчество видоизменилось и стало более функциональным. Не поэтому ли способы крепления стали другими, более простыми и доступными для любого мастера? К тому же в новгородской деревне получили большее распространение плетеные виды изделий. Усложненные в изготовлении берестяные коробки из пластовой бересты с замысловатым украшением уже не могли отвечать запросам простой крестьянской жизни. Необходимы были изделия для повседневного использования.

Берестяное творчество на северо-западе России прошло в своем развитии те же стадии, что и остальные виды ремесел. Археолог Б.А. Колчин говорит о том, что бытовое народное искусство в начале XIV века уходит в деревню и сохраняется там вплоть до XX века[19]. Благодаря этому, возможно, основные техники обработки бересты, которые получили свое развитие в то далекое время, сохранились до нашего времени и с успехом используются современными мастерами.

В последние два столетия на новгородской земле крестьяне плели в основном способом «косого» плетения. Это можно видеть по коллекции новгородского музея, где изделия, выполненные в технике прямого плетения, составляют примерно три-пять процентов от общего количества изделий. Так же сравнительно редко изготовлялись и туеса. Если плетеных изделий в музее сотни и сотни, то туесков только несколько десятков. На территории настоящей Новгородской области за последние столетия не сложилось какого-то берестяного промысла. Деревенские мастера равномерно «распределялись» по территории области и делали приблизительно одно и то же, редко выделяясь из общего ряда. В этот период выплетались во множестве обувь, посуда, корзины, заплечные короба, изготовлялись пастушьи рожки. Но не было, например, берестяных плетеных кукол или каких-то женских украшений. Все было ровно, спокойно на этом вековом ремесленном поле.

Еще в наше время кое-где в деревнях можно увидеть, как носят женщины ступни, или берйщеники. Это обувь типа галош, для ношения по двору и на недалекие расстояния. Ступни обычно стояли у порога и, если надо было, например, пойти и подоить корову, то женщины использовали именно их. Иногда ступни одевали на покос или в лес за ягодами. Ступни были преимущественно женской обувью. «Без них не выйдут ни на двор к скоту, ни на сеновал, ни на жатву, ни в лес, ни в овин, словом, они почти каждый день и в каждом доме в употреблении»[20]. Ступни плели симметричные и несимметричные, то есть на левую и правую ноги. Ступни обязательно заплетались с носка, и можно насчитать как минимум четыре разновидности этой обуви по способу заплетения передней части.

Берестяные лапти плелись гораздо реже по сравнению с лыковыми (из липы), но и они интересны по своему строению. Та часть берестяных лаптей, за которую привязывались оборы, делали все-таки из лыка.

Так же редко, как и берестяные лапти, плели сапоги. По свидетельству крестьян Мошенского района, берестяные сапожки делали для детей в этом районе еще после Второй Мировой войны. Во всяком случае, в новгородском музее их представлено несколько пар. Также в музее хранятся маленькие плетеные башмачки для ребенка.

Из посуды на первое место можно поставить многочисленные солонки и горлатки (плетеные бутылеобразные сосуды для хранения сыпучих продуктов). Солонки в основном плоские, с горловиной сбоку. Реже можно встретить квадратные в основе и круглые вытянутые в корпусе, похожие на бутылку. Изредка делались солонки и из пластовой бересты. Разнообразие горлаток поражает вооб-

ражение своими размерами и пропорциями. Встречаются до 80 сантиметров в высоту и широкие, с приземистым горлом. Крышки чаще плетеные, но делали и деревянные.

Большая редкость встретить в наше время пастуха, который умеет изготовить и использовать рожок. Это жалейкообразный музыкальный инструмент с деревянной игровой частью и раструбом, накрученным из длинной широкой берестяной ленты. Игровую часть в наших краях называли рогом, а раструб – трубой. Рог делался ранней весной из ольшиного или ивового прутика толщиной с палец. Срезался прутик длиной около 20 сантиметров, и с одной стороны, на расстоянии пяти-шести сантиметров, делался круговой надрез древесины. Углубление должно соответствовать диаметру предполагаемого отверстия. Это короткий конец раскалывали надвое. В расщелину вставляли край рубахи и обворачивали ее вокруг прутка, чтобы можно было крепко удерживать в одной руке, а второй, вращая пруток, выкрутить сердцевину. В полой трубке с одного конца вырезали язычок (трость, как у кларнета), сверху проделывали несколько отверстий (как правило, два-три, но встречались изредка и пять-семь). С противоположной стороны от язычка надкалывали трубку ножом, в щель вставляли конец берестяной ленты и наворачивали трубу. Лента шла стороной, прилегающей к дереву, наружу. Если длина ленты была недостаточной, ее делали из двух-трех кусков, пришивая один к другому нитками. Величина раструба играла важную роль в «настройке» инструмента: удлиняя или укорачивая ее, пастух мог добиться красочного перелива в звучании, что являлось определенным уровнем в овладении инструментом. Один инструмент мог служить пастуху до пяти лет. Если язычок подсыхал, его размачивали несколько минут в воде. На зиму раструб мог распускаться и на следующий сезон вновь накручиваться на трубу. Часто пастух знал только два наигрыша. Первый он играл во время выгона скота на двор, а второй – для зазывания коров из лесу домой. Животные привыкали к сигналам и повиновались пастуху беспрекословно.

Из детских игрушек можно назвать мячи и шаркунки (погремушки). Это плетеные квадратные изделия, и отличие их только в размерах. Иногда сделанный таким образом мяч оплетался тряпичными лентами для прочности. А к шаркункам часто приделывали деревянную ручку.

Корзины и заплечные короба также отличались своим разнообразием и размерами. В музее достаточно много лукошек и несколько сумок. Заплечные короба для сбора ягод и грибов делались с двумя плетеными или веревочными ремнями и носились, как рюкзак, на спине. Сумки, сделанные по образцу короба, имели один заплечный ремень. Сумки типа корзинки, но более плоские и с открытым верхом, имели две веревочные или лыковые ручки, как современные хозяйственные.

Также разнообразны по форме и лопаточники – футляры для деревянной «коснуй» лопатки, которая применялась для заточки кос. Лопатку делали из дуба. На ее рабочую плоскость наносили множество поперечных насечек острием ножа. Лопатка смачивалась водой и натиралась мелким белым песком[21]. Забиваясь в эти искусственные «поры», песок служил абразивным материалом. «Оные составляют существенную принадлежность каждого косца. Лишь только берет кто косу в руки, тотчас же привязывает и кошелек с лопаткой к бедру, берет собой остриху (сосуд с песком и водой) и отправляется на работу. Прокосив сажени три, косцы тотчас же и направляют острие лопаткой, натертой мокрым песком, и чем тупее коса, тем чаще делается это операция»[22].

Достаточно распространенным было использование широких плоских корзин с вывернутыми наружу краями как чаш, которые подставляли под ручной жернов для сбора продуктов помола. Обычно такими жерновами грубо мололи еду для домашних животных.

Интересны в своем исполнении из пластовой бересты табакерки. Это небольшие изделия, сделанные из нескольких слоев бересты. Все, кроме первой и последней лент, с вырезанными по бокам зубчиками. Все слои крепятся деревянными шпильками-гвоздями. Дно и крышка также деревянные. Интересно, что подобные изделия встречаются у многих народностей, которые занимаются берестяным творчеством.

Издавна длинной берестяной лентой оплетали глиняные горшки, чтобы предохранить их от разрушения. С этой же целью оплетали и двух-трехлитровые стеклянные бутыли, которые использовали для хранения масла, а позднее керосина.

Единичными экспонатами представлены шляпа и деревянная, оплетенная берестяной лентой, трость.

В особую группу можно поместить изделия, сплетенные нестандартно, несимметрично. Это и корзинки, и лукошки, и горлатки, и солонки. Их не так уж мало, таких изделий. Иногда кажется, что когда мастер плетет какую-то форму, то совсем не представляет, где и как надо завернуть очередной угол. Он, похоже, за ориентир берет только потребительскую функцию будущего изделия и совершенно не интересуется техникой плетения. В этом случае формула «цель оправдывает средства» очень подходит. Если крестьянин заплел угол не на том месте, то он никогда не станет переплетать, обязательно закончит работу и спрячет «лишние» концы. Изделие от этого лучше «играет». Такое нечаянное нарушение симметрии усиливает эффект его восприятия. Это явление похоже на эмоциональное восприятие примитивной народной живописи, где иногда совершенно не учитываются законы перспективы, отчего картина только выигрывает.

Еще 20 лет назад искусство плетения из бересты считалось в Новгородской области утраченным, и надежды на его возрождение были сомнительны. «Искусство плетения берестяных изделий просуществовало в Новгородской области до 50-х годов нашего столетия... Сейчас в Новгородской области это искусство можно считать ушедшим в прошлое, и остается только сожалеть о том, что оно еще не внедрилось в новой форме – производстве сувениров»[23].

Действительно, в то застойное предперестроечное время так и казалось. Авторы вышеприведенного отрывка, сотрудники новгородского музея, отмечают, что им удалось найти в новгородских деревнях только трех мастеров-берестянщиков. Безусловно, едва ли следует говорить о том, что в последние годы искусство это, как и другие крестьянские ремесла, активно развивалось, но и свидетельствовать о том, что оно полностью исчезло, тоже нет повода. Время от времени появлялись новые деревенские умельцы. Их не много, но достаточно, чтобы деревенские ремесла не угасли совсем.

За последнее десятилетие нам удалось найти в Новгородской области шесть мастеров-крестьян, работающих с берестой. Ни один из них не был профессиональным мастером, но за долгую жизнь каждый перепробовал много профессий, приобрел несколько специальностей. Берестяному творчеству обучались в детстве от дедов или других родственников. В течение жизни плетением занимались не регулярно, но больших промежутков в творчестве не было. Интересно, что способ заготовки, хранения бересты, работа с ней, а так же формы изделий не выходят за рамки общего русла развития берестяного творчества в крестьянской среде.

На примере старейшего мастера, Алексея Никифоровича Алексеева, как в зеркале можно увидеть тенденции развития данного ремесла в Новгородской области за последние десятилетия. Остальные мастера с небольшими вариациями делали приблизительно то же самое. Алексей Никифорович родился в 1914 году в деревне Маркове Новгородского района, где живет и сейчас. Начал плести с 12 лет. Учился у своего деда Егора Кондратьева, который в то время жил в деревне Иванково в четырех километрах от Маркова (деревня не сохранилась). Два других мастера – Петухов Иван Андреевич, 1906 года рождения, из села Уторгош Шимского района и Баршников Михаил Дмитриевич, 1927 года рождения, из деревни Кожевниково Демянского района, учились плести у своих родных дедов. Все трое всю жизнь прожили или в своих деревнях, или в соседних. Именно это обстоятельство в большей степени позволяет судить о преем-

ственности и сохранении локальной традиции.

Все творчество Алексея Никифоровича Алексеева может служить образцом крестьянского ремесла. Например, человеческое тело как мерило всех вещей: берестяные ленты, необходимые для плетения лукошка, Алексеев отмерял расстоянием от носка ноги до колена. Кроме ножа, костыга и щемялок (самодельных прищепок) в плетении ничего не использовал, не считая смазку берестяной ленты кусочком мыла с водой. При плетении непременно держал свободную в данный момент от плетения щемялку во рту, как и остальные мастера. Иван Андреевич Петухов, например, по поводу щемялки во рту во время плетения говорил следующее: «Чем положить щемялку на стол, так я в рот. Я быстрее и найду... И она уже никуда не девается». Круг плетеных изделий у Алексея Никифоровича невелик и ограничен строго функциональными вещами, применимыми в хозяйстве. Это прежде всего корзинки (кузовки), лукошки, ступни, лапти, заплечные короба и горлатки. Но плел еще по заказам рыбаков и кошельки для червей. Добр и приветлив в характере. Когда много лет назад его показали в одной из программ по центральному телевидению и к нему хлынул поток желающих поучиться, он никому не отказал. А приехала целая сотня, и были люди даже из Сибири.

Иногда появлялись на этом поле «возмутители спокойствия» – особо талантливые мастера, которые выходили за рамки обыденного круга вещей и позволяли себе, возможно, на потеху публики или для удовлетворения своего творческого тщеславия, сплести что-нибудь из ряда вон выходящее. Именно таким мастером был Андриан Антипович Антипов (1876–1949), проживавший в деревни Смолино Любытинского района. Поражает круг плетеных изделий этого мастера: люлька, футляры для книг и очков, плащ, гроб. Интересный экспонат – деревянный чайник, оплетенный берестяной лентой. Похоже, этим чайником никогда не пользовались, но впечатление он производит сильное.

Действительно, 20-25 лет назад в городской среде только зрели мысли о широком возрождении традиционной культуры. Еще набирало силу фольклорное движение. О региональном компоненте в преподавании народного изобразительного искусства и ремесел ничего не было известно. Только отдельные талантливые люди на свой страх и риск ценой невероятных усилий затевали проекты всей жизни для того, чтобы обратить внимание общественности на стучащуюся в двери проблему. Таким человеком в нашей области можно с полным правом считать Владимира Ивановича Поветкина. Приехал он когда-то в Новгород словно с одной-единственной целью – создать в Новгороде нечто такое, чего нет нигде. Так появился в городе Центр музыкальных древностей – организация, подобной которой нет нигде в мире. В задачи ее входит изучение и реконструкция древнерусских музыкальных инструментов и, прежде всего, гуслей, найденных в археологических раскопках Новгорода.

Еще много-много лет назад, в начале своей карьеры, Владимир Иванович знакомился с различными ремеслами, постигая шаг за шагом премудрости народного мастерства. Владимиру Ивановичу важно было выяснить, как это делается. Так он освоил браное ткачество поясов, кузнечное дело, плетение из корня и бересты. И в каждом из этих ремесел добился успеха. Это было в то время, когда в Новгороде никто этим не занимался. Но постепенно, шаг за шагом, через цепочку людей, общавшихся с Поветкиным, навыки в ремесле распространились. Так первые сведения о берестяном творчестве попали и ко мне. Поэтому именно Поветкина мы можем считать в Новгороде первым вдохновителем мастеров, работающих в народной традиции, за последние два десятилетия.

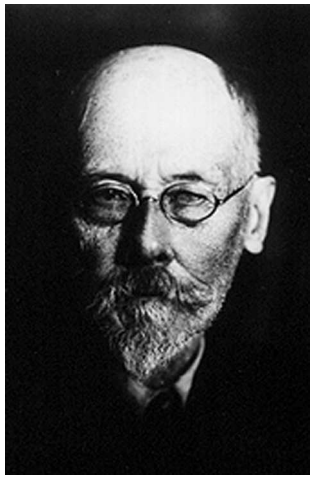
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Johann Hopstad / Never. Sveipte bokser of fat. Landbruksforlaget. 1990. P. 10.
[2] Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С. 7.
[3] Katarina Agren, Karin Lundholm / Ndverslцjd. ICA bokfцrlag VДSTERAS. 1981. P. 7.
[4] "Ottawa Quillwork on Birchbark" Harbor Springs Historical Commission. 1983. P. 16-17.
[5] Гроздова Н.Б. Занимательная дендрология. М., 1991. С. 65.
[6] Там же. С. 62, 64.
[7] Eva L. Butler and Wendell S. Hadlock. Uses Of Birch-Bark In The Northeast. The Robert Abbe Museum. Bar Harbor, Maine. 1957. P. 4-5.
[8] Там же. С. 4.
[9] Курбатов А.В. «К истории лаптя на Руси». Об одном историографическом мифе XVIII века на Руси//Тверской археологический сборник. 2000.
[10] Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. С. 77.
[11] Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С. 58.
[12] Зализняк А.А. Древне-новгородский диалект. М., 1995. С. 13.
[13] Там же. С. 14.
[14] В.Л. Янин. Я послал тебе бересту. М., 1975. С. 32.
[15] Зализняк А.А. Указ. соч. С. 17.
[16] Там же. С. 514.
[17] Там же. С. 229.
[18] Там же. С. 253.
[19] Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С. 61.
[20] Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. Бытовые берестяные изделия в коллекции Новгородского Государственного объединенного музея-заповедника // Памятники культуры. Новые открытия (ежегодник). Л., 1981. С. 425.
[21] Новгородский областной словарь/Под ред. В.П. Строговой. Новгород:. НовГУ, 1994. Выпуск 5. С. 42.
[22] Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. Указ. соч. С. 427.
[23] Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. Указ. соч. С. 430.

Инна ГРИГОРЬЕВА, Николай САЛОНИКОВ

В.В. МАЙКОВ – ХРАНИТЕЛЬ БИБЛИОТЕКИ НОВГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

В судьбе библиотеки Новгородской духовной семинарии (ныне трагически утраченной) особое место занимает фигура Владимира Владимировича Майкова (16.04.1863 – 21.02.1942). Он происходил из старинной дворянской семьи Майковых, известной богатыми культурными традициями. Среди предков Майкова – знаменитые писатели, деятели просвещения и науки. Частыми гостями в их доме были И.А. Гончаров, И.И. Панаев, В.Г. Бенедиктов, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, Ф.М. Достоевский и другие. Отец В.В. Майкова – Владимир Николаевич – издавал детский журнал «Подснежник». Родным дядей В.В. Майкова был русский поэт Аполлон Майков. С семилетнего возраста мальчик воспитывался другим братом отца – академиком Леонидом Николаевичем Майковым, пушкинистом и историком русской литературы.



Владимир Владимирович МАЙКОВ

После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по отделению классической филологии и заграничной стажировки В.В. Майков в 1886 г. был определен в Археографическую Комиссию, сотрудником которой оставался много лет. В 1894 г. он был приглашен в Общество Древней Письменности и Искусства: вначале на должность секретаря, а потом – редактора изданий Общества. С 1896 г. В.В. Майков приступил к работе в Императорской Публичной библиотеке, сотрудником которой он являлся вплоть до своей смерти блокадной зимой 1942 г. Археограф, палеограф, библиограф, он, начиная с 1900 г., работал в Рукописном отделе Императорской Публичной библиотеки, где занимался описанием как отдельных рукописей, так и целых коллекций, насчитывавших порой тысячи единиц хранения. Активный участник русских археологических съездов, В.В. Майков состоял членом Русского Археологического Общества, Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, почетным членом Археологического института, членом разных Архивных Комиссий. В 1925 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, продолжая активную археографическую работу. Основной областью его специализации была славяно-русская палеография; он исследовал и подготовил к печати многочисленные памятники русской истории и литературы XV–XVIII веков, включая писцовые книги Великого Новгорода. В.В. Майков занимался также педагогической деятельностью: преподавал археографию в Археологическом институте (с 1900 г.), на Высших женских курсах (1909–1913 гг.), в Твери (1908 г.), читал лекции по палеографии в Новгороде (сентябрь 1909 г.), возглавлял кафедру палеографии Археологического института (1918–1925 гг.) и т.д. Он осуществил грандиозную работу по научной регистрации библиотеки Новгородской духовной семинарии, поступившей в 1926 г. в Государственную Публичную библиотеку. Очевидно, эта работа продолжалась в течение пяти лет, с 1926-го по 1930 г., и ее итогом стало составление 4-5 инвентарных книг. Из них на сегодня известна только одна – за 1929-1930 гг., хранящаяся в ОР РНБ (Ф. 522. № 238).

В работе по описанию книг библиотеки Новгородской духовной семинарии В.В. Майков проявил чрезвычайную скрупулезность, сопроводив свой труд описанием гравюр, указанием имен граверов, владельческих записей, имевшихся на книгах разнообразных помет и т.п. Благодаря этому мы располагаем уникальной информацией об утраченных ныне изданиях одной из старейших и богатых российских библиотек. Некоторые книги привлекли его особое внимание. О них он делал доклады и писал статьи, одна из которых предлагается вниманию читателей.

Машинописный вариант статьи, озаглавленной «Заметка о трех изданиях голландского археолога Якова де Вильде (Материалы для истории русских библиотек)», хранится ныне в фонде В.В. Майкова (ОР РНБ. Ф. 455. № 42). Статья не датирована. Можно предположить, что она написана на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

Якоб де Вильде (1645-1721), богатый купец и знаменитый голландский собиратель древностей, был секретарем и казначеем Адмиралтейства в Амстердаме. Высокий официальный статус коллекционера, удобное расположение его дома, находившегося в центре Амстердама, в значительной мере определили славу коллекции де Вильде, которую он умел хорошо рекламировать. В Голландии, где интерес к античным истокам культуры страны был очень велик, коллекция де Вильде, размещавшаяся в его домашнем музее, играла в демонстрации старины центральную роль. Он приводил туда многих известных людей того времени: и соотечественников, и иностранцев. Якоб де Вильде увековечил свою коллекцию в трех соответствующих главным разделам музея подарочных изданиях (первое охватило греческие и римские монеты, второе – египетские древности и античную скульптуру, третье – геммы, резные камни), описаниям которых и посвятил свою статью В.В. Майков.

В статье, в частности, идет речь об одном из интереснейших изданий библиотеки Новгородской духовной семинарии, принадлежавшем ранее Феофану Прокоповичу (см.: ГАНО. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.). Это – «Selecta Numismata antiqua ex Musaeo Jacobi de Wilde. Amstelodami. Sumptibus Authoris. MDCLXXXXII» (Избранные древние монеты из музея Якоба де Вильде. Амстердам. Иждивением автора 1692). Первым владельцем книги был Прокофий Богданович Возницын. Принадлежавший к старинному русскому дворянскому роду Возницыных, имевших предками новгородцев, он был известным московским дипломатом, выполнявшим важные дипломатические поручения еще при царе Алексее Михайловиче. Книга была вручена Прокофию Возницыну автором, Якобом де Вильде, в Амстердаме во время посещения Голландии Великим посольством Петра I.

Как известно, первое заграничное путешествие Петра, в котором перед ним раскрылись различные стороны европейской культуры, сыграло решающую роль в развитии кругозора и интересов русского царя. Посольству показывали наиболее интересные достопримечательности. Одним из частных собраний различных редкостей, которые Петр посетил в Голландии, был музей Якоба де Вильде. Петр сделал запись в книге почетных посетителей: «Петр, бывый здесь ради некоторых предгредущих дел. 1697 месяца декабря в 13 по старому». Посещение музея Петром было, очевидно, связано с личностью его владельца и носило

деловой характер. Однако собрание заинтересовало русского царя, проявлявшего в дальнейшем интерес к нумизматике. Будучи в Голландии в 1716 г., Петр второй раз посетил музей Якоба де Вильде, который до этого, в 1703 г., поздравляя Петра со взятием Шлиссельбурга, послал ему только что вышедшую книгу о коллекции гемм своего музея.

Таким образом, библиотека Новгородской духовной семинарии располагала ценнейшим изданием, которое, являясь даром русским послам, стало свидетелем Великого посольства, в ходе которого происходил выбор цивилизационной парадигмы для новой России. К сожалению, пока это издание нами не найдено; возможно, оно погибло в результате пожара в одном из книгохранилищ Российской национальной библиотеки. Бывшие на нем владельческие записи и пометы, описанные и сохраненные В.В. Майковым для потомства, проливают дополнительный свет на историю Великого посольства и русско-голландских культурных связей в эпоху Петра I. Статья В.В. Майкова, предлагаемая вниманию читателей с нашими комментариями, представляет интерес для искусствоведов и историков русской и западноевропейской культуры XVII–XVIII веков.

Владимир МАЙКОВ

ЗАМЕТКА О ТРЕХ ИЗДАНИЯХ ГОЛЛАНДСКОГО АРХЕОЛОГА ЯКОВА ДЕ ВИЛЬДЕ

(Материалы для истории русских библиотек)

Среди книг библиотеки Новгородской духовной семинарии (в основу которой легла библиотека Феофана Прокоповича), поступивших в Публичную библиотеку в Ленинграде, имеется одно издание, обратившее на себя мое внимание находящимися в нем записями: на первом чистом листе находятся 2 записи: 1). «Книга Прокофья Возницына. Поднес в Амстердаме Дивилдя»; 2). «Типографская казенная»; на титульном же листе имеется третья запись: «Procopio Bogdanowits csar. may. magno et plenipotentiario legato cancellario magno et Bolgiae proregi memoriam sui commendat J. De Wilde. 1698. Amstelodami tertio mayi 1698» (Прокопию Богдановичу, великому и полномочному послу цар. вел., великому канцлеру и наместнику Болховскому, память о себе поручает Я. де Вильде. 1698. Амстердам. 3 мая 1698).

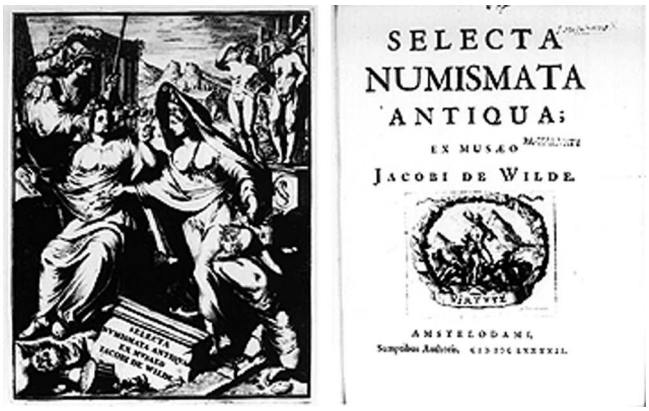
Издание это имеет следующее заглавие: «Selecta Numismata antiqua ex Musaeo Jacobi de Wilde. Amstelodami. Sumptibus Authoris. MDCLXXXXII» (Избранные древние монеты из музея Якова де Вильде. Амстердам. Иждивением автора 1692). (1)

В этих записях мы встречаем имена лиц, известных в истории. Первая запись, свидетельствующая о поднесении книги, связана с именем Прокофья Богдановича Возницына (может быть – его автограф). Возницын, служивший с 1667 г. по посольским делам, был третьим в списке великорусского посольства лицом после Лефорта и Ф.А. Головина, имел звание думного дьяка и титул наместника Болховского. В состав этого посольства входил и молодой Петр под именем десятника Петра Михайлова.

Упоминаний о Прокофии Возницыне после 1699 г. не встречается, вероятно, он вскоре и умер, а книга (может быть, и книги) была передана в библиотеку московского Печатного двора, чем и объясняется помета «типографская казенная», а из Печатного двора эта книга могла легко попасть и в руки Феофана Прокоповича.

Во время путешествия за границей Петр дольше всего пробыл в Голландии и, как везде, помимо дипломатической деятельности уделял много времени самообразованию и обозрению разных достопримечательностей. В бытность в Амстердаме Петр посетил и Якова де Вильде, который был известен как ученый археолог, обладавший замечательным музеем древностей. Посещение Петра относится к февралю 1698 г., (2) а днем поднесения автором своего труда было 3 мая 1698 г., то есть незадолго до отъезда Возницына. Вероятно, Вильде поднес свое издание не одному Возницыну, а и Петру.

О посещении Петра в статейном списке великого посольства сказано кратко: «...февруариа 6 – послы были в Амстердаме у секретаря адмиралтейского двора Девильда для смотрения разных старинных монет древних царей и королей». (3)



Фронтиспис и титульный лист издания «Selecta Numismata antiqua ex Musaeo Jacobi de Wilde. Amstelodami, 1692»

Это посещение Петра изображено дочерью владельца музея, Марией де Вильде, на гравюре, на которой видны: зал с библиотечными шкафами, в глубине его ниша, в ней поставлен шкафчик с ящичками для монет и гемм, а посреди зала за столом сидят Вильде и против него молодой Петр, причем внизу сиденья помещен двуглавый орел. На гравюре надпись: «Museum Wildianum. Maria de Wilde Aeri inscripsit» (Вильдевский музей. На меди гравировала Мария де Вильде). Эта гравюра помещена в другом труде Якова де Вильде, о котором речь будет ниже.

Рассматриваемое издание украшено гравюрой – фронтисписом, где на первом плане изображены четыре аллегорические фигуры, а на заднем – пейзаж (горы и развалины), две статуи –

Мария де Вильде. Гравюра, изображающая посещение музея Якоба де Вильде Петром I, в издании «Signa antiqua»

Аполлона и Геракла, кругом разбросаны урны с монетами и другие редкости. На титульном листе награвирована виньетка: в венке из дубовых листьев Геракл и трофеи его подвигов с девизом «Virtute» (доблестью).

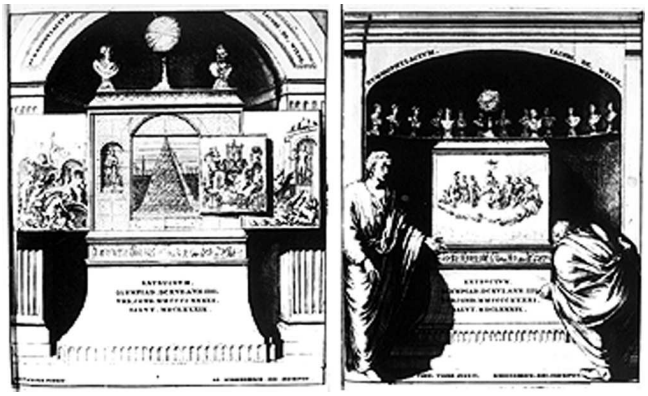
Далее, после обращения к читателю и двух стихотворений, посвященных Вильде, помещены четыре гравюры, изображающие нишу, в которой стоит шкаф; вверху ниши устроена полка, на полке размещен ряд бюстов, а на шкафу – глобус и еще два бюста; над нишей сделана надпись: «Nummophylacium Jacobi De Wilde» (Монетохранилище Якова де Вильде); по бокам шкафа две фигуры: одна из них – стоящая – указывает на шкаф, а другая – согнувшаяся – на надпись: «Extructum Olympiad. DCXVI. Ann. IIII urb. cond. MMCCCCXXXXI. Salut. MDCLXXXIX» (Построено в 616-ой Олимпиады, год 4-й, в год от основания Рима 2441, от года Спасения 1689).

Две вторые гравюры изображают шкаф с открытыми дверцами, а последняя – боковые стенки шкафа. Под ней подпись: «Nummophylacium Jacobi De Wilde. A lateribus conspiciendum». (Монетохранилище Якова де Вильде. Вид с боков). Надпись на гравюрах «Corn. Visser pinxit. Ad. Schoonebeeck aeri inscripsit» (Корн. Виссер рисовал, Ад. Шхонебек на меди гравировал).

После гравюр имеются карты Греции и Малой Азии, а затем таблицы монет, и к каждой таблице несколько листов объяснений, всего 25 таблиц.

На последней странице книги помещена концовка: венок из лавра и дуба, внутри ряд кругов, занумерованных буквами греческого алфавита a и i, монет-медалей и по бокам фигуры Аполлона и Геракла с опрокинутой чашей, из которой сыплются монеты.

Под всеми гравюрами (кроме таблиц с монетами) подпись Адриана Шхонебека, – лица также исторического, связанного с Петром, учителя Марии Вильде и самого Петра, как о том свидетельствует одна гравюра, хранящаяся в Амстердамском музее (снимок с нее имеется в Публичной библиотеке, см. отчет за 1860 г.).



А. Шхонебек. Две гравюры с изображением «Nummophylacium» (Монетохранилища)

Знакомство Шхонебека с Петром привело к тому, что этот гравер по его челобитью был принят на русскую службу и 10 октября 1698 г. явился в Оружейную палату; из его русских учеников наиболее известны граверы Алексей и Иван Зубовы. (4)

Таким образом рассмотренный экземпляр труда Вильде тесно связан с русскими деятелями того времени и тем заслуживает внимания.

Другой труд Вильде носит такое заглавие: «Signa antiqua e Museo Jacobi de Wilde veterum poetarum carminibus illustrata et per Mariam filiam aeri inscripta. Sumptibus Auctoris. Amstelaedami MDCC» (Древние статуи из музея Якова де Вильде, иллюстрированные стихами древних поэтов и гравированные на меди его дочерью. Иждивением автора. Амстердам. 1700), (5) и украшен следующими гравюрами. Фронтиспис: на пьедестале круглой формы сидит Аполлон-Солнце, опираясь левой рукой на лиру, а в правой держит статуэтку, на пьедестале повторен титул книги; по сторонам постамента: женская фигура, рисующая, против нее – Меркурий, держащий бюст Януса.

Фронтиспис и титульный лист издания «Signa antiqua e Museo Jacobi de Wilde... Amstelaedami, 1700»

Под гравюрой подписи нет, но можно предполагать, что она нарисована и исполнена Марией Вильде, изобразившей себя, то есть рисующая фигура – ее автопортрет (на существование такового есть указание у Вурцбаха, автора словаря голландских художников).

Титульный лист украшен такою же виньеткой, как и предшествующий, работы Шхонебека.

После обращения автора к spectatori (зрителю) помещен гравированный портрет Марии де Вильде работы Питера ван дер Берге: «P. v. d. Berge ad vivum del. et fecit» (П. в. д. Берге с натуры нарисов. и награвировал). Из сопоставления с ним портрета на фронтисписе видно, что это одно и то же лицо; Мария изображена в обстановке своей мастерской, где находится мольберт с нарисованной картиной; сама Мария держит рейсфедер, опираясь на книгу в переплете, на корешке видно: «Signa antiqua» (Древние статуи), в другой руке она держит лист с овалами. Под портретом латинские стихи D. Hoogstratanus'a.

После ряда стихотворений, посвященных художнице, помещена описанная выше гравюра, изображающая посещение музея Петром, а потом идут 60 таблиц с изображениями статуэток, причем 56 таблиц с подписью: «Maria de Wilde Aeri inscrip.» (Мария де Вильде на меди гравир.), а таблицы 57-60 без всякой подписи, нет под ними и стихов из разных древних авторов, которые имеются под 56 изображениями. Это, вероятно, не работа Шхонебека, потому что он в это время был в Москве (если не предположить, что

эти таблицы были исполнены заранее). Как будто эти таблицы и исполнены в другой манере.

К этому описанию надо еще прибавить, что в Публичной библиотеке есть одна брошюра, относящаяся к тому же музею Вильде, «Afbeeldinge van het Medalie-Kabinet van Jacob de Wilde Commys tot de Hoof de lyke Betaalinge ter Admiralitedt tot Amsterdam. MDCXCI» (Вид кабинета медалей, принадлежащего Якову де Вильде, чиновнику при расчетном дворе амстердамского адмиралтейства. 1691). В этой брошюре находятся те же четыре гравюры с изображением Nummophylacium (Монетохранилища) и несколько стихотворений, посвященных музею Якова Вильде (Kunst-Kabinet, Medalie-Kabinet, Mьnz-Kabinet). Эта брошюра связана, очевидно, с фактом устройства или открытия музея. Отмечу маленькую особенность: в годе издания допущена опечатка – между цифрами сотен и десятков вставлена цифра L, потом зачеркнутая.

Относительно судьбы музея Вильде почти ничего неизвестно; о каких-то распоряжениях Петра относительно Вильде есть намеки в письмах Петра (см.: Письма и бумаги Петра. Т. I. С. 34, 67); весьма возможно, что шли переговоры о покупке тех или других редкостей, и поэтому Яков Вильде мог поднести экземпляр своего труда членам Великого посольства с целью заинтересовать нужных лиц.

В 1721 г. Петром был послан в Европу Шумахер для приобретения редкостей, а в 1722 г. Шумахер представил отчет, в котором перечисляется целый ряд коллекций продающегося музея Вильде, причем указаны те три коллекции, которые были описаны и изданы их владельцем и о которых сказано мною. Вероятно, Вильде к этому времени умер, и чем кончилось дело – остается неизвестным. (6)

Третий труд Якова Вильде под заглавием: «Gemmae selectae antiquae e Museo Jacobi de Wilde sive L. Tabulae diis deabusque gentilium ornatae. Per possessorem conjecturis veterumque poetarum carminibus illustratae. Sumptibus Auctoris. Amstelaedami MDCCIII» (Избранные древние геммы из музея Якова де Вильде или пятьдесят таблиц, украшенных языческими богами и богинями. Иллюстрированные конъектурами владельца его и стихотворениями древних поэтов. Иждивением автора. Амстердам. 1703) попал в Публичную библиотеку из собрания Сухтелена. (7)

Как и в предыдущих изданиях, перед титульным листом имеется гравюра – фронтиспис с изображением сидящей Афины, опирающейся левой рукой на каменный постамент, на котором награвировано «Selectae gemmae antiquae e Museo Jacobi de Wilde» (Избранные древние геммы из музея Якова де Вильде); три амура подают Афине разные редкости, сзади ее стена разрушенного здания с барельефами, на заднем плане горный пейзаж и статуя

П. ван дер Берге. Портрет Марии де Вильде в 17-летнем возрасте в издании «Signa antiqua»

Фронтиспис и титульный лист издания «Gemmae selectae antiquae e Museo Jacobi de Wilde... Amstelaedami, 1703»

с атрибутами Меркурия, Аполлона, Юпитера, Посейдона и т.д., по полу разбросаны камеи, перстни, бюсты, статуэтки, мумия и т.п. Подпись «A. Schonebek fec.» (Работы А. Шхонебека). Титульный лист украшен той же виньеткой, что и предшествующие работы Вильде.

За этим следует лист с посвящением Карлу III, испанскому королю, и предисловие «Antiquitatis cultoribus» (Почитателям древностей). В предисловии Яков де Вильде перечисляет свои труды: «1). Ante annos aliquot Numismata selecta, 2). nuper Signa antiqua, in quibus delineandis tirocinium suum posuit filia mea Maria, и 3). Nunc vero meas Gemmas selectas in lucem publicam expono» (1). Несколько лет назад – Избранные монеты, 2). недавно – Древние статуи, при начертании которых начала свою бранную службу дочь моя Мария и 3). наконец теперь издаю в свет мои Избранные геммы).

После предисловия и стихотворных произведений, посвященных автору, помещен его портрет работы P. v. d. Berge (fecit aqua forte) П. в. д. Берге (сделал офорт); здесь, между прочим, изображено Nummophylacium (Монетохранилище), о котором было сказано выше, стихи in Nummophylacium и in Gazophylacium (монетохранилищу и кабинету редкостей) и вклеены два листа с выражением благодарности палатинского электора Иоанна Вильгельма 1706 и 1707 годов, и потом текст описания гемм. В конце книги, после индекса auctorum [авторов], помещено 50 таблиц со 188 изображениями гемм. На I-ой таблице подпись: Hadr. Schonebek fec. (Адр. Шхонебек сдел.), а на остальных подписей нет, но надо думать, что все остальные таблицы работы того же Шхонебека.

Обратившись за справками о голландских граверах и художниках к книге «Niederldndisches Kьnstler-Lexicon» (Словарь нидерландских художников) Альфреда фон Вурцбаха 1910 г., я нашел следующие сведения: Pieter'y van der Berghe принадлежит гравюра «Zar Peter Alexiewicz nach G. Kneller. 1698. F°» (Царь Петр Алексеевич по рис. Г. Кнеллера. 1698, в лист), причем у Ровинского в словаре гравированных портретов (8) указания на такую гравюру не имеется. Тому же граверу принадлежат портреты Марии Вильде: 1). 17 лет – овальный и 2). «dlter, von einem Bilde» (в более старшем возрасте – с картины) – этот последний, вероятно, соответствует гравюре, помещенной в издании «Signa antiqua» (Древние статуи).

Про Марию Вильде у Вурцбаха сказано: «Wilde, Maria. Tochter des Archdologen Jacob de Wilde. Sie radierte in 50 Bldttern die antiken Steine der Sammlung ihres Vaters Jacobi de Wilde gemmae antiquae Amstelodami. 1692. Spdtere Ausgaben 1700 u. 1703. Portraits: Von ihr selbst gedtzt Marian de Wilde Jacobi Filia. Amatrix artium» (Вильде, Мария. Дочь археолога Якова де Вильде. Она выгравировала на

пятидесяти листах древние камни из собрания ее отца Якова де Вильде «Древние геммы». Амстердам 1692. Более поздние издания 1700 и 1703. Портреты, травленные ею самой: Мария де Вильде, дочь Якова, любительница искусств). По-видимому, это не тот портрет, о котором сказано выше.

Что касается указываемого Вурцбахом заглавия, то из приведенного мною выше описания видно, что Вурцбах несколько спутал: Марии Вильде принадлежат таблицы в Signa 1700 г., а не в Gemmae 1703 г. Далее, эта книга была издана только раз, и никаких второго или третьего издания не было: было три разных издания с описанием разных коллекций – монет 1692 г., статуэток – 1700 г. и гемм – 1703 г.

Под изображением залы с Nummophylacium, как было выше указано, имеется подпись «Cornelius Visser pinxit» (Корнелий Виссер рисовал). У Вурцбаха показаны три Корнелия; из них два (1520-1586 гг. и 1629-1662 гг.) не могли быть авторами гравюры, как умершие ранее 1691 г., когда вышли эти гравюры в свет, и эта гравюра могла принадлежать только третьему Корнелию, о котором сказано: «Maler. Begraben zu Amsterdam 12 Aug. 1710» (Художник. Похоронен в Амстердаме 12 авг. 1710 г.). Сведений об его произведениях у Вурцбаха нет.

Что касается Адриана Шхонебека, то среди перечисляемых гравюр его работы за границей не содержится ни одной из указанных мною.

П. ван дер Берге. Портрет Якоба де Вильде в издании «Gemmae selectae»

У Ровинского в «Словаре русских граверов» (9), в перечислении заграничных работ Шхонебека, под № 18 сказано: «Заглавный лист к описанию музеума амстердамского антиквария Якова де Вильде «Signa antiqua e museo Jacobi de Wilde veterum poetarum carminibus illustrata. 1700», а также четыре листа с разными редкостями в эту же книгу, все пять за подписью Шхонебека. Прочие картинки этой книги деланы Шхонебеком и 17-летней дочерью владельца Музея Марией де Вильде, которая была ученицей Шхонебека. В числе этих картинок особенно замечателен лист, изображающий залу, в которой помещался музеум де Вильде: посреди за столом сидят де Вильде и сам царь Петр Алексеевич и рассматривают разные редкости».

Здесь не все верно: 1). Четыре листа с разными редкостями находятся не в Signa, а в Numismata. 2). Заглавный лист не имеет подписи Шхонебека, и есть предположение, что заглавный лист мог бы быть работы Марии Вильде. 3). Что же касается совместной работы Шхонебека и Марии, то это может быть только предположением, так как под всеми 56 таблицами имеется подпись Марии, кроме последних, о чем сказано выше.

Карты Греции и Малой Азии, виньетки на титульном листе и концовка в Numismata, фронтиспис там же и 50 таблиц с изображениями 188 гемм ни Вурцбаху, ни Ровинскому не были известны.

Указанные расхождения дают повод думать, что ни Вурцбах, ни Ровинский не видали ни одного издания Якова де Вильде, иначе они избежали бы этих неточностей.

Остается пожелать, чтобы для изучения гравюрного искусства уделялось гораздо более внимания книгам с фронтисписами и гравюрами в тексте, виньетками и концовками, чем это делалось до сих пор.

Публикация текста подготовлена И. Григорьевой и Н. Салониковым

КОММЕНТАРИИ

В тексте статьи сохранена русская транскрипция имени Якоба де Вильде.

1. При подготовке публикации нами использовалось идентичное издание, принадлежавшее графам Залуским, библиотека которых была привезена из Польши по приказу Екатерины II (шифр РНБ: 12.XII.5.24).
2. В этом месте В.В. Майков допускает ошибку: посещение Петром музея Якова де Вильде, запечатленное в гравюре Марии де Вильде, относится к декабрю 1697 г.
3. 6 февраля 1698 г. музей Якова де Вильде, в отсутствие Петра, посетили члены Великого посольства, среди которых, очевидно, находился Прокофий Богданович Возницын.
4. Адриан Шхонебек (1658–1705) – известный голландский гравер, связанный с учеными антикварскими кругами. Поробнее см.: Комелова Г.Н. Адриан Шхонебек и Алексей Зубов (голландский гравер и его русский ученик) // Пётр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1998. С. 231-242.
5. При подготовке публикации нами использовалось издание «Signa antiqua e Museo Jacobi de Wilde veterum poetarum carminibus illustrata et per Mariam filiam aeri inscripta. Sumptibus Auctoris. Amstelaedami MDCC» (шифр РНБ: 32.33.6.18), которое несколько отличается от описанного В.В. Майковым: в нем помещен другой портрет Марии де Вильде – в семнадцатилетнем возрасте, работы Питера ван дер Берге. Надпись над портретом гласит: «Maria de Wilde. Iac. Filia. Aetatis. Suae. XVII» (Мария де Вильде. Дочь Якова. В возрасте своих 17-ти лет). На этом портрете Мария изображена иначе, чем на портрете, описанном В.В. Майковым. Различия в отдельных экземплярах тиража одного и того же издания 1700 г. состоят лишь в том, что в них помещены разновременные портреты Марии де Вильде.
6. Коллекция Якова де Вильде – единственная коллекция XVII в., которая сохранилась, вероятно, практически полностью и поныне находится в Голландии. Примечательна судьба коллекции гемм де Вильде. Вскоре после смерти основателя музея его геммы появились на антикварном рынке, но покупателя на них не нашлось. Распродажа коллекции гемм состоялась только в 1741 г. Одним из коллекционеров, купивших геммы де Вильде, был Вильгельм IV Оранский. Со временем почти вся коллекция гемм де Вильде вновь воссоединилась в Королевском кабинете монет, медалей и резных камней, находящемся сейчас в Лейдене. (См.: Мааскант-Клейбринк М. «Гуманистические» геммы и собрания Якоба де Вильде // Пётр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1998. С. 186-187; Каган Ю.О. Резные камни Кабинета Шевалье и других голландских коллекций в Эрмитаже // Там же. С. 152).
7. При подготовке публикации нами использовалось издание, описанное В.В. Майковым и принадлежавшее известному русскому библиофилу, генералу графу П.К. Сухтелену (шифр РНБ: 12.1.7.1.).
8. См.: Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1-4. СПб., 1886-1889.
9. См.: Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов. XIV-XIX вв. Т. 1-2. СПб., 1895.

Геннадий КОВАЛЕНКО

ОТКРЫВАЯ ДАНИЮ

Рубеж XIX-XX веков был в России временем увлечения странами Северной Европы. Происходившие в них процессы индустриализации, демократизации, модернизации духовной и художественной жизни воспринимались как «прорыв в современность». В начале XX века восхищение Скандинавией достигло высшей точки. Россияне стремились заимствовать у скандинавов их достижения в области техники, лесоводства, сельского хозяйства, лечебной гимнастики, призрения бедных.

Возрождение интереса к странам Северной Европы, спустя столетие, на рубеже XX и XXI веков объясняется не только их географической близостью и развитием экономического сотрудничества и культурного обмена, но и тем, что для многих россиян, уставших от экономической и политической нестабильности, разгула преступности, коррупции, неэффективности системы социальной защиты, Скандинавия представляется землей обетованной и образцом для подражания. Поэтому в последние годы русские люди довольно интенсивно осваивают Скандинавские страны через туризм и эмиграцию, изучая их языки, историю и культуру. Лучше других освоены Швеция и Финляндия, в меньшей степени Норвегия, а вот Дания для многих россиян — это своего рода «terra incognita», хотя почти все они с детства в какой-то мере знакомы с этой страной через ее великого сказочника Ханса Кристиана Андерсена. Современные дети не только читают его сказки, но и с удовольствием играют датскими игрушками LEGO, по всей вероятности, не зная, что под этим названием, означавшим не что иное, как leg godt — играй хорошо, в 1934 году столяр Оле Кристиансен зарегистрировал предприятие по производству деревянных игрушек.

Многим россиянам известны имена астронома Тихо Браге, философа Серена Кьеркегора, физика Нильса Бора, драматурга Людвига Хольберга, хореографа Августа Бурнонвиля, скульптора Бертеля Торвальдсена, писателя Мартина Андерсена-Нексе, художника-карикатуриста Херлуфа Бидструпа. Пожалуй, этим и ограничиваются наши знания об этой маленькой северной стране.

Следует отметить, что до недавнего времени наши возможности заочного знакомства с Данией были довольно ограниченными в связи с тем, что литература о ней на русском языке была представлена, пожалуй, лишь вышедшей в 1959 году книгой Геннадия Фиша «Здравствуй, Дания!» И вот недавно наконец-то была издана двухтомная «История Дании» (М.: «Наука». 1996-1998). Ее подготовили Институт всеобщей истории и Центр истории и культуры Северной Европы Российской академии наук. Российские ученые, восполнив большой пробел в нашей скандинавистике, предложили широкому кругу читателей первое отечественное изложение истории Дании, основанное на широком круге литературы и источников. В числе авторов известные российские скандинависты Е.А. Мельникова, А.А. Сванидзе, В.Е. Возгрин, В.В. Рогинский, Ю.В. Кудрина, А.В. Карлсен, И.П-. Куприянова.

Объем двух томов составляет около 900 страниц. В них показаны становление родового общества и особенности развития Дании в средние века, установление абсолютизма и переход от традиционного общества к современному индустриально-аграрному, формирование социальной структуры и эволюция института монархии, становление демократической политической системы и создание модели «государства всеобщего благосостояния», рассказано о духовной жизни датчан, языке, литературе, музыке, изобразительном искусстве и архитектуре, науке, а также о северных островных территориях Датского королевства — Исландии, Фарерских островах и Гренландии.

Научно-справочный аппарат включает подробную библиографию, хронологическую и генеалогическую таблицы, таблицы итогов выборов в фолькетинг и референдумов, перечни монархов и глав правительств, именной и географический указатели.

Как считают авторы коллективного труда по истории Дании, легендарная история данов начинается именами легендарных королей Хроара и Хрольва. В эпоху викингов легендарная история начала дополняться и сменяться более надежными сведениями западноевропейских анналов и хроник и первых датских письменных памятников — рунических надписей. Из них мы узнаем о становлении единого государства и первом датском короле X века Горме Старом.

Сегодня одну из старейших королевских династий представляет королева Маргрете II. Она взошла на престол в 1972 году, нарушив 560-летнюю традицию наследования престола по мужской линии. Тогда число сторонников монархии в Дании составляло 42 процента. Теперь их число увеличилось на 30 процентов, а те, кто ратует за республиканскую форму правления, хотели бы видеть своим президентом Маргрете. Авторы коллективного труда отмечают, что «одна из отличительных черт современной Дании — сохранение конституционной монархии. В то время как в ряде стран она воспринималась как анахронизм, датская монархия смогла вписаться в контекст современности». Не последнюю роль в этом сыграли личные качества монарха. Датчане гордятся тем, что их королева удостоилась не только титула самого элегантного государственного деятеля, но и признана самым образованным в мире главой государства. В университетах Дании, Англии, Франции она изучала историю и археологию, юриспруденцию и экономику, политические науки. Она изве-

стна как художник-иллюстратор, дизайнер и переводчик художественной литературы, увлекается балетом и лыжным спортом. В свое время она проходила военную подготовку в авиации и имеет звание майора ВВС.

Современная Дания — это конституционная монархия. Все законы обсуждаются и принимаются парламентом, но вступают в силу лишь после их подписания королевой. Датской конституции 150 лет. Она была принята в 1849 году и уже тогда гарантировала датчанам возможность влиять на управление страной через участие в выборах, неприкосновенность личности и свободу слова. Эти права, гарантированные конституцией, датчане считают бесспорными и неотъемлемыми.

Современная Дания — это государство всеобщего благосостояния. Важным условием поддержания высокого уровня жизни является разветвленная, хотя и дорогостоящая, государственная сфера услуг. Авторы книги отмечают, что материальное благополучие датчан имеет свои парадоксы. Датчане традиционно ориентированы на социальную солидарность, своего рода коллективизм. Не случайно Данию иногда называют «последней страной реального социализма». Вместе с тем иностранные наблюдатели отмечают, что бытовой практицизм и рационализм датчан порой граничат с бездуховностью, а обустроенный быт и широкая сеть социальной поддержки не спасают датчан от стрессов, усталости, наркотиков и самоубийств.

С углублением европейской интеграции все чаще напоминает о себе проблема соотношения национального и интернационального. При этом в сознании датчан парадоксальным образом трансформируются устоявшиеся представления: консерваторы — традиционные приверженцы таких ценностей, как семья, монархия и родина, — теперь фактически призывают к отказу от национального суверенитета, а коммунисты — приверженцы интернационализма — выступают в защиту национального суверенитета.

«История Дании» демонстрирует российскому читателю актуальный пример мирного решения национально-территориального вопроса. В начале XX века, в связи с подъемом общедемократического движения в Европе и Скандинавских странах, в Исландии активизировалось национальное движение, направленное на предоставление острову независимости, и впервые был поставлен вопрос об отделении Исландии от Дании. Фредерик VIII избрал не силовой метод, а переговоры, и распорядился создать датско-исландскую парламентскую комиссию. Переговоры длились десять лет, и в 1918 году был подписан договор о признании Исландии суверенным государством, находящимся в унии с Данией. В 1943 году срок действия договора об унии истек, и в 1944 году была создана Исландская республика. «Мирное решение исландской проблемы, — по мнению авторов коллективного труда, — свидетельствовало, с одной стороны, о политической зрелости и гибкости исландской буржуазии, с другой — о традиционной приверженности народа к миру».

При освещении внешней политики особое место отводится многовековым отношениям Дании с Россией, включая династические связи. Специальный раздел посвящен изучению датской истории в России.

В этом отношении хорошим дополнением к «Истории Дании» является выпущенная на датском и русском языках великолепно иллюстрированная книга «Дания и Россия — 500 лет» (М.,1996). В ней освещены основные этапы развития датско-русских отношений от Копенгагенского трактата 1493 года до современности. Автор предисловия Хеннинг Готтлиб отметил, что, «хотя Россия и Дания ни разу не воевали непосредственно друг с другом, нельзя сказать, что-бы отношения между ними — как в государственном, так и в человеческом аспектах — были слишком тесными или развивались без сучка и задоринки». Действительно, связи России с Данией были не столь тесными, как со Швецией, зато более дружественными. В рецензии на эту книгу профессор А. Кан отметил, что различия между странами Северной Европы проявляются и в их отношении к России. Датско-русские отношения были не просто мирными, а дружественными: между ними было подписано семь союзных договоров.

В 15 очерках, написанных известными датскими славистами, раскрыты неизвестные, малоизвестные или забытые страницы политических, экономических и культурных связей между нашими странами. Книгу открывает очерк Михаэля Венге о Копенгагенском трактате 1493 года и русско-датских отношениях в XVI веке. Одни из эпизодов этих отношений связан с пребыванием в Москве датского адмирала Северина Норбю. Находившийся в изгнании Кристиан II послал его ко двору Василия III, пы-

таясь заручиться его поддержкой в борьбе за престол. Более полутора лет Норбю провел в России, его пространное письмо королю можно считать первым датским репортажем из Московии. Через 50 лет в России побывал датский дипломат Якоб Ульфельдт. Его дипломатическая миссия, подобно миссии Норбю, не удалась. Но его путевые заметки стали важнейшим источником сведений о России. В XVI веке завязался первый узелок в цепи датско-русских династических связей нового времени: принц Магнус Гарток женился на племяннице Ивана IV Марии Старицкой. Их свадьба состоялась в Новгороде в апреле 1573 года.

Очерк Михаэля Венге продолжает очерк Свена Оге Кристенсена о политических отношениях между Россией и Данией в XVII веке. В целом это столетие прошло под знаком упрочения и расширения русско-датского сотрудничества. Свидетельством тому были многочисленные, хотя и не увенчавшиеся успехом, попытки укрепления династических уз путем заключения браков: принца Ханса с Ксенией Годуновой (1602-1603), Михаила Федоровича с принцессой Доротеей Аугустой (1621), принца Вальдемара Кристиана с Ириной Михайловной (1644).

В XVII веке датчане начинают изучать русский язык (в 1618 году Кристиан IV послал в Москву Якова Петерсона для изучения русского языка), и устанавливаются первые контакты представителей русского духовенства с датскими протестантами (поп Иван Васильевич Шевелев-Наседка).

Были в истории датско-русских отношений и омрачавшие их эпизоды. Один из них касался территориального спора в Лапландии. Другой был связан с деятельностью датской Печорской компании, созданной с целью покупать меха непосредственно в местах их добычи, минуя русских посредников и таможню. Эта попытка вызвала протест с русской стороны и привела к обострению русско-датских отношений, особенно после того, как в 1623 году у Мурманского побережья появилась датская военная эскадра.

Наиболее интенсивным и в то же время драматическим периодом в истории отношений между Данией и Россией было XVIII столетие, которому посвящен очерк Ханса Баггера. Он отмечает, что к

концу столетия Балтийское море утратило свое значение как важнейшая сфера российских интересов, и отношения с Данией перестают играть ведущую роль во внешней политике России.

В XVIII веке резко увеличился объем русско-датской торговли, и Дания стала одним из ведущих импортеров российских товаров. О том, как торговля с Россией стала для Дании одной из предпосылок успеха ее европейской торговли, рассказано в очерке Микаэля Енсена.

В XVIII веке зарождаются датско-русские литературные связи. В 1730-40-х годах в Россию несколько раз приезжал датский дипломат, философ и теолог Педер фон Хавен. Свои путевые впечатления он изложил в выдержавших три издания путевых заметках «Путешествие по России». Предисловие к третьему изданию 1743 года написал известный датский писатель, историк и философ Людвиг Хольберг. Он подверг критике бытовавшее в Дании представление о России. Идеальным монархом ему представлялся Петр I, которого он возвеличил в своей публицистике. Хольберг стал первым датским писателем, снискавшим известность в России. Первым русским литературным произведением, переведенным на датский язык, была «Повесть о царевиче Февее» Екатерины II, которую в глазах датчан осеняла слава Петра. Во второй половине XVIII века россияне получили возможность познакомиться с датской историей. На русский язык с немецкого и французского были переведены сочинения по истории Дании Людвига Хольберга, Поля-Анри Малле, Жака Лакомба.

Можно сказать, что в это время появляются первые датские «русисты». Знатоком русского языка в Дании был Расмус Эребу, переведший на датский язык Соборное уложение 1649 года и снабдивший его своими комментариями.

Обо всем этом и других датско-русских контактах в области культуры в Век Просвещения идет речь в очерках, написанных Карлом Стифом, Ларсом Поульсеном-Хансеном и Нильсом Эриком Розенфельдтом.

Одним из наиболее интересных разделов книги является очерк Петера Ульфа Меллера «Какие они, русские?» Он интересен прежде всего тем, что посвящен совершенно неисследованной теме — русские и русская культура в датском менталитете. Автор очерка считает, что, несмотря на то, что с 1493 года степень осведомленности друг о друге многократно увеличилась, Россия по-прежнему остается для датчан незнакомой страной, и в лексиконе современного датчанина существует словосочетание «городок в России», обозначающее нечто неизвестное и непонятное, не имеющее к нему отношения.

О датско-русских политических и династических связях в XIX веке рассказано в очерках Фреде Енсена и Герды Петри. В последнее время в российской прессе появилось много материалов о датской принцессе Дагмаре, вышедшей замуж за Александра III и ставшей российской императрицей Марией Федоровной. Но мало кто знает, что вначале она была невестой его брата великого князя Николая Александровича, умершего вскоре после их помолвки в 1864 году. В связи с этим в 1865 году новгородцы преподнесли копию памятника «Тысячелетие России» в дар принцессе Дагмаре «как наглядное выражение своего сочувствия».

О связях датских предпринимателей с их партнерами в России рассказано в статье Бента Енсена. XIX век в истории датско-русских отношений был временем интенсивного экономического сотрудничества. Во второй половине столетия предприимчивые и жаждущие вырваться в широкий мир датчане все чаще приезжают в Россию. Среди них были предприниматели, инженеры, специалисты в области сельского хозяйства. На Новгородской земле на хуторе близ Великих Лук начинал свою деятельность Карл Андреас Кофод, который 50 лет прожил в России и внес большой вклад в российские сельскохозяйственные реформы. В вышедшей недавно на русском языке автобиографической книге «50 лет в России» Кофод приводит слова одного большевика: «Если бы Вам удалось продолжить свою работу еще лет на 8-10, то никакой революции не было бы». Роль К.А. Кофода в проведении столыпинской аграрной реформы показана в очерке С.П. Енсена и Ларса Поульсен-Хансена.

Отношения Дании с Советской Россией рассматриваются Эриком Нергордом и Куртом Якобсеном преимущественно через призму связей Коммунистической партии Дании с КПСС. Общий взгляд на советско-датские отношения дан в очерке Бента Енсена «Дания — Советский Союз: проблемы политики безопасности». По его мнению, отношения между нашими странами серьезно отравляла непримиримость господствующей в СССР идеологии, исключавшей нормальные, не говоря уже о доверительных, отношения с другими странами. «После того, как величайшая коммунистическая империя рухнула, впервые с 1917 г. возникли предпосылки для создания европейского дома».

Книга «Дания и Россия — 500 лет» является свидетельством успехов датской славистики, и, по всей вероятности, с интересом встречена российскими читателями. Во всяком случае на прилавках книжных магазинов она практически не встречается.

Хорошим дополнением к этим книгам является изданная Датским Институтом Культуры книга о современной Данин и датчанах «Открывая Данию» (1996). Датчанам не свойственно хвалиться своими достижениями. Они гордятся своей скромностью. Как сказала королева Маргрете, «скромность — это датская мания величия наоборот». Поэтому авторы книги не рекламируют Данию, а просто приглашают читателей совершить путешествие по своей стране, в ходе которого знакомят их с географией и политикой, сельском хозяйством и экологией, системами образования и социального обеспечения, культурой и культурной политикой, государственным строем и общественной жизнью.

В Дании проживает всего пять миллионов человек, однако это не мешает датчанам считать свою страну «скорее большой, чем маленькой». Неотъемлемой частью датского образа жизни является уважение к личности. Демократическая форма устройства датского общества характеризуется свободой, равенством, заботой о ближних и чувством ответственности. Датчане приветливы, непретенциозны, спокойны и ироничны. Им чужды ксенофобия, снобизм и слепое преклонение перед авторитетами. Они индивидуалисты, но объединены множеством союзов и общественных организаций. Они создали свое хорошо налаженное правовое общество и всячески оберегают его законы и порядки. В Дании практически нет коррупции, нет и сверхбюрократизированного, всепроникающего, гнетущего общества запретов. Датчане не терпят авторитарности и ни перед кем не сгибаются в поклоне.

Краткий обзор новейших изданий книг о Дании на русском языке позволяет утверждать, что теперь у россиян, пожалуй, впервые, появилась возможность открыть для себя Данию не только через эмиграцию и туризм. Изданные в последнее пятилетие книги российских и датских ученых помогут российским читателям понять своеобразие этой страны и оценить тот вклад, который датчане оставили в мировой истории, науке и культуре.

Марина ОКОЛОВИЧ

БЕСПЛАТНЫЕ РАССВЕТЫ

В январе 1999 года ходили мы в лыжный поход второй категории сложности по Любытинскому району. Было нас всего десять человек: семь девчат и трое ребят из турклуба «Берендеи»; руководитель Саша Кузнецов.

Обычный поход. Руководитель собрал группу, распределил обязанности; завхоз огласила раскладку, а участники (все вместе и каждый в отдельности) насмолили лыжи, собрали рюкзаки, и 23 января 1999 года около семи утра встретились на автовокзале.

До деревни Спасово, откуда начинался наш маршрут, мы добирались часов пять. Группа успела отоспаться и прийти в себя после суматошных сборов. Такие походы пока еще явление нередкое, но я к тому времени не «ходила» более трех лет и уже почти не мечтала; а тут все неожиданно получилось. И волновалась я, как обычный «чайник» (новичок). За стеклами автобуса летел снег, заметая ехидные напутствия провожающих по случаю оттепели: «На водных лыжах едете кататься? Ну, счастливо!..»

Кто-то очень хорошо сказал: туризм – это образ жизни. Действительно, можно придумать тысячу объяснений, зачем ты куда-то идешь в непогоду, ради чего добровольно отправляешься на мороз, но лучше, пожалуй, не скажешь. И, наверное, каждый идет еще и за чем-то своим, но вряд ли кто преследует при этом чисто спортивные цели. Есть такое немодное слово «романтика». Никто не знал и на этот раз, что нас ждет впереди, кроме маршрута похода: д. Спасово – оз. Городно – оз. Люшно – д. Одрино (нежилая) – д. Тополевка – д. Станино (нежилая) – д. Бол. Заборовье; 150 км, девять дней.

...Добравшись до Спасово, мы пешком прошли несколько километров («На лыжи встать всегда успеем!» – мудро рассудил руководитель, глядя на талый снег) и разбили лагерь на берегу озера. Наутро, хорошо отдохнув, по легкому морозцу мы тронулись в путь. Тело еще не болело от нагрузок, и мы весело катились по лыжне, уводящей нас прочь от цивилизации...

С наступлением сумерек мы подъехали к деревне Сафоново. Около десятка заснеженных домов молча взирали на нас. Мороз крепчал, и было принято решение переночевать в одном из открытых домов (несмотря на наши усилия, жителей мы не нашли и разрешения не сумели получить). Оставив в сенях снаряжение, вошли в горницу. На нас ничем жилым не пахнуло – дом замерз. Пока ребята пытались растопить настоящую русскую печь, мы аккуратно убрали битые стекла и с любопытством осмотрелись. Неведомым образом здесь уживались самые разнообразные вещи: кринки и чугунки, старинные фотографии, лоскутные одеяла, чудная кадка (бадейка?) на трех ножках, деревянная мебель XIX века и «Русская литература» 1958 года. Дом явно не был абсолютно заброшенным, и мы старались не нарушать его мирка. «Над седой равниной моря...» – декламировали мы по учебнику, плача и кашляя от едкого дыма...

Переночевав, мы нехотя распрощались с полюбившимся домиком. Старые лесные дороги, по которым мы пробирались, зачастую едва угадывались среди разросшихся кустов и деревьев. Но иногда, если в радиусе пяти-шести километров находилась жилая деревня, мы попадали на укатанную тракторами колею, – по-видимому, трактора здесь основное средство передвижения. Пару раз мы даже встречали эту важно урчащую технику. Идти по такой колее весьма неудобно: лыжи расползаются в разные стороны, а припорошенные снегом ледяные комки заставляют спотыкаться через каждый шаг. Но выбора не было. Все же по наезженной дороге мы быстрее приближались к озеру...

Озеро Городно, причудливо разрезанное мысами и островками, с огромными валунами и изогнутыми кривыми соснами, чем-то напоминает Карелию. Выехав на лед и щурясь под пронизывающим ветром, мы бесшумно скользили, пересекая ледяное безмолвие. Ветер закладывал уши и затыкал рот, и улегся только тогда, когда мы подъехали под деревеньку Домовичи. Местная бабушка в сером шерстяном платке вышла с ведрами к проруби. С интересом изучая нашу странную компанию, улыбаясь, она приветствовала нас с пожеланием доброго пути. На душе стало тепло, и мы бодрее пошли вперед...

Простившись с озером, мы выбрались наверх. Деревня Никандрово, раскинутая по высокому берегу, далеко не маленькая, но населена только наполовину. Оставив рюкзаки на развилке, мы свернули в сторону возвышающейся за деревней церкви. Когда мы обогнули развалины какой-то постройки, похожей на школу, перед нами, наконец, предстали останки некогда величественного храма с колокольней. Много позднее удалось узнать, что здесь раньше располагался монастырь; в этих же краях несколько веков назад жил известный старец... Но тогда, карабкаясь на холм, мы имели лишь смутное представление об этом месте.

Невеселое открылось нам зрелище. О том, что основание колокольни с самим храмом когда-то составляло единое целое, можно было догадаться только по характерным следам на стене. Подъехав ко входу несколько раньше других, я легла ничком и заглянула внутрь. То, что открылось моему взору, заставило про все забыть, и, быстро расстегнув тугие крепления, я вошла внутрь.

Уникальная роспись, по нашей приблизительной датировке – века девятнадцатого, покрывала стены и своды. Здесь необычайно красиво переплетались различные живописные приемы: имитация барельефов на стенах (по нашим догадкам, изображения ветхозаветных старцев) и частично сохранившаяся сочная роспись барабана, пастельная роспись сводов с ангельскими головками в Божественных лучах и контрастные узоры парусов. Все оконные проемы были накрепко забиты досками. Судя по чистоте, храм посещали: чьи-то заботливые руки тщательно украсили большой деревянный крест в алтаре – единственное, что составляло внутреннее убранство. Отсняв большую часть пленки, мы вернулись к покинутым рюкзакам.

Ночевали около озера Люшно. Мороз стоял жуткий. В таких условиях ясно начинаешь понимать и чувствовать, что движение – это жизнь.

...После озерного ветродуя лес завораживал тишиной. За отсутствием дороги мы продирались сквозь немыслимые дебри, поминутно застревая в плотно сплетенных кустах. Высоченные ели, надежно укрытые снегами, встречали нас, покачивая лапами. Иногда одна из таких поваленных великанш преграждала нам путь, заставляя терпеливо ее обходить. А между ними, словно грибы на полянках, рассыпались крохотные елочки в белых шапочках...

Дорогу нашли с трудом. Едва угадываемая, она убегала в лес и терялась среди деревьев. Тонкие молодые стволы арками склонялись над лыжней, образуя сказочную лесную анфиладу.

Очень хотелось... молока. И желание это казалось все более нелепым по мере того, как мы продвигались вперед. Столько заброшенных деревень с уцелевшими домами мне еще не приходилось видеть. В тот день мы шли от деревни к деревне, где ни лая собак, ни дымка, а только ветер-гуляка скрипит оторванной доской да наметает сугробы. С отчаянной надеждой на приют мы из последних сил шли к Галице...

Люди... Живые люди!.. И какое это счастье – с трескучего мороза попасть в протопленную избу и отогреть закоченевшее тело! Нет, что бы ни говорили, поход – великая вещь, позволяющая оценить по достоинству то, к чему мы привыкли в повседневной жизни: сухую одежду, горячую еду, тепло.

Приютила нас бабушка Лиза. Суараясь не вносить беспорядка, мы чинно разместились на диване и стульях. И пока дежурные готовили ужин, старенький черно-белый телевизор вещал нам о забытых мексиканских страстях. Комната выдавала хозяйку: чистенькая, аккуратная, с тюлевыми занавесками и цветами, она была наполнена жизнью. Бабушка Лиза, несмотря на возраст, бойко передвигалась, устраивая нас поудобнее. Она была рада незваным гостям, но соблюдала строгую деликатность: держалась в сторонке и, когда ее о чем-то спрашивали, охотно отвечала.

В этой огромной деревне домов пять жилых. Почему уезжают? Да все очень просто: работы нет, медпункта нет, магазина, и того нет – раз в неделю на большак, до которого только от Галицы идти километр, приезжает автолавка. И что молодым здесь делать? Вот год назад, рассказывала бабушка, у нее три лесоруба жили. Так соседка обзавидовалась: «Тебе хорошо, весело – вон сколько народу-то!..»

...Наутро мы собрались в путь. В этот день приезжала знаменитая автолавка, и мы увидели практически всех жителей: четыре старушки и два старика в телогрейках и валенках, вооружившись палками, медленно поднимались в гору. Приветливо улыбаясь, они наперебой объясняли нам, как лучше пройти к водопаду. «Сходите, сходите, – говорила нам накануне бабушка Лиза. – Уж я-то старая, а и то ходила!»

Прикшинский водопад – место известное в среде туристов. Обрывистые берега с гигантскими деревьями обрамляют журчащую между камней маленькую речку Прикшу; обрушиваясь с каменистого выступа, она создает естественный водопад, не замерзающий в лютую стужу и ледяной в самый жаркий день. Перед самым водопадом у нас кончилась цветная пленка. Пришлось задержаться, пока руководитель бегал наверх за черно-белой... И как здесь ходила бабушка? Невозможная крутизна!

Проехав несколько километров, мы свернули с трассы. Разобранная узкоколейная железная дорога радости доставляла мало. Дикая местность. Насвистывали какие-то невидимые птахи, взметнулась стайка перепелов. Воздух алел к закату.

Какое наслаждение – сухими от жажды губами сорвать с наклонившейся над лыжней ветки пламенеющую рябиновую кисть и, пытаясь войти в темп, чувствовать, как тают во рту горьковато-сладкие ягоды!..

Темнело. Дорога петляла, путалась и исчезла совсем. С последними лучами мы выехали к реке Ольхе. Вот и забрались в самое глухое местечко: в радиусе 10-15 километров населения не наблюдалось. Замерзшими руками девчонки разбирали шатер. Неожиданно с треском что-то рухнуло – ребята повалили сушину, разгоняя адреналин у нас в крови. Когда лагерь был разбит, а ужин съеден, настроение у всех заметно улучшилось. Мы стояли у костра и оживленно беседовали. Незаметно поднялась полноликая луна и осветила нашу поляну... Что это? Мы разом оглянулись. Все вокруг было залито мягким ровным светом. Замерли ели, таинственно и лукаво мерцая голубыми снежными одеяниями. Смеясь, мы попрыгали вниз на залив и остановились в удивлении. Под огромной луной расстилалось серебристое снежное покрывало, и редкие силуэты деревьев устремляли к ней свои руки. А позади нас, высоко, среди заснеженных елей ярко полыхал наш костер. Сказка «Двенадцать месяцев». И «мурашки» по коже.

Короткий ночлег и снова в путь...

Посмотришь в карту и подумаешь: однако, интересный здесь жил народ. И что подразумевалось под названиями Заблудящая Горка, Шагаева Горушка или Табачное Замостье?..

Из леса, да по трассе – и в Костино. Нас не хотели пускать на ночлег. Ребята долго обивали пороги, пока нам не указали на большой пустынный дом. Хозяйка его, глуховатая бабуля, жила одна. Как-то неуютно здесь было. Одетая в лохмотья старушка пугливо жалась от нашей компании. Два нахальных кота с деловым видом полноправных хозяев полностью нас игнорировали, демонстративно усаживаясь на телевизор, давно уже, видимо, служивший исключительно подставкой для них.

...Снега-то за ночь выпало! Чем дальше мы продвигались, тем труднее было прокладывать лыжню. Тело ныло, и постоянно хотелось есть; все с грустью вспоминали начало похода, когда оставленные от перекусов заначки выкидывали как лишний груз.

Теперь радовались любой карамельке или сухарику. Но, в общем-то, никто не унывал. И беря запланированный азимут через лес, все дружно понадеялись нарушить четкий график «ночь в шатре, ночь в доме», быстренько выйти к реке Мда, спуститься по ней и заночевать в деревне.

В деревне мы заночевали, но не в той, и не в доме.

Уже стемнело, а мы все еще спускались по оврагу от дерева к дереву. Падали на поворотах. «И никогда ты не увидишь реки М-мда-а...» – шутка дня. Но мы ее увидели. Правда, проезжая какую-то протоку, схватили «подлип». Ощущение при этом такое, что кто-то схватил тебя за ногу и держит. А ты изо всех сил пытаешься ее вырвать; и только потом замечаешь коварные мокрые пятна на лыжне. Вода сочилась из-под снега и быстро намерзала на деревянных лыжах, обрастая снежным комом до полуметра. На таких снегоступах далеко не уедешь. С горем пополам мы дошагали до развалин какой-то деревни. Разбили шатер около сруба, внутри которого устроили кухню. Крыша, частично провалившись, создавала прекрасную возможность для ухода дыма от костра и любования морозным небом со звездами и луной. Очень удобно...

– ...Народ, вставайте бегом! Здесь бесплатно рассвет показывают! – разбудил нас веселый крик. На улице вставало огненно-рыжее солнце, пронизывая все вокруг ослепительно-ярким светом. Бодро собравшись и отскоблив вчерашний «подлип», мы проехали еще шесть километров с препятствиями до Усадья. Из жителей в нем тоже никого не было. И, расположившись в одном из пустых домиков, мы устроили дневку с катаниями с горы. Лыжня от вершины до калитки длиной метров сто, но зато каких! Два холмика создавали естественные трамплины, из которых второй миновать было весьма затруднительно. И, взлетая на мгновение, мы падали в белую пену, погружаясь в переливающиеся снежные брызги. Долго все хохотали над очередной снегурочкой с заснеженными ресницами. А солнце светило так, что можно было загорать. Чем мы и занимались.

...Наступила ночь, а дом никак не хотел прогреваться. Я научилась спать сидя на стуле у печки, пока ребята топили баню. Представьте такую картину: темное зимнее небо, луна, звезды, деревушка, спускающаяся под гору, утопает в снегах; один-единственный домик с желтым светящимся окном под сиренево-голубой снежной массой и белым дымком из трубы, тающим в небе... Говорят, этой ночью температура воздуха была –40° по Цельсию; а я все думала: почему пятки к полу прилипают, когда мы прыгали из бани в сугроб?

...Последний ходовой день.

Никогда бы не подумала, что на Новгородчине можно увидеть такие пейзажи. Мы поднялись наверх. И, когда выехали на окраину очередной заброшенной деревушки, долина реки Мда открылась нам во всем величии: высокие пологие берега, густо покрытые лесами, раскинулись в полете под широким небом. И какой чудодей из местных жителей догадался построить баньку на пороге перед этой красотой?

В невероятных просторах резче выделялись острые каменистые возвышенности. Все чаще попадались вымершие деревни с черными остовами строений. Запомнилась одна из последних таких картин. Я прокладывала лыжню, проваливаясь в снег по колено, мимо пустых домов. Они стояли в молчаливой грусти, поблескивая стеклами окон. Распахнутые настежь двери, заметенные снегом, поскрипывали на ветру, ни следочка вокруг. Тихо. Жутко.

Ближе к вечеру мы выехали на равнину. И, случайно остановившись, заметили метрах в трех от дороги небольшой сарайчик. Заглянули внутрь. Напротив входа у противоположной стены стоял образ Николая Угодника. А вокруг вдоль стен – много-много полотенец. Мы с удивлением переглянулись: до ближайшего населенного пункта было километров шесть. А над постройкой на кривой сосне, в последних лучах заходящего солнца, стучал дятел...

Выехав из гигантского леса по накатанной дороге (о, этот скоростной спуск без возможности затормозить и с риском въехать куда-то не туда!), мы попали в Большое Заборовье. Часа три мерзли на старой остановке, пугая редких местных жителей своими забавами, пока нас не вывезли на КАМАЗе, накрыв шатром, в Любытино. Можно было бы закончить на этом, если бы не один маленький эпизод.

Автобус на Новгород шел только утром. И на ночь нас приютили в спортзале школы-интерната. Проснувшись, мы выбежали на улицу и обнаружили, что ночевали посреди курганов, с которых весело катались дети. Учительница физкультуры, зашедшая за каким-то инвентарем, имела неосторожность предложить нам... молоко. Такой бурной реакции она явно не ожидала, но и денег с нас не взяла. Когда отсутствующие на тот момент руководители вернулись с разведки, мы честно пододвинули им кружки. Долго нюхая и разглядывая содержимое, Оксана (жена руководителя) не решалась его попробовать. Набравшись смелости, она все же лизнула: «Молоко! Настоящее!!!»

Алевтина ЯКОВЛЕВА

КОЛОДЧИКИ-ЗДОРОВЧИКИ И ВАЛУНЫ-ИСЦЕЛИТЕЛИ

Поистине, есть что-то загадочно притягательное в этих местах... Иначе как объяснить, что, приехав в Новоселицы около сорока лет назад, ощущаю, будто рождена и крещена именно здесь, на этой земле. Как деревце, питаюсь соками ее, исцеляющими душу, дающими заряд жизненной и творческой энергии, неуемного стремления узнавать каждый раз что-то новое о своем древнем крае. И не иссякает это стремление, возникшее в юности, когда решила стать учителем истории, – не иссякает, как родничок. И, слава Богу, ученики поддерживают, радуют меня, проявляя интерес к краеведению.

Вот уже более двадцати лет мы со школьниками ходим в походы по Новоселицкой округе. И удивительно, что каждый подобный поход открывает нам что-то ранее неведомое, особенно, если наша цель – побывать на так называемых святых местах, – не только увидеть их, но и самой душой прикоснуться к особой их энергетике.

Известно, что существует множество водоемов, гор, могил «божьих угодников», загадочных камней с высеченными на них гравировками, святых колодцев, которые, по словам верующих, обладают чудодейственными свойствами, исцеляют от недугов. Вера в святые места берет начало в глубокой древности, когда люди одухотворяли воду, горы, деревья, веря, что в них живут всесильные духи, которые могут влиять на человеческую жизнь и судьбу.

С древних времен у славян складывался культ воды как стихии, играющей великую роль в жизни человека. На вышивках, орнаментах глиняной посуды и деревянной резьбы символические знаки воды были одними из самых распространенных. Славяне верили в особую магию воды, очищающей не только тело, но и душу. Они совершали священные обряды перед колодцами и родниками, где текла живая вода.

Сохранились святые колодцы и на территории некоторых храмов и монастырей. Есть они и в Новоселицкой округе: у деревень Плашкино, Жабицы, а также на территории разрушенного Иона-Отенского монастыря. И недаром зовут источники «святыми», – особая чудотворная сила в воде их. Все больше веришь в это, слушая рассказы местных жительниц.

С одной из них, Антониной Павловной Трофимовой, доброй улыбчивой старушкой, знакомы мы очень давно. Еще лет двадцать назад она согрела нас с ребятами, возвращавшихся в морозный день на лыжах из деревни Прилуки на Мсте, в своем уютном доме в деревне Плашкино, угостила румяными пирогами из русской печки. Однажды Антонина Павловна рассказала о святом колодце у своей деревни: «Я думаю, что Колодчику больше ста лет. Давно-давно часовенка там стояла, над Колодчиком-то. В Покров, наш праздник, батюшка приезжал из Рышева, служил у Колодчика. Молитвы мы читали, пели. В Рышеве была церковь Рождества Пресвятой Богородицы». И что за чудо была эта церковь из чистого дерева! Вспоминают местные жители, что в 70-е годы решили перевезти ее в музей деревянного зодчества «Витославлицы». Но однажды, во время сильной грозы, молния ударила в нее, и сгорела пятикупольная красавица. Кто-то усматривал в этом особый знак – может, не хотела она, церковь-то, чтобы увозили ее с места родного, намоленного.

Другая жительница деревни Плашкино, Галина Ильинична Сергеева, поведала нам историю, услышанную еще от ее бабушки: «Давно это было. Сон приснился барыне, чтобы колодец выкопала и часовню поставила. У нее ребенок болел, а вода и вылечила. Колодец был выкопан в часовенке, под столом. Колодчик Здоровчик освящен. Чистим его. Люди копейки кидают, а хулиганы достают, воду мутят... Помогает точно вода. У меня была сыпь. Шура позвала на Здоровчик. Я три раза ходила, обливалась водой. И как рукой сняло! Руки немели. Тоже помогла водица – я до пенсии доработала и теперь справляюсь в огороде и дома. Сестра умирать собралась. А мы сходили на Колодчик, и ей легче стало. Как прижмет, так и идем. На Покров ходим, свечки ставим, молитвы поем. Часовни-то до войны не стало. А Колодчик стоит на Здоровском ручье. Вот так. У Шуры Малиновой тетка ослепла, так ходили по колено в снегу за водой. Кака недуга, так и идем. Внук у меня болел, водила его. Теперь уж он в третьем классе. Ходим, ходим на Колодчик. И в монастыре был Колодчик, за Посадом».

Мы слушали, как завороженные, ощущая особую связь времен и поколений. И вот, в начале осени 1999 года, решили побывать у святого Колодчика.

Стоял славный сентябрьский денек. Солнце уже шло на закат, и разноцветные деревенские домики выглядели особо приветливыми. Когда мы зашли за деревню, от дороги отделилась узенькая тропиночка, почти затерявшаяся в траве, – словно не всем открывающаяся. Она и привела нас к заветному месту. Мы оказались на небольшом пригорке, который окружал, будто защищая от внешней суеты, дымчато-зеленый кустарник. Внизу тихо журчал Здоровский ручей, а перед нами, в зарослях папоротника, неожиданно возникли два Колодчика, которым люди дали общее название – Колодчик Здоровчик. Ребята застыли, словно в оцепенении. Кому-то вспомнился рассказ В. Шукшина «Мастер» о церкви в деревни Талица, которая, внезапно открываясь взгляду путника, рождала ощущение снизошедшего чуда.

Травы в этом месте особенно высокие и душистые. Кое-где они даже выше деревянных чехлов, когда-то давно надстроенных над Колодчиками. Рядом – крест. Кто и когда его поставил, никто не помнит. Но и сегодня он аккуратно покрашен белой краской – не

У валуна Щеглеца

забывают сюда дороги люди. На колодезных чехлах и деревянном столике – чашки.

Загляни в колодец – увидишь дно, так чиста вода. Говорят, днем в колодцах чудным образом отражаются звезды. Их, конечно, дети не видели, но в глубинке души своей каждый вдруг обрел искорки надежды и добра. Испив студеной родниковой водицы и присев на лавочку, подумали о сокровенном, о вечном. Помню, на какое-то время нас словно оставило ощущение реальности – овладело неземное состояние умиротворения, счастья. Хоть на мгновенье, но отошли заботы, тревоги, суета. Да, недаром назван ты, Колодчик, Здоровчиком – исцеляешь не только тело, но и душу подпитываешь.

Назад возвращались молча. Я лишь тихо напевала строчки из песни иеромонаха Романа: «...если ты болен, прикован к постели, – пусть тебе снится целебный родник.»

Вот уже более десяти лет ходим мы с учениками к другому святому колодцу – на Барановском ручье у деревни Жабицы. Рассказы о нем мы слышали от многих женщин. Последняя запись сделана со слов Надежды Яковлевны Чижовой, старосты трех деревень и смотрительницы часовни в деревне Жабицы, летом 1999 года. Встретились в ее уютном доме. Долго потом вспоминали прекрасные щи с крошевом из русской печки, картошку жареную с рыбой, ароматный чай. Она поведала нам такую историю: «Кем и когда вырыт Колодчик, неизвестно. Забыт он и не виден. Когда-то, еще до революции, видимо, стояла на высоком берегу Барановского ручья красивая деревянная церковь Тихвинской Божьей Матери. Это факт, – от церкви есть остатки фундамента. Видимо, и Колодчик тогда был устроен... А нашли его женщины из Жабиц после такого случая. Екатерине Назаровне Павловой приснился сон, будто пришла к ней женщина и сказала, где надо откопать Колодчик. Сразу-то она не пошла, а через некоторое время зять убил дочку Екатерины Назаровны. После смерти дочери ей снова снится тот же сон. Екатерина Назаровна рассказала сон Лукерье Антоновне. Взяли с собой бабу Лелю (Елену Ивановну Львову), лопату прихватили и пошли на Барановский ручей. Глядят, куст ракитовый стоит. Копнули, а он будто сам свалился на сторону, а под ним-то Колодчик и есть. Даже сруб сохранился. Собрались люди, расчистили колодец, принесли иконы, украсили полотенцами, крышу поставили. А потом комсорг залил колодец соляркой или керосином. Люди обратились в обком. Разрешили Колодчик вычистить. Вновь Колодчик привели в порядок. По престольным праздникам – в Покров и Тихвинскую – верующие идут крестным ходом, батюшка святит Колодчик и деревенские колодцы. А есть в деревне и заветный праздник – по завету: в Жабицах подыхал скот. Деревенские жители дали завет – молиться Пятнице Параскеве и служить молебны в каждом дворе, где есть скот. Так и делают до сих пор. Недавно деревянную кровлю над Колодчиком заменили каменной, в виде часовни. Все на месте: иконы, полотенца, ковш для питья и наливания воды в канистры и бутылки. Бабушка Таня из Жабиц прибирает там по мере надобности. В праздники свечи ставят перед иконами. Одно слово – святой Колодчик. Многие люди пользуются водой: и пить, и дом освятить, и двор окропить. Для лечения берут водицу. Кто-то и деньги кладет к иконам – на них свечи и покупаются. Тропинка к Колодчику всегда проложена – и зимой , и летом. Святое место!»

Прошли и мы по этой тропиночке к Колодчику. Зайдя под кровлю, помолились иконам, стоящим на деревянных подставках за колодезным срубом. Какие белоснежные, расшитые вручную крестом и отороченные изумительным кружевом полотенца украшают иконы! Какая душеспасительная благодать вокруг! Совершенно особенно чувствуешь себя, находясь под кровлею Колодчика. Кстати, когда старую деревянную кровлю дачники заменили кирпичной, местные жители боялись, что вода в колодце будет портиться. Слава Богу, сейчас она такая же чистая и вкусная, как и прежде.

До того, как в Жабицах построили свою часовню, бабушки ездили в церковь Спаса Преображения в Бронницу, чтобы к празднику зажечь свечки у Колодчика. Священник из Бронниц по-прежнему освящает в нем воду.

Помню, что с несколько иным настроением возвращались мы из похода к другому святому колодцу, что на территории разрушенного Иона-Отенского монастыря на реке Большая Вишера. Многое повидал на своем веку древний монастырь – в старину Харитонова Отня пустошь. После 1917 года он приходит в упадок, а в период Великой Отечественной войны здесь произошла трагедия. Монастырские постройки занимала «Голубая» испанская дивизия. Все попытки выбить ее оттуда заканчивались неудачей. Наше военное командование приняло решение уничтожить монастырь «Катюшами». Иона-Отенский монастырь был полностью разрушен, но решением новгородских властей причислен к объектам, представляющим историческую и художественную ценность.

Четыре километра от деревни Посад к монастырю мы прошли по заброшенной дороге. Нас встретили руины, поросшие густой травой, несколько старых яблонь, небольшой квадрат бывшего пруда, прекрасно сохранившаяся дорога на Новгород, Колодчик, который в народе почитается святым. Бродя по горам битого кирпича, мы натолкнулись на металлический крест, на котором висело расшитое полотенце, у подножия стояла лампада. Верующие не признали гибели святого места. В Ильинскую пятницу они приходят сюда зажечь лампаду, пропеть молитвы, попросить у небесных покровителей помощи и защиты, взять из Колодчика святой водицы.

Такую Веру никто не насаждает. Память о самом сокровенном передается из поколения в поколение. Она вечна. Но и ее надо поддерживать, как огонек лампадки маслом. Эти мысли и зовут нас в походы открывать новые тайны истории земли нашей. Но есть такие тайны, которые сегодня даже ученые-историки не могут полностью разгадать. Возьмем, к примеру, загадочные камни-следовики[1] , к одному из которых – валуну Щеглецу, что лежит близ деревни Мытно, – вот уже несколько лет подряд ходят новоселицкие школьники.

Известия о находках валунов в выбитыми на них следами птиц, зверей и человека, «отпечатками» рук и подков, крестами различных типов, углублениями в виде чаш, точек и других непонятных знаков давно удивляли историков и краеведов. Чаще всего на камнях встречались выбитые следы человеческих ног или антропоморфных существ. В одних случаях местные жители называли их «чертовыми следами», «следами дьявола», в других – «божьими ножками», «следами Христовыми», «стопами Богородицы». Считалось, что вода из «божьих следков» является целебной, помогает излечивать различные болезни. Кое-где этнографы и краеведы наблюдали обряды, во время которых местные жители приносили к таким валунам дары: лепешки, яйца, шерсть, деньги.

Камни со следами выявлены не только в России, но и за ее пределами, по всему миру.

Одни ученые придерживаются мнения, что они использовались в старину как знаки собственности на ту или иную территорию, другие, например, И.Д. Маланин[2] , считают, что не могли камни с выбитыми следами, распространенные чуть ли не по всему земному шару, везде играть первоначально роль пограничных или межевых знаков. Во многих случаях прослеживается связь изображений следов с каким-нибудь обожествленным мифическим или реальным пращуром.

На некоторых следовиках помимо стопы человека встречаются изображения, вероятно, представляющие собой мужские и женские символы плодородия, имеющие большое значение у древних народов.

---

[1] Название «следовики» предложил известный краевед С.Н. Ильин, который положил начало поискам и изучению валунов с гравировками на территории России.

[2] См.: Маланин И.Д. Следовики // Памятники отечества. 1989. № 1. С.130-134.

И.Д. Маланин делает вывод, что следовики – памятники глубокой старины, относящиеся к культу предков (во всяком случае, первоначально). Принося жертву камню с высеченной на нем стопой, люди просили у своего обожествленного предка удачной охоты, хорошего урожая, избавления от болезней.

Со следовиками связано много загадок. Ученые задаются вопросами: почему, например, в одних случаях высекались малые (детские) стопы, а в других – большие, чуть ли не гигантские следы? Почему высекались следы как пятипалые, так и беспалые, а то и в обуви? Почему на одних валунах выбивалась только правая стопа, а на других – левая?

Захватывающая загадка связана и с громадным валуном Щеглецом. Находится он примерно в четырех километрах от деревни Мытно, на самом берегу ручья Щеглец. Нас заинтересовало само значение слова «щеглец». Возможно, оно произошло от слова «щеглб» (шбглб, шеглб), одно из значений которого по словарю В.Даля – рыбья щека, щёчка; вообще, рыбьи скулы, жабры, а как лакомство, мясо на жабрах, щеках. Понятно, что камень получил имя по ручью, который впадает в речку Вишеру. Местные жители рассказали, что где-то недалеко от камня или от деревни в лесу был когда-то монастырь. И ни слова больше. Монахи ловили рыбу в речку Вишере. Это ясно. Но где же был сам монастырь, и какую роль играл тогда камень-следовик? Вот загадки! Так или иначе, валун Щеглец, получивший известность благодаря выполненным на нем таинственным гравировкам, старожилы деревни Мытно считают святым.

Добираться до него очень трудно. Впервые, лет десять назад, водил нас к камню местный житель тайной лесной дорожкой. Больше мы ни разу не ходили этим путем, боясь заблудиться, и не случайно: однажды на звуки наших голосов вышли из лесной чащобы горе-грибники, мужчина и женщина, целый день плутавшие по лесу в поисках хоть какой-нибудь тропинки, совершенно выбившиеся из сил.

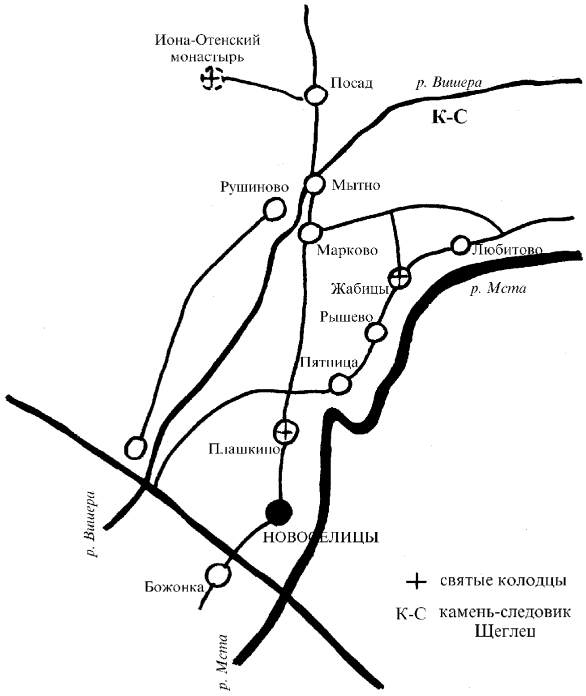
Мы идем к камню крутым обрывистым берегом реки Вишеры, продираясь сквозь частые высокие кустарники и преодолевая более 15 быстрых ручьев – они текут в Вишеру по оврагам, то и дело преграждая путь.

Казалось бы, что там – пройти какие-то четыре километра. Но это просто лишь на первый взгляд. Дорога готовит немало сюрпризов даже для бывалых следопытов: то неожиданно рухнешь в яму, обжегшись крапивой, то больно оцарапаешься о камни на берегу реки. Правда, осенью 1999 года набрали по пути столько белых грибов! Вот они, старички-боровички, на каких тайных тропиночках скрываются.

Идти по самому берегу очень сложно, так как постоянно рискуешь сорваться в реку, в овраг. Местами берег, достигающий в высоту десяти метров, водянистый, – вода сочится по всей его крутизне. Там, где берега сухие, они густо поросли кустарником, пробираться сквозь который нужно особенно осторожно, друг за другом, придерживая хлесткие колючие ветки.

Валун Щеглец лежит на самом берегу неширокого, но очень глубокого и быстрого ручья, метрах в двух от воды. На подступах к нему – сочная крапива и высоченный, кое-где с рост человека, папоротник. Гигантский камень с изумрудной шапкой мха на «темени» смотрится полноправным хозяином леса. Кстати, мы обратили внимание, что мох на нем пяти разных видов. Гравировками, в комплекс которых входят кисти рук, стопы ног и солярный (солнечный) знак, Щеглец обращен в сторону ручья. Ученые, которые осматривали редчайшие рисунки, сделали заключение о бесценности накаменных гравировок. Аналогий им в лесной полосе европейской части бывшего СССР не найдено. Еще несколько десятков лет назад кто-то невежественно отнесся к валуну, выделяя белой краской и новыми точками рисунки на нем. К сожалению, этот следовик из-за его огромных размеров невозможно транспортировать в музей и тем самым спасти от хулиганов.

НОВОСЕЛИЦКАЯ ОКРУГА: СВЯТЫЕ МЕСТА



Карта составлена без соблюдения масштаба

Количество туристов-школьников увеличивается, но вреда камню никто не принес. Дети осматривают рисунки, пробуют ладонями тепло, от него исходящее. Народ считает, что тепло исходит изнутри – не случайно на нем высечен солнечный круг.

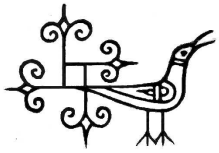
Местные жители рассказывают, что ходили к валуну лечить руки, ноги, зубы. Способ лечения простой: прислониться к нему больным местом, подержать несколько минут, пока не ощутишь идущее от него тепло. Повторить такое лечение надо три раза. Бабушки из деревни Мытно верят в чудодейственную целительную силу камня, считая его святым.

Обычно мы ходим к Щеглецу довольно-таки большой группой: человек 15 ребят от 10 до 18 лет и нас, взрослых, человека три. Несмотря на сложность похода, всегда находятся желающие сходить к камню, преодолев все трудности пути, – ведь нередко мы идем в поход с ночевкой, несем с собой палатки, рюкзаки с едой.

Помню, в 1998 году просился в поход со своим старшим братом мальчик Трофим восьми лет. Приехал он из Псковской области на каникулы к тете в Новоселицы. «Как же, – говорим, – ты пойдешь? Устанешь, будешь проситься назад. Ведь ночевать придется у костра...» «Нет, – отвечает, – не устану. Я уже большой!»

Ночь застала нас на полпути от Щеглеца до деревни Мытно, в лесу. Разбили четыре палатки на берегу речки Вишеры, развели костер. Ночь была теплая, словно бархатная. Как чудно пахнут в этот час лесные цветы! Светила луна, и рыба плескалась в воде. Несмотря на усталость, спать никто не хотел. Пели песни под нудное жужжание назойливых комаров. Трофим очень старался быть полезным: носил сухие веточки для костра, помогал чистить картошку, жарил ее. Спускался со взрослыми к реке за водой, держась за кусты.

Деревенька не видна. Она за оврагом. Оттуда лишь доносятся звуки – переговариваются несколько женщин, да мычат еще не загнанные в хлев коровы. И эти звуки говорят нам о том, что мы не одни на этой планете, прекрасной и полной нераскрытых тайн и такой до боли родной и любимой.



В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Василий БОГДАНОВ, ветеран Великой Отечественной войны.
Иван БРАТЫШЕНКО, архивист, краевед.
Владимир ВАРНАЕВ, старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника.
Лидия ГЛЫЗИНА, зав. отделом истории Кирилло-Белозерского музея-заповедника.
Инна ГРИГОРЬЕВА, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории НовГУ.
Татьяна ДАНЬКО, зав. отделом использования документов ГАНО.
Олег ДМИТРИЕВ, выпускник исторического факультета НовГУ.
Сергей ДМИТРИЕВСКИЙ, дипломат-невозвращенец.
Настя ЗАЙЦЕВА, ученица школы №1 им. Н.А. Некрасова, г. Чудово.
Иван ИВАНОВ, писатель, член Союза писателей России.
Геннадий ИГНАТЬЕВ, декан исторического факультета НовГУ.
Геннадий КОВАЛЕНКО, заведующий отделом истории Новгорода С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН.
Дмитрий КОНДРАТЬЕВ, член Союза художников России.
Наталья КУДРЯВЦЕВА, выпускница филологического факультета НовГУ.
Владимир МАЙКОВ, археограф, палеограф, библиограф (1863-1942 гг.)
Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ, реставратор.
Юрий МАРКИТАНОВ, коллекционер.
Юля МИНИЧЕВА, ученица школы №1 им. Н.А. Некрасова, г. Чудово.
Ирина НАЗАРОВА, преподаватель кафедры русского и иностранных языков ИМО НовГУ.
Марина ОКОЛОВИЧ, ведущий дизайнер кафедры ИЗИ и МП НовГУ.
Наталия ПУНЖИНА, редактор отдела альманаха «Чело».
Алексей ПШАНСКИЙ, член Союза театральных деятелей России, редактор отдела альманаха «Чело».
Николай САЛОНИКОВ, аспирант кафедры Всеобщей истории, ведущий библиограф НБ НовГУ.
Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник НГОМЗ.
Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Чело».
Настя СМИРНОВА, студентка НовГУ.
Людмила СОРОКА, руководитель Центра творческой интеллигенции НовГУ.
Александр ТОЛСТИКОВ, аспирант Института всеобщей истории РАН.
Владимир ТЮРИН, профессор НовГУ, заслуженный работник культуры России, член Союза писателей России.
Вениамин ШЕЙНКЕР, доктор наук, профессор кафедры зарубежной литературы НовГУ.
Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.
Алевтина ЯКОВЛЕВА, учитель истории, краевед.
Надежда ЯКОВЛЕВА, ведущий научный сотрудник Валдайского филиала Новгородского музея-заповедника.
Владимир ЯРЫШ, член Союза художников России, преподаватель фольклорных дисциплин Новгордской музыкальной школы русского фольклора.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева ул.), д. 6/64
Телефон: (816-22) 11-55-60.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Рег. номер 013934.
Подписано в печать 7.09.2000. Заказ №
Бумага 80 г/м². Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА
Художники: Владимир ПОВЕТКИН и Геннадий СЕНЕЧКО

Тираж отпечатан в ЗАО "Новгородский Технопарк". Телефон: (816 22) 27-683

Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,
ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Над номером работали:
Главный редактор – Тамара СИГАЛОВА
Редактор отдела – Алексей ПШАНСКИЙ
Инженер-программист – Ирина АЛЕКСАНДРОВА
Редактор-корректор – Наталия ПУНЖИНА